

Федеральное агентство по образованию
ГОУ ВПО «Пермский государственный университет»

Живая речь Пермского края в синхронии и диахронии

Материалы и исследования

Часть 2

Пермь 2007

УДК 81'286 (470.53)
ББК 81.2-67 (2 Рос-4 Пер)
Ж 66

Ж 66 **Живая** речь Пермского края в синхронии и диахронии: материалы и исследования /отв. ред. И.И. Русинова; Перм. ун-т. – Пермь, 2007. – Часть 2. –240 с.

ISBN 5-7944-0998-3

В сборнике опубликованы статьи и материалы пермских ученых, занимающихся исследованием живой речи региона как синхронном, так и в диахронном аспектах. В работах представлены результаты изучения диалектной речи, просторечия, речи местных СМИ, разговорной речи предшествующих эпох. Материалы сборника содержат образцы живой речи, а также лексикографические разработки и словарные статьи будущих пермских словарей.

Издание предназначено для широкого круга исследователей русского языка.

Печатается по решению редакционно-издательского совета Пермского государственного университета

Издание осуществлено при финансовой поддержке АВЦП «Развитие научного потенциала высшей школы» РНП.2.1.3.3440

Рецензенты:

Ю.А. Левицкий, профессор кафедры общего языкознания Пермского государственного педагогического университета,
кафедра русского языка Пермского государственного педагогического университета

УДК УДК 81'286 (470.53)
ББК ББК 81.2-67 (2 Рос-4 Пер)

ISBN 5-7944-0998-3

© ГОУ ВПО «Пермский государственный университет, 2007
© Коллектив авторов, 2007

Содержание

ДИАЛЕКТНАЯ РЕЧЬ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Подюков И.А. К проблеме описания лексико-фразеологического состава русских говоров Южного Прикамья

Зверева Ю.В., Русинова И.И. «Словарь чердынских говоров»

Грузберг Л.А. Словарь «Афористика Пермского края»

Мальшева В.А. Семантический синкретизм при функционировании определений, характеризующих человека (на материале одного носителя говора)

Русинова И.И., Богачева М.В. Русские говоры севера Пермского края

Русинова И.И., Богачева М.В., Курникова А.В. Материалы к хрестоматии «Русские говоры севера Пермского края»

Черных А.В. Терминология святочного ряжения в русских говорах Пермского Прикамья

Мишланов В.А. О некоторых особенностях синтаксиса живой речи Урала (на материале сказов Павла Бажова)

Грузберг Л.А. Пословицы и поговорки в диалектной речи

Богачева М.В. К вопросу об изучении фразеологии в живой народной речи (лексико-семантическая группа «Говорение»)

Сироткина Т.А. Этнонимы в пермских говорах

Бакланова И.И., Кудымова И.П. Словообразование отадъективных имен существительных (на материале пермских говоров)

Русинова И.И., Бакланова И.И. Сочетания *да чё да (да чё)*, *ли чё ли (ли чё)* и подобные им в пермской диалектной речи

Зверева Ю.В. Собирательные существительные, называющие детей, в пермских говорах

Рассанова Л.С., Русинова И.И. Образцы говора п. Керчевский Чердынского района Пермского края

Шкураток Ю.А. Мифологическая лексика в пермских говорах слова с корнем зна-)

Бушмелева Ю.С. Названия деревянных и плетеных изделий домашней утвари (на материале картотеки «Словаря чердынских говоров»)

Гайдамашко Р.В. Финно-угро-самодийские заимствования в системе охотничьей терминологии Северного Прикамья

Рассанова Л.С. Процессуальная лексика тематической группы «Болезнь» (на материале картотеки «Словаря чердынских говоров»)

Десяткова С.В. Фразеологические единицы тематической группы «Народные гадания» (на материале картотеки «Словаря чердынских говоров»)

Шмаков С.А. Слова с корнем *-бел-* в лексике и фразеологии пермских говоров

ДИАЛЕКТНАЯ РЕЧЬ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

К проблеме описания лексико-фразеологического состава русских говоров Южного Прикамья*

И.А. Подюков

Интерес к лексике и фразеологии русских говоров Прикамья (в том числе лексикографический) не спадает, что связано не только с недостаточной их изученностью, но и с новыми подходами в диалектологических разысканиях – в частности, с привнесением в них этнолингвистических аспектов. Южные районы Пермского Прикамья, к сожалению, мало изучались не только лингвистами и фольклористами, но и этнографами, тогда как языковая специфика региона вполне может быть рассмотрена как дополнение к картине его культурной самобытности.

Южное Прикамье занимает пограничное положение – между Европой и Азией, тайгой и степью. Одновременно это зона активных контактов многих народов – финно-угорских, тюркских и восточнославянских: русских, удмуртов, марийцев, коми-пермяков, древнего угорского населения, татар и башкир. Полиэтничность региона, тот факт, что он находится на стыке нескольких исторически сложившихся этнокультурных территорий (Северной Башкирии, Западного Приуралья, Северного Прикамья) существенно влияет на культурно-языковые особенности населяющего его русского населения.

Территория Южного Прикамья включает в себя районы Пермского края от г. Перми до границы с Республикой Башкортостан. Русское население появляется здесь в основном с конца XVI в., а заселение и освоение края продолжалось практически до начала XX вв. Составляющие Южное Прикамье Чайковский, Куединский, Еловский, Осинский, Бардымский, Уинский, Ординский, Чернушинский, Октябрьский, Суксунский, Кунгурский, Кишертский и Березовский районы характеризует достаточно благоприятные природно-климатические условия и соответственно развитое земледельческое хозяйство (ведение охоты и рыболовства, лесной промысел в крае менее значительны).

В освоении этой части Прикамья с самого начала интенсивного освоения (с нач. XVII в.) принимали участие представители севера Прикамья (Чердынь, Соликамск), выходцы с северо-запада России

* Статья выполнена при поддержке гранта Президента Российской Федерации по поддержке молодых ученых и ведущих научных школ («Культурно-языковое своеобразие русских Южного Прикамья», МК-4201.2007.6).

(Кайгородский, Сольвычегодский, Устюжский, Сарапульский и др. уезды), с Вятки, Вологоды, Сарапула, Балахны, Костромы*. Соответственно в местных говорах фиксируются слова не только севернорусские, но и средне- и даже южнорусские – типа *клуна* ‘помещение для хранения хлеба в снопах и зерне’ (Орда – по данным словаря В. Даля, южное и западное); *скутать* ‘загрести угли в печи’ (Чайк. – В. Даль отмечает как тамб.); *цепела* и *чипила* ‘небольшой ухват, прихватка для сковороды’ (сукс., кунг. – ср. калуж., смол. *чепела* ‘сковородник’, вероятно, в родстве с *цанля*). Любопытно саморазвитие слова *цепела* – в Еловском районе оно становится обозначением кочерги («*Чепела-то вон в том углу стоит, помешай в печке*» – Дуброво).

Словарь говоров любой территории так или иначе ориентирован на ее природно-географические особенности и историко-культурные традиции. В местной лексике отмечается особый рельеф (*провалина* ‘провалившееся место, углубление, явление карстового характера’ – Кунг., Сукс., *байрак* ‘круглой овраг’ – Ос., *яруга* ‘овраг’ – Кунг.); разнообразие растительного мира (напр., несколько названий для камышей – *старички* Чайк., *бархотка* и *макоушка* Сукс.). К названиям сугубо местных реалий можно отнести фразеологизм *гнилой угол* ‘юго-западная сторона Прикамья, откуда чаще приходят дожди и непогода’ (Куед., Ел., Чайк.); в Северном Прикамье этот фразеологизм ориентирован вовне Пермского края и обозначает запад, северо-запад в целом.

Местная речь хранит факты местной истории, на которой сказалась и история страны. Сочетание *Плакущие берёзы* обозначает бывший Сибирский тракт, дорогу через Урал и Екатеринбург в Сибирь («*Плакучи-те берёзы – тут ишо помнят, рассказывают, как каторжан раньше по тракту гоняли*» – Усановка Уинск.). Очевидно, неслучайно с темой дороги в Сибирь соотносится и распространенная в крае молодежная летняя игра с названием *в Сибирь гонять* («*В Сибирь гоняли – встанут молодёжь парами, а один без пары идёт. Кого-нибудь чикнет и бежит, а кого чикнули, опять ловит его*» – Бедряж Чернуш.; в одном из вариантов этой игры пойманный выполняет желание того, что его поймал). Местные прозвища типа *оханский капустник* о жителе Оханска, *пиканник* о кунгуряках – также глухие свидетельства традиций прошлого (прозвище жителей Кунгура связывают с тем, что во время первого заселения края здесь был сильный голод, отчего пришельцам пришлось питаться полевыми растениями).

* Преображенский А.А. Очерки колонизации Западного Урала в XVII - н. XVIII вв. М., 1956. С. 87.

Своеобразием южных говоров является сохранение усвоенных ранее иноязычных слов из языков соседних народов. В крае отмечается определенное количество финноугорских заимствований – типа *колька* ‘яичная скорлупа’ (Ел. – из коми-пермяцкого сев. *кольк* ‘яйцо’, *кыш* ‘шелуха’), *кысы* (Куед.) ‘охотничьи лыжи, подбитые шкурой’, *надым* ‘сугроб’ (Киш. – слово совпадает с названием города и реки Надым в Западной Сибири, этимология названия которых связана предположительно с ненецким названием ягеля). Любопытно освоение говорами слова *шомша* ‘потомок от родителей разных национальностей’ (Кунг.). В этом значении оно близко к коми-пермяцкому *шюма шюд* ‘кислый суп’, которое освоено русскими к Юрлы и обозначает пиканы с квасом (в других говорах Прикамья слово используется как характеристика в чем-то ущербных, недалёких, неразвитых людей – Добрянка). «Кулинарный» смысл слова связан с указанием на «примитивность» и самого блюда, и технологии приготовления (в Чердыни в прошлом так, кстати, называли кашу из нераздробленного цельного зерна, которую варили к Рождеству; обрядовая пища, как известно, есть своеобразный способ «восстановления» архаичного благодатного времени). Оценочность этого слова может дополнительно мотивироваться соотношением внутренней формы слова с звукоизобразительными словами типа *шамшитъ* ‘медленно ходить, нечисто говорить’ и существительным *шамша* (о шепелявом, медлительном).

Наибольшее количество заимствований в здешних говорах связано с тюркскими языками. Тематически это названия предметов обихода (*гамза* ‘кисет’, предп. из переосмысления старого названия кошелька для денег), посуды (*кашик* или *кавшик* ‘поварешка-шумовка’, *клуган*, или *кулган*, *курган* ‘глиняный сосуд, чаше с ручкой’), предметов хозяйственной деятельности (*баган* ‘шест, вокруг которого наматывается стог сена’. Ср. тат. *багана* ‘столб’), тканей (*бурметъ* ‘льняная ткань высокого качества’), одежды (*харпаль* ‘верхняя мужская одежда, типа бушлата’. Слово известно в рязанских, костромских, калужских и сибирских говорах), пищи (*солма* ‘лапша из кислого теста’. Ср. тат. *салма* ‘суп с клецками’, *щерба* и *шарба* ‘уха’). Как реакция на особенности образа жизни соседнего народа, в говорах возникает шутивное выражение *татарам на хмель* (о ни к чему не годном) – Част.; фразеологизм обыгрывает отсутствие в культуре татар разведения хмеля). Ряд слов отражает осознание кухни другого народа как «неправильной» (ср. название болтушки из муки *кумышна* – слово родственно слову *кумыс*, также образованному в тюркских языках, указанием на перемешивание, взбалтывание).

В говорах встречаются отдельные заимствованные названия животных и птиц (*куран* ‘индюк’ – Куед.), участков земли типа *бараба*

(обозначение неразработанного поля – Киш. и низменности у реки – Кунг.). Слово **Бараба** известно как название равнинной лесостепной местности в Западной Сибири, (по здешнему роду *Бараба*). Аpellятив в Прикамье нередко используется и как микропоним («*Раньше до речки до Кунгурки всё Бараба у нас звали, там дома были, колодцы, погреб, ямы*» – Троицк). Понятие ‘пасти домашний скот’ нередко передается глаголом **чабанить** (Уинск.; образованное от тюркского *чабан*, оно известно и в ряде южнорусских говоров).

Некоторые заимствования демонстрируют разброс в значениях. Так, слово **шабала** ‘соха’ (ср. старое вятское *шабала* ‘отвал плуга’) используется и для обозначения особой *ловыги* для пельменей, совка с длинной ручкой; для характеристики ветоши, лоскутьев (Черн.); именно в таком значении оно было известно рязанским и тамбовским говорам). Кроме того, слово имеет и экспрессивное осложнение – используется как оценка человека с громким голосом («*Да он такой шабала: как выпьет, так и шабалит*» – Верх-Рождество Част.; ср. также *шабалить* ‘кричать’). В других русских говорах оно также развивает значение и становится оценкой пустомели, праздношатающегося. Вероятно, причиной переосмысления стало само звучание слова, легко соотносящегося в русской речи с звукоизобразительными словами (ср. *шалы-балы* ‘разговор’).

Вообще же экспрессивизации подверглось большое количество заимствований: **сарайка** (о не в меру озорной) (из известного тюркским народам и чувашам имени *Сарай*), **хайдугла** (*захайдугла сибирская*) ‘крикунья’ (в основе экспрессива также тюркское личное имя *Хайдугла*), **бахмала** (о безвкусно, нелепо одетом). Тюркское личное имя *Бахмал* использовалось еще и как название одного из видов шелков. Слово **хабара** как оценка неуклюжего тоже является отономастическим – скорее всего, оно связано с устарелым, известным в прошлом и русским именем собственным *Хабар*. Обозначая в русском языке в основном барыш, наживу, удачу, слово **хабар** приобретает значение ‘забияка, драчун’ (Сукс.), ‘неуклюжий’ (Ос.), вероятно, по общей традиционной логике наделения негативными качествами представителя другой национальности. Аналогично название внебрачного ребенка **курамыш** (Кунг.) – из тюркского мужского личного имени (слово представляет «нагулянного» ребенка как инородца *Карамыш*). В той же архаичной логике «свое – позитивное, чужое – негативное» образуются слова типа **белька** (о глупом) (Киш.), **бельмеин** ‘бестолочь’ (Ел.), **сбельхивать** ‘говорить странные, сумасбродные вещи’ (Куед.) (как и слово *балбес*, из тюркск. *bilmäs* ‘он не будет знать’, *bilmäz* ‘несведущий’). Семантически своеобразно освоено говорами слово **чубарый** ‘грязный’ (Куед. – из тюрк. *şubar* ‘пятнистый’). Пожалуй, ближе к значению языка-источника

находится экспрессивное слово **вычубыриваться** ‘шеголять’ (Ел.) – за счет осмысления излишней пестроты нарядов.

Следующий обширный пласт специфичных в южных говорах слов – этнографизмы, названия пищи, предметов быта, деталей костюма и пр. Вместо сев. **спичка** ‘деревянный штырь, на который вешают верхнюю одежду, шапки, полотенца и т.д.’ здесь может использоваться слово **колка** (Ел.). Если слово **вареник** в северном Прикамье значит ‘блюдо из запеченного кисшего молока со сметаной’, то в южных так называется топленое в русской печи молоко (Ел.). Слово **шишига** в чердынских говорах характеризует лешего, здесь же оно приобретает значения ‘домовой’ и ‘колдунья’ (Киш., Сукс.). Кроме того, здесь отмечены специфические персонажи типа **бобовница** ‘огородный дух’ (Окт.), **лобаста** ‘русалка’ (Ел. – заимствовано из тюркских языков), **подовинная бабушка** ‘духовина’ (ср. черд. **подовинник**), **векшица** ‘оборотень’, **вещица** ‘колдунья, ведьма’. В Чернушинском районе зафиксировано использование слова **шайтан** в значении ‘леший’ (еще одно его значение – характеристика чрезвычайно сильного, рослого мужчины – Чернуш.).

Региональная специфика наглядно отражена в местной обрядовой лексике и фразеологии. Многие обрядовые термины здесь совпадают с северными (**светьё** ‘святки’), но немало и оригинальных. Таково местное название масленицы **маслены** (Ос.), которое выделяется использованием формы множественного числа (что задано, скорее всего, тем, что праздник отмечается несколько дней, ср. аналогично **святки**). Специфические термины отмечены в родинном обряде (**кашник** ‘праздник каша для новорожденного и роженицы’), в календарной традиции (названия ряженных на святки **глушки** – Кунг., **горбунец** – Окт., **снаряженец**, **снаряжунчик** – Чайк. Ел., **ряжончик** – Част., **срядчик** – Куед).

Свадебная традиция, в целом близкая к североприкамской, имеет на юге свою терминологию. Это название смотрин: **смотрь**, **взглядьшики** (Чайк.), **поглядки** (Окт.), название одного из главных символов свадьбы – деревца или куста, украшенного лентами, цветами, цветной бумагой – **дряво** (Чернуш., Част.); обычно устанавливается в центре свадебного стола, выкупается женихом. Слово **курник** обозначает это же понятие – ‘украшенное цветами растение, веночек из цветов, зеркало, с которым пляшет под песню девушка-невеста’ (Чайк., Чернуш.). Данные обрядовые реалии более типичны для поволжской свадебной традиции и практически не встречаются в Северном Прикамье.

Активность в крае старообрядчества обусловила существование в южных говорах особой старообрядческой лексики. Хорошо представленные и на пермском севере, старообрядческие говоры могут

быть охарактеризованы как отражение достаточно закрытой, а потому особенно показательной с точки зрения саморазвития традиции. На юге отмечен ряд местных названий согласий (*кильи* ‘старообрядцы, жившие в кельях’ – Чайк., *голбешники* ‘староверы, которые, по мнению православных, скрытно совершали свои обряды в подполье’ – Ел. Чайк.). Возможно, не без влияния культуры старообрядчества возникли слова *кукулёнок* ‘новорожденный’ (Чайк. – из названия особого типа монашеского головного убора), слово *бесстыд* ‘недоеденная пища’ (Чайк. – в связи с особо развитым в традиции культом хлеба, восприятием пищи как Божьего дара).

Колоритна местная фразеология и образная лексика – *на седьмом шоломе* ‘крайне далеко’ (из старого *шелом* гора), *изба* (о полной женщине) *страшень* (о некрасивом), *куроноска* (о курносом), выражение безразличия *вались Костромой*, оценка внебрачного *банная добыча*, поговорка *и комар, и муха* (о случайном сборище). Слово *завозня*, которое в пермских говорах обычно используется как название большой лодки, пристройки у мельницы, амбара, вообще подсобной постройки типа чулана, приобретает шутовское значение ‘часто рожающая женщина’ (Окт.). В говорах немало эвфемической лексики, обращенной к теме умирания (*сломиться*, *постелить постельку* ‘умереть’ – Чайк., Ел.). Немало в южных говорах и новообразований – *малина*, *полосатик*, *колорак* (о колорадском жуке) (Чайк., Част., Большесосн.), *пишунка* ‘авторучка’ (Чайк.), *резак* ‘хирург’ (Чайк.).

Любопытны семантические трансформации северных прикамских слов типа *подызбица* (в соликамских и чердынских говорах ‘низ, полуподвальное помещение в доме’, в южных ‘чердак’ – Сукс. Черн., Кунг., Ос.). Вероятно, в этом случае сказались изменения в осмыслении частей традиционного крестьянского жилища; пространство *под* избой на севере (в связи с необходимостью делать нижнюю клеть дома высокой из-за больших снегов), как и *над* отапливаемой, теплой его частью, также используется для хранения всего лишнего в хозяйстве (на юге эта часть ниже). Слово *долгуша* на юге чаще называет летнюю выездную повозку типа тарантаса (Бер., Киш., Сукс.: «*А на долгушах-то в гости ездили. Венчаться в церковь на долгушах ездили, весело было*»), а на севере особую грузовую телегу на деревянном ходу (здесь в прошлом чаще передвигались верхом и тарантасов не знали). То, как особенности и условия хозяйствования отразились на семантике слов, демонстрирует глагол *стряпать*. Если на севере Прикамья это слово чаще обозначает ведение хозяйства по дому, прежде всего, приготовление пищи, то в южных в основном обозначает ‘управляться, кормить скотину’ (Уинск. Куед. Бер.: «*Сначала на поле работала, потом стряпала на ферме*», ср. сев. «*На праздники пиво да брагу*

стряпали»). Впрочем, оно и здесь получает расширение и обозначает другие занятия – типа ‘вязать’ («Летом-то всё в поле работа, а вот зимой, осенью носки да кофты стряпали») – Брод. Бер.).

Наконец, говоры Южного Прикамья представляют большой материал для анализа процессов фонетического, грамматического, словообразовательного варьирования диалектного слова. В говорах отмечены фонетические (*вересь* ‘вереск’, *калябушка* ‘лепешка’, то же, что *алябушка*), словообразовательные (*паруха* – то же, что сев. *парунья* ‘курица-наседка’, *поспех* – то же что *успех* ‘энергия, сила’, *нашибать* ‘иметь сходство, походить’, ср. *пошибать*, *коша* – то же, что *кошева*), грамматические варианты (*выруб* вместо *вырубки*, ср. солик. *вырубок*). Особенно часты колебания в грамматическом роде, что отражает особое качество данной категории в говорах – *загнет* (Ел.) вместо общепермского *загнета* ‘угли в печи’, *дожжа* вместо *дождь*, *промёжка* то же, что *промёжек* ‘часть стога между двумя стожарами или сам стог’, *обратка* вместо *обрат* ‘оставшееся после обработки сепаратором молоко’, *куржавень* и *куржевинник* вместо куржавина ‘иной на деревьях’.

Материалы говоров Южного Прикамья наглядно демонстрируют процессы адаптации переселенцев в новых природно-климатических условиях, способность к саморазвитию диалектных средств, продуктивность словообразовательных и семантических моделей, тенденции в развитии грамматических свойств диалектного слова. Лексико-фразеологический состав этих говоров полно отражает особенности духовной культуры и местной обрядовой традиции. Поэтому их скорейшее и полное обследование, создание отдельного регионального словаря этнолингвистического типа становится насущной проблемой пермской диалектологии.

Иллюстрацией к планируемому «Словарю южных говоров Прикамья» может служить, в частности, материал, представляющий слова с общим корнем ГУЛ’. Практически все представленные в говорах юга Прикамья слова реализуют значение корня (в общем языке *гулёна* – тот, кто любит гулять, ходить для удовольствия, развлечения). Отличия от литературных образований касаются широкой суффиксальной аранжированности корня (ср. образование *гулёвна* с «пародированием» формы отчества). Отдельные образования получают обрядовую прикрепленность. Таково слово *гуляльный* – в сочетании *гуляльный день* о Троице, ср. также в других говорах – *Гульна заговень* о неделе после Троицы... («После Духова дня Гульна заговень, потом пост до Петровок» – Токари Оч.), *Гульно воскресенье* («После Троицы гульно воскресенье, круга водили молодежь, долги песни пели» – Переволока Б. Сосн.).

Выделяется из общего круга название картошки *гулёна* («*Гулёна нынче мелкая уродилась чтой-то*» – Крюково Ел.). В контексте указывается на то, что картошка уродилась мелкой (т.е. пойдя в рост, «загуляв», она не дала хороших плодов). Кроме того, название может быть связано с устойчивым в народной культуре соотношением тех или иных растений, идущих в пищу, пищи из них с проявлениями человеческой натуры (ср. *любовники* – грибы, *любовинка* грибной суп). Известно, что картофель в старообрядчестве воспринимался как греховная пища.

ГУЛЕВаН. Любовник. *Если не распишется, то зятем его считать не буду, только гулеваном твоим.* Андреево Киш. *Гулеван сейчас к тебе придет, красься давай скоря.* Ключи Сукс.

ГУЛЕВаНКА. 1. Любовница. *К тебе гулеванка приходила, видели.* Ключи Сукс. *У зятя гулеванка, он ей и дрова наготовит, и всё. Как только баба терпит.* Калинино Кунг. 2. Праздно и разгульно живущая женщина. *Есть у него жена, да гулеванка настоящая, всех мужиков на деревне перебрала.* Брод Бер. *Гулеванок-то у нас много.* Ключи Сукс.

ГУЛЕВаНО. Сущ. Кто изменяет в супружестве; любитель гулять. *О, он гулевано был, подружек много было у его. Я его сколь раз выгоняла.* Калинино Кунг.

ГУЛёВАЯ. О невесте – недевственнице. *Если утром, с ночи цветы жених на себя одел, вышел к людям, значит, негулевая невеста, а без цветов – то гулёвая.* Пермь-Серьга Кунг.

ГУЛёВНА. Шутл. Любительница много гулять, гулена. *Ну-ко, гулёвна моя, иди-ко сюды. Сколь ты опять проходила?* Суксун Сукс.

ГУЛёВЫЙ. Веселый, разгульный; праздный человек. *Гулёвые пели и, плясали хорошо.* Веслянка Кунг. *Я же не гулевая девка была, всё работала.* Веслянка Кунг.

ГУЛёНА. Картофель. *Гулёна нынче мелкая уродилась чтой-то.* Крюково Ел.

ГУЛьНИЦА. О гулящей женщине. *Господи, прости меня мои грехи, я грешница, я гульница, я душегубка. Все грехи на себя собираю, только, Господи, простил бы меня за мои грехи. А что самый большой грех - Бога проклинать.* Калинино Кунг.

ГУЛяЛьНЫЙ. Предназначенный для гуляний. *В Троицу березки ставят. Это веселый, гуляльный день. Отцы принесут березки, поставят, а мы украшали. Игрушки, ленточки, бумагу красили, цепочки делали и украшали вот так вот. Под окном ставили. И кружались, песни пели.* Калинино Кунг.

Словарь чердынских говоров*

И.И. Русинова, Ю.В. Зверева

На протяжении нескольких десятилетий ученые кафедры общего и славянского языкознания Пермского государственного университета собирают лексический материал для регионального диалектного словаря северных территорий Пермского края (Чердынского, Красновишерского, Соликамского и др. районов). На сегодняшний день существует огромная картотека, насчитывающая несколько тысяч карточек-цитат. Ежегодно она пополняется материалами новых диалектологических экспедиций.

Сбор материала для «Словаря чердынских говоров» идет давно, с начала 50-х годов XX века. Но он был временно прекращен в связи с обязательной работой всех членов кафедры над «Словарем говора д. Акчим Красновишерского района Пермской области». В отдельные годы преподаватели со студентами выезжали в экспедиции в населенные пункты Чердынского района, пополняя картотеку словаря. Целенаправленно работа над Чердынским словарем возобновилась в конце 80-х годов: в это время пополнялась картотека, проводилась работа над словарными статьями, студентами выполнялись курсовые исследования.

С конца 90-х годов производится активный сбор материалов для словаря. Ежегодно организуется и проводится по две и более диалектологических экспедиции в населенные пункты северных районов Пермского края (преимущественно в Чердынский район). Материалы, собранные во время экспедиционных выездов, показывают, с одной стороны, быстрое вымывание диалектной лексики из активного словаря носителей говоров, с другой – довольно хорошую ее сохранность в пассивном словаре. Применение различных вопросников и эффективных методик ведения опроса позволяют эту лексику выявить и зафиксировать.

Современные чердынские говоры сложились на основе севернорусских: архангельских, вологодских, вычегодских, устюжских, вятских и других, что во многом определило лексику чердынских говоров, а также их фонетические особенности. С давних пор славяне (в частности, новгородцы) соседствовали с финскими племенами. Историки и лингвисты, изучающие пути проникновения русских на Урал, говорят о древних путях движения новгородцев из Приморья, с

* Работа выполнена при финансовой поддержке гранта РГНФ № 06-04-82406 а/У, гранта РГНФ № 07-04-82409 а/У, АВЦП «Развитие научного потенциала высшей школы» РНП.2.1.3.3440

русского Севера через Вычегду на Урал [Чагин 1991; Полякова 1998], где русские встретились с финно-угорскими племенами (коми-зырянами, коми-пермяками, манси), а также с тюркоязычным населением.

Первопоселенцы из Поморья принесли с собой ряд заимствований. Так, например, слово *вад* ‘озеро’ (*Там и видать Селищанский вад – озеро такое, оно пораскинулось на десятки вёрст. Вокруг этого вада глазницы – застоявшаяся вода* [КСЧГ]) из коми *вад* ‘озеро, чаще лесное, непроточное озеро’ [КПРС, 52]. Слово могло попасть в пермские говоры из архангельских и вологодских, где *ва́дья* ‘небольшое бессточное озеро’ [СРГС, 2, 7].

Соседство русских поселенцев на территории Перми Великой с финно-угорскими племенами (коми-пермяками, манси) обусловило широкое проникновение заимствований из финно-угорских языков (*быглян* ‘игрушка, небольшой деревянный диск, который катали по полу’ из коми-пермяцкого *быглян* ‘шар, нечто круглое’ [КПРС, 48], *дзёлка* ‘маленькая овечка, детеныш овцы’ из коми-пермяцкого *дзель* ‘ягненок’ [КПРС, 119]), а также отдельные фонетические особенности, например произношение средневропейского *l* (*луна, зерькало*), замена звука *X* на *K* (*клеб, комяк*), иногда – неустойчивое произношение некоторых звуков в заимствованных словах (*бахилы, батилы, бакилы*).

Картотека Чердынского словаря сегодня достаточно многообразна, и с точки зрения словообразовательных вариантов, и с точки зрения семантики слов. В составе картотеки немало единиц, идущих из древнерусского языка или являющихся производными от древнего корня. Интересен достаточно большой круг слов с древним корнем *bas-, в которых в говорах Чердынской земли реализуется различная семантика: с одной стороны, значение ‘красота’ (*баса́* и большое количество производных слов), с другой – значение характеристики действия человека по его голосу (*баси́ть* – ‘говорить громко’; производные с этим значением единичны). Представляют интерес и такие слова, как *долить* ‘охватывать, овладевать, причиняя мучения, страдания (о болезни)’, связанное со словом *доля* ‘участь, судьба’, или *теть* ‘заготовка леса’, связанное с глаголом *тяти* ‘рубить, сечь, заготавливать лес’ [Даль, 4, 403].

Значительное количество слов в картотеке отражает суеверные представления жителей региона: *блзнить* ‘мерещиться, казаться’, *банник* ‘нечистая сила, обитающая в бане’, *барабаиска* ‘невидимое существо; хранитель, помогающий путнику в дороге’, *беси, биси* ‘по суеверным представлениям, нечистая сила, помощники колдуна’.

Перед учеными-создателями нового словаря встало несколько задач. Назовем наиболее важные из них. Во-первых, необходимо

определить тип словаря и, во-вторых, предмет лексикографирования (объем словника). Традиционный дифференциальный диалектный словарь включает в состав словника разные виды диалектных единиц (фонематические, лексические, семантические, словообразовательные диалектизмы), отражающие преимущественно быт и материальную культуру и те или иные стороны духовной культуры носителей диалекта. За рамками научного интереса остается лексика просторечная и обрядовая.

Языковая ситуация современной деревни такова, что диалекта как чистой формы национального языка, не взаимодействующей с другими макроидиомами (литературным языком, просторечием), не существует. А.С. Герд и Е.В. Ерофеева пишут, что в последние десятилетия рождается новая форма идиома – региолект, которая возникает при взаимодействии литературного языка, просторечия и местных говоров и постепенно вытесняет последние [Герд 2001; Ерофеева 2005]. Даже в речи старшего поколения малограмотных людей диалектные особенности носят нерегулярный характер.

В связи с изменением образа жизни в целом и исчезновением некоторых реалий деревенского быта обозначающая их диалектная лексика стремительно утрачивается или переходит в пассивный запас. Однако определенные слова продолжают функционировать в просторечии, поскольку называют актуальные явления жизни, для которых в литературном языке нет однословных соответствий. Поэтому составители «Словаря чердынских говоров» включают в состав словника просторечные лексические единицы и некоторые другие, находящиеся за пределами литературного языка, например окказиональные. Включен в состав Словаря большой пласт профессиональных единиц. Это лексика, обслуживающая ремесла, лексика охотников, рыболовов, сплавщиков. За пределами Словаря останется жаргонная лексика, бранные и сложносокращенные слова.

Несмотря на изменение уклада и образа современной деревенской жизни, до сих пор живы (больше, конечно, в памяти, чем в живом бытовании) многие элементы традиционной культуры. Как правило, составители диалектных словарей игнорируют обрядовую лексику или включают в состав словника отдельные единицы. Хотя обряд, как и ремесла, быт, производительный труд, является существенной частью деревенской жизни, а обрядовая лексика, составляя значительный пласт слов, встречается в речи носителей диалекта не только в обрядовых ситуациях. По этой причине мы считаем обрядовую лексику своим предметом лексикографирования. Авторы «Словаря чердынских говоров» не одиноки в своих воззрениях. Например, составители «Словаря русских говоров Коми-Пермяцкого округа» включили в словник «значительное количество так называемой «культурной»

лексики: обрядовой и специальной терминологии, затрагивающей свадебный, похоронный, календарный, магический обряды, лексики, отражающей традиционные верования и представления» [СРГКПО, 6].

И не только поэтому мы включаем «культурную» лексику в словарь Чердынского словаря. Ни для кого не секрет, что традиционная крестьянская культура (по многим причинам, прежде всего социальным) стремительно разрушается. Сегодня этнографы и другие исследователи этой культуры стараются максимально быстро и в максимальном объеме зафиксировать то, что *осталось*. Можно, конечно, пойти по пути составления специальных словарей обрядовой лексики [Славянские древности, 1995; Костромичева, 1998; Подюков и др. 2004]. Но чтобы составить несколько специальных словарей на базе картотеки «Словаря чердынских говоров», нужно время, много времени, которого у нас нет. Сегодня мы не имеем права писать региональные словари десятилетиями. За это время может исчезнуть сам материал. Примером такого подхода является «Словарь говора д. Акчим Красновишерского района Пермской области», который не дописан до сих пор. А деревни Акчим уже нет. Акчимский словарь сегодня словарь мемориальный, словарь-памятник одной деревни. Поэтому мы предлагаем другой путь – путь включения обрядовой лексики в состав регионального диалектного словаря, то есть максимального показа в нем того, что существует в диалекте на сегодняшний день (или существовало несколько десятилетий назад, поскольку картотеки диалектных словарей, как правило, формируются не один год, а десятки лет).

Мы предлагаем включить в Чердынский словарь, прежде всего, лексику основных традиционных обрядов: свадебного, родинно-крестильного, погребально-поминального, затем лексику народного календаря, названия народных гаданий (вернее, названия действий при гадании), народных игр, магическую лексику. Именно лексические единицы этих тематических групп наиболее полно представлены в картотеке.

«Словарь чердынских говоров» можно охарактеризовать как толковый словарь, материал в котором подается в алфавитном (или прямом) порядке. Словарь является дифференцированным, поскольку лексикографированию подвергается ограниченный пласт лексики (обиходная и обрядовая лексика) жителей определенной территории, в данном случае – населения бывшей территории Перми Великой. Любое отличие от литературного языка (исключая регулярные фонетические и грамматические – морфологические и синтаксические) является основанием для включения слова в Словарь.

Группу территориально ограниченных слов составляет собственно диалектная лексика. Прежде всего, это лексические диалектизмы, т.е.

слова, корни которых отсутствуют в литературном языке, а также диалектизмы фонетические и словообразовательные, т.е. имеющие общие корни и общее значение со словами литературного языка, но отличающиеся по фонетическому (фонематическому) или морфемному составу. Так, например, к первым относятся лексемы: *бочеляги* ‘о ногах или о руках человека’, *бульч* ‘пасмурная погода’, *вёдреть* ‘становиться ясным, солнечным, теплым, сухим, (о погоде)’, *лiста* ‘заболоченная, заливаемая во время половодья часть берега озера, реки’ и под. Во вторую группу входят: *вiхорь*, *внутри*, *леди́на*, *наза́д* (вихрь, внутри, льдина, назад) и т. п. Третью группу составляют слова типа *вза́дом*, *взды́хаться*, *взья́рiть*, *вixнуть*, *вобра́тно*, *выгáнивать*, *изобиходить*, *медве́жixa*, *насобира́ться*, *наприбывáть*, *пользiтельный*, *трубистый*, *широтá* (задом, задышаться, взьяриться, вывихнуть, обратно, выгонять, обиходить, медведица, собраться, прибыть, полезный, трубчатый, ширина) и др.

Количество слов, соотносимых с единицами литературного языка, в Словаре значительно. Большую группу составляют семантические диалектизмы, т.е. слова, отличающиеся от литературных по значению.

БЕГЛЯНКА. 1. *Женск. к БЕГЛЕЦ 1* – ‘*тот, кто много и допоздна гуляет*’. Беглянка – девка допоздна бегат (Покча, Черд.).

2. *Девушка, вышедшая замуж без благословения родителей*. Беглянка – без свадьбы (Базуево, Гайн.).

3. *Женищина, ушедшая от мужа*. Беглянка звали, если убежала от мужика, а его розжня (Покча, Черд.).

ОБИХОДНЫЙ. *Хозяйственный*. Бойкая хозяйка, хорошая, обиходная (Кикус, Черд.).

ЧУТКО. *Слышно*. Не видко, не чутко было, кто знал, чё егто будет (Черд.). Запоём, дак всё в Кедровке [соседней деревне] чутко (Макарово, Черд.).

Ряд единиц чердынских говоров отличается от общенародных широтой значения. Диалектное слово может обладать более широким или, наоборот, более узким значением, чем слово литературное. Например, наречие *вплоть* имеет в литературном языке значение ‘очень близко, рядом’ [БАС, 3, 10]. В Словаре у него более узкое значение – ‘так, что находящиеся рядом предметы или их части непосредственно примыкают друг к другу, касаются друг друга’ (*Двери закрывай вплоть; А ягодки на крушине, как на смородине, на ветке, только не кисточками, а вплоть растут*).

Многочисленны слова, имеющие отличия от литературных в лексической сочетаемости. Так, наречие *вовсе* имеет в литературном языке значение ‘совсем, совершенно’ и употребляется, во-первых, с глаголами при выражении полного отрицания («вовсе не хотел»), во-вторых, в сочетании со словами, выражающими качество, усиливая

отрицание, подчеркивая качество, противоположное отрицаемому («вовсе не просто») [БАС, 3, 210]. В исследуемых говорах это наречие может сочетаться с более широким кругом слов (*Вовсе в тени где-то сидишь; Не было вовсе заведения класть в брагу сахар*).

В состав Словаря включается лексика профессиональная, специальная, относящаяся к народным ремеслам. Нередко такие единицы являются историзмами – связаны с уходящими из быта реалиями, и поэтому они непонятны современным носителям литературного языка. Так, например, слово *бёрдо* ‘одна из составных частей ткацкого станка в виде гребня или рамы с вертикальными прорезями, через которые пропускаются нити основы’ [БАС, 1, 544], хотя и фиксируется без каких-либо помет, но нами включено в состав словника.

Оговорим *принципы подачи* слов в Чердынском словаре.

- Фонематические варианты лексемы показываются в одной словарной статье, словообразовательные же и морфологические – в самостоятельных статьях.

ВиХОРЬ, ВиХОР. *Вихрь, порывистое круговое движение ветра.* Вихорь – винтом земля идёт (Кикус, Черд.). Вихорь называют ветер, который песок поднимает (Пянтег, Черд.). Как его [колдуны] увезли дак, какой вихор, его увезли от дому-то, какой вихор поднялся дак (Кедровка, Черд.).

БАЛУН. *Склонный к шалостям, проказам (чаще по отношению к ребенку или детенышу животного).* Ну балун, разбаловался! (Пянтег, Черд.). Ну ты, балун, подвинься [лошади] (Пянтег, Черд.). Щас вот, говорит, такой балун, а потом что из него вырастет? (Бондог, Черд.). Ну, вот, например, играют кто, вот такие игроватые есть люди: «Ты балун», – говорит (Гашково, Черд.).

БАЛУНЧИК. *Уменьш.-ласк. к БАЛУН.* А она с котёнком играт, имат его, а он от неё бегат, а котёнок-то балунчик (Черд.).

БАЛУНЯ. *Женск. к БАЛУН.* Балунья девоцька-то (Черд.).

БАЛУХА = БАЛУН. Балуха? Балуеть, дак как не говорят? Ну и балуха ты, – скажут (Пянтег, Черд.).

- В отдельных словарных статьях подаются компаративы, аналогичные формам сравнительной степени прилагательных и наречий.

БАССЕЕ, БАССЯЕ. 1. *Сравнит. к БАСКОЙ 1.* Бассея меня нету никого, красивше, значит (Гашково, Черд.). [Этот треугольник на лестовке зачем?] Это для мудели, для мудели, для басы, для басы-то, чтоб басыя была, красившее (Усть-Ижма, Черд.).

2. *Сравнит. к БАСКИЙ 2.* Раньше бассее гулянки-то были (Черд.).

● Если слово имеет несколько значений, как литературных, так и диалектных, то в словарной статье подаются все значения данного слова.

Бить. 1. *С силой ударять чем-либо по чему-либо*. Не яро бей [соседке, которая стучит в окно] (Черд.). **♦БИТЬ НА ГВѢЗДИ**. *Прибивать гвоздями*. Пять положили на них, третью бьют на гвозди, приколачивают, в желобах крыли раньше, а нынче в гвозди зачали бить (Нюзим, Черд.).

2. *Ударом раскалывать на части*. В твoroжник бьют яичко (Купчик, Черд.).

3. *Наносить побои*. Бьёт, руки, ноги дёргат (Вильва, Солик.). На битье его бьёт, ребенка-та (Купчик, Черд.).

4. *Сколачивать*. Капусту сами солили, бочку бьют, парят горячей водой, потом капусту толкут, в бочку кладут (Черд.).

5. *Сооружать путем утрамбовки материала*. Опечек сделают, а потом бьют печь из глины (Редикор, Черд.). Ну как нанимали [людей] печь бить (Исток, Черд.). Вот русскую печь, её же не слаживали, её били из глины (Мутиха, Краснов.).

6. *Ударяя по сырью специальными орудиями, подвергать его обработке*. Шерсть бьют сперва на струне. Он [котовал] тренькает её. Эту тут всё перерезало, эту шерсть-ту мелко-мелко (Бондюг, Черд.). И вот эти кожу-то били там сколько время, не знаю, сколько время они тут билися (Могильниково, Черд.). **♦БИТЬ МаСЛО**. *Давить, выжимать из семян растительное масло*. Они просто делали конопляное, это семя, масло били. Они, по-моему, на конопляном масле вот стряпали. Ну я не помню уже, как они делали, как взбивалось это, не помню (Рябинино, Черд.).

7. *Стирать, выбивая грязь специальным орудием*. Она на рещке, роднике рубахи бьёт, половики стирает (Долды, Черд.).

8. *Производить выстрелы в какую-либо цель*. Стволы меньше метра. Чем длиннее ствол – есь такое поверье, – тем ружье бьёт метче (Пянтег, Черд.).

9. *Добывать (зверя, птицу), охотясь с огнестрельным или другим оружием*. Хищных зверей можно бить летом (Пянтег, Черд.). Я не только рыбак, я и охотник. В молодые годы бил белку, куницу, горностаю (Купчик, Черд.).

10. *Вытекать, течь стремительной струей*. Быстро бьёт вода (Дий, Черд.).

11. *Вить*. Для птицы устраивают гнезда – гнезда бьют, сама бьёт (Пянтег, Черд.).

12. *Ярко светить*. Да уйди оттуда: смотри, солнце в окошко-то бьёт (Пянтег, Черд.).

◇РОДИМЧИК БЬЁТ, ◇ХУДОБИЩА (ХУДОБИЩЕ) БЬЁТ. *О приступе эпилепсии.* Родимчик бьёт его (Камгорт, Черд.). В Диганах была девочка. Худобища её била. Она с кровати пала (Касиб, Солик.). Поросят как-то поехали продавать. Ящики-то поставили, так мужика худобища бить начала, язык-от кусал. Его за угол отвели. Он без памяти (Касиб, Солик.). У нас одна баба была росту большущего. Вот идёт, идёт, идёт – худобище-то бьёт, дак она где-то в лужу упадёт, где-то чё. Страшно шибко. Только земля дрожит, до того руками, ногами забьёт, так вся изогнётся, вся изорвётся! И умерла (Касиб, Солик.).

- Под знаком // в словарной статье подаются оттенки значения.

БУС. 1. *Мучная пыль.* Бус – мука мелкая на стенках остаётся (Рожево, Черд.). Раньше на мельницах посмотришь на стены, все стены в бусу, его мелкая пыль от муки (Пянтег, Черд.). // *Любая очень мелкая пыль.* Остается один бус, когда свинец горит, он как пепел (Покча, Черд.). Мы отплясывали, токо бус стоит, пыль столбом (Вильва, Солик.).

- Бесспорные омонимы, связанные с разным происхождением слов, выделяются в разные словарные статьи. В разные словарные статьи выделяются также слова с разошедшимися значениями и отсутствием их взаимной обусловленности.

ВЫВАЛИВАТЬ¹. 1. *Рубить (о лесе).* Жили они бедно, стали лес вываливать (Ред., Черд.). А лес корчёвали, вываливали (Пянтег, Черд.).

2. безл. *Выворачивать с корнем.* Буря, грозами лес валится. Лесу вываливало страшное дело! Много бурелому было! (Купчик, Черд.).

ВЫВАЛИВАТЬ². 1. = **ВЫКАТЫВАТЬ.** Вот посудины, хлеб вываливали, вот такие вот делали, как чашка, такие вот большие из этих же корней, и хлеб вот навалиют ковриги-те (Кирянова, Черд.).

- Под знаком ◇ (ромба) в словарной статье подаются: 1) фразеологизмы, ср.: **◇БУДЬ ТЫ К ЛЕШЕМУ; ◇БУДЬ ТЫ К ЧОМОРУ; ◇БУДЬ ТЫ ПРОНЯТ**, бран. *В различных ситуациях выражает чувства – от досады до сильного гнева.* Будь ты к лешему-то, уж ушла [соседка!] (Редикор, Черд.). Будь ты к чомору, девка какако! (Редикор, Черд.). Будь ты пронята, все неладно ему! (Заговоруха, Краснов.); 2) устойчивые сочетания, ср.: **◇БЫТЬ В КУЛЬТУРЕ.** *Быть модным.* Бурки, простеженные ватой, с галошами носили, оне ведь были в культуре, моде (Редикор, Черд.). **◇БЫТЬ В РАБОТЕ.** *Трудиться, работать.* С пяти лет в работе была (Камгорт, Черд.). И отдыхала, и всё было. Отдыхала, не всё в работе (М. Долды, Черд.). **◇БЫТЬ В РУКАХ.** *Находиться рядом, под руками.* Старик-от свой был в руках, а то бы не выехать мне (Мартино, Краснов.).

- Фразеологический оборот подается на все значимые слова, его составляющие, т.е. каждый фразеологический оборот помещается в словаре столько раз, сколько имеется в его составе членов-

компонентов, включая все лексические и видовые пары. Иллюстративный материал и толкование значения даются при этом только в одной словарной статье на главное слово фразеологизма или устойчивого выражения. Остальные словарные статьи снабжаются ссылочными пометами. Например: **БОК** ◊**БоКА** **НАВОРОЧАТЬ** см. **НАВОРОЧАТЬ**. ◊**НЕПАРНЫЕ БОКа**. *О вещи, сшитой из плохих кусков, остатков материи. У её шуба новая, шаль новая, валенки то же новые, собачину накинёт. А у меня шуба – непарные бока, валенки худушшие, шали не были* (Тагъяшер, Черд.).

• В словаре применяются следующие способы толкования значений слов:

а) Использование литературного синонима.

БЛОнды. *Кружева*. Кофты сделали с блондами, ну с кружевами, в сундуке ишо рукоделье моё есь (Редикор, Черд.);

б) Толкование с помощью нескольких литературных синонимов.

ВажЛИВЫЙ. *Вежливый, учтивый, приветливый*. Он какой-то тихонький, важливый (Зюлево, Гайн.);

в) Толкование значения в виде развернутого определения.

БОГОРоДИЦА. *Церковный праздник, отмечаемый в честь явления Казанской иконы Божьей Матери*. Икона большая, каки-ко праздники, все здесь: Петров день, Преподнесенье, Богородица (Камгорт, Черд.). Завтра будет Иванов день, потом Богородица через два дня (Бондюг, Черд.). Вот сейчас Иванов день в Муртах, потом вот Богородица сёдня в Жикино (Бондюг, Черд.).

ВАНдыШ. *Мелкая рыба семейства карповых, гольян*. В озере есть вандыш. Мяконькая синенькая рыбка, мы ее едим сырую (Бондюг, Черд.). В озере есть вандыш, махонькая синенькая рыбка, мы его едим сырую (Покча, Черд.). Мы вандышей зовём мескозобы, цебаки ещё зовут (Мартино, Краснов.). А вандыш зимой стоит на одном месте, весной-от начинает шевелиться. (Велгур, Краснов.). // *Мелкая рыба других пород, уклея, хариус*. Хариус не хищная рыба, как не хищная. Мы вандышами называем (Велгур, Краснов.). Вандыши – порода мелкая, с коронку не вырастат (Кикус, Черд.);

г) Смешанный способ – переводно-толковый.

БраЖНОЕ, в знач. сущ. *Мука из пророщенного овса для приготовления браги; солод*. Бражное замешают, круг ставится под сито, чтоб брага бежала (Илаб, Солик.). Кулагу-ту раньше делали в корчагах. Кулага – брага это. Из бражного делают (Илаб, Солик.).

• Если в чердынских говорах зафиксированы синонимы, толкуется только один из них. При остальных компонентах синонимического ряда применяется отсылочное толкование, которое вводится знаком = (равенства).

ВЫПЯТИТЬСЯ = *ВЫПУКНУТЬ*. Лопатка выпятилась, дак вот мажу [настойкой одуванчика], голову и чё и мажу (М. Долды, Черд.).

ВЫПУКНУТЬ. *Стать выпуклым*. Вырезается бревно с одной стороны, рубится впритык, чтобы не выпукнуло (Покча, Черд.).

В случае синонимии с многозначным словом в отсылочном толковании (через знак =) указывается порядковый номер соответствующего значения.

БОЛЬШЕХАЙЛЫЙ = *БОЛЬШЕРОТЫЙ* 2. Большое хайло. А большехайлый – это громко разговариват. Например, я большое хайло (Лёкмартово, Черд.).

БОЛЬШЕРОТЫЙ. 2. *Чрезмерно громко кричащий, разговаривающий, плачущий*. Вот большеротый-то как заговорит, так и оглушит сразу (Долды, Черд.). Опять наш большеротый-то проснулся, как проснётся, так и орёт без конца (Долды, Черд.).

● Наряду с полным толкованием в словаре принято и свернутое толкование. К числу свернутых толкований относятся «Сов. к...», «Женск. к...», «Ласк. к...», «Уменьш. к...».

ВЫВАРИВАТЬ. *Обрабатывать горячим паром (рассохиуюся или дурно пахнущую деревянную посуду: бочки, кадки и т.п.)*. Кадцы вываривают, корчаги, камень бросают в нее на истоплю. Он накалится – снесёшь в кадцу, положишь вересу (Ред., Черд.)

ВЫВАРИТЬ. 1. *Сов. к ВЫВАРИВАТЬ*. Выварят кадцы, распарят, вересу положат, чтобы не пахло (Ред., Черд.).

БАЮН, 2. *Рассказчик; разговорчивый человек*. Говорят баюн: он всё бает, говорит (Камг., Черд.). Баюн – это значит хорошо разговаривает. Такой, говорит, баюн. Разговаривать умеет и разговариват всё времё (Гашково, Черд.).

БАЮНЯ. *Женск. к БАЮН* 2. Баюня говорит всё время, не отдыхает. Вот-де какая она баюня! (Редикор, Черд.).

БАЛЮШКА. *Ласк. к БАЛЯ*. Балюшка зовут скотину, овечку (Гашково, Черд.).

БАЛЯ. *Овца*. Бали домой идут (Черд.). Овец балима называм (Кикус, Черд.).

БАРАШЕК¹. 1. *Уменьш. к БАРАН* 1. Барашек вот впереди, палка это (Покча, Черд.).

2. *Уменьш. к БАРАН* 2. Барашек такой, кольцо такое (Черд.).

БАРАЙН. 1. *Горизонтально расположенная деревянная дуга в передней части нарт, к которой пристегивается «потяг» собачьей упряжки или оленьи постромки*. Лямка за баран цепляется (Черд.)

2. *Отверстие в бороне, в которое вставлялись олобли*. Бараном назывался круглой вот екой же, в борону вцеплят (Камгорт, Черд.).

● Оговорим подачу грамматических характеристик слова.

Грамматические пометы приводятся в Словаре, если по форме слова нельзя или трудно определить, к какому разряду относится толкуемая единица, если требуется указание на неполноту парадигмы или на другие лексико-грамматические особенности. Так, при слове *вѣрхница* ('рубаха из холста, которую надевают поверх всей одежды') не помечается часть речи и грамматический род ввиду их очевидности. Сняты также указания, касающиеся формообразования этого слова, поскольку оно вполне укладывается в парадигму соответствующего типа склонения в литературном языке. Но в необходимых случаях указываются род, число существительного, вид, переходность, лицо глагола, в случае транспозиции – частеречная принадлежность слова.

ВЕХоть, ж. и м. *Пучок мочала или тряпка для мытья пола, стирания грязи и т.п.* Пол-от вехотью мыли (Илаб, Солик.). Подала мне большой вехоть (Камгорт, Черд.). Стол вехтем вытираем (Редикор, Черд.). Мочалки, мне кажется, никак не называли. Вехоть. Вехтем, правда, и пол мыли, всё мочалом, вехтем мыли (Кушпелёво, Черд.).

ВЫХОДа, мн. *Деревянные мостки, перекинутые через неширокую речку, ручей.* Выхода – мостки деревянные называются (Пянтег, Черд.).

БАРАБаНИТЬ, безл. *Сильно опухать.* Порез у ей, все вымё барабанит (Редикор, Черд.).

ВЗБуЖИВАТЬ, несов. перех. *С определенной целью наносить по чему-либо сильные энергичные удары.* Из зерна крупу толкли руками, ступой толкли и взбуживали (Редикор, Черд.).

ВѣШНО(Е), в знач. сущ. *Поле, засеваемое весной.* Пахал вѣшно (Велгур, Краснов.).

аРЕСТНАЯ, в знач. сущ. *Помещение, где держат под арестом.* Их всех хоть в арестную посадить надо, поучить (Аниковская, Черд.).

Картотека будущего «Словаря чердынских говоров» отражает историю и современное состояние диалектной речи Севера Пермского края: особенности фонетики, словообразования, лексики. Материалы картотеки могут служить источником изучения истории, быта и культуры жителей Северного Прикамья, поэтому издание словаря является насущной задачей исследователей.

Ниже мы представляем материалы к «Словарю чердынских говоров» отрезка **БУ-**. Словарные статьи подаются в алфавитном порядке. Отрезок опубликован с небольшими сокращениями.

* * *

БУБѣНЧИК, БУБѢНЧИК. *Полый металлический шарик с кусочками металла внутри, позванивающий при встряхивании.* Мужики носили тканые пояса, на кистях бубончики (Русиново, Черд.).

БУ-БУ-БУ, звукоподр. *Употребляется для обозначения звуков, напоминающих это сочетание.* Суседко плохо говорит, не разберёшь чё: бу-бу-бу (Печинки, Черд.).

БУБУЙ. *О неразговорчивом человеке.* Бубуй сидит, ни на кого не глядит, бубуйка (Покча, Черд.).

БУБУЙКА. см. **БУБУЙ**.

БУГОР. 1. *Небольшая возвышенность, поросшая травой.* Бугор-от горно поле называется, потому как на горе находится (Аник., Черд.). Бугор – это горка какая-нибудь. Вот на бугор, говорит, пойдём. Но это небольшая горка, невысокая (Вильгорт, Черд.). **ИЗ БУГРА В БУГОР**. *С ухаба на ухаб.* Один держал гоньбу, из бугра в бугор езживал (Покча, Черд.).

2. *Небольшое возвышение на поверхности чего-либо.* Пороги, перекааты зовут, ета как канава. Нанесёт песок, бугор делается (Илаб, Солик.).

3. *Нагромождение поваленных деревьев.* Бугор – много деревьев нападало и заросло мохом, бугры бывают только в лесу (Тиуново, Гайн.).

БУГРИНА = **БУГОР** 1. А идёшь, раз: и бугор вот такой. Поднимаешься на него. Бугор, бугрина (Рябинино, Черд.).

БУДАТЬ, несов. *Бодать, колоть рогами.* Корова будаёт поросёнка-то (Камгорт, Черд.). Корова будаёт (Тулпан, Черд.).

БУДАТЬСЯ, БЫДАТЬСЯ, несов. = **БУДАТЬ**. У меня корова не будатся, смирная (Вильгорт, Черд.). Сломил рог-от, будатся дак (Редикор, Черд.). Будутся скотины, например, коровы ле там бараны будутся (Лёкмартово, Черд.). Да, быдался бык. Да, да. Рогами-то поддеват (Исток, Черд.).

БУДАЧИЙ, БОДАЧИЙ, БУДУЧИЙ. *Имеющий обыкновение бодаться.* Я не пойду её доить, она будачая (Черд.). Шибко будучая коза-ге (Илаб, Солик.).

БУДЕ, БУДИ. 1. *Услов. союз если.* Буде пить хочешь, так в корчаге квас (Илаб, Солик.). Буди лошадь сера, так Серко зовут (Макарово, Черд.). А ноньце цё ино, у меня ведь шас никого нет, дак я редко топлю. Буде хлеб дак, испеку про себя хлеб, а так – не топлю в пече (Кедровка, Черд.).

2. *Вводное слово, выражающее вероятность, возможность.* Ёлка и пихта не растёт она, буде, в других местах, а у нас нет (Пянтег, Черд.). Буди, ягод-то скоро не будет (Редикор, Черд.). А это тоже чё-то, буди, голова скружат ли чё ли, буди, я ить не знаю (Жикина, Черд.). Это вот, буди, за Камой-то знают про суседку, больше тамо-ка (Пянтег, Черд.).

3. *Частица усилит. и указат. Употребляется перед тем словом, которое выделяется, подчеркивается.* А я не вру буди, у меня их

[детей] шестеро было. Не лживала ни с одним в больнице (Кедровка, Черд.). А я не люблю с людьми-то ходить. Буди от с соседкой всё ходила. Я и одна ходила, дак у мня всё с собой была маленька иконка (Кольчуг, Черд.).

БУДЕНЬ. *Обычный, не праздничный день.* Никой не берёзки, ничё не было. Троица прошла тожо так, как такой день, будень (Усть-Уролка, Черд.). Вторник, среда, четверг – это будень называется, будний. В будни моют и стирают. Такой называется будень (Лёкмартово, Черд.).

Будён = БУДЕНЬ. Нонче что праздник, что будён (Редикор, Черд.).

Будиче. 1. = **БУДЕ 1.** Будиче есь, дак есть (Покча, Черд.).

2. = **БУДЕ 2.** Вёдро, будича, будет (Давыдово, Гайн.).

БудКА. *Охотничья избушка.* Там будка, у них это у охотников у всех такие избушечки есть (Мысы, Гайн.). Ходили по лесу [охотиться]. У них [охотников] будки срублены, ну, избушки (Гадья, Черд.).

БудКИЙ. *Человек, которого легко разбудить.* Такие будкие [дети] были (Попово-Останино, Солик.).

БудЛЫВЫЙ = БУДАЧИЙ. Увели, шибко будливая [корова], иногда [даже] рога подпилят (Редикор, Черд.). Будливая корова. Иная комолая ишо будливее. Будатся тожо без рогов (Вильва, Солик.).

БудНУТЬ. *Сов. к БУДАТЬ.* Козёл старой ходил с ними, коровушкам. Ту буднёт, другую буднёт. Оне пойдут (Вильва, Солик.).

БудТО, БыДТО¹. 1. Сравнит. союз. *Как, словно.* Как будто виду не подаёт (Дий, Краснов.). Длинные уж были, по пятам, без борков, с рукавами, балахон быдто (Ныроб, Черд.).

2. Изъяснительный союз. *Употребляется для выражения сомнения или неуверенности в достоверности сообщаемого в придаточном предложении.* Я у кого-то цюла, бытга был (Носково, Юрл.).

БудТО, БыДТО², вводн. *Указывает, что говорящий не совсем уверен в достоверности высказываемого положения.* Воду только и наливают с родника, только, быдто, подогриют, чтоб не испугался ребенок-от (Камгорт, Черд.). Ну это было давно, давно-предавню тожо. Бытто, там отец поехал один раз по ето, ну, в лес и ребёнка повёл (Кольчуг, Черд.).

БудУНЬЯ, БодУНЬЯ. *О животном, имеющем привычку бодаться.* Когда корова бодается, дак будунья (Камгорт, Черд.). Без рогов корова комолая, а которая бодается, будунья (Покча, Черд.).

БудЬ. 1. = **БУДЕ 1.** Будь в глаза-от пахнёт, дак вот как затянет [при укусе осы] (Илаб, Солик.).

БудЬ-БудЬ. В знач. нареч. *Хорошо.* Стряпала будь-будь (Илаб, Солик.).

БУ́ДЕНКА. *Лекарственное растение.* Буденка, железенка – это тоже лекарственные травы (Ныроб, Черд.).

БУЕРА́К. 1. *Труднопроходимое место в лесу, занятое поваленными деревьями.* Залезешь в буерак и не знаешь, как вылезти. Таки заросли, весь исцарапаешься (Верх-Талица, Краснов.).

2. *Овраг, размытая ложбина.* Буерак – расколотая земля наподобие оврага в местах, где лога (Верх-Талица, Краснов.).

БУЖЕ́НЬЕ, сущ. от гл. будить. *Пробуждение, перерыв сна.* Без буженья не ставывал, без буженья не рабливал, век с тобой грешу (Купчик, Черд.).

БУЖЕ́ТЭРИТЬ, несов. *Нарушать правила поведения в обществе, скандалить.* Начинает бужетёрить, драться, матюшиться, ну, настоящая кабуня (Редикор, Черд.).

БУЗá. *Заросли ивы.* Буза – это же растение, густой-густой ивняк (Рябинино, Черд.).

БУ́ЗГАТЬ¹, несов. экспр. *Быстро поглощать пищу.* А нонче вон одну картошку только бузгают (Пянтег, Черд.).

БУ́ЗГАТЬ², несов. 1. *Бить, ударять по чему-либо.* В колоде [белье] полощут-полощут, положат на край и бузгают (Илаб, Солик.).

2. *Кидать, бросать.* Смотри, чё делат, бузгат песок, в руки возьмёт и бузгат (Черд.).

3. *Издавать звук при ударе о поверхность воды.* Вон де рыба плавится, кверху бузгает (Лекмартово, Черд.).

БУ́ЗНУТЬ, сов. *Однократ. к БУ́ЗГАТЬ²* 1. Она хлоп тебя, бузнет (Илаб, Солик.). Зойка-та глухая, совсем помешалась умом чё ли, идёшь, она как бузнет (Илаб, Солик.).

БУЗОВА́ТЬ, несов. 1. = **БУ́ЗГАТЬ²**. Волны бузуют о каменьев (Мартино, Краснов.).

2. *Класть в большом количестве.* Не бузуй так много, не выжрешь всё (Пянтег, Черд.).

3. *Напряженно работать.* У нас голо-голимая баба, не было ни единого мужика, ой, чё мы делали, как бузовали, сено надо скосить самим, все мы издеывали сами (Редикор, Черд.). Как покучиваю немного, так и пристану сразу. Раньше-то только бузуй (Пянтег, Черд.).

БУЗОВА́ТЬСЯ, несов. = **БУДАТЬ.** В другой раз коровы на водопой придут, тоже бузуются. Быкам, которые злые, кольца одеваются (Тулпан, Черд.).

БУЗУ́Н, м. *Топкое глубокое место на болоте.* На Лебязьем болоте есть бузун, не увидишь его, дак провалишься (Романово, Усол.).

БУЗОТЭ́Р. *Человек, который скандалит, бузит.* Бузутёр-то это есть, не корми, а дай подраться (Б. Долды, Черд.). Выпьет дак, такой бузутёр, драць (Б. Долды, Черд.).

Бу́КА. 1. *Молчаливый, неразговорчивый человек.* Вот бука-то, ниче не разговаривает, дундук (Янидор, Черд.). Бука, молчаливый так и бука (Вильгорт, Черд.).

2. *Мифическое существо, которым пугали детей.* Маленьких ребят букой пугали (Черд.). С ким-то братом пришла [в баню], положила его на лавку спать, мыться надо, положила на лавку. Сама раздевается. Он гыт: «Мама, бука, мама, бука». Он, ребёнок-от, видит, она не видит (Вильгорт, Черд.).

Бу́КВА. *Брюква.* Из калеги кашу, парёнки делают, буквой её тут называют, кто калегой, кто буквой называют (Илаб, Солик.). Калига его буква. Брюква сейчас называются, а раньше все буква да буква (Илаб, Солик.).

БУКéТОВЫЙ. *Растисной, с узорами.* Да в косе ленточка букетова (Цыдва, Черд.).

БУКСиН. *Краситель фуксин темно-красного цвета.* Буксины – краски (Анисимово, Черд.).

БУЛáНЫЙ. 1. *О масти лошадей: светло-желтый.* Буланая была у нас лошаде́нка, у нее шерсть бурая и красная, но не особенно здорово (Покча, Черд.).

2. *Пестрый.* Ну буланы [коровы] дак, эти, морды ки-ко всякими, это, то рыжи, то чёрны, то белы – буланы (Кедровка, Черд.).

БУ́ЛГАТЬ, несов. = **БРЯКАТЬ** 3. Лишко-то не булгай (Базуево, Гайн.). Булгать – трепать языком, болтать (Рябинино, Черд.).

Бу́ЛКА. 1. *Хлебец из пшеничной муки круглой формы.* Ковриги-то в чашки карноватые катают, а булки на доску, на покрывку (Попово-Оганино, Солик.). Худущая, худущая приехала, а уехала как булка (Редикор, Черд.).

2. *Буханка.* Хлеба булку одну куплю (Пянтег, Черд.).

БУ́ЛЫГА. *Место, поросшее деревьями, небольшой лес.* Булыга – это лесок (Цыдва, Черд.).

БУ́ЛЫНЬ. *Старое дерево с дуплом.* Булынь – дерево пожилое, в булынь ушла векша, в пожилое дерево, в дупло (Говорливое, Краснов.)

БУ́ЛЫЧ. *Человек с глазами навывкате или тот, кто широко раскрывает, таращит глаза.* Булыч выставит глаза, как булыч. Ты булыч – впоноску на него (Покча, Черд.).

Бу́ЛЬБА. *Картофель.* Бульбой некоторые зовут картошку (Янидор, Черд.).

Бу́ЛЬБИК. *Съедобный гриб, валуй.* Грибы всякие бывали, бывает красноголовики, путики мочёные, бульбики (Ныроб, Черд.).

Бу́ЛЬКНУТЬ, сов. 1. *Упасть в воду с характерным звуком.* Он испугался да гукнул. Она-де [русалка] только булькнула в озеро (Усть-Уролка, Черд.).

2. *Сказать что-либо невпопад.* Иная женщина вот чё-нибудь булькнёт не то, которое надо. Лишнее сказать, лишние слова (Кольчуг, Черд.).

БўЛЯ. *Рогатая, бодливая корова.* Буля забудёт [девочке] (Черд.).

БУМА́ГА, ГУМА́ГА. 1. *Хлопчатобумажные нитки, используемые для вязания и ткачества.* Раньше купят бумагу и ткут полотно (Бигичи, Черд.). Бумагу-то со льном ткали, а вот белые-те нитки раньше продавали (Пянтег, Черд.).

2. *Всякий письменный документ официального характера.* Бумагу сделали: дом-от – Коле (Покча, Черд.). Она, как куштым, сидит над бумагима (Пянтег, Черд.).

БУМА́ЖКА, ГУМА́ЖКА. *Уменьш. к БУМАГА 2.* А это опять гужажки эти падали с самолета (Кольчуг, Черд.).

БУМА́ЖНЫЙ. 1. *Сотканный из хлопчатобумажных ниток.* Бумажный кашемир был на кофе-то (Покча, Черд.). Лён оснуют, бумагу учили, толстой холс, бумажной, но толстой (Камгорт, Черд.). Раньше ведь всё было такое, холщовое, это сейчас всё бумажное (Лекмартово, Черд.).

2. *Состоящий из бумаги.* Бунт делала бумажный (Половодово, Солик.).

БУ́НГАЛО. *Несвязно лепечущий младенец.* Бунгало забунчит: бун-бун (Говорливое, Краснов.).

БУ́НГАТЬ, несов. *Говорить невнятно.* – Чё ты бунгашь, я ничё не чую. – Я не тебе говорю дак (Кедровка, Черд.).

БУ́НДЫРЬ. *Молчаливый, неразговорчивый человек.* Бундырь – человек, который молчит (Янидор, Черд.).

БУ́НТ. *Кипа, связка каких-либо материалов.* Мешок на мешок складывали – это бунт (Цыдва, Черд.). Зимой мало рубили, зимой некогда рубить, осенью заготовят и в бунтах хранят (Турчанка, Черд.). У людей бунты дров, у меня и полена нет (Редикор, Черд.). Тут тоже сучья кладут в бунт. (Бондюг, Черд.).

БУ́НЧАТЬ, несов. 1. *Производить назойливый шум, жужжание.* На пече комары бунчат, забрались париться (Камгорт, Черд.). Вчера залетел в избу-то плевок, бунчит (Кикус, Черд.).

2. *Невнятно, негромко и монотонно говорить, выражая свое недовольство.* Чё бунчишь? Говори ладом (Янидор, Черд.). Бормот – кто бормочет, говорит ничё не понятно, бунчит (Покча, Черд.).

3. *Безл. Об ошущении шума, тяжести в голове.* В голове токо бунчит (В. Мошево, Солик.).

БУРА́НИТЬ, несов. *О ветре: бушевать, подниматься.* Погодка буранит (Усть-Улс, Краснов.).

БУРАЧКѢ. Сапоги со сморщенными голенищами. Были сапоги простые и с гармошкой, они назывались бурачки, внизу мягко делали, а сам верх твёрдой (Вильгорт, Черд.).

БЪРГАЛО. 1. *Говорящий без умолку человек.* Иван Васильевич – настоящий бургало (Камгорт, Черд.).

2. *Ворчливый человек.* Бургало – это когда разозлится, вот всё бургаёт (Редикор, Черд.). Бургало начнёт ругать, вот заургала и забургала (Вёлгур, Краснов.).

БЪРГАЛЬНИК = БУРГАЛО 1. Едят так балуют, ну забургали опять, бургальники (Редикор, Черд.).

БЪРГАТЬ, несов. 1. *Блехать.* Не бургай [овце] (Дубровка, Юрл.).

2. = **БУНГАТЬ.** Вот все бургаёт, бургаёт (Редикор, Черд.). Пьяный мужик, шибко пьяный, что не надо бургат (Редикор, Черд.). Под нос цёт бургаёт (Дий, Черд.).

БЪРГОВЫЙ. *Бордовый.* Бака рыхлая, бургово цвета (Черд.).

БЪРДИЛО, БУРДѢЛО. *Плетеная емкость с отверстиями для хранения и промывания рыбы.* Бурдело – хранили рыбу (Кикус, Черд.). Бурдило для промывания рыбы, а потом хоть что делай (Черд.). Бурдило – это посуда, состоит из zelkov, как морда. В отверстия проходит грязь (Покча, Черд.). Из виц плетут наподобие ведра. Это называется бурдило. Этим бурдиллом рыбу вычерпывают (Бондюг, Черд.).

БЪРДОМА. *О недоброкачественном, плохо приготовленном напитке или жидком кушанье.* Сначала надо варить сироп, если сразу насыплешь ягоды-те, бурдома какая-то получатся (Ныроб, Черд.).

БУРДОМАГА. 1. *Отходы, отбросы.* Всё бурдомага нехорошая, тряпьёт-то (Мартино, Краснов.). Бурдомага – отбросы (Покча, Черд.).

2. = **БУРДОМА.** Бурдомага, квас не упрел, бродит как бурдомага, не отстаивается (Покча, Черд.).

БУРЕВАЛ = БУРЕЛОМ 3. А буревал – это деревья валит где, ломает деревья. Бурелом обычно говорят или буревал. Буревал там валит (Вильгорт, Черд.).

БУРЕЛѢМ. 1. *Поваленное дерево.* Бурелом – дерево такое же, только бурей сломило, совсем с корнем вырвало, ну, коряга ещё, та же самая коряга, ну, корни (Черд.).

2. *Место в лесу, где много поваленных деревьев, сучьев.* А там сплошной бурелом. Вот по ему мы и пробирались, пока на ростань не вышли (Уролка, Солик.). Места тёмные, глухие, один бурелом (Уролка, Солик.).

3. *Сильный ветер, который вырывает деревья с корнями.* Бурелом – это ветер, падают деревья-то (Кикус, Черд.).

БУРЕЛѢМИНА = БУРЕЛОМ 1. Буреломину или колодину положат на телегу, вывороток не повезут (Покча, Черд.).

БУРЕЛОМНИК, БУРУЛОМНИК. 1. = **БУРЕЛОМ** 2. Буреломник – лес буря валит (Кикус, Черд.). Буруломник, там много навалило буруломника (Гайн.). Ой, буреломник – бурей наломано. Само слово говорит – буреломник. Там повален лес (Рябинино, Черд.).

2. *Густой, непроходимый лес.* Буреломник есть, где вовсе не пройти (Кикус, Черд.). Непроходимый прямо лес. Так нарос уж. В этой рамине и буреломники все (Пянтег, Черд.).

БУРЁН, кр. страд. прич. *Добыт с помощью бурения.* Вода-то здесь бурится, бурёна, качают ее, вот она такая со ржавчиной (Камгорт, Черд.).

БУРЖУЙНЫЙ, неодобр. *Присущий буржуазному, капиталистическому укладу.* Не знаю, как вас щас воспитывают, но нам такая жысь, особенно буржуйная, мне не нужна. Только себе гребут и всё. Взяли колхоз вон какой разорили. Кто был поближе, там расхватили (Вильгорт, Черд.).

БЎРКИ, мн. *Вид обуви из войлока, которую обшивали по низу кожей или носили с галошами.* Отдавали сукно, стежили его да и бурки шили (Пянтег, Черд.), Валенки из тряпок называются бурками (Покча, Черд.). А бурки – это стёжку сделают, настезают материал, на вате стежёванное делают, сошьют – и к галошикам. И пошёл. Такие бурочки (Рябинино, Черд.).

БУРЛАК. 1. *Человек, который тянет бечевой суда вверх по течению.* Раньше на себе поднимали баржи, бурлаки назывались (Редикор, Черд.).

2. *Рабочий, который на лесозаготовках сталкивает бревна в реку.* Лесозаготовки. Сплав. Лес навалили, бурлаки сталкивают [в воду] (Пянтег, Черд.).

3. = **БАТРАК.** Батрак и бурлак – это одинаково (Купчик, Черд.).

БУРЛАКА. *О людях, любящих проводить время вне дома.* Да вот пирует где-то мужик ли чё ле дак: «Где-то ходит бурлака, домой не является» (Лёкмартово, Черд.). Раньше запирует мужик, хозяин: «Ну, где-то ходит бурлака у меня!» (Лёкмартово, Черд.).

БУРЛАЧИТЬ, несов. неодобр. *Проводить время вне дома, не занимаясь ничем полезным.* Опять пошли бурлачить (Вильгорт, Черд.).

БУРОВИТЬ, несов. 1. *Оставлять следы тяжелым предметом на поверхности чего-либо.* Сани-то буровят песок-от, тяжело волокчи-то (Пянтег, Черд.).

2. *Издавать звуки во время гона (о самцах домашних животных).* Буровить – значит проситься к самке (Кикус, Черд.). Он [хряк], когда захочет к самке, он беспокойный очень, даже клетку может развернуть, вредит, просится. Это буровит (Рябинино, Черд.).

БУРОВЫЙ. *Прил. от суц. буря.* Буровые дожжы – дожжы с бурей (В. Мошево, Солик.).

БўРОЧКИ. *Уменьш. к БУРКИ.* Бурочки – суконная высокая женская обувь, носок обшит кожей (Вильгорт, Черд.). В школу посылать надо, так из шубы сшила бурки, ну, бурочки с галошами (Рябинино, Черд.).

БўРСИТЬ, несов. 1. *Бурчать.* Бурсит, бурсит дак [о пьяном муже] (Носково, Юрл.).

2. = **БРЯКАТЬ** 3. Бурсить – болтать, много говорить (Рябинино, Черд.).

БўРСКАТЬ, несов. = **БУРОВИТЬ** 1. Робыта на лыжах ходят, а девки бурскают по снегу, снегу-то много (Редикор, Черд.).

БўРСНУТЬ, сов. *Свалиться с шумом.* Как бурснешь, так вся у тебя и улетит картовь (Редикор, Черд.).

БўРХАТЬ, несов. *Бить, ударять чем-нибудь.* Молотили раньше, целый день бурхашь цепями-то (Черд., Ныроб)

БўРЧАЛО. *Человек, который ворчит.* Ну, забурчала, бурчало (Редикор, Черд.).

БўРЫЙ. 1. *Неяркий, вылинявший цвет, между коричневым и серым.* Кофта-то не по юбке, кака бурая (Черд.).

2. *Загорелый.* Плоть-то бурая, вон чё ноги бурые какие (Черд.). Тело на солнышке бурое стало, загорело (Черд.).

БУС. 1. *Мучная пыль.* Бус – мука мелкая на стенках остаётся (Рожево, Черд.). Раньше на мельницах посмотришь на стены, все стены в бусу, это мелкая пыль от муки (Пянтег, Черд.). // *Любая очень мелкая пыль.* Остается один бус, когда свинец горит, он как пепел (Покча, Черд.). Мы отплясывали, токо бус стоит, пыль столбом (Вильва, Солик.). Это бус идёт, пыль (Покча, Черд.).

2. *Мелкий дождь.* Бус идёт, говорят, это мелкий, мелкий дож (Пянтег, Черд.).

БУСá = БУС 1. Раньше селёнки были, чтобы буса нигде не пылилась (Покча, Черд.).

БУСЕНéТЬ, несов. = **БУСИТЬ** 1. Бусенет тихой дож, он долго бывает (Купчик, Черд.).

БУСЕНéЦ = БУС 2. Бус на мельнице, а перед дождём бусенец (Покча, Черд.). Бусенец – мелкий дождик, он бусит (Кикус, Черд.).

БУСЕНéЧЕК. *Ласк. к БУСЕНЕЦ.* Бусенечек – это когда дождит худенько, такой дождик. Это бусенечек называются, бусенец (Лёкмартово, Черд.).

БУСéННИЙ. *Мелкий (о дожде).* Како бусений дождик-то (Кикус, Черд.).

БўСЕНЬКИЙ. *Уменьш.-ласк. к БУСЫЙ.* Жалко, бусенький у меня такой котёнок был да сгинул (Илаб, Солик.). У векши шерсть бусенькая, просто бусая, не жёлтая. Белка, или векша – всё равно (Пянтег, Черд.).

БУСИНКА. *Единицн. к БУС 1.* Спать ложусь, хоть бы одна крошка хлеба или бусинка муки (Редикор, Черд.).

БУСИТЬ, несов. 1. *Падать мелкими каплями, в виде мельчайшей пыли.* Моросит – крупный дождь, а бусит очень мелкий (Черд.). Бусенец – это вот, ну, бусело, вот когда дождик такой несильный, просто бусит, бусит, бусит. (Камгорт, Черд.). // *Виться (о снеге).* Снег бусит – вьёт мелко (Кикус, Черд.).

2. *Рассеиваться (о пыли).* Бусит по всей мельнице, летает бус из-под жёрнова (Покча, Черд.). Светлана, не буси бус-то [девочке, которая трясёт платок] (Носково, Юрл.).

БУСЛИТЬ, несов. = **БУСИТЬ 1.** Буслит, всегда так по дождю и холод (Камгорт, Черд.). Как дождыт, буслит, так и гуня, и шапка, и рукавицы надо (Камгорт, Черд.).

БУСНО, в роли безл. сказ. *Грязно, пыльно, не прибрано.* В избе бусно (Тиуново, Гайн.).

БУСОВИК = БУСЕНЕЦ. Смочный, смочный дождик такой, и не сильный, и не бусовик (Камгорт, Черд.).

БУСОЧЕК. *Уменьш. к БУС 2.* Сито частое, чтобы бусочек проходил (Вильгорт, Черд.).

БУСТИСЬ, несов. = **БОСТИ.** А наша корова пошла бустись, булась, булась, да и вся исковеркалась (Редикор, Черд.). На быка села, а он булся. Снег, его, поддевает. Всё волок меня дак. Восподи! Восподи! Чё же, куда деваться мне? И слизь-то не смилла. Он меня забудёт тут-от. Рогатый бык-от был (Исток, Черд.).

БАСУРМАНЫЙ. *Пестрый.* Зацела искать, нецистой ли цё, вот еть какое зрение, платок-от бусурманой лежит на пеньке (Мартино, Краснов.).

БУСУРНЯ, экспр. = **БУРАН.** Бусурня, буран поднимается (Вёлгур, Краснов.). Бусурня, когда снег с ветром (Талово, Черд.).

БУСЫ. *Бревна, сложенные так, что лежат друг на друге, образуя форму квадрата.* Бусами-то тоже держат лес (Пянтег, Черд.).

БУСЫЙ. *Серый, дымчатый.* У нас бусая кошка, как мышка (Илаб, Солик.). У нас была корова буса, серая, сива (Марушево, Черд.). Белка, векша летом черёмная, а зимой бусая, серая (Покча, Черд.).

БУТ. *Большой мяч.* Бутом-то, бутом, мячиком большим [играли] (Камгорт, Черд.).

БУТ-БУТ, звукоподр. *О глухих звуках, возникающих при ударах по чему-либо твердо.* До дверей-то дошли, тожно дверь-то открыта, мы буг-буг (Носково, Юрл.).

БУТАРАХНУТЬСЯ, сов. *Упасть.* Она загляделась и бутарахнулась с лошади (Вёлгур, Краснов.).

БУТКА. 1. *Строительный камень, идущий главным образом на кладку фундамента; бут.* Бутку подкладывают, камень – бутка-то, у вас цемент, а у нас это камень (Гулпан, Черд.).

2. *Камень, используемый для приготовления извести.* Печь билили буткой (Касиб, Солик.).

БУТКАТЬ, несов. 1. *Много работать.* У меня еще дома надо буткать (Редикор, Черд.).

2. *Ударять, бить чем-либо твердым (кулаком, палкой и т.п.).* Буткат, бьёт (Базуево, Гайн.). Плакала [невеста], по столу кулаками буткала, токо брызги из рук летят. Вот какое было право. Девка не идёт, а всё равно отдают (Редикор, Черд.). Сперва молодили руками. Молодили буткашь, буткашь. Вот это молотишь. Хлешшошь палкой (Тагьяшер, Черд.).

3. = **БУЗГАТЬ**¹. Раньше без сахара буткали, всё хорошо было (Редикор, Черд.).

4. *Баюкать, укачивать ребенка.* У мня Маша ревелa, дак я ё сама урокнула. Она у мня до трёх годов ревелa, на мне волосы рвала и на себя. Я её буткаю. Ночь по ночи вот билися (Усть-Уролка, Черд.).

БУТКАТЬСЯ, несов. *Стучать, колотить.* Она буткается ногами-то (Мартино, Краснов.).

БУТНУТЬСЯ, сов. *Упасть, удариться.* Шли они пьяны, тут же пали, тут же бутнулись (Редикор, Черд.).

БУТНЫЙ. *Относящийся к буту.* Бутовой камень, бутный камень лопат от жары (Попово-Останино, Солик.).

БУТОРА. 1. *Глупый, непонятливый человек.* Буторой зовут, вот какая бутора, ничего не понимает (Редикор, Черд.). Пьяный напьётся, вот-де какая бутора, ничего не понимает (Редикор, Черд.).

2. *Человек, который быстро или невнятно говорит.* А скороговорка – бутора. Вот у нас председатель был, его забраковали, его так и звали бутора, быстро говорил (Янидор, Черд.). Говорит, буторит, ничего не понятно, такой бутора (Покча, Черд.). // *Человек, котрый говорит невпопад, не к месту.* Бутора – котрый невпопад говорит, чё не надо (Покча, Черд.).

3. *Неловкий человек.* Бутора [всё] опрокидыват (Вёлгур, Краснов.).

БУТОРИТЬ, несов. *Говорить быстро или невнятно.* Ты у неё ничего не поймёшь, она буторит (Пянтег, Черд.). Хто говорит непонятно, дак говорят: чё буторит или вот бутора (Пянтег, Черд.). Скоро говорит и буторит, понять невозможно (Янидор, Черд.).

БУТОРМАГА = **БУРДОМА.** Бутормага – это пиво, вместе с мелом, и оно плохо бежит, когда цедишь (Лапсырь, Черд.). Гуца останется, нальёшь воды и опеть квас, только уж нехороший – бутормага (Покча, Черд.). // *Плохо приготовленная пища.* Бутормага – невкусный хлеб, невкусный, все равно бутормага (Янидор, Черд.).

Бу́ТЯ. *Располневшее, обрюзгшее лицо.* Бутя – толстое лицо (Редикор, Черд.).

БуФáНОК = БУХАНКА. Жмёшь, удавишь творог, круглый, как буфанок, [когда] пекут хлеба (Гайн.).

БуФИК. *Оборка у ворота рубахи, которую носили с сарафаном.* Буфик – оборочка у ворота рубахи, которую носили с сарафаном, впереди и сзади (Черд.).

БуФОЧКА = БУФИК. Буфочка. Ситцевые мелкие сборки для нарядной кофты вокруг шеи и на рукавах (Бондюг, Черд.).

БУХ. *Обух.* У меня вот отец катал [валенки]. Вот шерсть разбивал. Был у него такой бух деревянный и верёвочка сыромятная. Потом на этой и разбивал шерсть, на решётке (Пянтег, Черд.).

Бу́ХАЛО. 1. *Человек, который говорит невпопад.* Бухало – необдуманно говорит, скажет (Покча, Черд.).

2. *О сильно пьющем человеке.* Или обзывают, или что, так. Бухало – который пьёт. Может, пьянчужку так назовёт. Это я слышала. Говорит: «Вон бухало идёт» (Рябинино, Черд.).

Бу́ХАТЬ, несов. 1. *Сильно кашлять.* Простудишь пакли-то, потом бухашь сколько (Пянтег, Черд.).

2. *Интенсивно производить действие.* А сколько косить? Да у тебя сколько сил есть, дак столько и бухай (Илаб, Солик.). Балда-кувалда, я и начинаю хлестать, бухаю и бухаю, пока горячо (Илаб, Солик.). Когда льдины бухают, от них созвездье бывает (Остяцково, Черд.).

3. *Исполниться, достигнуть определенного предела (о возрасте).* А сколько тебе лет, его, бухат (Илаб, Солик.)?

БУХáТЬ, несов. *Употреблять спиртные напитки.* Бухало. Мужики бухают, пьют. Бухало (Рябинино, Черд.).

Бу́ХВА = БУКВА. Бухвой все брюкву-то звали, а еще калегой (Илаб, Солик.).

Бу́ХВЕННЫЙ. 1. *Приготовленный из брюквы.* Из репы бухвенная каша (Илаб, Солик.).

2. *Относящийся к брюкве.* Бухвенное семя посадишь, колега росла (Илаб, Солик.).

БУХЛá, общ. *Человек, который сильно кашляет.* Бухла у нас зовут, когда не здоров [человек] (Камгорт, Черд.).

Бу́ХНУТЬ. 1. *Сов. к БУХАТЬ 4.* А сколько лет тебе бухнет? (Илаб, Солик.). Сколько лет-то бухнуло с войны (Илаб, Солик.).

2. *Сов. к БУХАТЬ 3.* И как бухнуло как кувалдой по спине-то (Покча, Черд.).

3. *Грузно, с шумом упасть.* Улетишь в снег, бухнёшь, падёшь (М. Долды, Черд.).

4. *Сказать что-либо невпопад, не подумав.* Зря уж нигде не бухнет (Пянтег, Черд.). Я им бухну по-деревенски, скажу, а они не понимают (Тагьяшер, Черд.).

БУЧА. *Бурное место на реке, водоворот.* Буча, воду бутовать будет (Говорливое, Краснов.).

БУЧЕВИЩЕ. *Ремешок из сыромятной кожи.* Бучевище называлось, ремешок из сыромятной кожи (Тиуново, Гайн.).

БУЧИТЬ, несов. 1. *Много и усердно работать.* Бучишь, бучишь – и ничего, сена нет (Камгорт, Черд.).

2. *Промывать бочки, кадки кипятком с можжевельником или бутowymi камнями.* А кадцу бучат вересом (Илаб, Солик.).

БУЧКАТЬ, несов. = **БУЗГАТЬ**¹. Овошны у нас сеяли, репу копали, такими тяпкими, парёнки-те тожно бучкали зиму-то. Много раньше саживали репу-ту. Скусные очень [паренки], не хуже груш (Ныроби, Черд.).

БУШЛАК. *Теплая накидка из сукна, которую накидывали на шубу для защиты от снега и дождя.* Бушлак – из сукна чёрного, иногда с капором, прямой, с клиньями на боках, до полу, вот накладывают на шубы да куды да, на гуни да, подпоясывались поясом, от холоду, надевали. Снег валится, дождь бежит, вот для чего и накидали (Бондюг, Черд.).

БУШМАНЕЦ. *Пила.* Бушманец – пила для рам (Покча, Черд.).

БУШУН. *Большой сугроб.* Падера надует такие бушуны, как стены (Мартино, Краснов.).

Список литературы с сокращениями

БАС – Большой академический словарь русского языка. М.-СПб., 2004-2007. Т. 1-7.

Герд А.С. Введение в этнолингвистику: курс лекций и хрестоматия / А.С. Герд. – СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2001.

Даль– Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. – М.: 1955.

Ерофеева Е.В. Вероятностная структура идиомов: социоллингвистический аспект / Е.В. Ерофеева. – Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 2005.

Костромичева М.В. Словарь свадебной лексики Орловщины. – Орел, 1998.

КПРС – Коми-пермяцко-русский словарь/ Сост. Р.М. Баталова, А.С. Кривошекова-Гантман. – М., 1985.

КСЧГ – картотека словаря чердынских говоров, хранящаяся на кафедре общего и славянского языкознания Пермского государственного университета

Подюков И.А., Хоробрых С.В., Антипов Д.А. Этнолингвистический словарь свадебной терминологии Северного Прикамья. – Усолье, Соликамск, Березники, Пермь: Пермское книжное издательство, 2004.

Полякова Е.Н. Формирование пермских говоров // Русские говоры Пермского региона. Формирование. Функционирование. Развитие. Пермь, 1998.

Славянские древности: Этимологический словарь / Под ред. Н.И. Толстого. Т.1 (А-Г). М., 1995.

СГРС – Словарь говоров Русского Севера / Под ред. А.К. Матвеева. Екатеринбург, 2001-2005. Вып. 1-3.

СРГКПО – Словарь русских говоров Коми-Пермяцкого округа. – Пермь: Изд-во ПОНИЦАА, 2006.

Чагин Г.Н. Культура и быт русских крестьян Среднего Урала в середине XIX-начале XX века. Пермь, 1991

Словарь «Афористика Пермского края» *

Л.А. Грузберг

Предлагаемый вашему вниманию словарь во многом необычен. Его своеобразие заключается прежде всего в охвате фиксируемого материала: в словарь включены *пословицы, поговорки, приговорки, прибаутки, присловья, речения, примеры, советы, приветствия, напутствия, угрозы, сентенции* и т.д., а также некоторые *загадки, фразеологизмы* и *устойчивые сравнения* – словом, единицы, представляющие все мини-жанры русского устного народного творчества. Материал не был ограничен ни тематически, ни функционально, ни структурно-семантически, но должен был отвечать следующим неперенным требованиям:

1. наличие афористичности

2. «воспроизводимость», т.е. не провоцируемое внешними обстоятельствами использование в непринужденной естественной разговорной речи – в отличие от исполняемых произведений: частушек, быличек, сказок и т.д.

Под *афоризмами* обычно понимаются краткие изречения, в лаконичной, отточенной форме выражающие обобщенную мысль (ср.: КЛЭ, 1962, 366; БТС, 1998, 52; Фелицына, Прохоров, 1988, 5 – и мн. др.).

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ № 07-04-82409 а/У, АВЦП «Развитие потенциала высшей школы» (проект РНП.1.3.2.3440).

При отборе материала предпочтение отдавалось единицам, соответствующим следующим условиям (плюс к двум, названным выше):

1. обобщающий смысл выражения/высказывания;
2. выражение мысли в лаконичной, нередко художественной форме;
3. наличие антиномии, антитезы, гиперболы, гротеска, иронии, метафоры, парадоксальности, параллелизма и т.п.;
4. особого рода экспрессия/энергетика;
5. наличие рифмы (факультативно).

Несколько примеров:

Век живи, век учись, а дураком умрешь;

Егорий с водой – Никола с травой;

Лихоманка тебя деру (бери);

Люби не люби – почаще взглядывай;

Мой-от нос семерым рос – одному достался;

По полу, по лавкам, по всей середе (о беспорядке в доме);

Раскрыла хайло шире банного окна;

Сердце выскочить хочет (о сильном сердцебиении);

Хорошо гулять у пруда – далеко ходить до туда;

Чири-бори – дай поболе (говорят корове во время доения);

Я хозяин – ты дурак. Ты хозяин – я дурак. – и т.д.

В отечественной лексикографии, базирующейся на народно-разговорной речи, наиболее широко распространены словари пословиц (и поговорок) и фразеологизмов. Такие же фольклорные мини-жанры как приговорки, прибаутки, приметы и многие другие виды афористичных выражений, еще не были предметом описания в региональных словарях.

Произведения малых жанров устного народного творчества – это великие произведения. В них в концентрированном виде, как в капсуле, из глубины веков дошли до нас мудрость и знания, смех и слезы людские, вера и безверие, все то, о чем думали, что признавали или отвергали наши предки. «Разные присловья – произведения народного гения, они характеризуют нам народное мирозозерцание, раскрывают душу народа», – писал Д.К. Зеленин.

Каждый регион вносит свою лепту в духовную сокровищницу национальной культуры. «Из рода в род, из края в край «самородки народной мудрости» (слова Б.А. Ларина – Л.Г.) распространялись по всей России» [Мокиенко, Никитина, 2001, 7]. Своеобразие афористики Пермского края обусловлено и историей заселения региона, и теснейшими контактами с носителями языков финно-угорской семьи, и особенностями хозяйственной деятельности в данной местности, и многими другими обстоятельствами. И если словари,

специализированно отражающие отдельные пласты народной афористики, имеют несомненную научную и культурологическую ценность, то словарь, охватывающий многие мини-жанры устного творчества народа, окажется (надеемся!) востребован во многих сферах духовной деятельности, полезен для всех, кто любит и ценит русскую словесность, живое народное слово.

Состав словника

В словарь вошли афористичные выражения, бытующие на территории бывшей Пермской области (теперь – Пермского края) и используемые (воспроизводимые) в непринужденной повседневной живой речи носителей местных говоров.

В Напутном (слове) к «Пословицам русского народа» В.И. Даль после истолкования наименований *пословица, пословичное изречение, поговорка, приговорка, присловье, скороговорка, загадка, прибаутка* пишет: «Пословичные поговорки о предметах, поверьях, житейские и хозяйственные правила, одетые, для памяти, в такую же одежду, куда входит и народный месяцеслов, где каждому чем-нибудь замечательному в быту народном дню дано свое название и приложены разные поговорки, правила, изречения, – все это, насколько удалось мне собрать, также вошло в сборник. Божба, проклятия, пожелания, приветы, высказанные в виде поговорок, отчасти включены сюда же<...>». [Даль, 1957, 22]. Составители словаря афористики Пермского края также стремились к охвату как можно большего круга афористичных выражений. Очень ценно для нас замечание В.И. Даля о том, что в его «Пословицах русского народа» включено «много речений, коим не сумею дать общей клички, даже простые обороты речи, условно вошедшие в употребление» [Даль, 1957, 17].

Основным источниками материала явились

1. полевые записи (магнитофонные и «от руки») диалектной речи на территории Пермского края, осуществляемые в течение ряда десятилетий, – с 1952 года по настоящее время;

2. картотека Словаря говора д. Акчим Красновишерского района Пермской области (Акчимского словаря) – словаря полного типа, – насчитывающая около 2 млн карточек. Картотека находится в Словарном кабинете кафедры общего и славянского языкознания Пермского государственного университета;

3. картотека составляемого на той же кафедре дифференциального словаря говоров бывшей Чердынской земли – Перми Великой;

4. записи естественной непринужденной живой речи отдельных носителей пермских говоров – в рамках изучения идиолекта.

В Словарь вошли преимущественно диалектные единицы; общерусские встречаются лишь среди пословиц и поговорок.

Структура словаря

Структуры словаря и принципы расположения материала в наибольшей степени обусловлены жанровой, тематической и структурно-языковой разновидностью фиксируемых единиц.

Первая, основная, часть представляет собой собственно словарь, где все единицы располагаются в алфавитном порядке по первой букве первого слова и сопровождаются необходимыми пометами, толкованиями, иллюстрациями, комментариями, справками, отсылками и т.д. Вторая часть состоит из двух разделов, призванных в совокупности облегчить пользование Словарем.

В первом разделе предпринята попытка жанровой классификации словарных единиц, т.е. *фразеологизмы, устойчивые сравнения, пословицы (и поговорки), присловья, загадки* и т.п. поданы отдельными списками. В каждом из списков материалы расположены также в алфавитном порядке, но не сопровождаются никаким справочным аппаратом.

Второй раздел этой части – своего рода тематический указатель. Разрабатывая этот фрагмент Словаря, мы изучали соответствующие разделы многих словарей пословиц и поговорок, в результате чего за основу были взяты «Пословицы русского народа» В.И. Даля и «Словарь псковских пословиц и поговорок» В.М. Мокиенко и Т.Г. Никитиной.

Структура словарной статьи

Словарная статья включает:

- а) заголовочное выражение;
- б) коннотативно-стилистические пометы (в необходимых случаях);
- в) толкование выражения;
- г) иллюстрации, представляющие собой фрагменты записей живой речи с использованием толкуемого афористического выражения. Иллюстрации – по примеру подачи иллюстративного материала в Акчимском словаре – приводятся в орфографической записи, но таким образом, чтобы при чтении их воспроизводилось (по возможности адекватно) характерное для говора произношение;
- д) необходимые комментарии, справки, отсылки и т.п. Ср.:

ЛИХОМАНКА ТЕБЯ (ВАС, ЕГО, ЕЕ, ИХ и т.п. БЕРИ (ДЕРИ), бран. Говорится в адрес того (тех), кто (что) вызвал (вызвало) у говорящего раздражение, гнев, негодование. Иди-ко домой, лихоманка тебя бери!; Лихоманка их дери, этих куриц! Опеть мне всю грядку разрыли!; Да лихоманка нонешну погоду бери! Опеть дождыт! Ничё не выростёт, не поспеёт.

Акчимский словарь: «**ЛИХОМАНКА**, бран. *Что-л. абсолютно неприемлемое для говорящего, противное ему.* В кинe-то всяку лихоманку кажут: цёлуются да чё. // О ком-л., чем-л., вызвавшем гнев, раздражение говорящего. Лихоманка была! (о женщине, бросившей семью). Поглянется сатана вместо ясна сокола; Какой лихоманкой оно пахнёт?! (парное молоко) // в соч. с различными глаголами, бран. Лихоманка бы тебя не водила!» [т. II, 110].

Словарь В.И. Даля: «*Лихоманка, лихоманчица* <...> одна из двенадцати сестер Иродовых, коим народ дал названия: *лихорадка, лихоманка, трясуха (трясучка), гнетуха (гнетучка)* <...> Лихоманить, много вредить, постоянно делать зло, мошенничать или обманывать. *Ему всё лихоманится*, чудится, видится страшное, худое» [т. II, 258].

ЛюБИШЬ КАТАТЬСЯ – ЛюБИ И САНОЧКИ ВОЛОЧИТЬ (ВОЗИТЬ). Никакие радости и удовольствия не даются без труда и усилий. (с осуждением): В город! В город! А чё в городе?! Рай?! Да там тожо если любишь кататься, то люби и саночки волочить; Любишь, чтоб зимой в избе тепло было? Пошли дрова пилить! Любишь кататься – люби и саночки возить.

ВОЛОЧИТЬ – с усилием тащить.

См.: ХОРОШО ГУЛЯТЬ У ПРУДА – ДАЛЕКО ХОДИТЬ ДОТУДА.

По ПОЛУ, ПО ЛАВКАМ, ПО ВСЕЙ СЕРЕДЕ, неодобр. О беспорядке в доме, в комнате и т.п. Говорят обычно о своем доме, самокритично. Приходите, девки, токо не испугайтесь: у меня сёдне по полу, по лавкам, по всей середе. Прибраться неколды было; Я такая «хозяйка»! У меня по полу, по лавкам, по всей середе!

Словарь В.И. Даля: «Середа, сев., вост., поднятая (встарь) на одну ступень половина избы (комнаты), бабья и детская часть, а на нижней половине держали зимою скотину; ныне это устройство уже редко, и середа, вообще место перед печью, стряпная, и вся куть, отделенная перегородкой или пересовом» [т. IV, 176].

ХОРОШО ГУЛЯТЬ У ПРУДА – ДАЛЕКО ХОДИТЬ ДОТУДА = ЛюБИШЬ КАТАТЬСЯ – ЛюБИ И САНОЧКИ ВОЛОЧИТЬ (ВОЗИТЬ). Я бы к ребятам поехала. Шибко охота их повидать. Да боюся: больно далёко. Хорошо гулять у пруда – далеко ходить дотуда; В. заленился косить – сейчас сидят без сена. Ето как про ево сказано: хорошо гулять у пруда – далеко ходить дотуда.

Истолкование основных терминов, понятий, наименований

В труде В.И. Даля «Пословицы русского народа» даны глубокие развернутые толкования многих наименований, относящихся к фольклорным мини-жанрам. Считаем необходимым обратиться к ним. Итак:

Пословица – «коротенькая притча <...>, суждение, приговор, поучение, высказанное обиняком и пущенное в оборот, под чеканом народности <...>».

«*Пословичным изречением* назовем такое, которое вошло, в виде пословицы, в беседу нашу, хотя и не включает в себе никакой притчи, иносказания, обиняка <...>». В качестве примера Даль приводит выражение «Твори Бог волю свою».

«*Поговорка* – окольное выражение, переносная речь, простое иносказание, обиняк <...>, но без притчи, без суждения, заключения <...>; это одна первая половина пословицы <...>. Она не говорит *он пьян*, а скажет: «У него в глазах двоится, он навеселе, язык лыка не вяжет, он не свиснет, он закатился за ворот <...>» и пр.»

Приговорка – «изречение <...>, часто повторяемое, приговариваемое, без большого толку и значения, а по местной или личной привычке: <...> *оченно хорошо это самое дело; тово – воно как – оно*». По свидетельству В.И. Даля, приговорки часты в сказках, одна из самых распространенных – «Скоро сказка сказуется, не скоро дело делается».

«*Присловье* (сегодня оно называется *коллективным прозвищем*) весьма близко к прозвищу, но относится не к лицу, а к целой местности, кой жителей дразнят, бранят или чествуют <...>: «Рязанцы синебрюхие», «Ярославцы белотельцы» <...>, Пенжане свою ворону в Москве узнали». Некоторые из присловий, по мнерию В.И. Даля, весьма близки к пословицам; «Чухломский рукосуй: рукавицы за поясом, а других ищет».

Скороговорка «слагается для упражнения в скором и чистом произношении», но многие из них «закljučают в себе также пословицу: «Нашего пономаря не перепonomаривать статью», человека не переделать <...>».

Загадки «иногда переходят в пословицы, становясь и тем и другим: «Ничего не болит, а все стонет; пословично это говорится о ханже и попрошайке; а как загадка – это свинья».

Прибаутка – «Иные называют так целый ряд поговорок и приговорок, сложных складно, без большого смысла: «По всем по трем, коренной не тронь»; «Лошади чужие, кнут не свой – погоняй, не стой» и т.п. В.И. Даль относит к прибауткам самые разнообразные речения, например,

– «сказочные прикрасы»: «Конь бежит, земля дрожит, полямя из ноздрей <...>»;

– мало понятные, обычно шуточные приговорки: «Слава Богу, лапоть поспел», «Попал, как черт в рукоюйник» и пр.»;

– выражения, заключающие в себе игру слов: «Я в лес (влез), и он в лес; я за вяз (завяз), и он за вяз» [Даль, 1957, 18-22].

Не все данные В.И. Далям определения приняты в современной фольклористике, но все исследователи с почтением и благодарностью опираются на них.

Изучив множество дефиниций, относящихся к фольклорным мини-жанрам, приводимых в самых различных изданиях XIX – XXI вв., мы приняли или выработали следующие истолкования:

Афоризм – изречение, в лаконичной, отточенной форме выражающее обобщенную мысль.

Загадка – «краткое иносказательное описание какого-л. предмета или явления, которое нужно узнать, разгадать» [БТС, 1998, 316].

Поговорка – устойчивое в речевом обиходе изречение, представляющее собой часть суждения и определяющее какое-либо жизненное явление с точки зрения его эмоционально-экспрессивной оценки [Русский язык, 1979, 212].

Пословица – устойчивое в речевом обиходе, ритмически и грамматически организованное изречение, обобщающее – нередко в переносном плане – общественно-исторический опыт народа, его оценку определенных жизненных явлений и представляющее собой самостоятельное суждение [Русский язык, 1979, 219].

Прибаутка – забавная шуточная поговорка, нередко – рифмованная, употребляемая для оживления речи, разговора [БТС, 1998, 969].

Приговорка – см. определение В.И. Даля, приведенное в данном Предисловии.

Примета, обычно мн. *приметы* – сохраняющиеся в народе и передаваемые изустно от поколения к поколению признаки, предвещающие что-л., обычно – характер или изменение погоды и других явлений природы.

Присказка – «прибаутка; постоянно повторяемое кем-л. выражение» [БТС, 1998, 989].

Присловье. «Большой толковый словарь русского языка» подает как равнозначное слову «присказка». У В.И. Даля присловьем называются определенные изречения (см. выше).

Речение. Судя по всему, не стало термином. Так называют самые различные высказывания. Скороговорка – «народнопоэтическое произведение, построенное на сочетании звуков, затрудняющих быстрое и четкое произнесение слов. <...> Содержание С. чаще всего юмористическое, иногда С. имеет смысл пословицы [КЛЭ, 1971, Т.6, 894].

Устойчивое сравнение – сравнение, ставшее воспроизводимым от частого использования в речи. Обычно образное, экспрессивное. *Сравнение* – выражение, содержащее уподобление одного предмета, лица, обстоятельства и т.п. – другим.

Фразеологизм – семантически несвободное сочетание слов, воспроизводимое в речи. В нашем словаре приводятся преимущественно *идиомы* – выражения, характеризующиеся слитным значением, функционально эквивалентным словесному значению, неразложимым на значения слов-компонентов; возникает вследствие переосмысления соответствующих предложений или сочетаний слов.

Список литературы с сокращениями

БТС – Большой толковый словарь русского языка. СПб, 1998. (БТС).

Даль В.И. Пословицы русского народа. М., 1957.

Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1955. Т.т. I–IV.

Жуков В.П. Словарь русских пословиц и поговорок. М., 1966.

Кобелева И.А. Фразеологический словарь русских говоров Республики Коми. Сыктывкар, 2004.

Краткая литературная энциклопедия. М., 1962–1978. т.т. 1–9.

Михельсон М.И. Опыт русской фразеологии. СПб., 1912.

Прокошева К.Н. Фразеологический словарь пермских говоров. Пермь, 2002.

Русский язык. Энциклопедия. М., 1979.

Словарь говора деревни Акчим Красновишерского района Пермской области (Акчимский словарь). Пермь. Вып. I–1984; Вып. II–1990; Вып. III–1995; Вып. IV–1999; Вып V–2003.

Словарь псковских пословиц и поговорок / Сост. В.М. Мокиенко, Т.Г. Никитина. СПб, 2001.

Фелицына В.П., Прохоров Ю.Е. Русские пословицы, поговорки и крылатые выражения. М., 1988.

Фразеологический словарь русского языка / Под ред. А.И. Молоткова. СПб, 1994.

Принятые сокращения

Акч. – Акчимский словарь

бран. – бранное

в знач. – в значении

в соч. – в сочетании

гл. – глагол

груб. – грубо

ед. – единственное число

ж. – женский род
знач. – значение
ирон. – ироничное, иронически
ласк. – ласковое
м. – мужской род
межд. – междометие
мн. – множественное число
насмешл. – насмешливо
неодобр. – неодобрительное
одуш. – одушевленное
отглагол. – отглагольное
отриц. – отрицание
пренебр. – пренебрежительное
см. – смотри, смотрите
ср. – сравни, сравните
ср. р. – средний род
сравнит. – сравнительное
сущ. – существительное
увел. – увеличительное
уменьш. – уменьшительное
уменьш.-ласк. – уменьшительно-ласковое
уничижит. – уничижительное
устар. – устаревшее
шутл. – шутливо, шутливое

Ниже мы представляем материалы к словарю «Афористика Пермского края». Это небольшой кусок будущего словаря, позволяющий продемонстрировать разнообразие афористических выражений в пермской диалектной речи. Словарные статьи подаются в алфавитном порядке.

А

А ПОТОМ – БУДЕТ СУП С КОТОМ, *шутл.* Приговаривают в ответ на настойчивые просьбы продолжить какой-л. рассказ, повествование и т.п., выражаемые вопросом «А потом?». – А потом? – А потом будет суп с котом.

См.: Потом завернёмся котом и пойдём мышей ловить.

АГРАФЁНА-КУПАЛЬНИЦА ПРИШЛА И НИ ОДИН ВЕНИЧЕК НЕ ПРИВОЛОКЛА. Сёгды лето не ждите хорошо: Аграфена-купальница пришла и ни один виницёк не приволокла.

Аграфена-купальница – старинный народный праздник, приходящийся на конец июня и связанный с летним солнцестоянием. Представители старшего поколения диалектоносителей рассказывают: «Аграфена-купальница – праздник. Бани топят, виник новый делают. Папоротник, цветы – всё в виник; В Аграфену-купальницу венки бросают (в реку). Пойдут в баню, вымоются и венки бросят. Которой плывёт долго – жить будут» [АС, I, 39].

Если лист на берёзе к этому времени не готов для изготовления венков, значит, всё лето будет холодным, дождливым.

АД ОТВОРИТЬ (ОТКРЫТЬ, ДРАТЬ И ДР.), *бран. 1. Орать – громко плакать, кричать (о человеке); громко мычать, бляеть и т.п. (о животном). Опеть ад-от дерёт! И затнуть ево ничем ни можно!; Притяни ей плохое сено – она будет драть ад-от.*

2. Орать – громко и грубо высказывать кому-л. порицание, недовольство, возмущение. Чё, мол, открыл ад-от на меня?!; Опеть ад отворил, на бабу свою орёт.

«Ад², бран. Рот, пасть, глотка» [АС, I, 39].

АННОВ ДА ИВАНОВ – КАК ГРИБОВ-ПОГАНОВ (КАК ГРИБОВ ПОГАНЫХ), *шутл. Анна и Иван являются наиболее распространенными именами. У нас говорили ране: «Аннов да Иванов – как грибов-поганов», а нонче – другие имена; Поговорка была: Аннов да Иванов – как грибов поганых. Много, значит. Нет, ето не ругань. Просто поговорка; у вас ведь имена-те какие! А у нас – Иванов да Аннов – как грибов поганых. Много их. Вот и говорят.*

АНТИПКА НИЗОК, НА НЁМ СТО РИЗОК *(загадка о капусте).*

Ризка – уменьш. от риза, здесь – 'одежка'.

АППЕТИТ – НЕЖЁВАНО (НЕЖВАКОВАНО) ЛЕТИТ!, *экспр. о хорошем аппетите. У тебя аппетит – нежваковано летит, и у меня аппетит – нежваковано летит.; Хорошо ес (ест). Аппетит – нежёвано летит.*

АХ (ОХ), ЕДРЫШКИ – БАБУШКИНЫ ШИШКИ!, *экспр. Восклицание, издаваемое в случаях какого-л. неожиданного досадного обстоятельства, оплошности и т.д. Ах, едрышки – бабушкины шишки! Воду сплеснула!; Ох, едрышки – бабушкины шишки! Лампа опеть погасла!*

Слово «едрышки» в свободном употреблении в пермских говорах не зафиксировано.

Б

БАБА НЕ ЛаПОТЬ, С НОГи НЕ СБРоСИШЬ (НЕ СПНёШЬ). *Говориться, когда, например, муж с женой живут не дружно,*

ссораются, но не хотят разводиться; или в случаях, когда невозможно избавиться от какой-л. помехи.

БаБЫ КаЮТСЯ, А ДеВКИ (В)ЗаМУЖ СОБИРаЮТСЯ (ВЗаМУЖ СНАРЯЖаЮТСЯ); БаБЫ МаЮТСЯ, А ДеВКИ ВЗаМУЖ ЛаДЯТСЯ. *Чужой опыт, чужие переживания, ошибки часто не воспринимаются, не учитываются другими, в частности людьми молодого поколения. Ведь говорела (говорила): не изди, живи здесь. Нет, унеслася! А теперь не работы, ничё. Правду, видно, говорят: Бабы каются, а девки опеть взамуж собираются; Отговаривали, да кто нас слушат?! Бабы, де, каются, а девки всё замуж снаряжаются; Бабы-то маюца, а девки всё взамуж ладяца.*

Снаряжаться – готовиться к чему-л., собираться куда-л.

БАКЛуХИ ОТКаЛЫВАТЬ, *экспр.* *Рассказывать небылицы.* Вон сидят баклухи откалывают. Пишите, девки, за има. Они вам наскажут!

«Баклуха, бахлуха. Обрубок дерева, обрезок бревна или доски» [АС, I, 48].

БОГаТОМУ – ТЕЛяТА, А БеДНОМУ – РОБяТА. *У богатого приумножается богатство, а бедного ждут новые расходы и невзгоды.*

Ср.: Деньги идут к деньгам.

БоГОМ ПОКОРЕНО. *Предписано свыше.* Богом покороено мужику пить (ирон.).

БОКа ОБЛОМаТЬ, *экспр.* = *Потроха вытряхнуть.*

БОЛЬШАЯ (ВЕЛИКа) ФИГуРА, ДА ДуРА. *Что-л. большое по величине, объёму может быть бесполезным, непригодным для дела, для использования; человек высокого роста или взрослый сравнительно с ребёнком не всегда обладает умом и душевными достоинствами.*

См.: Мал золотник, да дорог, велик, да дик.

БОЛЬШЕ РУК НЕ ВОЗьМёШь. *Не надо жадничать, забирать себе как можно больше; достаточно того, что можно унести в руках. Есь таки (такие)! Всё готовы захапать. А ведь всё ровно больше рук не возьмёшь.*

БОЛЬШоЕ ХАЙЛо, *экспр.* *О человеке с громким голосом.* Большое хайло – это громко разговаривают. Например, я большое хайло.

БОРоК НА СиНЕЙ НиТКЕ, *неодобр.* *О том, кто любит прихватить или порассуждать о чем-л., плохо ему известном. Хто хлопат чё, вот и скажут: борок на синей нитке.*

Борок, обычно мн. Борки – незаутюженные складки, сборки на одежде.

Бы.ЛИ БЫ КоСТИ – МяСО НАРАСТёт. *Так подбадривают тех, кого беспокоит худоба – своя или своих близких. Ну и чё, што худой? (о*

ребенке). Были бы кости – мясо нарастёт; – Ничё, не хворат уже. Токо больно худой. – Ну, ето не беда. Были бы кости – мясо нарастёт.

В

В БОЛЬШОМ НАРОДЕ НЕ БЕЗ УРОДА. = *В природе не без уroda.* Пьёт. Отец хорошей, мать роботяшша, сёстры, брат старшой – все как люди. А етот – пьянича. Чё сделаешь?! В большом народе, де, не без урода.

Ср.: В семье не без урода.

В НеБО ДЫРА, *экспр.* *Об очень высоких деревьях.* Был такой шутём. Вот такие толды – я ишо в девках была – вот таки сосенки были (маленькие). А тожно – в небо дыра сосняк.

В КАРМАНЕ ЕСТЬ. *О наличии денег, о достатке.* У кого в кармане есть, у того праздники хорошие.

В ПРИРОДЕ НЕ БЕЗ УРОДА. *В большом коллективе обычно оказывается кто-л., доставляющий много хлопот своими поступками или много трудностей из-за своих качеств.*

См.: В большом народе не без урода.

Ср.: В семье не без урод.

Природа – здесь родственники, клан.

ВОТ И РАЗНИЦА: ОДИН СМЕЁТСЯ, ДРУГОЙ – ДРАЗНИТСЯ. *Приговаривают в ответ на реплику «Какая разница!» – Ты иголку неправильно держишь! – А какая разница! – вот и разница: один смеёца, другой – дразница.*

ВСЯК ПОП ПО-СВОЕМУ ПОЁТ. = *У каждой хозяйки свой обиход.* Ты так шшыташь (считаешь), а я – так. Вот и говоритса: Всяк поп по-своему поёт.

ВАЛи КУЛём, ПОТОМ РАЗБЕРём, *экспр.* *Шутливо, но с оттенком неодобрения говорится в ситуациях, когда что-л. набрасывается, сваливается в беспорядке, в общую грудю и т.п. – Мелкую картошку сыпте туда, а хрушкую (крупную) – туда (показывает). – А туда носить далёко. – Ну, ладно, вали кулём, потом разберём!; (Игрушки, книжки, карандаши, свою одёжку девочка быстро сбрасывают под лавку, освобождая место для диалектологов. Ее бабушка говорит): Чё? Вали кулём, потом разберём?*

Кулём – от куль.

ВЗЯЛСЯ ЗА ГУЖ, ТАК БУДЬ ДЮЖ. *Если взялся за какое-то дело, сделай его, даже если это трудно.*

См.: Запрёгса в гуж – будь дюж.

Ср.: Взялся за гуж – не говори, что не дюж.

Гуж – часть конской упряжи, петли у хомута, служащие для скрепления оглобли с дугой. Чтобы правильно запрячь лошадь, гужи надо натянуть, для чего требуется большая сила.

Дюж – кратк. форма от «дюжий» – сильный, здоровый.

ВсяКОМУ (КаЖНОМУ) СВОи СоПЛИ СоЛОНы, *экспр.* 1. = У кого чё болит, тот про то и говорит. Всё вам, девки, про себя рассказала. Про жись злощасную. Не осудите уж. Всякому свои сопли солонны.

2. Для каждого естественно беспокоиться, заботиться прежде всего о своих близких. Все глаза проревела (пока муж был на фронте). А как жо?! Кажному свои сопли солонны.; Гледи, всех цыпушек под себя собрала (курица) – всякому, видно, свои сопли солонны.

ВыБИТЬСЯ ИЗ БАШКи. *О потере памяти, способности здраво мыслить и рассуждать.* Я уж сейчас не запоминаю ничего, рассказать-то не могу. У меня уже соображенья-то нет. У меня уж всё выбилось из башки.

ВыПРОСИТЬ ПО ЗАГРиВКУ, *экспр.* *Неразумным поведением заслужить наказание в виде подзатыльника или удара по шее.* Наш рывкал-рывкал (громко плакал) – выпросил по загривку.

«Загривок. 1. Задняя часть шеи у животных и человека» [АС, I, 299].

См.: Искать по загривку.

Г

ГДЕ НАС НЕТ, ТАМ ДоБРАЯ СТОРОНа. *Человеку свойственно думать, что где-то в иных краях жить хорошо, а у себя дома – масса трудностей и невзгод.* Обратно приехали. Не понравилось в городе. Думали: ах! ох! Как бы не так! Токо там, где нас нет, – добрая сторона.

Ср.б Хорошо там, где нас нет.

ГОЛодНАЯ ПУЧиНА ГоНИТ НА РАЗБой. *Из-за нужды, нищеты, голода человек может пойт на преступление.* Раньше говорили: голодная пучина гонит в разбой. Значит, когда есть нечё, одеть нечё – подёшь воровать.

Пучина – живот.

ГУЛЯЙ, НоГа!, *экспр.* *О беззаботном веселье, отдыхе.* Будет день рождения, сниму пидисят рублей с книжки, и – гуляй, нога!

Д

(КОГДА) ДОЙДЁТ ДО ЗАДНИЦЫ, *экспр.* = (Когда) *притрёт да прижмёт*. Мы ведь нынче – когда дойдёт до задницы дак – богато только знали. А не дойдёт, дак мы ево не знали.

ДАЛЁКО К ВАМ В ГОСТИ – НЕ ДОНЕСЁТ И ВОРОН КОСТИ.

1. *О невозможности или нежелании пойти, поехать куда-л., к кому-л.*

(–Приезжайте к нам в Пермь). – Ой, девки! Куда уж мне! Далёко к вам в гости – не донесёт ворон кости.

2. *Шутливый ответ на приглашение в гости.* Далёко к вам в гости – не донесёт и ворон кости. Да ладно, придём в воскресеннё.

ДАРОМ ДАЮТ ЗА АМБАРОМ. *Даром ничто не дается. За все надо платить.*

Ср.: Бесплатный сыр бывает только в мышеловке.

ДАТЬ ПРИПАРКУ, *экспр.* = *Бока обломать.* Ване припарку надо дать хорошую! Заслужил!; Мать не велела! Приду – дам ему припарку.

См.: Потроха выпустить.

ДЕВУШКА НЕ ТРАВУШКА, НЕ ВЫРАСТЕТ БЕЗ СЛАВУШКИ. *Редко кому из молодых удастся избежать слухов, пересудов, даже сплетен по отношению к себе.* – Таньку, говорят на Мутихе видели с етем (этим) пареньком. – А пусть говорят. Деушка не траушка – не вырастет без славушки.

ДЕТИ НЕ РОЖЬ – И ЗИМОЙ РОДЯТСЯ. Везли из Вишеры (Красновишерска) в телеге. Холодина была. Я робёнка к себе под тулуп засунула. Дети, оне ведь не рожь – и зимой родятся. Ничё, довели. Тожно уж ножками пошёл; родился в енваре. Дети не рожь – и зимой родятся.

САМОВАР В УПРЯЖКЕ ХОДИТ!, *шутл. Шутливая похвала изобретательности, выдумке.* В колодес (колодец) насос постаили и кашяют воду в огород. До шево народ доходит – самовар в упряжке ходит; Леди (гляди), в корыте по пруду плавают (ребятишки). Ну! До чево народ доходит – самовар в упряжке ходит.

ДУРАКОВ НЕ СЕЯНО, НЕ ПАХАНО, ОНИ САМИ (НА)РОДЯТСЯ. *Говориться, когда приходится сталкиваться с некомпетентностью, нелогичностью, глупостью в речах и поступках.* Зачем он тебуёт картошку копать?! Рано ишо! Правда, видно, дураков не сеяно, не пахано, оне сами родяца.

ДУША ТРЕБУЕТ. *О желании осуществить что-л.* Не могу дома сидить, пойду на покос – прямо душа требует; Хочешь – их жарь (грибы). Што душа требует.

Е

ЕГОРИЙ С ВОДОЙ, НИКОЛА – С ТРАВОЙ.

НА ЕГОРЬЕ – ВОДА, НА МИКОЛУ – ТРАВА. В народе издавна примечали, что если весной (Егорьев день – 23-го апреля) большое половодье, то летом вырастут хорошие, богатые травы (Николин день – 27-го июня). Я сама знаю: в Егорьев день если много воды, то покосы хорошие будут. Как говорят у нас: На Егорье – вода, на Миколу – трава; Весной большое половодье, дак летом трава будет добрая. Егорий с водой, дак Никола с травой.

ЕСЛИ Я НЕ МОЛОДЕЦ, ТО СВИНЬЯ НЕ КРАСАВЕЦ (НЕ КРАСАВИЦА), шутл. Говорится в ответ на похвалу.

Ж

ЖАЛКО у ПЧЁЛКИ В ЖОПКЕ, шутл. В ответ на реплику, содержащую слово «жалко» (обычно о чем-л. незначительном). Я стару куклу выбросила, а она (внучка) – «Жалко! Жалко!». Ну, я ей и говорю жалко-то у пчёлки в жопке.

ЖЕГЧИ (БЫ) НА КРЕПКОМ (КРАСНОМ) ОГНЕ, бран. О том, что (кто) вызывает резкое раздражение, неприятие. Хлебушко от бабы жорёт готовый! Чему не ревновать?! Лутше разойтись, да и жги ево на красном огне!; Жгла бы я нонешну зиму на крепком огне, прости господи! Така холодина – никаких дров не хватит!

ЖЕНИТЬСЯ-ТО НЕ НАПАСТЬ, ДА КАК БЫ ЖЕНАТОМУ НЕ ПРОПАСТЬ!, Сделать какой-то новый шаг в жизни – это не самое ответственное. Важнее – удержаться, достойно прожить новый период.

ЖИТЬ ГОЛОДОМ И ХОЛОДОМ. Жить в голоде и холоде. Мы раньше жили голодом и холодом.

ЖУРАВЛЯ БАСНЯМИ НЕ КОРМЯТ. Говорится, когда от разговоров нужно перейти к делу или сесть за стол, за угощение. Ладно, девки, журавля баснями не кормят, пойду овецкам давать; Айда за стол! Журавля баснями не кормят.

Басни – здесь разговоры, болтовня.

Ср.: Соловья баснями не кормят.

З

ЗАГАНУ ЗАГАДКУ, БРОШУ ЧЕРЕЗ ГРЯДКУ. ГОД ДЁРЖУ ДА НЕ ВЫПУШУ. Приговаривают перед загадыванием загадок.

ЗАДАВАТЬ ПРОБОР, экспр. Осуждая за что-л., делать строгий выговор. Я говорю: Нет у меня ни оца, ни матери! Смотрю: старикашки прибегают. Мне пробор задают: она-де тебе мать!

ЗАПРЁГСЯ В ГУЖ – БУДЬ ДЮЖ. = Взлся за гуж, так будь дюж. Тяжело работать-то? Ну, ничё! Запрёгся в гуж, так будь дюж.

Ср.: Взлся за гуж – не говори, что не дюж.

ЗАПРЯГАЙ ДРОВАНИ, ДА ПОЕЗЖАЙ ПО СВОЮ РОВНЮ. *Совет тому, кто общается с людьми не своего круга и чувствует от этого дискомфорт.*

Дровни – крестьянские сани для перевозки дров, сена и т.п.

ХОТЬ БЕЗ УЖНЫ СПАТЬ ЛОЖИСЬ. *Горько–шутливо о тяготах жизни.*

ЗУБЫ ОБМЫВАТЬ, *неодобр.* *Вести пустые разговоры.* От нечево делать сидят, один другому зубы обмывают, один другому врут.

И

И В ДЕРЕВНЕ НЕ КРАСНО, И В ГОРОДЕ ПЛОХО. *Жить везде не легко. Чё у вас там?! Дохнуть нельзя – заводы дымят. И в деревне не красно, и в городе плохо.*

И ГОЛИК НАД МОЛОДУХОЙ СМЕЁТСЯ. *На молодую жену, только что появившуюся в доме мужа, обрушивается немало трудностей, упреков, насмешек. Выйдешь взамуж – чё только не натерпишша! И от свекровки, и от золовки! И голик-де, над молодой смеёца.*

ИДЁТ СВИНЬЯ ПО ПИТЕРУ, ВСЕ БОКА ИСТЫКАНЫ. *(Загадка про наперсток).*

ИЗ КУЛАКА В НОС (НА)КОРМИТЬ, *экспр.* *Наносить побои.* Нынче из кулака в нос накормят (дети – родителей).

ИВАН – ПОТАКАН СЕЛ НА КОНЬ, ПОЕХАЛ В ОГОНЬ. *Загадка о чугуне, в котором готовят пищу в русской печи.*

Слово «потакан» в свободном употреблении не зафиксировано.

ИГОЛКОЙ НЕ ДОСТАТЬ. *Не разыскать кого-л., не добраться до кого-л.* Нашла, небось, место, затенулась к деду, и иголкой теперь иё не достанешь.

ИЗНОСИТЬСЯ – НЕ СПРОСИТЬСЯ. *Пригоаривают по поводу быстро изветшавшей, износившейся одежды, обуви и т.п.* Чё ты, кофтюша, изнасилась – меня не спросилась?; Вот и сумка уж изнасилась – не спросилась.

ИЗ-ПОД РЕМНЯ ВЫЙДУТ ПЕЛЬМЯНЫ У МЕНЯ. *О деле, которым занимаешься вынужденно, говорят: делать из-под ремня.*

Пельмяны – пельмени.

ИСКАТЬ ПО ЗАГРИВКУ, *экспр.* = *Выпросить по загривку.* Куда дела поварёнку?! Ходит ишшот по загривку. Получишь!

ИСКРЫ ВО РТУ, *экспр.* *О резкой, пронизывающей боли.* Только искры во рту – зборол он меня. Я заревел только.

К

КРАСИВОЙ АКИ МЕРИН СИВОЙ, *шутл., ирон.* Старый, худой, маленькой – красивой аки мерин сивой; – Он у вас красивый! – Ничё! Красивой аки мерин сивой.

КРАСНЫЕ ЛАПКИ, ШШЫПЛЕТ ЗА ПЯТКИ. БЕГИ БЕЗ ОГЛЯДКИ! *Загадка о гусе.*

КОСТЬ ДА ЖИЛА – ГОЛЬНА СИЛА. *Здоровье – не в полноте. Жилистый, поджарый человек – сильнее, выносливее. Не горюй, што худой. Кость да жила – гольна сила.*

Гольный – здесь настоящий, истинный.

КОШКУ БЬЮТ – КОТУ НАВЕТКИ ДАЮТ. *Наказание одному – предупреждение, намек, урок другому, другим.*

Давать наветки – намекать, предупреждать.

КРУТА ГОРА, ДА ЗАБЫВЧИВА. *Невзгоды, трудности постепенно забудутся. Помаленьку всё пройдёт. Крута-де гора, да забывчива.*

КТО РАНО (В)СТАЁТ, ТОМУ БОГ ПОДАЁТ. *Трудолюбивых, тех, кто работает с самого раннего утра ждет успех, удача. Смотри! С шести утра на покосе. Кто рано стаёт, тому бог подаёт.*

См.: Кто раня, тот правя.

КТО РАНЯ, ТОТ ПРАВЯ. = *Кто рано (раньше) встаёт, тому бог подаёт.*

Раня – сравнит. от «рано».

Правя – сравнит. от «прав».

М

МАЛ ЗОЛОТНИК, ДА ДОРОГ, ВЕЛИК, ДА ДИК. *Первая часть высказывания (Мал золотник, да дорог) часто используется самостоятельно – в случаях, когда что-л. небольшое по размеру, весу и т.п. является очень важным по своему существу, по приносимой пользе и т.п.; или о ком-л. маленького роста, но с положительными качествами, умом, достоинствами. Вторая часть высказывания (велик, да дик) по смыслу противоположна первой.*

Золотник – старинная русская мера веса, равная 4,26 грамма; употреблялся главным образом при взвешивании золота и серебра.

МОСКВУ УВИДЕТЬ, *экспр.* *Испытать сильные ощущения. Ну, сушили раньше (ягоды калины), сушили. А варить – чё там наварить?! Одна кислятина. Москву увидишь, господи!*

МОТАТЬ НА КРИВОЕ ВЕРЕТЕНО, *неодобр.* *Говорить не по делу, нектати. Опеть встряла! Дело бы говорела, а то всё на кривоё веретено мотат.*

Н

НА ЕГОРЬЕ – ВОДА, НА МИКОЛУ – ТРАВА. См.: Егорий – с водой, Никола – с травой.

НАМОТАТЬ СОПЛЕЙ НА КУЛАК. Испытать много трудностей в жизни. Нажилася! Намотала вот сколько соплей на кулак!.. Пьёт дак, скандалит дак.

НЕ БОЛТАЙ, А ТО УВЕЗУТ В АЛТАЙ! Говориться тому, кто или любит говорить лишнее, или болтает попусту. Ай! Чё-ко болтат-болтат! И чё к чему?! Не болтай, а то увезут в Алтай!

НЕ ОБВЕСТИ ГЛАЗОМ. Не окинуть взором. Здесь болот – глазом не обведёшь.

НЕ ПИТЬ, ЗА УХО ЛИТЬ, *шутл.* Не-е, у нас бабы не пьют, оне за ухо льют; Да кака я пьяна?! Я ведь не пью – за ухо лью.

НЕ С БАБЬЕЙ ГОЛОВОЙ. Не женское дело. (О тяжелой работе). С коровой-то вожгаться не с бабьей головой. Покосы-то далеко.

НЕ У КРАЮ, НЕ У БЕРЕГА, *экспр.* О неустроенности жизни, быта. Садить, говорит, я ево не буду. Дитей твоих жалко. Одна будешь не у краю, не у берега.

НОЖКОЙ ТОПНУЛА – СТАНОВИНА ЛОПНУЛА!, *шутл.* Акулина ты Митревна! Ножкой топнула – становина лопнула.

«Становина, <...>. 3. (в речи женщин старшего поколения). Любое повседневное длинное платье» [АС, V, 138].

НОЧЬ НОЧЕВАТЬ – НЕ ГОД ГОДОВАТЬ. 1. Радужные гостеприимные люди не считаются с неудобствами, причиняемыми теми, кто поселился у них на короткое время. Ночь ночевать – не год годовать. А всё равно не пушшают некоторые. Сам негде не бывал, ничево не видал, дак он не понимает (тех, кому негде переночевать).

2. Используется для подбадривания (себя и других), если приходится провести ночь – другую в тяжелых условиях. Так у костра и спали (охотники раньше). И зимой. Ну, ничё! Ночь ночевать ведь не год годовать.

О

ОДВА ЗДЫХАТЬ, *экспр.* О немощном, больном человеке. Одва здышу. Отработала своё; Старой! Одва здышот уж.

ОТВОРОТИТЬ ТАКОЕ (ТАКОЕ ОТВОРОТИТЬ), ЧТО ПОД СЕМИ ШУБАМИ НЕ СОГРЕТЬСЯ, *экспр.* Сказать что-л. чрезвычайно экспрессивное (грубое, эпатажное и т.п.). Я такого отворочу, што под семи шубами не согреться (о своем знании, а иногда и исполнении частушек с нецензурными словами).

ОТДАВАТЬ (ОТДАТЬ) ДУШУ. 1. С большой симпатией относиться к кому-л. Вот как приезжают студенты, он им душу отдаёт.

2. *Быть пристрастным к чему-л.* За водку душу отавал; Хлебом не корми – дай на лошаде поездить. Душу за ето отдас.

3. *Умереть.* Инфарк стал – и всё. В кабинете душу отдал.

ОТРОСТИТЬ (ОТРАСТИТЬ) БУТКУ, МОРДУ И Т.П., неодобр.
Заметно поправиться, пополнить. Пьёт, а смотри, каку морду отрастил!; Когда морду большую отростит кто, говорят: Вот каку бутку отростил!

«Бутка <...> 2. экспр. Опухлом лице сильно расплывшего человека» [АС, I, 102].

ОТЪЕСТЬ ШЕЮ С ТАРАКАНЬЮ НОЖКУ, ирон. *Заметно похудеть.* Отъели шеи в Акчиме с тараканью ножку! Ето вам не дома у мамоньки (диалектологам); Дак на казённых-то хлебах разве растолстиёшь? Отъел, говорят, шею с тараканью ножку!

См.: Отъесться в лебёжью кость; Пей(те) чай, наводи(те) шею как бычий хвост.

ОТЪЕСТЬСЯ В ЛЕБЕЖЬЮ КОСТЬ, ирон. = *Отъесть шею с тараканью ножку.* Везде твёрдо стало лежать. Всё худы-те кости, чувствуют. К старосте-то, говорят, отъелась в лебёжу кось.

Лебёжья – лебяжья, такая, как у лебедя (тоненькая, хрупкая).

См.: Пей(те) чай, наводи(те) шею как бычий хвост.

II

ПЕЙ(ТЕ) ЧАЙ, НАВОДИ(ТЕ) ШЕЮ, КАК БЫЧИЙ ХВОСТ, шутил., ирон. *Высказывание парадоксального характера; обычно приговаривают за чаем.* «Наводит шею» – значит поправляться от хорошей, обильной еды. А с чаю шея будет не толще бычьего (коровьего) хвоста.

См.: Отъесть шею с тараканью ножку; Отъесться в лебёжью кость.

ПИТЬ НА ПОСЛЕДНЮЮ КОПЕЙКУ, неодобр. *Пропивать все деньги.* Только собирают ягоды, грибы. Продают, напьются. На последнюю пьют копейку. А завтра вот – ни думают о чём – што жить завтра чем-то надо.

ПЛЯСКА-ТЯСКА, экспр. *О буйном веселье.* Собираюсь где-нибудь тут. Гармоника есь. Значит, пляску-тряску, это, устроим.

ПОПЕРЕШНАЯ ЧИВЕРА, бран. *О ком-л. непослушном, вызывающем раздражение своим поведением.* Ах ты чивера! Поперёшная чивера! (Корове, которая никак не идет к дому).

«Поперёшный <...> 2. неодобр. Поступающий вопреки чему-л., говорящий наперекор кому-л., чему-л.» [АС, IV, 98].

Чивера, бран. (Ср.: Словарь пермских говоров, II, 531 – с иным ударением: чивера).

(А) ПОТОМ – ЗАВЕРНЁМСЯ (ЗАВЕРНУЛСЯ И Т.П.) КОТОМ И ПОЙДЁМ (ПОШЁЛ) МЫШЕЙ ЛОВИТЬ, *шутл.*

– А чё потом? – А потом завернулся-де котом и пошел мышей ловить (внуку).

Завернуться – здесь обернуться – превратиться в кого-, что-л.

См.: А потом будет суп с котом.

ПОТРОХа ВыТРЯХНУТЬ, *экспр.* Наказать битьем. Да за такое надо бока обломать и потроха вытряхнуть!

(КОГДа) ПРИТрёт ДА ПРИЖМёт, *экспр.* (Когда) придет беда, настанет тяжелое время. Когда притрёт да прижмёт, – «ой, ой, ой, боже мой!» И вы говорите (о боге).

См.: (Когда) дойдёт до задницы.

ПРОЖИТЬ ВЕК ЗА ХОЛЩОВЫЙ МЕХ. *Прожить жизнь в тяготах, нужде и не быть вознагражденным к старости.* Прожила я с тобой век за холщовый мех, ничё доброва не видела; Вот так и прожила свой век за холщовый мех.

Холщовый мех, ирон. – мех из холста.

ПРОЙДёт ЗИМа – НАСТаНЕТ ЛеТО. *Не теряй надежды. Впереди будет легче, лучше.* Ничё! Не тужи! Пройдёт зима – настанет лето; Давай, расти! (внуку). Пройдёт зима – настанет лето. Летом ножками побежишь.

Р

РАБоТА НЕ МЕДВЕДЬ (ВОЛК) – В ЛЕС НЕ УЙДёт (УБЕЖИТ), *шутл. или ирон.* Говорится, когда невыполненная работа откладывается на «потом» без достаточно серьёзных причин. К краснам сёдне не подходила. Ладно, работа не медведь – в лес не уйдёт; Сидят зубы обмывают. А дело-то стоит. Всё шшытают, што работа, де, не волк – в лес не убежит.

РанЬШЕ СМерТИ НЕ ПОМИРаЙ (УМИРаЙ). *Обычно говорится человеку, без оснований жалующемуся на свою жизнь и здоровье, или, напротив, чтобы подбодрить болеющего.* Опеть заныла? Я всё ей говорю: Ну чё? Отутовел? И славу Богу! Раньше смерти не помирай! *См.: Умирать-то собирайся, а хлеб-то сей.*

РуКИ НЕ ХоДЯТ. *О слабости, бессилии (вследствие старости, болезни и т.п.)* Я всё делала, я за чё не возьмусь. А чичас руки не ходят. *Возможно, по аналогии с «ноги не ходят».*

С

СИДеТЬ НА ЗаДНИЦЕ. *Бездельничать, не принимать участия в работе.* Ты робишь, а я на заднице сижу.

СИЖу – ВЫГаДЫВАЮ.

В ОДНУ ДЫРу ГЛяЖу – В ДРУГу ВЫГЛяДЫВАЮ, *шутл.*

О размышлениях по поводу каких-л. действий, не требующих обычно длительного обдумывания. Вот, из юбки старой запон хочу шшыгть. Думаю, как скроить лутше. Сижу – выгадываю. В одну дыру гляжу, в другу выглядываю.

СОЛНЦЕ НА ЛеТО, ЗИМа – НА МОРоЗ. *Дни начинают прибывать, солнце ярче и выше, а морозы крепчают. Крешшэнски морозы. Хоть и ясной день, а морозит! Сонце на лето, зима – на мороз. Так и говориться.*

СТРеПЧА С ПЕРСТОВ СыТа. *Букв.: Стряпка может насытиться, облизывая пальцы. Иноск.: находясь при деле, человек может поживиться тем, что дает это дело. Стрепча вышла из-за стола – с перстов сыта.*

Ср.: Стряпка с пальцев сыта.

Стряпка – стряпка, повариха.

Перст – палец.

СТОиТ КОПНа, СПеРЕДЕ ВиЛА, ВЗаДЕ МЕТЛа. *Загадка о корове.*

Т

ТАРАКаН НЕ ПОГаН, А МуХА – СВЯТоГО (СВЯТаГО) ДуХА, *шутл. Не стоит излишне сосредотачиваться на мелких неудобствах (вроде бытовых насекомых). Конечно, летом мухи. Да как же сделаешь? Таракан, говорят, не поган, а муха – святого духа; (– А почему муха – святого духа?) – Вот Иисуса Христа когда распинали, а у ево, вроде, муха на сердце сидела. Вроде, и говорят: Муха святого духа.*

ТЕПЛо(М) КОСТЬ НЕ ЛоМИТ. *Говорят, подбадривая тех, кто плохо переносит жаркую погоду, высокую температуру в помещении и т.п., или просто оказавшись в жарко натопленном помещении. В овине-то? Конечно, жара. Да ведь тепло кось не ломит.*

Ср.: Жар костей не ломит.

ТиХИЙ В НоГаХ. *Медлительный в ходьбе, в движениях. На работе тихой и в ногах тихой.*

ТРЕЗВОЙ ДуМАЕШЬ – КАК БЫ НЕ ПИТЬ, А ПЬяНОЙ – КАК БЫ ТёЩУ ИЗБИТЬ, *шутл.*

У

У ВСяКОГО ПЛУТА СВОи РАСЧёТЫ. *Каждый стремится действовать в своих интересах, с выгодой для себя. Ну и пускай продаёт. У всякого, де, плута свои расчёты.*

Ср.: «У всякого плута свой расчёт» [Жуков: 460].

У КАЖДОГО ПОПа ПО-СВоЕМУ. *Доцек (свиной) тожо на имё зовут. А я зову доцькима да рожкима. Да у каждого попа по-своему.*

У КОРОВЫ В РОТЕ (ВО РТУ) МОЛОКО. *Корова дает много молока, когда много кормов. Плохо доится. Мало сена заготовили. А у коровы-то в роте ведь молоко.*

Доиться – здесь ‘давать молоко в процессе доения’

УМИРАТЬ-ТО СОБИРАЙСЯ, А ХЛЕБ-ТО СЕЙ. *Пока живешь, надо жить, работать, заботиться о будущем. Болюю (болею). Ноги болят. А по дому да в огороде всё делать надо. Умирать-то, де, собирайся, а хлеб-то сей; – Прямо не знаю – не покупать (более добротную избу). Много ли мне жить-то осталось?! – Ак чё?! Умирать-то собирайся, а хлеб-то сей.*

См.: Раньше смерти не умирай (не помирай); Вперёд смерти не умрешь.

Х

ХЛЕБОМ НЕ КОРМИ, *экспр. Говориться в случаях, когда человек настолько сильно увлечен чем-л., настолько велико его желание заниматься чем-л., делать что-то определенное, что он забывает даже о еде. Иё (внучку) хлебом не корми – дай машину (швейную) повертеть; Меня раньше хлебом не корми – так я любела вышивать крестиком; О-о! Их хлебом не корми – до ночи на ризьке пропадают (ребятишки в жаркие дни).*

ХОТЬ ВЕДРОМ ГРЕБИ, *экспр. О множестве лесных ягод. Тут кругом болота. Черники-то уж много. Хотя ведром греби.*

Ч

ЧЁРНОГО КОБЕЛЯ НЕ ОТМОЕШЬ ДОБЕЛА. 1. *Горбатого могила исправит. Ак он и молод-от такой был, беда в жите нехорошой. И сейчас ведь такой. Чёрнова кобеля не отмоешь добела.*

2. *Шутливо говорить в ситуации мытья в бане, купания ребенка и т.п. Ну, попарилась маленько! Сполоснулся тожно – и домой! Всё равно чёрнова кобеля не отмоешь добела; Айда, бегай! (внуку). Попалькался, большу-то грезь смыли – и хватит. Чёрнова кобеля не отмоешь добела.*

ЧТО ПОНРАВИТСЯ – НА ТО И ЗАРИТСЯ, *О ком-л., кто склонен к воровству. Есь такие! Што пондравится, на то и зарится!*

Щ

ЩЕПОТА ТЕБЕ НА ЯЗЫК!, *бран. Говориться в адрес кого-л., вызывающего негодование, раздражение своими высказываниями,*

словами. Да чё ты ёко несёшь?! Разве можно так говорить?! Шшэпота тебе на язык!

Ср.: Тупун тебе на язык!

Ср.: также : «Щепота ◊ Щепота́ (щепотияще) в глаза́ (в шары́, в ру́ки, на язык, в хайло)! <...>» [Прокошева, 2002, 428).

Семантический синкретизм при функционировании определений, характеризующих человека (на материале одного носителя говора)*

В.А. Малышева

Проблема «язык и личность» всегда вызывала глубокий интерес лингвистов, начиная с античности. В европейском языкознании она возникла в связи с постановкой таких глобальных вопросов, как социальная природа языка, соотношение языка и речи, языка индивида и коллектива. Важный вклад в ее разработку был внесен и видными русскими лингвистами А.М. Пешковским, В.В. Виноградовым, Р.А. Будаговым и др. В 70-90-е гг. XX в. указанная проблема становится одной из центральных в отечественной науке о языке.

Исследование лингвистических данных конкретной языковой личности позволяет ставить вопросы не только языковедческого характера, но и выходящие в область философии, психологии, этнокультуры, истории и других научных дисциплин. Такой материал может способствовать определению характеристик языковой личности, установлению общих с говором закономерностей и индивидуальных свойств идиолекта (языка одного лица), выяснению лингвистических параметров идиолексикона.

Изучение индивидуальной речи и лексикона в современном языкознании получило достаточно широкое распространение. Можно выделить даже несколько центров, анализирующих речь одного лица. Такие исследования проводятся и на диалектном материале. На данном этапе определены в общих чертах основные теоретические понятия антрополоингвистики – «языковая личность» и «структура языковой личности», складывается типология языковой личности, создаются ее модели. В настоящее время сделан определенный прорыв и в исследовании языка одного носителя говора и самой языковой диалектной личности. Достаточно указать на работы последних лет

* Статья выполнена при финансовой поддержке РГНФ № 07-04-82409 а/У; АВЦП «Развитие научного потенциала высшей школы № РНП.2.1.3.3400.

[Иванцова, 1994, 52-54; 1997, 162-169; 2002; 2005; Лютикова, 2000; Нефедова, 1997, 220-229; 2001; и др.].

Автор настоящей публикации в последние годы в русле подобных научных изысканий осуществляет детальное описание идиолексикона на основе данных полевых записей живой непринужденной речи жительницы деревни Акчим Красновишерского района Пермского края Анны Герасимовны Горшковой. Опубликованы отдельные статьи и материалы, подготовлено к печати учебное пособие по некоторым фрагментам лексической системы «Идиолексикон сквозь призму лексикографии».

В данной публикации предполагается рассмотреть один вопрос, представляющий интерес для характеристики общей языковой системы одного лица: семантический синкретизм. Материалом послужили единицы одной тематической группы идиословаря – прилагательные, характеризующие человека, лексикографическое описание которых дано в отмеченном выше учебном пособии.

О синкретизме семантики диалектного слова говорят многие диалектологи, это положение традиционно высказывается в учебном курсе «Диалектология (территориальная, социальная)» при рассмотрении лексических систем разных говоров и диалектных слов. Синкретизм семантики отдельного слова может стать предметом самостоятельных исследований. Наше внимание привлекла реализация этого свойства в пределах одной тематической группы идиолексикона.

Следует сказать несколько общих слов о самом явлении. Слово *синкретизм* возводят к греческому *synkretismos* со значением *соединение*. В «Большой энциклопедии Кирилла и Мефодия 2007 (3 CD)» зафиксированы следующие значения: 1) нерасчлененность, характеризующая неразвитое состояние какого-либо явления (напр., искусства на первоначальных стадиях человеческой культуры, когда музыка, пение, поэзия, танец не были отделены друг от друга; нерасчлененность психических функций на ранних ступенях развития ребенка и т. п.). 2) Смешение, неорганическое слияние разнородных элементов, напр. различных культов и религиозных систем в поздней античности – религиозный синкретизм периода эллинизма.

Как свидетельствует словарная статья о данном понятии в «Лингвистическом энциклопедическом словаре», в языкознании этот термин используется, в общем, в двух смыслах: 1) совпадение в процессе развития языка функционально различных грамматических категорий и форм в одной форме (например, падежный синкретизм, когда одно окончание имеет значение разных падежей, или синкретизм разных грамматических категорий, что предполагает наличие одного окончания, имеющего значение определенного рода, числа и падежа). (В связи со сказанным совершенно очевидно, что возникает вопрос о

статусе таких образований: это грамматическая омонимия или многозначность грамматической формы? Мнения лингвистов по этому вопросу расходятся); 2) совмещение (синтез) дифференциальных структурных и семантических признаков единиц языка (некоторых разрядов слов, значений, предложений, членов предложений и др.), противопоставленных друг другу в системе языка и связанных явлениями переходности. Это разного рода гибридные (контаминационные, промежуточные, диффузные) образования [Лингвистический энциклопедический словарь, 1990, 446]. Как показывают наблюдения, синкретизм возникает в случае сдвигов в соотношении формы и содержания языковой единицы. Судя по всему, он может проследиваться на всех уровнях языка, но иметь при этом свои особенности.

Разрабатывая словарные статьи для определенной тематической группы лексем – прилагательных, характеризующих человека, – мы обнаружили *своего рода синкретизм одного смысла*, который выражается разными образованиями: словосочетаниями существительное + прилагательное или отдельными прилагательными. В таких словосочетаниях исходное определение теряет свою семантику и приобретает новую. Покажем это на примере единиц с общим значением ‘тот, кто своим поведением создает неудобства, доставляет хлопоты, тем самым вызывает недовольство’, которое фиксируется у значительного ряда исследуемых лексем. Ниже приведем словарные материалы для представления главного и вторичных значений рассматриваемых слов. Один из ЛСВ, где слово используется с определенным семантическим кругом существительных, и представляет такой тип значения:

БЕСПУТЫЙ (-ОЙ). 1. = *ненормальный (не вполне здоровый психически, слабоумный)*. Девка кака-то тоже беспута: не говорит ничё, не понимает. Беспутая, чё, ведь всякой есь в народе; Неразвитый, беспутый, ума нет.

2. *Медленно и плохо соображающий, воспринимающий что-л. в силу ограниченных умственных способностей, возраста, плохой памяти и т.п.* Чё уж меня писать-то? Старая, беспутая, ни богу свечка, ни чёрту кочерга. Памети нет; Я сама беспутая: что скажу – всё забуду. Старая стала, беспутая; Старая уж. Не помню, пропадать надо. Беспутая стала, не помню всего-то; Здесь штанички, то ли в том яшшычке? Чё-ко де-ко положу, не помню. Кака беспутая; Мы шибко не ругаемся. Это нынче я беспутая, так он ругат; У меня старик был ловкой в жизни. Ето я уж беспутая; Ничё ишо не понимает, беспутый; Де йно нитки у меня? Ничё не помню, совсем беспута стала.

3. в составе сочетаний с сущ., бран. *Тот, кто своим поведением создает неудобства, доставляет хлопоты, тем самым вызывает*

недовольство. Накидай! (одежду) Ну, накинь, калека беспутый!; Обоссял как штаны. Ходишь, таковский сипатра, беспутый сипатра! Ругань такая.

БЕСТОЛКОВЫЙ (-ОЙ) = *беспутый* 2. Будь ты проклятая, бестолковый враг, чё-де положу и забуду; Сама я бестолковая, беспутая.

2. = *непослушный* (не желающий, отказывающийся слушаться кого-л., повиноваться кому-л.). Всё бы ему баловаться, бездельничать... бестолковый он.

3. в составе сочетаний с сущ., бран. = *беспутый* 3. Ходишь, толстопятой, ёлтош ишачой, леший, обжора, гад бестолковой!; Ах, дурак, дурина. Не закрывай, темно мне, болбан бестолковый!

ВРЕДНОЙ (-ЫЙ). 1. *Отличающийся непослушанием, делающий что-л. наперекор кому-л., тем самым доставляющий много хлопот или причиняющий вред.* Вредит, всё на вред делает, ругат, бросат – вредный; Нехорошо делает. Его счувашь, а он всё своё делает, вот и вредной. Конечно, вред делает: сгрёб всё, навредил; Ну, она на вред делает, дак она вредная. Есь у нас таких-то; Вредной он, сатана чистой! Настояшший шпанёнок, всё наперёк делает; Давай перекинем (куртку). Эдак-то не накидают. Вредной какой! Собачье мясо, настырной!; Кто добро делает, тот добродетель, а кто ругатся, тот вредный, вредитель; А его будёшь стювать, дак он ещё хуже. Вот какой вредной!

2. в составе сочетаний с сущ., бран. = *беспутый* 3. Такой враг вредной! Айда тебе в чашечку положу свою. Пускай он жорёт; Такой враг вредной! Только уйди – всего изжалю крапивой! Штаны сыму да. Ишь, какой настырной! Только пойдя! Закрой!; Ишшо такие холеры вредные! Иди вот этта ешь!; Отреси ты! Снег-от растает - валенки сыры будут. Болбаны вредные: не снег ничё не обметут; Давай, руки надо сязать, а то на себя всё гарамчишь. Кака вредна собака!

ГЛУХОЙ, БЛУХОЙ. 1. *Плохо слышащий.* Блушня – это блухой. Я старика иной раз: чё ты не чуёшь, блухой, блушня.

2. в составе сочетаний с сущ., бран. = *беспутый* 3. Ты суп-от не хлебашь? Иди ешь, глухой пестерь!

3. в знач. сущ. *Человек, плохо слышащий или не имеющий слуха.* Сегодня за ухой выпивает и глухой.

ГНИЛОШАРЫЙ, в составе сочетаний с сущ., бран. = *беспутый* 3. Враг гнилошарый, тут же ходит (о внуке). По холкам-то нажарю, по толстым-то! Настойчивый, толстопузый!

МАЛОМАЛЬСКИЙ (-ОЙ). 1. *Медленно и плохо соображающий в силу ограниченных умственных способностей, преклонного возраста, неграмотности.* Это тожо вот как я жо: необрядные, маломальские; Я

беспутая, маломальская; Это что не просишша? Бессовестный. Проситься надо, то лупить буду, маломальский.

2. *Слабый, подверженный недугам (о человеке)*. Ак годовой! Три зуба! Ак маломальской какой-то. Молоко мало попадало, дак и плохой. Суходойка мать-то была.

3. в составе сочетаний с сущ., бран. = *беспутый* 3. От сепаратору ключик. Мы его развинчивам. Вот беда! Чем теперь будем открывать?! Такого другого ключа нету. Нёс куды-то и уронил. А, можот, сама, маломальской пенёк, забылася, куда полóжила. Ох, прости ты, уосподи! Не знаю, куды девала.

НАБИТОЙ, в составе сочетаний с сущ., бран. = *беспутый* 3. Дурак ты, дурак набитой!

НАСТОЙЧИВОЙ (-ЫЙ). 1. = *настырной (решительно, упорно добывающийся своего)*. Ишь, какой настырной, настойчивой: дай, да и всё; Сама-то тоже настойчивая; У, настойчивой! По ему чтоб было. Невелик зверёк, да лапист. Крятятся. Айда сюды, Лёо-о-ня!!; Настойчивой! Иди оболокайся и убирайся; Враг гнилошарый, тут же ходит (о внуке). По холкам-то нажарю, по толстым-то! Настойчивый, толстопузый!; О, кака настойчива! Иступырится, на свой нос идёт – вот и настойчива.

2. в составе сочетаний с сущ., бран. = *беспутый* 3. У, настойчивый килька! А де у тебя баночка была маленькая?; У-у-у!! Настойчивой килька!

ПРÓКЛЯТЫЙ (-ОЙ), бран. 1. *Такой, который вызывает неприятие, ненавистный*. Вредит, всё на вред делает, ругат, бросат – вредный. Навредил – непослушный, ругаются: ах ты проклятый!; Вот проклятые, ничего не разбирают, не спрашивают (взяли лодку без спросу); Торгуется, проклятая!; Вот проклятые! Не пекут хлеб. Взялся за гуж – не говори, что не дюж; Ой ты, проклята, меня напугала, зараза!; Каки-ко хлобысни и девки проклятые.

2. в знач. сущ. *Человек, вызывающий неприятие, ненависть*. Женщина была – наша. Опровергат его (попа). Писни сложили. Всяко опровергали их проклятых (один поп был нечистоплотным, другой – пьяница).

3. в составе сочетаний с сущ. = *беспутый* 3. Погоди, я тебе по шарам-то надаю, дьявол, дьявол проклятой!; Де ты снимал сапоги-те, холера ты проклятой!; Весь выпутрался. И где он до чего не дойдёт, будет покось кака-то. Негодай проклятый. Чем её (смолу) отомъешь? Где-ко успел? Рысился тут!

СОБАЧИЙ, в составе сочетаний с сущ., бран. = *беспутый* 3. Где йно девал, собачье мясо?; Опять заерпенился (внуку)! Ето что дуришь? Вишь, какой поперёшный. Ещё ругашься, собачье мясо! Ругаться-то мастер; Давай перекинем (куртку). Эдак-то не накидают.

Вредной какой! Собачье мясо, настырной!; Сдурел, собачья морда! Дам по шарам – не будешь; Мордерница собачья ругашся.

В связи с этим представляет лингвистический интерес стремление индивида использовать конструкции, в которых отмечаются различные прилагательные чаще всего с неодобрительными существительными для выражения своего отношения как к определенному лицу, так и к происходящему.

Для передачи данного смысла носитель говора прибегает к высказываниями без существительных, использует одни прилагательные, правда такое употребление менее частотно. Подобное функционирование обнаружено у следующих прилагательных:

ДУРНОШАРЫЙ, бран. *Такой, который своим поведением создает неудобства, доставляет хлопоты, тем самым вызывает недовольство.* Паршивые, вредные какие! Вот и поди да стювай. Господи! Не у кого же едаких-то нету. Пошёл бегай, а не дури! Дурношарые!; Всё размолот, дурношарый!

КОСОЧУХОЙ, уничижит. = *дурношарый*. Пей, не пролей, косочухой! (внуку).

ОКАЯННЫЙ, бран. = *дурношарый*. Стамошарые какие-то! (дети) Всё тожно рóзолил. Урод, настоящий урод! Одолил окаянный! Отпер двери, окаянный!

ПАРШИВЫЙ, бран. = *дурношарый*. Паршивый, изломал часы; Ты где её взял, паршивая сволочь? Чё пакостишь? Пей давай! Где ты её брал, чуха толстая?; Паршивые, вредные какие! Вот и поди да стювай. Господи! Не у кого же едаких-то нету. Пошёл бегай, а не дури! Дурношарые!

СЕДОУХОЙ, бран. = *дурношарый*. Ах ты, седоухой.

СТАМОШАРЫЙ, бран. 1. = *дурношарый*. Стамошарые какие-то! (дети) Всё тожно рóзолил. Урод, настоящий урод! Одолил окаянный!

2. *Стремительный, резкий, ничего не видящий на своем пути.* Чуть не пал, стамошарый! (сердито ребенку).

Приведенные цитаты показывают, что, по существу, семантика большого ряда слов свелась в речи информанта к одному значению.

Такое семантическое развитие фиксируется не во всех случаях. Следует выделить единицы, у которых связь с первичным значением еще не стерта, и в сочетании с существительными она так или иначе прочитывается, а существительные усиливают неодобрительную коннотацию. Ср. примеры:

БОЛЬШЕЛАПОЙ, в составе сочетаний с сущ., бран. *Тот, кто имеет большие ноги, ступни.* На батаны-то уж ему не лезут. Каки-ко батаны нешшасные. Настояшкой толстопалой, большелопой чёрт!; Змеиные лапы какие-то - не лезут ботинки никаки. Большелопой чёрт!

ГРЯЗНЫЙ, ГРЯЗНО́Й. 1. *Неопрятный в одежде, неумытый.* Неупрятная, ну дак я вот сижу грязная. Она-де неряха – меня старик так-то ругат; А это пошла корову доить. Накинула. Грезная, обмажусь, мазила.

2. в составе сочетаний с сущ., бран. *Тот, кто неопрятен в одежде, неумыт.* Отпустить, дак ведь до первой лужи. Ходишь-де, пупра грязная!

КОСОЛАПЫЙ (-ОЙ), бран. 1. *Имеющий непрямые, искривленной формы ноги с большими ступнями.* Не ходи в грязь. Подкатишша, косолапый! Не провались тут, падёшь.

2. в составе сочетаний с сущ. *Тот, кто имеет непрямые, искривленной формы ноги с большими ступнями.* Тварь кака! Смотри, как нарядился! Ну-ка давай-ка мне батану-ту, косолапой чёрт!

МОКРОГУЗОЙ (-ЫЙ). 1. ласк.-сниск. = *мокрой* 2 (*обмочившийся (о маленьком ребенке).* Ну, выпалса, али чё, али мокрой? Ах, мокрогузой! (внуку)

2. в составе сочетаний с сущ., неодобр. *Обмочившийся маленький ребенок.* Обмочился ребёнок. Мокрогузый пёс – хто усикается.

ТОЛСТО́Й (-ЫЙ). 1. *Большой в объеме, обширный в обхвате.* Сын-то хороший был - вино сгубило вот. Так-то здоровый он, толстой; Он толстой родилса болбан; Мы вместе состарились. Хворат же. Толстая была; А старуха у него небольшая была. Коренаста, толстая была; Толстый ребёнок, полненький; Свекровка была небольшая, толстая, едрёная была; А она большая, толстая, белая девка была. На нашей усадьбе жила; Аннушка – она баба... Он её увидел – и вездой. Шибко уж она толстая. А мужик худенькой. У йих порядок дома, всем ребятам дело дато, не ходят не слоняются, как у нашего Серьгечки.

2. в составе сочетаний с сущ., бран. *Человек (обычно ребенок), имеющий крупные части тела.* Леший тебя водит, чуха толстая, урод! Надо вытрать; Враг гнилошарый, тут же ходит (о внуке). По холкам-то нажарю, по толстым-то! Настойчивый, толстопузый!; За каки грехи маюся с выпороткима. Толста морда, холера, одолел, умереть спокойно не дадут.

Представляет интерес в связи с рассматриваемым вопросом еще одна малочисленная группа прилагательных, которые вне конструкций с существительными в большинстве своем не являются единицами исследуемой тематической группы. Однако в сочетании с определенными существительными, которые выполняют характеризующую функцию, они служат для выражения негативного отношения, усиления его по отношению к тому, кому адресуется фраза.

ДО́БРЫЙ (-ОЙ). 1. *Делающий нечто положительное, хорошее, полезное другим, отзывчивый.* Принесла всё, так добра девка; Сама захоронила, знат, что не валяется (тело утонувшего в реке). Есь ещё

добрые люди; Каку-то дохлеть, суда посылали (медичку). Добру-ту пошлют суда? Котора уж не мила дак; Доброго человека не проклянут.

2. в составе сочетаний с сущ., бран. = *настоющий*. Где рубахато у тебя? Почто на дорогу бросаешь? Давай застегну. Иди к Еленке да бегай. Ты тоже доброй жагра!

НАСТОЯЩИЙ (-ОЙ), в составе сочетаний с сущ., бран. *Используется для усиления пейоративности*. На батаны-то уж ему не лезут. Каки-ко батаны нешшасные. Настояшшой толстолапой, большелапой чёрт!; Вредной он, сатана чистой! Настояшший шпанёнок, всё наперёк делает; Я сама-то как дурак, настояшший как дурак; Ой кака! Капрыза настояшша! Пока не наревьётся – ишь, как капрызится; Спорит-спорит. Один задерётся, другой не спустит. Жагры настояшшы. Хоть бы и я жагра, задираюся, мало ле.

ФОРМЕННОЙ, в составе сочетаний с сущ., бран. = *настоющая*. Ну, сыт?! Всю ночь ревет. То ли хворат, то ли псих уж какой форменной.

ЧИСТОЙ (-ЫЙ), в составе сочетаний с сущ., бран. = *настоющий*. Вредной он, сатана чистой! Настояшший шпанёнок, всё наперёк делает; Я Кольку волочила совсем ещё маленького, едва достигла его. У, враг чистый был!

Использование существительных в таких образованиях как будто помогает Анне Герасимовне более емко выразиться. Создается ощущение, что имена прилагательные для нее в отдельных случаях не совсем отвечают этому требованию. Таким образом, представленная группа прилагательных имеет своеобразную реализацию в речи одного лица, отражает его не только языковую компетенцию, но и индивидуальные психологические особенности, стремление дать точную и не всегда лицеприятную оценку поведению конкретного лица в конкретных жизненных ситуациях.

Список литературы

Большая энциклопедия Кирилла и Мефодия 2007 (3 CD).

Иванцова Е.В. Формальные варианты слова в лексиконе диалектоносителя // Явление вариантности в языке. Кемерово, 1994.

Иванцова Е.В. Язык личности: аспекты изучения // Явления вариантности в языке. Кемерово, 1997.

Иванцова Е.В. Феномен диалектной языковой личности. Томск, 2002.

Иванцова Е.В. Идиолектный словарь сравнений сибирского старожилы. Томск, 2005.

Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990.

Лютикова В.Д. Языковая личность: идиолект и диалект: Дис. д-ра филол. наук. Екатеринбург, 2000.

Мальшева В.А. Языковая картина мира идиолекта как источник изучения истории и культуры народа // Пермский край: прошлое и настоящее. Пермь, 1997.

Мальшева В.А., Скитова Ф.Л. Общее и индивидуальное в речи носителя диалекта // Материалы международного съезда русистов в Красноярске. Т.1. Красноярск, 1997.

Мальшева В.А. Идиолект как лингвистическая реальность // Антропоцентрический подход к языку. Пермь, 1998.

Мальшева В.А. Глаголы зрительного восприятия как фрагмент языковой картины мира идиолекта // Проблемы межкультурной коммуникации. Пермь, 1998.

Мальшева В.А. Языковая реализация оппозиции «свой/чужой» в речи носителя диалекта //Русский язык и русистика в современном культурном пространстве: М-лы междунар. конференции. Екатеринбург, 1999.

Мальшева В.А. Языковая личность как воплощение национального характера // Национальный менталитет и языковая личность. Пермь, 2002.

Мальшева В.А., Широкова Н.В. Мир животных глазами диалектоносителя // Межкультурная коммуникация: Межвуз. сб. науч. Трудов. Пермь, 2004. С. 108-115.

Мальшева В.А. Структурирование мира в идиолексиконе //Вестник Пермского университета. Пермь, 2006. Вып.3 (3). Серия «Филология». С. 79-86.

Мальшева В.А. Идиолексикон сквозь призму лексикографии. Пермь, 2007.

Нефедова Е.А. Экспрессивный потенциал языковой (диалектной) личности // Вопросы русского языкознания: Русские диалекты: история и современность. М., 1997. Вып. VII.

Нефедова Е.А. Экспрессивный словарь диалектной личности. М., 2001.

Русские говоры севера Пермского края*

И.И. Русинова, М.В. Богачева

Русские говоры: современное состояние

Существование современного российского общества характеризуется рядом тенденций, в числе которых можно назвать стремительную урбанизацию, распространение массовой культуры, стандартизацию условий жизни населения. Наступление городской культуры и быта, социальные катаклизмы, разрушение существовавшей десятилетиями системы сельского хозяйства с неизбежностью отражается на традиционном укладе жизни сельчан. Как следствие, жители сельской местности, та часть россиян, которая издревле была самой многочисленной, являя собой *народ*, выступая хранителем *народной* культуры, в поисках заработка и более комфортной жизни устремляются в города. Это сопровождается утратой интереса к собственным культурным истокам, разрывом связи поколений, возникновением невосполнимых пробелов в культурной сокровищнице – в народной памяти. Носителями традиционной духовной жизни оказываются исключительно люди старшего поколения, по большей части из-за малой восприимчивости к новым веяниям. В силу возраста это люди с богатым жизненным опытом и большим желанием поделиться им, однако молодежь не стремится перенимать их опыт и знания: интересы современного юношества во многом определяет поп-культура.

Экстралингвистические факторы обеспечивают актуальность исследований, направленных на изучение живой речи русского крестьянина, аккумулирующей традиционную народную культуру и народную память жителей того или иного региона. Это диктует настоятельную необходимость скорейшей фиксации диалектной речи.

В настоящее время Академией Наук Российской Федерации и вузами России проводится большая работа по сбору диалектного материала и его лексикографической обработке. В частности, сейчас реализуется самый грандиозный по своим масштабам проект за всю историю русского языкознания, направленный на описание диалектной лексики нашей страны методом картографирования – создание Лексического атласа народных говоров. К данному времени в работу включены вузы практически всех регионов (областей, краев, автономных округов страны), в том числе преподаватели и студенты Пермского государственного университета. Выходят очередные тома

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФГФ (проекты № 06-04-82406 а/У, № 07-04-82409 а/У), АВЦП «Развитие потенциала высшей школы» (проект РНП.1.3.2.3440).

«Словаря русских народных говоров» (теперь этим лингвистическим справочником охвачена лексика от А до С). Закончены или находятся в работе многие региональные полные и дифференциальные диалектные словари. Так, лексика говоров Пермского края отражена в «Словаре русских говоров Соликамского района Пермской области» (издан в 1974 г.), в «Словаре пермских говоров» (издан в 2000-2002 гг.), подготовленных и изданных на базе филологического факультета Пермского государственного педагогического университета. В Пермском государственного университета ведется работа над последним (шестым) выпуском «Словаря говора д. Акчим Красновишерского района Пермской области», над первым выпуском «Словаря чердынских говоров».

В русле подобных исследований авторы настоящего издания проводили работу по сбору и анализу данных, комплексно отражающих явления и процессы, которые происходят в русской диалектной речи жителей северных районов края в настоящее время. Полученные материалы уникальны и нуждаются в обнародовании. На их основе составлена хрестоматия «Русские говоры севера Пермского края», которая выходит в 2007 г.

Русские говоры севера Пермского края: общая характеристика

В хрестоматии отражены результаты многолетней работы по сбору и анализу пермских диалектных материалов. Объектом изучения выступили русские говоры, предмет же сознательно был сужен до говоров лишь северной части Пермского края. Интерес к диалектам именно этой части региона обусловлен рядом факторов.

1. Авторы хрестоматии не ставили своей целью представление четкой классификации говоров Пермской области по географическому признаку. Но северная часть – это зона наиболее раннего заселения края русскими, имеющая богатую историю и культурные традиции. Известно, что русские начали проникать на эту территорию (главным образом осуществляя набеги) с XI в., основывать постоянные поселения – с XIII-XIV вв. Изучалась речь прежде всего тех территорий, которые в прошлом входили в состав Перми Великой – Чердыни – первого административного объединения на территории Западного Урала.

2. В связи с выше сказанным можно отметить генетическую связь пермских говоров с северно-русскими диалектами – новгородскими, архангельскими, олонекскими и пр., поскольку освоение земель осуществлялось по речному типу, с севера. В частности, севернорусская природа исследуемых говоров выражается в наличии стяженных форм типа *умывашья, стрелят, покупат, тако красиво* (место) и под., в отсутствии фонем *ш* долгого мягкого и *ж* долгого

мягкого (ср.: *дожжа, ишо, шиука* и пр.). Особый колорит придают результативы – слова, обозначающие состояние как результат предшествующего действия (типа *Баня истоплено; Сушилка срублено; Дрова наколото*), соотносимые с перфектом в древнерусском языке.

3. Вместе с тем говоры северной части Пермской области характеризуются цельностью, автономностью. В них сохраняются очень древние черты, нередко уже утраченные современным русским литературным языком, диалектами других частей края и России. К таким чертам относятся, например, остатки двойственного числа (*с колошима, с дефкыма, под черёмухима, походим с писнима, выйдут с иконьяма*), сохранение очень древней глагольной основы в инфинитиве (*берегчи, стерегчи, пекчи, волокчи*) и под.

4. Говоры севера Пермского края обладают определенной региональной окраской, поскольку они формировались и функционировали в условиях теснейших контактов с субстратным населением (финно-уграми) – коми-пермяками, коми-зырянами, коми-язьвинцами, хантами («остяками») и манси («вогулами»). Это привело к появлению таких специфических черт, как мена *к* на *х* в разных позициях, прежде всего в начале слова (*клеб, клев, котеть, на лошадак, старука*), произношение сочетания «твёрдый (мягкий) согласный + *j* + гласный» вместо литературного «мягкий согласный + гласный» (*n'jat'* вм. *n'at'*), произношение двойного мягкого согласного вместо литературного сочетания «мягкий согласный + *j*» (*brát'm'a* вм. *brát'ja, plát'm'o* вм. *plát'je, l'l'ot* вм. *l'jot*), наличие сверхмягких шепелявых [sʷ] и [zʷ] (*с'ечас и с'еют*), наличие заимствованной лексики (*бурак* ‘плетеная заплечная корзина’, *туес* ‘берестяной сосуд, обычно цилиндрической формы’, *шабала* ‘поварешка’ и т.д.) [Скитова, 1960, Русские говоры Пермского региона, 75].

5. Информаторами в отдельных районах обследованных территорий являются коми-пермяки, владеющие как коми-пермяцким, так и русским языком в их диалектных формах. Поэтому их русская диалектная речь неизбежно отражает влияние коми-пермяцкого языка. Это может представлять самостоятельный научный интерес для диалектологов.

Русские говоры севера Пермского края: методика сбора материалов

Исследование осуществлялось с использованием нескольких методов и приемов. Это 1) опрос диалектоносителей в форме направленной беседы; 2) фиксация спонтанной устной речи диалектоносителей в тетрадах, на магнитной пленке, в цифровых записях; 3) расшифровка магнитных и цифровых записей и перенос их на бумажные носители; 4) перенос полученных данных на электронные

носители; 5) систематизация и архивирование результатов; 6) описание и анализ фонетических, морфологических, словообразовательных, лексических, синтаксических особенностей речи жителей северной части Пермского края.

Опрос информаторов осуществлялся с опорой на вопросники, разработанные в рамках проекта «Лексический атлас русских народных говоров», который реализуется в настоящее время Российской Академией Наук. Данное руководство содержит свыше 20000 вопросов 20 различных тематик. Непосредственно в полевых условиях опрос осуществлялся с учетом социальных, возрастных, гендерных характеристик информатора, его образования, места рождения и т.п. Так, с мужчинами мы говорили об охоте, о процессе лесозаготовок, о плотничьих, столярных и пр. работах. С женщинами беседа велась преимущественно на хозяйственные, бытовые темы. Помимо этого записывались воспоминания о предшествующих периодах жизни страны. По причине большого разнообразия предлагаемых для опроса тем целенаправленно собиралась лексика по избранным (четырем) темам: «Природа», «Человек», «Материальная культура», «Духовная культура» в основном с целью сбора материалов для Чердынского словаря и для Лексического атласа русских народных говоров.

Работа по сбору материалов производится в основном двумя способами. Это опрос диалектоносителей студентами в рамках диалектологической практики или беседы с диалектоносителями сотрудников кафедры общего и славянского языкознания во время экспедиционных выездов в рамках научных проектов по изучению соответствующих говоров.

Полевая работа в северных районах Пермского края ведется преподавателями и студентами ПермГУ более 50 лет. С 1951 г. тщательно изучался говор одной уральской деревни (д. Акчим Красновишерского района Пермской области) и населенных пунктов Чердынской земли. Ежегодные выезды в Чердынский район возобновлены с 1998 г. На основе этих материалов в университете ведется работа по созданию Акчимского и Чердынского словарей. Полученные ранее сведения использовались для изучения диахронических процессов в исследуемых говорах в рамках проектов «Русские говоры севера Пермской области на современном этапе», «Живая речь Пермского края в синхронии и диахронии», «Словарь чердынских говоров» и др.

Результатом предпринятых поездок стал значительный по объему архив записей живой диалектной речи, который хранится в настоящее время на бумажных, магнитных носителях и в электронном виде на кафедре общего и славянского языкознания ПермГУ.

В качестве информаторов участники проекта и члены экспедиционных групп выбирали представителей пожилого и старшего возраста.

Это связано с наступлением литературного языка на диалекты, что приводит к их частичному стиранию. «Диалекты зачастую теряют свои первичные признаки, сужается их социальная база» (Диалектологическая практика, 13). Кроме того, ученые отмечают еще одну существенную особенность современного функционирования диалектов: отношение к диалекту как единственному и естественному средству общения замещается у большинства говорящих на диалекте ... ориентацией на литературный язык» [Крысин, 1989, 50; Коготкова, 1970].

В работах профессора Л.М. Орлова, выполненных на материале одного из волгоградских говоров, показано, что внутри общей системы («диасистемы») говора имеются три частных подсистемы, характеристика которых складывается на основании различий, проявляющихся в области фонетики, морфологии, лексики, и условно обозначенных автором как типы Д (диалект), Л (близкий к литературному языку) и С (средний).

Эти речевые типы говора оказываются прямым образом связанными с социально-групповой дифференциацией коллектива его носителей. В основе такой дифференциации лежит уровень образования говорящих, их возраст, профессия, а главное – их отношение к общественному производству, характер участия в нем, степень активности в коллективно-трудовой, общественно-политической и культурной жизни.

Тип Д представлен речью самого старшего поколения, главным образом женщин, ограниченно грамотных, мало или совсем не принимающих участия в колхозном производстве и в общественной жизни деревни. Эта группа носителей диалекта невелика, круг их постоянно сужается. Сфера функционирования этого типа речи ограничена семейными и частными обиходными отношениями. В трудах других авторов этот тип говора называется архаическим [Орлов, 1974].

Именно этот тип речи, сохранивший диалектные особенности в большей мере, чем другие типы, и старались фиксировать в населенных пунктах северной части Пермской области участники экспедиционных выездов. Возраст наших информаторов составляет 60 и более лет. Реже проводились опросы жителей другого возраста – 40-60 лет. Речь представителей более молодых поколений демонстрирует практически полную нивелировку диалектных особенностей; такие сельчане опрашивались спорадически, с целью проверки указанной тенденции.

В связи со сбором материалов для «Словаря чердынских говоров», осуществлявшимся в течение 50 лет, и с тем, что именно Чердынский район – зона формирования русских говоров края, наиболее подробно, детально обследовалась именно территория этого района. В хрестоматии «Русские говоры севера Пермского края» представлены образцы говоров 42 населенных пунктов Чердынского района. Часть из них – древние села, первыми упоминаемые в пермских деловых памятниках письменности, расположенные немного севернее и южнее г. Чердыни: с. Покча, с. Пянтег, с. Бондюг. Участники экспедиций, кроме указанных населенных пунктов, работали в селах Камгорт, Вильгорт, Кольчуг, Лимеж, поселке Ныроб и в деревнях, находящихся поблизости: Пантиной, Кошелевой, Макаровой, Усть-Уролке, Шишигиной, Гашковой, Бигичах, Марушевой, Макаровой, Кедровке и др. Это по преимуществу центральные в географическом плане населенные пункты района, расположенные в междуречье Камы и Вишеры и на нижней Колве.

Другая часть обследованных говоров Чердынского района является периферийной, окраинной, расположенной в северной и южной частях района. В южной зоне, граничащей с Соликамским районом, обследованы говоры поселков Керчевский, Рябинино и окрестных деревень: Серегово, Тагъяшера, Могильниковой. Из северных территорий в хрестоматии представлены говоры поселка Петрецово, поселка Русиново, д. Гадья, д. Верхняя Колва, д. Нюзим. (В данном обзоре названы не все населенные пункты, образцы говоров которых были записаны участниками диалектологических экспедиций. Кроме того, территория говоров, обследованных участниками проекта, гораздо шире, чем представленная в хрестоматии).

Такая география обследования позволила дать довольно полное представление о функционировании диалектного языка в речи старшего поколения Чердынского района.

Другие районы территории (Соликамский, Усольский, Красновишерский, Гайнский, Косинский, Юрлинский районы) отражены в хрестоматии точно. Тексты, записанные в этой диалектной зоне, могут быть использованы как фон и материал для сравнительного анализа.

Авторы хрестоматии не ставили своей целью подробное исследование говоров большей части населенных пунктов указанной территории, требующее значительнейших физических и материальных затрат. Задача заключалась прежде всего в скорейшей фиксации стремительно исчезающих диалектных особенностей речи жителей региона. Именно поэтому записывались связные тексты, позволяющие отразить всю специфику диалектного языка: и на уровне фонетики, и на уровне лексики, и на уровне морфологии, и на уровне синтаксиса.

Русские говоры севера Пермского края: языковая специфика

В научной литературе, посвященной исследованию русских говоров северной части Пермского края, описаны классификации говоров. Например, К.А. Федорова, проанализировав термины родства, делит говоры бывшей Перми Великой на 5 групп: гайнские, нижневишерско-колвинские, юрлинские, вишерско-язьвинские, соликамские [Федорова, 1964, 89]. Е.Н. Полякова считает, что такое деление соответствует последовательности заселения территории Перми Великой и возникновения здесь русских говоров [Полякова, 1998, 29].

Поскольку данные, зафиксированные участниками экспедиций, не отражают в полной и равной мере говоров всей заявленной территории, постольку авторы не могли ставить перед собой задачи классификации русских говоров северной части Пермского края по какому-либо основанию. На сегодняшний день можно дать лишь общее описание диалектных особенностей речи старшего поколения жителей севера Пермского края и некоторые сведения о преимущественно фонетических отличиях разных говоров.

1. Фонетические особенности

1. В области **вокализма** для обследованной территории, вследствие северо-русской природы говоров, характерны:

– полное оканье: *А мы когда-ко ходили с мамой по ягоды, по морошку; У нас отец сапоги и ботинки, тапки шло самоуком шыл;*

– отсутствие редукции безударных гласных или их незначительная редукция: *А гремело шыпко и дожжело шыпко вот сорок дней, сорок ночей. Потом он выпустил, этот Ной-от, ворона. Он тожо был и улетел, и он уш вобратно к нему не прилетел на баржу-ту.*

– еканье: *петерых дитей выростила; шешнацети меня годов замуж отдали; сколько снопов навезала;*

– предупредное и заударное ёканье: *за плуг-от дёржаца; полено высушим берёзовоё и нашоном; на полё скота угонят; кто как умеёт; свадьба будёт; сколько кучок зерна накладёшь; зимой-то трёпали лён; не сеём, не пошом; человек; потом переедёшь; на Вишоре; жониться хочёт; лёжит на пече, тожо ревёт;*

– одинаковая судьбы «ять» (произношение **и** на месте старого «ять» между мягкими согласными): *нидиля, умиют, с писнима, сосиди, ричка, сияя, личила, мидвидь, свичка, издили, ись;*

– переход **е** в **а** под ударением между мягкими согласными: *взели, прели, седешь, опеть, гонеть, курятник с чертеми;*

– стяжение гласных после выпадения интервокального «йота»: *холишову; колхозно; каку-ту; тако жо; малиньки; как он называца;*

погулям по деревне; а хто не знат; снова насыпашь; чай заваривам; отхрапыват; быват тепло.

2. В области **консонантизма** отмечается:

– взрывное образование заднеязычного **г**, заменяемого в отдельных случаях (обычно перед взрывным согласным, между гласными) на **у**: *дорога; на берегу; подруги; но коуда; тоуды;*

– цоканье-чоканье: *а ноц"е не умюют их петь-то; вец"орка в бане, с луц"иной; тово ц"еловека-то понужают; я колды-ко вин"ц"алася; колокольча брякают; земляничу, черничу собирали; грибничу варили, волвичичи; на мельничу ходит; вдовеч; молодец; куриц выпускали;*

– отсутствие затвора в аффрикате **ч** (произнесение **ш** мягкого вместо **ч**): *щасто; щисто; полуцил; щудо; пещики; моциу; на плеще; доць; овецки; щастя; кумац; даца; рыбацу; оцкоф;*

– смягчение заднеязычных **г**, **к** после мягких согласных (в том числе **ц** в цокающих говорах): *старинья; малинья; горькё; толькё; копейку; с уголька; молоцькя; лавоцькю; листоцькя;*

– отверждение мягких долгих шипящих **ж** и **ш** (сопровожаемое иногда стяжением долгого согласного): *всё холишовое; ешо; ишо; дожж-от был; пишишит; сковороды были чугуны, тёжолушишы; прорашишывают рожь; женьшына; мушишына; кладофшык; я очишишаю сучи; уташишыли в баню; рошишы; спустишиша; ежжай; косильшык; носильшык; зборшык;*

– отсутствие затвора в аффрикате **ц** (произнесение **с** вместо **ц**): *лисо; треписа; серсо; больниса; петниса; умниса; светь; сарапациа; сыпушика; серьква; кузнес;*

– произношение мягкого **р** перед задненебными согласными: *коноплё дерьгали; Велик Четверьг; насыплёшь на сетку на верх-от; в подвал уносили зерькала;*

– упрощение сочетаний **сть**, **ст** в конце слова: *есь капуста у людей-то; хвос обрезают; дак чё я вам дам ись-то; шесь метров; горсь муки не было;*

– усложнение сочетаний **нр**, **зр**, **ср** за счет вставки взрывного элемента **д**, **т**: *пондравилася; здря; строк; страм; струб;*

– отверждение мягких губных, стоящих в абсолютном конце слова: *это от буйот сем ли восем снопов; шиас остав, дак уташишат, сено-то;*

– произношение полумягкого (среднеевропейского) **л** перед гласными непереднего ряда и перед согласными: *Тогда плохо было; Меня одинова чуть не убило; Де-ко достало по голове-то; Она взяла лучок, стала, пошла раскрежсовывать; Мне маленько как получче стало; Лечилася издила в Исток ко старухе; Чоловека три делают гробы;*

Колдун к порченому-ту человеку приходит; Солону принесут; По лошадей она тожо поехала;

– сочетание твердых губных с «йотом» перед гласным на месте литературного сочетания «мягкий губной согласный + гласный»: *пъят лет война была; в деревьяном туесе; четверьг, а потом пъятница;*

– произношение долгого мягкого согласного на месте литературного сочетания «согласный + j»: *платя; кориуння; коля; осенню; треття; зеле; суча; певуння; плесуння;*

– произношение шепелявых с и з: *да с"ечас, наверно, в Кудымкаре йешо с"ейут лён; Из" ёлки делали;*

– переход л и в в ъ на конце слова и перед согласными: *Высушат и мнут на мяўках, Изомнёшь и получится соўсем как куделя; Квартиры-то топят соўхозные; Для фермы все заготаўливают; Там лом быў весной; Потом на сноўалку наснуют; Да такой [лён] зацветёт так, голубоўатой даже;*

– ассимилятивные и диссимилятивные процессы в группах согласных (изменение **кт** в **хт**, **дн** в **нн**, **бм** в **мм**, **чн** в **шн** или **сн**): *кто; х тебе; трахт; ланно; онно (одно); холонно; омманул; оммазася; табашный; поперёшняя; уборошна; молошиной; двоерушиной; молосной; пиенисная.*

Следует отметить, что указанные фонетические особенности характеризуют, во-первых, не все говоры. Например, ъ встречается только в говорах Соликамского района, л полумягкое широко распространено в д. Усть-Уролка, отчасти представлено в говоре п. Керчевский и точно – в говорах Соликамского района, сочетание «губной согласный + j перед гласным» на месте сочетания «мягкий губной + гласный» представлено в говорах Гайнского района, встречается в говорах Красновишерского района. Во-вторых, отмеченные фонетические характеристики встречаются нерегулярно, в пределах какого-либо населенного пункта могут наблюдаться разные особенности, и даже в речи одного информатора в одних случаях может присутствовать какая-то диалектная черта, а в других случаях нет.

II. Морфологические особенности

1. **Имена существительные** характеризуются следующим:

– существительные 3-го склонения в дательном и предложном падежах единственного числа имеют окончание **-е**, как существительные 1-го склонения: *на пече тожо ровёт; наши на лошаде; в пече заматают; Тома в Перме уицця; к ноче-то вот повязываю;*

– существительные женского рода на **-ия** в дательном и предложном падежах единственного числа имеют окончание **-е**, в

отличие от литературного **-и**: *по линии; к Марие; к Пашие; на стансы; в армии; в Латвие;*

– в именительном падеже множественного числа существительных мужского рода 2-го склонения более широко, чем в литературном языке, представлено окончание **-а(-я)**: *половика ткали; вяжешь в снопа; были невода; мозга; круга; воза; следья; ситца; пастуха; горожана; цыгана; хрестьяна;*

– существительные мужского рода с суффиксами **-ушк-**, **-ишк-**, **-к-**, обозначающие лиц, обладают в именительном падеже окончанием **-о** и склоняются подобно словам среднего рода типа **село**: *парнишко – парнишка – парнишку – парнишко – парнишком – о парнишке;*

– в говорах зафиксированы формы творительного падежа множественного числа на **-ма (-мя)**: *Пиканьма их зовут; Медведь ходит меж коровами и вот лапыма той корове за лопатку; Сидела с робятыма;*

– формы дательного и творительного падежей множественного числа совпадают: *Разе наешься ими, лепёшкам-та?;*

– во множественном числе в форме родительного падежа более широко, чем в литературном языке, распространены окончания **-ов**, а также **-ей**: *местов; чулков; женьшишьянов; болотов; ножницей; пальцей;*

– существительные на **-мя** склоняются, как слова среднего рода, с выравниванием основы по форме именительного падежа: *время (времё) – время – времю – време (времё) – времём, о време.*

2. Имена прилагательные обладают такими особенностями:

– в формах именительного падежа единственного числа и без ударения часто встречается окончание **-ой**: *мужик богатой, бедной; бригадир у нас был безногой; походи-ко по полю целой день; столб приделанной;*

– в говорах зафиксированы формы творительного падежа множественного числа на **-ма**: *ж железныма зубыма; пьяныма ишо напоят;*

– отмечаются стяженные формы прилагательных: *у нас была корова буса, сера, сива, у нас комолы-те не были; я молоденька была;*

– при образовании форм сравнительной степени наиболее продуктивными являются суффиксы **-ая(-яя)**, **-не**: *сушая; ближая; дищая; биляя; бойщая; тепляя; скорая; хужая; умняя; дешевлие; старие; тежелие.*

3. Местоимения отличаются следующим:

– в соответствии с литературным языком родительный и винительный падежи личных местоимений **я**, **ты**, возвратного **себя** оканчиваются на **-а(-я)**: *меня, тебя, себя;*

– личные местоимения в предложных конструкциях употребляются без начального **н**: *И прожили мы с им больше*

тридцати лит; У его уж морда была на всех зверей похожа; Меня вот сюды к ей привезли; С ей уж живу; у его дети;

– отмечается форма **имя** местоимения **мы** в дательном и творительном падежах: *Внуцёк к имя ушёл; С имя вот вмисте жо робили;*

– вместо литературной формы именительного падежа множественного числа **они** фиксируется форма **оне**: *Оне голосисто поют; Оне ушли в деревню, чтоб комары не кусали;*

– притяжательные местоимения **мой, твой, свой** в косвенных падежах имеют ударение на предпоследнем слоге: *моёва, твоёва, своёва; моёму, твоёму, своёму;*

– притяжательное местоимение, указывающее на принадлежность чего-либо 3-му лицу, имеет форму **ихний, ихняя, ихнее, ихние**: *Ихних робят спасли; В ихнем огороде робили;*

– литературному вопросительно-относительному местоимению **что** соответствует местоимение **чё** (в зависимости от фонетических особенностей может иметь варианты **що** и **цё**): *Чё опеть у вас делацца?; Що ись-то будёши?; Цё тебе пишут?;*

– в говорах зафиксированы формы творительного падежа множественного числа на **–ма**: *Волки всякими голосами завыли; с этима дитями.*

4. **Глаголы** имеют такие особенности:

– соответственно литературному языку окончания 3 лица характеризуются твердым **т**: *несёт; сидит; строит; несут; сидят; строят;*

– частотны бесприставочные глаголы многократного действия с суффиксом **–ыва**: *Вот это на Троицу дельвали; Я уж не нашивала эдак [грибов]; Спаривал даже об этом деле; Иё не малывала, не было раньше пишенисы-то; Раньше ить бабы пахивали; Не жарывал водку;*

– возвратные формы глаголов часто употребляются с постфиксом **–ся** после гласных: *Оказалася около Тагьяшеру; Утром-то наелася; Да разошлася с ним; Дак эть я колды-ко винц”алася;*

– в говорах распространены инфинитивы на **–чи** (и его фонетические варианты **–ци, –щи**) с сохранением древней основы: *берегчи; стерегчи; некчи; толкчи; помокчи; лекчи; выпрекичи; стрикичи;*

– часто наблюдается отсутствие чередования **к//ч, г//ж** в личных формах глаголов: *потом он испекётся; олябушки испекёшь; стерегёшь;*

– не относятся к разноспрягаемым глаголы **бежать** (основа выравнена на шипящий), **хотеть** (все формы образуются по 1 спряжению, основа выравнена на **ч / ц / щ**) и их производные: *ой, побегжу: как бы чё не вышло!; бежы скоря к матере!; ись чё-ко хочете?; хоцю, да молцю; хоцет возвернуцца с Северу.*

Морфологический строй обследованных говоров имеет меньше особенностей, чем фонетический. И эти особенности обладают меньшей степенью регулярности.

III. Синтаксические особенности

Из диалектных синтаксических черт речи региона можно отметить следующие:

– наличие неизвестных литературному языку или редких в литературном языке двойных предлогов: *по-под лавкой; по-за лес; по-за концу; по-над речкой; в-за улицей;*

– употребление предлога **по** с винительным цели и ограниченность конструкций, включающих **за** с творительным цели: *по его сходят да; ветки хлопнули по меня;*

– употребление предлогов **возле, подле, около, перед, над, меж** с винительным падежом): *надо хвост над ворота положить; возле школу живёт; коло дорогу стали; кошка меж ноги бросилась;*

– наличие беспредложных конструкций, соответствующих предложным в литературном языке: *картами поиграю; меня эть много сваталось;*

– активное использование слов **дак, да** в роли союзов, чаще в постпозиции: *Не старая дак, годов-то много; Дак где я возьму хлеб-от, нету его дак; Всю зиму у нас тропочка была, вот тут недалёко лес-от дак; А чё попало носили: пояски да опояски да; Траву-ту да сварит да нарубит да;*

– высокая частотность в говорах постпозитивных **т-частиц, -то/-от/-ту/-та/-те/-ти**: *Оне-от даже отсюда уехали; Раньше меленки-те таки-те электрически-те не были; Ему тожно ногу-ту эту, в ногу-ту стрельнули; А в лесу-ту; ветки-те хлопнули; У мяя своих-то у мамы-то детей-то не было, ак вот племянницу она, держали мы дак;*

– значительно более широкое, чем в литературном языке, употребление частицы **-ка** и ее диалектного варианта **-ко** (в сочетании не только с повелительным наклонением глаголов, но также с местоимениями, наречиями): *Попробуй-ко моей стрепни; Летом тута-ка весело; Петя-та мне-ка брат; Два сына было, одново нету-ка;*

– согласование подлежащего и сказуемого по смыслу: *молодежь песни поют; колхоз верёвки вили только из конопля-то; собирались вся деревня;*

– наличие результата: *баня истоплено; сушилка срублено; вон видишь, какая куча нагребёно трактором-то;*

– использование форм прошедшего времени глагола **быть** ‘иметься, существовать’ в личных конструкциях: *У нас на Печору дорога-то пряма-то не была, окольные дороги фсяки были, трахт-от*

не был; Деньги не были. И карасину ть не было, соль-то не была; А эти катера тогда не были;

– использование лексического повтора различных частей речи для указания на совершение действия в несколько приемов, в течение длительного времени и т. п.: *И топорик так высунул-высунул, выдерал-выдерал из-под этого... из-под ремешка; И вот потом туда-туда идёшь;*

– наличие оборота «именительный при отрицании *нет*»: *Схватки где-ко нет* [при родах]; *У мяня своя-то кровь нету, родна-та;*

– бытование оборота «инфинитив + существительное в именительном падеже»: *Имба жалко оставить; Купить юбка охота; Косить трава ходила;*

– более свободный, чем в литературном языке, порядок слов: *Шешнаццати меня годов замуж отдали; Тогда ещё молоденька в деревне жила в своей;*

IV. Лексические особенности

Лексический пласт характеризуется наличием следующих видов диалектных слов:

– лексические диалектизмы: *жемéльчик* ‘зажимчик’; *лóнишний* ‘прошлогодний’; *подтовáрина* ‘сосновая или еловая жердь, бревно низкого качества’; *бунгáть* ‘невнятно говорить’; *углáн* ‘ребенок’; *перебокáться* ‘переодеваться’;

– этнографизмы: *тельник* ‘тканый узорчатый пояс с кистями’; *дэжéнь* ‘кушанье из толокна, замешенное на квасе или молоке’; *крашенни́ник* ‘сарафан из крашеного холста’; *вы́воротни* ‘самодельная обувь из шкуры, перевернутая после изготовления швом внутрь’; в том числе и заимствованная лексика (чаще – из финно-угорских языков): *кысы́* ‘охотничьи лыжи, подбитые шкурой, снятой с ног копытных животных’; *ла́бáз* ‘помост с шалашом на ветвях дерева, на котором охотники подкарауливают медведя’; *но́дья* ‘охотничий костер для ночевки в лесу зимой, раскладывается из двух бревен так, что нижнее горит, а верхнее предохраняет огонь от осадков’; *ю́кса* ‘ременная петля у лыж, надеваемая на ногу’; *лыза́н, луза́н* ‘охотничья куртка-сумка без рукавов’;

– семантические диалектизмы: *бегле́ц* ‘беглый преступник’; *наголо́* ‘1) целиком, сплошь’; 2) ‘без примесей’; *чу́тко* 1) нареч. ‘слышно, видно’; 2) безл. сказ. ‘доступно уху, слышно’; *бунт* ‘кипа, связка каких-либо материалов’;

– фонематические диалектизмы: *куфа́йка* ‘фуфайка, телогрейка’; *ке́дер* ‘кедр’; *гумага* ‘бумага’; *трахма́л* ‘крахмал’;

– словообразовательные диалектизмы: *солони́чка* ‘солонка’; *масля́к* ‘гриб масленок’; *уважи́тельный* ‘уважаемый’; *ра́живать* ‘многокр. к

«рожать»»; *цыпу́шка* ‘цыпленок’;

– морфологические диалектизмы: *карто́вь* ‘картофель’; *сандáль* ‘сандалия’; *берлог* ‘берлога’.

* * *

Мы охарактеризовали наиболее общие черты русских говоров севера Пермского края. Более детальное знакомство как со спецификой этих говоров, так и с методикой анализа их языковых черт можно найти в книге «Русские говоры севера Пермского края: хрестоматия / сост. И.И. Русинова, М.В. Богачева, А.В. Курникова; Перм. ун-т. – Пермь, 2007.

Список литературы

Диалектологическая практика: Учебное пособие / Сост. И.С. Лутовинова, М.А. Тарасова. СПб., 2003.

Коготкова Т.С. Литературный язык и диалекты // Актуальные проблемы культуры речи. М., 1970.

Крысин Л.П. Социолингвистические аспекты изучения современного русского языка. М., 1989.

Орлов Л.М. Социально обусловленная дифференциация речевых единиц в современном территориальном говоре: (По материалам сиротининского говора Волгоградской области) // Диалектная и разговорная речь: Социолингвистические исследования на краеведческом материале Нижнего Поволжья. Волгоград, 1974. С. 18-84.

Полякова Е.Н. Формирование пермских говоров // Русские говоры Пермского региона. Формирование. Функционирование. Развитие. Пермь, 1998. С. 4-30.

Скитова Ф.Л. Верхневишерские говоры Пермской области на современном этапе развития: Дис. ... канд. филол. наук. Л., 1960.

Федорова К.А. Термины родства в русских говорах на территории бывшей Чердынской земли // Вопросы фонетики, словообразования, лексики русского языка и методики его преподавания: Тр. 4-й зон. конф. кафедр рус. яз. вузов Урала. Пермь, 1964. вып. 1. С. 85-92.

Материалы к хрестоматии «Русские говоры севера Пермского края»*

И.И. Русинова, М.В. Богачева, А.В. Курникова

Данные материалы записаны в северных районах Пермского края с 1998 г. по 2004 г.

К беседе привлекались информанты, на протяжении всей жизни (или большей ее части) проживавшие в данном (или смежном с ним) населенном пункте. Как правило, все они люди преклонных лет. Именно в их речи сохранились наиболее типичные для данной диалектной территории языковые черты. Кроме того, их рассказы содержат сведения о значимых событиях отечественной истории, не «обработанные» цензурой или редакторами изданий, что, безусловно, сообщает этим текстам и историческую ценность.

Хрестоматия «Русские говоры севера Пермского края» – очередной шаг к системному изучению современных говоров Пермского края. Она является логическим продолжением работы пермских диалектологов, нашедшей отражение в «Хрестоматии говоров Пермской области» А.Н. Борисовой, Л.А. Грузберг, А.П. Шварц².

В настоящем виде хрестоматия предназначена главным образом для студентов филологических факультетов специальности «Русский язык и литература». Материалы хрестоматии могут найти применение в работе школьных учителей. Представленные тексты могут быть использованы в качестве источников для краеведческой работы, для исследований в области лингвокраеведения и лингвокультурологии. Наконец, тексты хрестоматии могут быть интересны всем, кто интересуется живой речью, культурой и историей своего края.

**Записали Н.В.Чепкасова, К.Н.Потеряева
от Г.Р.Мелкомуковой, 1922 г.р.,
с. Бондюг Чердынского района**

Вы н'е знайет'е этот л'ес! П'эн'н'а вод был'и, корч'евал'и п'эн'н'а. Вот такой п'эн', фс'о эту д'ер'ев'ину-ту ср'езал'и, этот п'эн' с'ид'ит. И вот мы эт'е н'овые сосн'овые п'эн'н'а копал'и на смолу. Смолá былá, т'ел'ег'и смол'ит', плуг'и мазат'. Н'е было нон'ч'е как у их назывáцца, сол'идол л'и вал'идол л'и.

* Работа выполнена при финансовой поддержке гранта РГНФ № 06-04-82406 а/У, гранта РГНФ № 07-04-82409 а/У, АВЦП «Развитие научного потенциала высшей школы» РНП.2.1.3.3440

² Борисова А.Н., Грузберг Л.А., Шварц А.П. Хрестоматия говоров Пермской области. Пособие по курсу русской диалектологии для студентов-заочников. Пермь, 1976.

Вот ыз этых п'ен'н'оф йа уш, как уш смолы д'елал'и, н'е знайу. Но вот п'ен'н'а эт'и корч'евал'и. Вот такой п'ен', з'емл'у надо было выкопат' бол'ше м'этра. Там ышó р'эт'ка, йó надо отруб'ит'. Да этот п'ен'-то вот такайа здоров'енная вага м'этра на ч'е- тыр'е. Мы йó ташшым фтройóm и заб'иваем йейó пот кор'ен'. И этот п'ен при- в'азывае ишó ко пн'у, штóб вага н'е сорвалас'. Тó рукам'и, тожно пуч'иной дав'им п'ен' этот. Нам надо выдав'ит' и выташшыт' йевó на з'емл'у из йамы из этой. Йевó вес' надо расколóт' на так'ийе на пол'ен'н'а и склас'т' на пол'ен'енку. Бúдут мёр'ит' кубом'этры.

Пуч'ина-та? Да вот мойá пуч'ина, живóт.

А вага – это потговáрина д'ер'ев'аннайа, мы йейó выдавл'аем п'ен', д'ер'ево. Вот вóз'ат трактора, машыны вóз'ат. Нон'ч'е уш такуй- т'е... потговáрник тол'ко вóз'ат, н'ету уш леса тут хорóшева-та.

Д'ер'ев'ина рос'т'ót, у йó там р'эт'ка. Как от р'эт'ка рос'т'ót, у йó кон'ч'ик-от туды. Эта самайа-та вот р'эт'ка называецца, поср'ед'ин'е д'ер'ев'ины, а корн'и-т'е идут по бокам. Вот мы до йó докопáем и тожно надо йó отруб'ит'. А тó нам надо с'ил'но глубóко копáт'.

**Записали Н.В.Чепкасова,
К.Н.Потеряева, И.М.Ямлиханова
от Г.Р.Мелкомуковой, 1922 г.р.,
с. Бондюг Чердынского района**

Из лос'ины шыто сов'ик – прóсто толуп до п'ат. И тут это как кап'ишóн бол'шой такой, рукавá так'ийе т'оплийе. Это над'евайут з'имой йех, ид'ет он з'имой, штóп йему н'е зам'орзнут'. Он там од'ет, у йевó ишó там шуба йес', ватн'ик'и, мóжот. Башлык у сов'ика вот такой, как кап'ишóн, пр'ишыт.

Толупы был'и ов'еч'и вот, шешнатыйо. Он толуп над'ел, зафырбыч'илс'а – ид'и йет'. До Москвы мóжно уйехат'.

Шубы пот холстóm. Вот котóрый холс ткал'и, вот ым нав'ёр'х пошйут, покч'ину закрóют ым. Вот ы фс'ó тут. Пúгов'ич'и пр'ишыл'и, рукавá и. Вот т'еб'е и фс'ó. И холшóвый запón, фартук. Вот йевó над'ел'и, этто подв'езал'ис'а покромкой, пошл'и на работу. Ну, там кака-ко тожно гун'ка над'ета. А это штóп т'епл'ае ишó было, штóб н'е продувало. З'имой-то же хóлодно.

Покромка? Такой вод'гас'ник как. Как т'ип'ер' назвát'? Р'им'ен'. А так покромка была. Тканайа была покромка. Мужык'и над'енут рубаху б'елу л'е какуйу, этто покромкой подв'ажуца. Тут у их к'есточ'к'и болтайуца. В одн'ех плавач'ках да трус'иках н'ехтó н'е ход'ил.

Гун'ка – ну, жак'еточ'ка, под в'ит куфáйек.

Штанóф н'е было. На кол'ён'и тр'áпк'и намотáйут, на гумн'е молóт'иш. А вóт йéсл'е когдá з'éбл'ут – дáк вот тáк, да рúк'и ишó туды заб'йóш согр'ёт'. З'йбуг, н'ёту штанóф-та.

**Записали И.И.Русинова, А.В.Драчева
от А.П. Габовой, 1913 г.р.,
с. Пянтег Чердынского района**

Ак вы п'ес'н'у хóч'ит'е? Ак кáк ыно вáм йейó, словáм'и? Прóсто тáк прот'áжно п'ёт' ál'е словáм'и тóл'ко?

Д'эфк'и, н'е знáйу, ўж забывáт' лáжу. Йá уж этто, ф Пент'эг'е-то бóльше двáцет'и п'ет'и л'ёт прожылá. Ак колды-ко в д'ер'евн'е дóма молодáйа п'ела. А йётто ўш пр'ишлá, дáк у мн'á зд'ес'а н'ёту. Мы тáм с одной ж жéнш'ш'иной (у нáс голосá был'и хорóшийе), мы с пáшн'и пойéd'ем с п'ес'н'има. Дóпос допахáл'и, ўбспод'и, по зор'е кáк оддáйóца, у нáс тóко л'ес разд'ерáлса, мы доугатáр'им с' йей. У обóих голосá был'и хорóшийе. Мы вóт с' йей ч'ес'т'ён'ко гд'е-ко-с'о посл'е рáбóты л'и гд'е-ко-с'о ф колхóзны в'еч'ерá л'е. Вóт мы с' йей фс'ó п'ёл'и. А этó у м'ен' у нáс кáк-то п'ес'н'и со з'д'эшными н'е схóд'ацца шыпко ж жéншыныма. Йá н'икогдá и н'е пойў. Колды вóт ч'ó-ко бúэт скукá л'е ч'ó, кó-то гóр'е, дáк ворч'ў, самá с собóй выр'гайу, а с нарóдом-та н'е с к'ем ўш.

Забывáйу, д'эфк'и, ўш мнóго мн'е годóф-то, дáк фс'ó ис пáм'ет'и выхóд'ит. Дá и выговáр'иат'- то н'е могу – зубóф-то н'эд дáк – словá-т'е.

Молодá йешó былá, годóв было мн'е тáк пот сóрок - пот п'ид'ес'áт, а тожно ўш вóс'емд'ес'ет шéс', с'ед'мóй ўш. П'ёл'и ф праз'н'екá нáшы-т'е т' тóже жéн'ш'ш'ины. Этó мы п'ес'енк'и у стáрых тóко сторúх, вóт до нáс ишó был'и, нáшы мáт'ер'и да хтó п'ёл'и дáк. Йá вóт этó слыхáла, н'емал'ён'ко вóт на ўс мотáла. А этó он'е т' старомóдны ўш, эт'е п'ес'н'и, н'е совр'ем'онны, дáк их нóн'ч'е н'ихтó и н'е пойўт. Пóмн'у йеш'ш'ó котóры. Тóже т' ишó пúтайус'а, м'ешáйус'а да.

Ишó былá когдá в д'эф'ках, вóт у нáс празн'екá кáк'и пр'естóл'ные, Трóица да. Ну, Казáнска, онá óс'ен'йу бывáт, дáк тогдá ўж гр'áz' да ч'ó. Крúгом играйут в д'ер'евн'е. Вóт выйдут на пол'áнк'и под окóшком у ковó-н'ибúт'. Ч'есóвн'а у нáс рáн'ше былá. Ф ч'есóвн'е отслúжыт бáт'ушко, и тогдá расхóд'ацца по домáм об'édат'. Пооб'édайут, н'емнóшко подоп'йут тáм п'ифч'ó. Рáн'ше эт' н'е было, н'е подáвáл'и этó в'ино-то эдáк-ту, п'иво вар'ил'и дáк. И д'эфк'и вóт ы пойўт, а пожыльйе выйдут да слúшайут оп'ит', с'ид'áт, гл'ед'áт, кáк он'е крúгом играйут. Потóм пойдúт по д'ер'евн'е з гармóшкой. Д'эфк'и пл'áшут, танцúйут, рэб'áта играйуд гармóшкой. Ой, в'ес'ело было, хóд' жыл'и кáк-то-с'о. Мн'е кáжецца, рáн'ше было лúч'ше, ч'ем т'ип'ёр'. А ч'ич'ás однá п'йáнка, одн'е мат'к'и. Ой! Хóд'ат тун'ейáтцы д'ён' пó

дн'у. Ран'ше ант'ер'ес'н'ей, мн'э жыз'н', кажецца, была, ч'ем нон'ч'е. Н'иктo н'игд'е н'е дра'лса. Пovyп'йт, шyт'ат, гул'айyт. А нон'ч'е дак тол'ко нап'ил'ис' – дра'ка, нап'ил'ис' – дра'ка.

Вот йа помн'у: в д'ер'евн'е дак од'ин рас' уш н'е пацаны, пацаны-т'е н'е дра'лис, а уж взрoслыйе ч'о-то там н'е знайу, ч'о он'э н'е под'ел'ил'и. Ф праз'ник тoже, н'е ф праз'ник, а в Масл'ен'ич'у. Масл'ен'ич'а, она эт' по фс'емy св'етy, у фс'ех йо справл'ейуд дак. Вып'ил'и да тoже ч'о-то д'ел'ил'и м'ежду собой сус'ед'и, дра'лис'а б'егал'и. Пацаны, дак он'э эдак-ту эт' ран'ше пацаны-т'е он'э н'е п'ировал'и н'иктo н'е ход'ил'и, ч'о он'э бyдут дра'т'с'а-то. Н'ет. У мн'а Кол'а дак вырoсл'и, дак стал'и суды ф клyп ход'ит' на выхoдныйе. А ф так'и дн'и допoзда рoб'ил'и, ак н'екогды, и ф клyп н'е ход'ил'и молод'ош-то у нас в д'ер'евн'е шыпко-то, токо на выхoдны-т'е ход'ил'и.

Н'икогдa н'е уч'ил'и п'ес'н'и. Вот так ы уч'уйош и вот п'ер'ехватываш. А уч'ит' н'е уч'ил'и. Вот на мол'итвы дак толку н'ет – н'е наyч'иш, и вот п'ес'н'и-т'е как-то пон'имал'и. Н'е уч'ил'и н'ич'о, уч'уйом: вот пойyт стар'ше-та нас жен'ш'ш'ины-т'е – и пойм'ош. А мол'итвы дак вот н'е пон'ел'и.

Гд'э-ко по д'ер'евн'е ишо с п'ес'н'има-та пройду'т. У нас д'ер'евн'а была одна ул'ица дл'инна-дл'инная. А ч'о? Весно'й но'ч'и корoтк'ийе, уш св'етат, и оп'ат' фс'э разоиду'цца. Вот ы фс'а гул'анка была. Ф клyп у нас шыпко н'е ход'ил'и, тoл'ко уш посл'а стал'и вот нашы-т'е р'еб'ата, сынов'йа-т'е ход'ит'. А ран'ше н'ихтo н'е ход'ил'и наша ровн'а дак.

А йа на д'ев'ишн'ик'е-то, на двyх тол'ко с'ид'ела, дак' ишо была молод'ен'ка. Пока м'ен'а в л'ес н'е гон'ел'и. А потoм уш из л'есу пр'ийехала, стала оп'ит' уш сама бабой. Йа так'и у нас шыпко-то вот наша-то ровн'а д'ев'ишн'ик'има-то н'е шл'и. Вот ышо у мн'а с'естр'анка шлa, ак мн'а йешо тогда н'е гон'ел'и в л'ес, молодa была, ак йа у йо пос'ид'ела. Да тyт ф сус'ед'ах сус'етка была, у йо пос'ид'ела. Да'к йа и с'ид'ела вм'ес'т'е со взрoслыма-то д'эфк'има, даг гд'э-ко слoва два-тр'и запoмнила, а тyт фс'о уж забыла. Оп'евал'ные тoжо тол'ко п'ес'н'у л'е дв'э л'е йа запoмнила. Оп'евал'и мы з бабыма-то, вот наша-то ровн'а была – ак оп'евал'и. Д'елал'и свад'бы-т'е котoры да'к, мoлоды-т'е йешо да'к. Наше-то покол'ен'н'о йешо зна'л'и п'ес'н'и-т'е, а там уж мoлoже-то нас н'е зна'л'и, н'е ум'ил'и оп'еват'-то. Мы уж бабыма, оп'ивал'и котoры, жен'ил'ис'а р'еб'ата-т'е, и д'эфк'и н'е ум'ел'и.

**Записали И.И.Русинова, А.В.Драчева
от А.П.Габовой, 1913 г.,
с. Пянтег Чердынского района**

А л'ёс корч'овал'и, вывал'ивал'и. А корч'овал'и вот так. Куштаны ран'ше д'елал'и, картóшку-ту куштáныма копáл'и, нын'ч'о фс'ó лопáтыма, эт' куштáныма. Кругóm д'ер'ев'ину, нý, вóт как этот стóлб, д'ер'ев'ина, йевó кругóm куштáныма огр'еб'ош, з'емл'у, кóрн'и ф'с'е куштáныма тóнк'ийе выг'ипаш, а толстýйе дáже топорóm руб'иш. Потóm нав'ер'х в'ер'óфку забрáсываш, в'ер'óфкой и д'ер'гайут. Онá и слáмывацца, и пáдат. А йежл'и тáм бол'шóй кóр'ен', дáк топорóm выруб'иваш. А йежл'и н'ебол'шáйа д'ер'ев'ина, дáк кóрн'у н'ёт, м'ёлк'ийе у кóрн'а, онá повáл'ицца, дáк в'ид'еруцца.

А потóm ы пáшут. И разд'елацца з'емл'á, как бýд'ет такайа, на ст'еп'е бýэт, така жо з'емл'á потóm. Йес'и дáже на пóч'еку с'ийел'и: вывал'ат, вот так пн'и остáв'ат и зажгýт это фс'ó, в'ес' хлám. Фс'е сýч'а выгор'ат, а потóm с'ийут. А бóроны спецáл'но был'и з'д'еланы д'ер'ев'áныйе. Запр'егýт, это, лóшет', д'ер'ев'áнна боронá пр'áмо по п'ен'ам йез'дит, з'орно-то царáпат. И выростáт на пóч'ек'е, знáйеш, какóй хл'еп выростáл! Рóж дáк выше ч'елов'ека нарост'óт. А потóm пн'и эт'е пос'т'еп'енно ўж бýдут изгн'ивáт', иссыхáт'. И их выбросайут потóm, и разбрóтацца, пóл'о бýд'от. Хтó и жжыгáл, хтó и куды-ко ф кýч'у свáжывал.

Вóт это вон тáм, в'идáт'. Л'и-ко, шут'óm'ина тáм б'ил'ейóт. На йей дáк гол'имый кáм'ен'. Пахáл'и трактор'исты дáк, н'е од'ин л'ем'ех изломáйут. Бойёл'ис' этова пóл'а и пахáт', кáмн'и тáм шыпко. А вот тýт, нав'ерно, н'ёту, нат П'ент'егом, на той с'т'еп'е-то.

А йётто вóт тóже, гд'е пос'óлок, вóт это фс'ó пол'á был'и, пос'óлок-от на пол'áх стойт. Ой, какóй тóжо кам'ен'истый, кáмн'и тóжо был'и.

Сóх'и налажáл'и, сóх'и. Сохá самá д'ер'ев'áнная йэто. Ну как сказáт', оглóбл'и да ч'ó да д'ер'ев'áнны, а йётот сáм-от л'ем'ех, в з'емл'у-ту котóрый дá вот отвáл'иват, как у плýга, такóй жо, ну плýк, óт у трáктора такóй жо жел'езный. Вóт тóч'но такóй же, как плýк, тóл'ко óн г д'ер'ев'áной сох'е пр'ид'елан. За соху дв'е рýч'к'и з'д'элайут, вóт стóл' вышыны, и д'оржаца, лóшет' в'ез'óт. Оглóбл'и з'д'элайут, и в оглóбл'и завод'ат лóшет'. Онá т'áн'от, и плýг ыд'óт в з'емл'у и вал'ид з'ем'ёл'к'у.

Бóроны оп'áд' д'елал'и ж жел'езныма зýб'ийма. Стóл' зýб'йеф долг'и накуйýт ф кýз'н'еце и д'ер'ев'áнну бóрону з'д'элайут, этот, поп'ер'еч'енк'и наколóт'ат. И в д'ер'ев'áнну бóрону эт'е зýб'йа наб'йýт, оп'áт' з'д'элайут оглóбл'и, тóже лýг загнýт ис тóн'ен'к'их гд'е-ко д'ер'ев'ин. И запр'егýт, как в оглóбл'и, и волóчит лóшет', борóн'ат. Сáм'и пахáл'и. С'ём годóф тóже плýк из рýк н'е выпускала, фс'ó пахáла. В'еснóй пáшош под йоровóй, потóm óс'ен'йу пáшош под з'áп. Вóт рóш с'ийут когдá дáк, под рóшготóв'иш. В'еснóй и óс'ен'у. Убóрку кóн'ч'иш – оп'áт' пахáд' бýйеш óс'ен'йу. Картóшку фс'ó

плугам'и выпáх'ивал'и, кóн'има. Оп'át' картошку выпáх'иваш. Да в'есной и óс'ен'у плúк из рúк н'е выхóд'ит. Фс'ó пáшош, покá сн'эк н'е навал'ит, н'е заморóз'ит, мóжно пахát'. Когдá úж застын'от, пахát' н'ел'з'á. Тогдý тóко н'е пахál'и.

**Записали И.И.Русинова, А.В.Драчева
от А.П.Габовой, 1913 г.р.,
с. Пянтег Чердынского района**

А в'ез'д'е тáм вот, по В'ишор'е, фс'ó тудá, за Краснов'ишерском. Йá úш уч'áск'и тák сп'ервá-то и пóмн'ила, за Бóнд'угом и на З'ерг'е. На Нár'ез'е вал'ил'и, потóм на З'ерг'е вал'ил'и, потóм вал'ил'и на Мут'их'е, на Вольн'ке, на Могул'енской бáz'е. Л'ес сос'н'ák, йéл'н'ик, какóй попад'от. Ну, б'ер'ез'н'ик н'е вал'ил'и. Фс'ó тóл'ко штóб здáй д'ер'ев'ину, штóбы былá она хорошá, н'е гн'илайá. А гд'е и на инóм уч'áск'е такóй л'ес плохóй попад'од, гн'илой. Свал'иш – с кóмл'у гн'ил', вóт такó п'áтнышко, и н'е пр'ин'имáют. Отп'ил'иваш тáм, м'е тр'отвал'иш – тáм фс'ó йеш'ш'ó гн'ил', фторóй отвал'иш – а тáм уш на бр'евнó-то оставáйеца-то мáло, однó тóко бр'евнó из д'ер'ева, хóт' товó дл'ин'ейе свал'иш.

А мý эт' с кубатúры вал'ил'и, мáло кубатúры здáш – н'ич'ó и н'е получ'áш. Когдý из л'еса-ту пр'ийид'ем в долгú. Н'е тóл'ко зарóб'ит', а в долгú, йедвá сáми с'еб'á и накóрм'иш в л'есý-ту, в л'ес плохóй попад'ож дáк. Вóт кáг жýл'и.

А л'ес кудá-ко-с' сплавл'ел'и кн'изу. Эт' рáн'ше у нáс вóт этá р'екá былá д'ер'ев'áнная, м'этра толшынóй пó тр'и – пó два л'есу бý ло на р'ек'е. И фс'ó сплавл'ел'и кудá-ко за гран'ицу ды кудý л'е, фс'ó плáвил'и, фс'ó сплавл'ел'и.

На л'есý-то йá скóко рáбл'ивала, óй, на сплавú-ту. На с'этк'е-та н'е рóб'ила. А вóт л'ес раззатáр'ивал'и. Затóр-от затр'от, л'ес-от н'е плыв'ó т. Йевó рошшáтываш тáм кл'ин'има.

И потóм на кошел'е рóб'ила. Кошел' зб'ивáл'и тáмо-ка. Йá хóд' былá мál'ен'ка, худ'ен'ка, а мн'á фс'ó мужык'и с собóй пр'ин'имáл'и. Йá по л'есу, как кл'ишка, б'егала. Вóд' д'эф'к'и н'е могл'и по л'есу б'е гад', дáк он'е на б'ер'егу иш' ч'ер'óмух'и в'ич'и мнúт. Тáмо-ка этó вóт, л'ес-от плáвил'и и плотáм'и йешó, и плоты св'áзывал'и. Парохóд-от мá тк'и-т'е вод'ил, в'идáл'и, под'и? Áл'и н'е в'идáл'и, мáтк'и парохóт вод'ил? Вóт в'ич'и, эт'е мáтк'и св'áзывают', мнúд да, кл'óфк'и из моч'á лок в'йúт. Дá вот хóд'ат по б'ер'егу ч'ó-ко рóб'ат, а йá фс'ó с мужыкá м'и на затóр'е да гд'е да, на вод'е вóт.

А в од'ин слóй плыв'от л'ес, а йá п'ер'еб'егáла р'еку. Вóт тóйко на тó бр'ев'óшко фс'окч'еш, онó ос'ежáт, на другó скор'ей, на тр'ет'ó скор'ей. Óй, выб'ежыш нá б'ер'ег, дак тó л'е б'элый, тó л'е ч'óрный,

душá выхóд'ит ис т'еб'á. Огл'ен'ешша, дáк нá л'ес стрáшно погл'ед'е т', в л'ес-ту этó и б'ежыш.

Ну ч'ó, од'инова, од'инова мý пошл'и, йеш'ш'ó н'е плýл óн. До пó лур'ек'и-то дошл'и с мушшýной, тáм найдáнный мушшýна, тóже рó б'ил. Óн...до хл'ебá-то бýло плóхо тóже, кáк ф колхóз'е-то. Тáк ф колхóз'е-т'е, нý, у нáс колхóз-от н'ич'ó бýл. Óн тр'и бýлк'и л'и ч'етý р'е л'и вз'áл хл'ебá. Á у мн'á тóко однá былá бýлоч'ка. Пошл'и мý, йеш'ш'ó н'е плýл, до полý-то р'ек'и дошл'и – л'ес-от и поплýл с полý-то р'ек'и. Дáк кудý? Назáт н'е поб'ежыш, а нáдо домóй, úш вр'ем'а пó зно. Тáк йá с однóй-то бýлкой скор'ен'ко-скор'ен'ко. А йемý йэто махá т'-то рýк'и-т'е н'епрóсто, óн н'ес'от под обóима мýшк'има хл'еп. Тáк йá огл'енулас'а, óн йешó с пóлур'ек'и, мужыг дáк, а йá уш на б'ер'егý. Йá бýстро б'егáла пóмолду, а т'еп'ер' вót н'икáк н'е стáла б'егáт', с'ижý, и н'икомý н'е нужнá.

**Записали И.И.Русинова, А.В.Драчева
от А.П.Габовой, 1913 г.р.,
с. Пянтег Чердынского района**

Рáн'ше вót, когдá пастух'и корóф-та пасл'и, дáк штó, он'е, д'е, знá л'ис'а [с лешим]. Óн помогáл им пас'т'и-та, д'е. Н'е распускáл их, ил'и вót бýут он'е соб'ирад' дáк, кáк-ко нахóд'ат. А мý вót пó дв'е нóч'и да кáк н'е могл'и нахóд'ит'. Он'и фс'ó пр'игán'ивайут кáжной в'еч'ер. Рá н'ше-то. А т'еп'ер' у нáс óн нон'ч'е молод'óш пасýд дак, он'е кóва л'е шево? До об'еда корóф-то н'е выгán'ивайут. В'еч'ор проб'егáйут, úтро просп'áт – корóвы до об'еда стойáт. Н'ековó н'е знáйут, э'к'и-т'е сосуны. А рáн'ше-то эт' йевó [лешего] стáры-т'е л'ýд'и, в'идно, знáл'и.

Йá ф колхóз'е уш. Пáс у нáс колокóфской стар'ик, óн кáкóй-ко был ис п'ерм'екóф, н'ез'д'ешной бýл. А ф Колокóв'е-то дóлго годóф óн жы л. И пáс корóф у нáс однó л'это. А плóт'н'иком бýл, сáм-от плó т'н'еч'ал, а послáл по корóф дóч'ер'. А мý ф колхóз'е кáк-то тогдý, йá н'е знáйу, однó л'это йá дойла корóф-то л'е двá л'е л'эта йá дойла л'е том-то. Пошл'и мý с' йей, з' д'эфкой-ту по корóф, мойá óч'ер'ед' былá, по óч'ер'ед'и ход'ил'и э'т'е дойáрк'и-т'е. Пр'ишл'и на однó пól'о, на шут'óm вýшл'и. Ч'úйом: колоколá бр'áкайут. «Ó, колоколá бр'еч'áт. Н'едал'óко гд'е т' он'е». Онá стáла на шут'óm, кл'ич'от: «Г'еп-т'еп-т'е п-т'еп-т'еп-т'еп-т'еп-т'еп-т'еп». Корóвы зар'ев'ил'и, корóвы зар'ев'и л'и. Тá: «Мý!», другá: «Мý!» И колоколá-та забр'áкал'и-забр'áкал'и, корóвы к нáм фс'е на шут'óm пр'ишл'и. Мý и н'е ход'ил'и, их по л'есу-ту н'е соб'ерáл'и. Мн'е и д'иво нá д'иво бýло, вót ч'ó йна, йá хót' скó ко говор'и «т'еп-т'еп», н'ич'ó н'е знáйу дáк. А онá вót тóко закл'икала, и корóвы-ту вót ч'úтко зар'ев'ил'и: тá р'ев'ót, другá р'ев'ót корóва. Колоколá забр'áкал'и, он'е хóдом пошл'и, úш н'е стáл'и йес'-то, и фс'е вýшл'и на шут'óm корóвы. Мý тóко обошл'и, их забрáл'и, погнáл'и.

**Записали И.И.Русинова, А.В.Драчева
от А.П.Габовой, 1913 г.р.,
с. Пянтег Чердынского района**

И вот так йа фс'у жыс' проработала, скоко йа...ой, йа бы т'еп'ер' н'е эка, можот, н'е была, в работ'е-то дак. Йа с п'етнацет'и годоф стала за бол'шу роб'ит'. Нач'ел'ис' колхозы, ф колхоз'е стала пахат'. И фс'у ...колхоз как нач'алс'а и, пока война н'е кон'чилас', фс'о пахала. Ка жну з'иму на л'есозаготофках йа была. С'ем з'им в л'есу была, баланы вал'ила. Нон'че «дружбама» вал'ат л'ес-от, а ран'ше-то т'. В'идал'и вы поп'ер'ошну п'илу? Это д'ер'гал'и. Вот эй п'ил'ил'и д'ен' по дн'у. Д'ер'ев'ину вот толст'ушшуйу, н'е опхв'ат'иж, даже р'уч'к'и ст'укайут, н'е хват'ат п'ила-то д'ер'ев'ину-ту дак, эт' йейо вот эдак. Вот поп'ил'ико с'о! Свал'иш. А эт' свал'иш йейо, надо кажну на бр'овна раскр'ивебат'. Дак это вот пош'ш'итай: с'ем з'им да уйд'еш, п'ат' м'е с'ецов в л'есу-то жив'ош, так вот надо как помантул'ит'. Уйд'ош ф коротк'ийе д'н'и т'омно из бараку да т'омно пр'ид'ош. Ф тр'ох дн'ах.

А л'етом вот т'еб'е пл'ук. В'есна буд'от...у нас трактороф н'е было т', мы их н'е пон'имал'и, што за трактора, н'е знал'и. Шес' пар зап'у с'т'им на ст'еп за друшкой, з бабыма фс'о пахал'и. И фс'о сп'ах'ивал'и, ст'еп сп'ашом. А окол'ицы-то, много было шыпко шут'моф-то разработа тано, ран'ше йед'инол'ич'но-то жыл'и раскорч'овывал'и л'ес, разработа тывал'и пол'аны фс'ак хоз'аин про с'еб'а, фс'ем жыт' надо потход'а ка к, н'икому н'еохота н'йшо-то йт' было. И много шыпко было в око л'ице-то тоже разработа пашн'и-то. И в окол'ице фс'о мы пахал'и к'илом'етроф за с'ем' да, как йезд'ил'и фс'о на кон'ах пахат'. Потом, как пашн'у кон'чим, надо уб'ират', уборка. Война стала, фс'ех уг- на л'и на машынах. Вы в'идал'и, с'ено кос'илк'има с'ено кос'ат? Вот эт'и с'енокос'илк'и пр'испособл'оны был'и жат', уб'ирал'и мы на пол'е-то вот йетот хл'еб-от с'енокос'илк'има. Пр'ид'еланы был'и полк'и, вот стол'е шыр'иной, ну а ржаны дак, дл'инны был'и. И згр'ебал'и вод гра бл'има вот таг жо фс'о, вод згр'ебаш, ногой д'оржыш пл'ут-от, отпу с'т'иш горс' – другу наб'ираш. И вот л'ето по-л'етофск'и, п'ат' йа л'ет оп'ат' згр'е- бала, с машыны л'ето по-л'етофск'и н'е сл'езала. Дак эт' вот помашы-ко грабл'ам'и-то д'ен' по дн'у, а т' у мн'а женск'и р'ук'и- т'е. Йа думой-ту пр'иду, у мн'а Капа, п'ерва-го вод была, котора на р'ейд'е, мал'ен'кайа. Йа йейо укладут стар'ик'и б'ез м'ен'а в зыпк'е, зыпк'и ран'ше у нас был'и. Йа йейо н'е могу из зыпк'и дост'ат' рукам'и. Вот как он'е у м'ен'а пр'иставал'и. Дак у йо йето плат'т'е-то закушу, зу бы-т'е был'и, закушу мал'ен'ко зубам'и-то, т'ену, р'ук'и-т'е толды потсу ну пот сп'инку-ту, йо, как л'егушонка, и выт'ену, с собой воз'му толды сп'ат'. Вот как роб'ил'и! Дак йа ч'ич'ас ч'о йно уш мн'е скоко

годóф, йá какá уш тожнó, ч'ó эт' м'ен'á? Фс'у йá жЫс' ф т'áжест'и былá . С'иротóй вЫросла, от отцá оставáлас' годовáйа, гóд'ик мн'é был. В во йну йевó ф тУ, тáм йеш'ш'ó н'е э́та вод' былá, а тáмо рáн'ше ш'ш'ó былá кá-то войнá. Мн'é гóд'ик был, йá остáлас'. С'иротóй вЫросла й вот тák с'иротóй и ум'ирад' бУду. И св'ету йá н'е в'ид'ела, фс'ó вóт тóко былá в робóт'е загружóна.

**Записали А.В. Курникова, А.А.Овчинников
от А.В.Носова, 1905 г.р.,
пос. Ныроб Чердынского района**

П'ёрву-то йа пóмн'у, йá хот' н'е войевáл йейó, йá уш пацанóм был, мн'é было д'ес'ет' л'ёт было, найёрно. Э́то пл'ённы пр'иход'йл'и, áк пл'ённы-т'е, котóры ф пл'енУ, попадáл'и, áк пр'иход'йл'и домóй, áк он'é раскáзывал'и фс'ó.

Ф п'ёрву м'ирову войну э́тто у нас пл'енных мнóго было: афстр'ийцы был'и, афстр'ийцы, болгары был'и э́то фс'ё, мнóго было, их ч'отгы рнацед' д'ержав было дák. Бóл'ше фс'ó афстр'ийцы у нас э́тто пл'ённы-то был'и. В л'есáх рóб'ил'и, дорóг'и разрубáл'и вóт на П'еч'óру. У нас на П'еч'óру дорóга-то пр'амá-то н'е былá, окóл'ныйе дорóг'и фс'áк'и был'и, трáхт-от н'é был. Вóт он'é трáхт, пл'ённыие афстр'ийцы, разрубáл'и. По- тóм пл'ённыие д'ёлал'и, дорóгу разрубáл'и от К'йкуса дó...пó...этой...Óт ну штó ты за ум стáл! Фс'ó п'ерезабыл, фс'ё звá н'йа. Булдыр'йа. Вóт тУт ч'ёр'ез Булдыр'йу, В'ёрхн'ий В'ижáй, по Б'ер'óзофк'е разрубáл'и э́тот трáхт. Э́то к'илометроф с'ём'ес'ат, нав'ёрно, тУт трáхт-от буйет – э́то пл'ённы с'ó афстр'ийцы трáхт-от разрубá л'и, óн н'ебол'шóй. Д'ер'ев'н'а Мысáгорт э́тто йес', óт шес' к'илом'е троф от НЫроп-га. Вóт. Э́тот Мысáгорт он'é разрубáл'и, до Байдарч'á тóко разруб'йл'и. Ну, оконáвл'ена былá, и насыб' была насыпл'она, в'ерстовыйе столбы уже поставл'ены. Э́то афстр'ийцы д'ёлал'и.

Йá их хорошó пóмн'у, йá-то уш пацанóм был, мн'é было л'ет дв'енáцет' – тр'инáцет' было, нав'ёрно. Э́тто их пл'енных-то. Э́то он'é рабóтал'и. Од'ин солдát с ымá тóйко и был, охрáна-то рУска. И н'икудá н'е б'ежáл'и. Йх корм'йл'и лУч'ше, кáк мы п'итáл'ис'! Вóт как' их корм'йл'и пл'енных-то!

Мука б'элая былá, фс'ó крупч'áтна, пшен'йч'на. Э-йо-йóй! Коври г'и нап'екУт вóт так'ийе. Вóт кáк йх, пл'енных-то, корм'йл'и. Óх, он'é п'ес'н'и расп'евáйут, соб'ерУца в'еч'ером-то дák, пойУт п'ес'н'и.

Эт' так'ийе жо л'Уд'и, óн эт' поч'ен'óнный, óн эт' н'е в'иновáт! Пр'и ч'óm? Э́то в'иновáты госудáрство, цáр' в'иновáт. Н'é был'и бы цар'и, н'é был'и п' корол'и, л'Уд'и бы жЫл'и, кáк т'еб'é нáдо. Ч'ó им ну

жно цар'у-ту?! Напас'т' на друго́йе госуда́рство, а наро́д-от губ'ат м'ил'и́оны, за што́ губ'ат?!

Во́т йа́ э́т' пр'ишо́л, да́к у мн'а́ э́т' просто́во м'еста́ н'е́т на мн'е́, йа́ в'е́с' в ра́нах! Наго́ло у мн'а́ ра́ны, скво́с'. То́ко голова́ це́лая была́. Во́т йа́ ка́кой пр'ишо́л домо́й-ту! У мн'а́ и кро́ф'-то ш'ш'ас иску́ств'ена́я. У мн'а́ сво́я-то кро́ф' н'е́ту, родна́-та. Во́т по́тому йа́ до́лго и живу́. Йа́ йейо́ пот'ер'а́л, йе́-йо-йой. Ум'ира́л. Ой! Йа́ то́йко в го́сп'етал'е прол'ежа́л, вы́л'еч'ил – о́братно на п'ер'едову́ю. Йа́ бы показáл ш'ш'а́с, да́к н'е́ буду́ йа́ раз'д'ева́ц'а. Во́т ско́лко у мн'а́ ра́н-то. У́жас! В'ез'д'е́! Скво́с', скво́с'! Ой, ой, ой! Гл'ед'и́, как'и́е ра́ны-т'е, рупцы́-т'е. Э́то прор'езано́ бы́ло до позвонóч'ника́ оскóлк'има, оскóлк'има. О́т он проб'ил-от. Э́то в нога́х, э́то в за́д'ни́це, в'ез'д'е́, идр'ит тво́ю ма́т', э́то р'óбра п'ер'елóманы, ч'о́ и фс'о́.

Во́т э́та вод была́ са́ма стра́шна ра́на. Она́ у́ш, прошóл он [осколок] э́йб, во́т с'уда́ ф пл'еч'о́, фс'о́ грудну́ю кл'е́тку и́т' до позвонóч'ника́. И ту́т йево́ н'ека́к н'ел'з'а́ достáт'. Со сп'ины́-то бы достáли́ и бы, он у са́мой сп'ины́, позвонóч'ника́. Но врач'и́ говор'áт: «Н'ека́к н'ел'з'а́, э́ то на́до, гор'ит, позвонóч'ник наруша́т». А позвонóч'ник наруша́т – ка́кой ты́ ч'олов'е́к? Н'ека́к н'е́ соглаша́лис' мн'е́ д'елат' мн'е́ оп'ера́цыйу. А он мн'а́ тр'ево́жыл. «Мы́ т'еб'а́ домо́й отпу́с'т'им пот ч'и́ стуйу, сп'и́шем т'еб'а́. Н'е́ буд'ем т'еб'е́ оскóлок добы́ват'». Да́к йа́: «Ка́к н'е́ буд'ет'е? Ч'о́ он мн'е́ та́м тр'ево́жыт? Йа́ н'е́ могу́, т'ерпл'е́ н'я́ н'е́т. Он мн'е́ та́м ко́лот». – «Ну́, мы́ т'еб'а́ отпу́с'т'им домо́й». Йа́ гор'у́: «Н'е́т». – «Та́м т'еб'е́ до́ма оп'ера́цыйу з'д'е́лайут, удо́л'ат т'еб'е́ до́ма». – «Да́ и хтó т'еб'е́, йе́с'и вы́ ту́т мн'е́ н'е́ раш'ч'и́ш'ш'а́йт'е. А до́ма н'ехтó н'е́ удо́л'ит». – «Ну́ ла́дно, ра́с ты́ та́к тр'ебу́йеш. Ка́г бу́ д'еш т'ерп'ит'? Бу́д'ем удал'áт'. Ка́г бу́д'еш т'ерп'ит'?!» Йа́ гор'у́: «Д'е́ лайт'е, мн'е́ с'о́ рано́ ум'ира́т'. Да́к што́ до́ма йа́ умру́, што́ э́то у ва́с на стол'е́ умру́. Д'е́лайт'е». Ста́ли́ д'елат'. Но́г'и мн'е́ св'еза́ли, с'уда́ под н'и́с э́то пр'ит'ену́ли, рóжу мн'е́ закрýли́ и полот'е́нцем. Э́то уко́лы з'д'е́лал'и, гд'е́ р'еза́т'-то, да заморóзил'и. Ну́, т'ело́-то раз'реза́л, а́к йа́ ч'у́свовал н'еч'о́. Потóм р'óбра ста́ли́ строга́т'. Потóм р'óбра-т'е́ р'е́жед, да́к расшап'е́рил'и, нао́ што́бы но́ж-от та́м пол'е́с то́же э́т', достá т'-то йе́о. Во́т ту́т-то мн'е́ бы́ло бо́лно. Ну́ и он'е́ гор'áт : «Ты́, го́т, ора́л, да́к э́дак-от стра́шно, ка́к ты́ ора́л!» Йа́ гор'у́: « Йа́ н'е́ ора́л, йа́, гор'у́, о́хал йа́ то́ко, о́хал. Ка́к жо́ йа́ ора́л?» – «Н'е́т, ты́ ора́л, стра́шно бы́ло ора́л». – «Н'е́т, – йа́ гор'у́, – о́хал то́лко». Йа́ гор'у́: «О́хал йа́». Ора́л, в'и́дно, та́к стра́шно. Да́. Потóм йа́ ч'у́ствуйу: мн'е́ бо́л'ше н'е́фт'ерп'о́ш. Йа́ гор'у́: «Ум'ира́йу». Он'е́ дýмайт, што́, в'е́рно, ум'ира́т. Уб'о́жа́л'и, м'ен'а́ оста́вил'и на стол'е́. Уб'о́жал'и в дру́гуйу ка́бин'е́т, фс'е́ врач'и́-от зб'ежа́ли. Ну́ и ч'о́? Ум'ира́т, пýс' ум'ира́т, ра́с уш ум'ира́д да́к. Дýмал'и, што́ ум'ира́т. А кро́ф'-то л'йóца та́м, э́то мн'е́, фс'а́ ко́жа

на шéйе, э́то мн'е с'о отопр'ело. То́ко м'асо о́дно, фс'о́, кр'о́ф'-то гор'а ч'а́йа ид'о́т, она́ йеш'ш'о́ л'й'о́ца да́к. Уб'ожа́л'и, а кр'о́ф'-то фс'о́ равно́ л'й'о́ца. Она́ та́к фс'а́ вьт'екла, та́м ка́пл'и йейо́ н'е оста́лос'. Пр'ишл'и: «О́й, жив'о́й иш'о́, жив'о́й!» Дава́й иш'о́ про́бонат' да́л'ше, ножо́м, та́м да. Йа́ та́ма ч'у́йу йа́: кы́шкат. Йа́ гор'у́: «Фс'о́, дошл'и́ до оск'о́лка, кы́шкат. Мо́жет, оск'о́лок-от кы́шкат». – «О́й, да́й кр'уч'о́к». Кр'уч'о́к ка́кой-ко та́м по́дал'и, фста́вил'и та́м, зап'иха́л'и. «О́й, кор'о́ткой, гы́т, да́й до́ л'ше». Йа́ ч'у́йу, йеш'ш'о́ ч'у́йу. Говор'а́д да: «Да́йт'е до́л'ше кр'уч'о́к». В'и́дно, по́дал'и да́л'ше кр'уч'о́к, затолка́л'и. Вы́ташшыл'и йево́. А йа́ глаза́м'и-то н'е в'и́жу. Кр'о́ф'-то вьт'екла. Зр'е́нийе-то пот'ер'а́л йа́. «Во́т но́ш, во́т, смотр'и́, во́т оск'о́лок тво́й. Во́т мы́ йево́ уда́л'ил'и. Н'е ду́май, што́ у т'еб'а́ оста́лса. Во́т». Йа́ говр'у́: «Спас'и́бо, што́ уда́л'и́ л'и, а йа́ глаза́м'и-то, – йа́ гор'у́, – н'е в'и́жу. Т'о́мна́я но́ч'». Йа́ тр'ои́ су́ток н'е в'и́д'ел, н'иско́лко зр'е́нийе́ н'е́ было. Кр'о́ф'-то вьт'екла, и зр'е́нийе́-то н'е́т. Ду́майу: фс'о́, в'и́дно, ос'л'е́п. На ко́йке л'ежу́, ду́майу, ос'л'е́п. Ч'о́-ко, ко́й-ко, дво́и су́тк'и́ проше́ло, йа́ мал'е́н'ко... ч'о́-ко св'е́т показ'а́лса. Л'а́гу – оп'а́т' т'о́мно. Мал'е́н'ко пр'иподн'имус' – св'е́тло. Ё́ вот та́к тр'ои́ су́ток во́фс'е́ св'е́т н'е в'и́д'ел. Пот'о́м ка́-ко ста́л св'е́т бо́л'ше – бо́л'ше, и во́т...

Иш'о́ во́с'ем с по́лов'и́ной м'е́с'ецо́ф йа́ иш'о́ про́л'ежа́л в го́ сп'ета́л'е-то. Пока́-то фс'е́ ра́н'и зару́пцев'а́л'ис'а, зад'ела́л'ис'. И обра́тно на фр'о́нт, на п'ер'едову́йу. О́т ы́ та́к'и́ зако́нчил' фс'у́ войну́. По фс'о́й Йе́вроп'е́ исхо́дил' пот'о́м, фс'у́ Йе́вропу́. Ко́да война́-то ко́нч'и́лас', на́до показ'а́т' н'епр'ийа́т'ел'у́, ско́лко у́ нас иш'о́ т'е́хн'ик'и. Да́. Фс'о́ т'е́хн'ику́ собра́л'и, ору́ж'я́ фс'а́к'и́е собра́л'и. По фс'е́й Йе́вроп'е́ мы́ из'и́зд'ил'и, показ'а́л'и. Он'е́ та́м ду́майт: «О́! Сов'е́цк'и́й Со́йу́с иш'ш'о́ та́м ско́ко иш'о́ йе́с', с'и́ла ка́ка! По́лч'и́шша во́йско-то ш'ш'о́!» А мы́ показыва́ем то́йко, у́ нас у́ш йо́ ма́ло бы́ло, оста́тк'и́ то́л'ко бы́ло. По фс'о́й Йе́вроп'е́ из'и́зд'ил'и, по фс'е́м д'е́ржа́ вам!

**Записали И.В.Семенова, Н.Петропавловская
от П.Т.Шишигиной, 1921 г.р.,
д. Шишигино Чердынского района**

Э́то у́ н'и́х у́ фс'е́х ра́н'ше бы́л'и́ обжы́нк'и. Жа́л'и́ шо́ ч'ерп'ом, н'е́ было́ э́т' машы́н-то, фс'о́ ч'ерп'ом вру́ч'ну́йу жа́л'и. В'и́да́л'и вы́ ч'ерп, о́н ка́кой? И во́т фс'о́ та́г жн'о́ш ру́ка́м'и вна́кло́н, л'е́то по л'е́тофск'и.

Да́к ко́лды ко́нч'и́ш жн'ит'во́, д'е́ла́л'и Бо́гову́ боро́тку. Э́то во́т фс'о́ вы́жнут, фс'о́, бо́л'ше у́ш н'е́т. На пос'ле́дном по́л'е́ жну́т, и оста́ в'и́ш ма́л'е́н'ко, гд'е́ по́луч'е́ хл'е́бушко. Гд'е́ то́л'ко бо́л'ше да́ л'уч'е́ хл'е́бушко, на йо́м Бо́гову́ боро́тку ста́вил'и. Во́т э́то бы́т'то э́тот, во́ло́тк'и, ну́, та́м ов'о́с. (Да́ бол'шы́сво́ ов'о́с посл'а́-то жа́л'и. Ро́ш, ич'м'е́н'

– это ф п'ервуйу оч'ер'ет' жал'и). Вот это, ов'ос в'еточ'к'и остав'иш, и х вот так кругом это обов'йош. Тóже вот этой в'азоч'кой так обов'йош и з'д'елаш оп'ат' ис... крышеч'ку из этого жо волот'и з'д'елаш крышеч'ку. Ну, остав'иш на борóтку, а ишо обожн'ош кругом йейó. Йейó зав'ажош тóже, вод з'д'елаш корóт'ен'ку голофку и нак'идаш на эту борóтку. И вот она стоит это на з'емл'е. И вот ы Бóуу помóл'ацца на эту борóтку: «Дай, Бóу, на будущый гóт йешó бóл'ше, дóл'ше. И скот'и нушка пус' сйест эту борóтку Бóуовуйу, дак пус' т'óлоч'ку л'йбо ково рóд'ит». Ну, корóва л'йбы хтó сйест. Тамо-ка с'ел'анку п'екл'и вот на обжынк'и да йес'н'ич'у да.

**Записала М.В.Богачева
от М.А.Климовой, 1933 г.р.,
с. Вильва Соликамского района**

Он [лён] вырост'от, там с'ем'енá. С''ас и л'н'анó-то с'им'а фс'ó пот'ер'ал'и фс'о, а тó было. Пос'ейут, он вырост'от вот такой [примерно 1,2 м] на хорóшей з'емл'е. Да такой зацв'ет'от тáг голубуóтой дáжэ. Да с''еч'ас нав'ерно ф Кудымкар'е йешó с''ейут вот тáм, эт'и, ну пол'á целыие йевó, котóрым náдо. Пос'ейут, ну он такой род'ицца знáш, голубым цв'етом цв'ет'от. Ой крас'иво, кодá посмóтр'иш! А потóm йевó рвút вот тák. Рвút, ф снопы л'е, ф пуч'к'и л'е стáв'ат. А пóсл'е этово с'т'ел'ют, росстилáют, и он станóв'ицца, и это, на йóm куд'ел'а. А потóm йевó мнút. Высушат и мнút на м'áуках. Йá самá дáже м'áла. Ну из этово д'елал'и, вот, из'' йóлк'и пр'им'ерно д'елал'и. Выруб'ат и с кор'ен'н'ам'и. И з'д'ез' знáш кáк п'ен'. И пр'иб'йут тудá дóск'и, и тудá залáжывáют этот, кáк вот такой йазык. И вот когдá пр'илáжыш – рáс-рáс-рáс-рáс-рáс! Рáс-рáс-рáс-рáс-рáс! Изомн'ош полúч'ицца соÿс'ем кáк куд'ел'а, потóm эшó тр'епл'ут тр'епáлом Потóm йешó ч'есáукой ч'óшут. И тáм волокно ужé хорóшойе. Тáм уже тóнкóй пр'ад'óцца. А отр'еп'йи-то потóm йешó náдо. Остáтк'и-т'е эт'и вот снач'áла-то сн'имáют бх, с эт'им'и. А потóm тáм остáйóцца тóл'ко волокно, и пр'адút тóн'ен'ко знáш, тák крас'иво. И потóm вот из бх йóпк'и да ч'ó это д'елáют. И на б'р'úk'и мужыкáм ткáл'и, и од'ейáла ткáл'и. Вот фс'ó такойо знáш. Фс'о это йá д'елáла самá, свойм'и рукáм'и.

**Записала М.В.Богачева
от М.И.Климовой, 1933 г.р.,
с. Вильва Соликамского района**

Йá фс'ем рабóтала: и бр'игад'йром рабóтала, и т'ел'áт'н'ищей, и фс'ем на св'ет'е.

Тут ужé была война, дáк с'йл'но-то, это, н'е пр'ишлóс' уч'ицца, пр'ишлóс' рабóтат' з д'ётства.

Йа была одна, з д'ётства пошла раб'отат' на колхознуу раб'оту. Фс'у жыс'-от прораб'отала. Д'ет'ей у мн'а было п'ат'еро вырас'тила. Фс'у дорогу на ф'ерм'е со своим хоз'аином прораб'отал'и.

А ш'еч'ас ч'о? Труж'ус' в огор'од'е в'от в'ийш: од'елас'а, вышла как ч'орт из огор'ода-та, страшно показ'ацца л'уд'ам.

Ой, ф'с'о расказ'ат'! Оч'ен' было т'рудно. Й'ез'д'ил'и на быках, йа и на быках й'ез'д'ил'а, это и нав'ос воз'ила. «Ч'о, гор'йт, мал'ен'к'и-т'е раб'отал'и?» – вот кот'орыие спрашывайут. А ч'о, гор'у, это д'елал'и: на быках нав'ос воз'ил'и, на быках и ж'ерд'и во- з'ил'и, на быках и на м'е л'н'ицу, зн'аш, мол'от' й'ез'д'ил'и, в'от ы... фс'о это у нас так'ойе. Ну, пот'ом л'ошед'и пошл'и. А ч'о, война ст'ала, фс'ех эт'их мужык'оф отп'ра в'ил'и. С войн'ы пр'ишл'и т'ол'ко хт'о-то б'ез ног'и, хт'о-то без рук'и. Бр'игад'ир у нас был б'езног'ой, ну шт'о он на костыл'ах-то в'од бр'игад'ир? Клад'офш'ык был б'езног'ой. Нас от мал'ых-то, пошл'ут, мы по дв'а ч'еловека м'еш'ок под'н'имал'и, тоскал'и, на суш'ылках суш'и л'и. Тр'ойе под'н'имали! В'от й'ез'д'ил'и, так н'е м'ожем. К'опны воз'и л'и в'от это мал'ен'к'иие на быках воз'ил'и. Ст'арыие ну ... ж'ен'шыны гр'еб'ут. Ст'аруу ж'ен'шину н'е пошл'ут же на эт'от... В'от с'еч'ас т'ем бол'ейе в'от, ну, уб'орка. Там ст'арыие-мал'ыие – фс'е был'и. Так н'е было как с'еч'ас. Ст'арыие-мал'ыие – фс'е был'и на эт'ом...на раб'от'е. А у мн'а й'еш'о от'ец ст'арый да ма'ма ст'арайа была, дак йа мн'е пр'ишл'ос' и по до'му. Кор'ову д'ержал'и – сама кос'ила, сама м'ет'ала. Да'же и ф колхоз'е зар'оды это, и кол'л'а руб'ил'и, огор'оды город'или, фс'о на св'ет'е п'ер'ераб'отат'. И л'ит'офку одб'ив'ала н'е т'ол'ко эт' дл'а с'еб'а, да'же дл'а л'уд'ей. Пр'ид'ут: «Ид'и одб'ей л'ит'офку». И куда д'е н'ешша? Да'же в об'ет н'е оддохн'ом, пока с'еб'е одб'ив'ам, пока это, да д'ет'и – и об'ет пройд'от, оп'ат' на раб'оту ид'ом. Оч'ен' было т'рудно. В'ет' война к'онч'илас'. Это говор'ат: «О! Война к'онч'илас'». А разб'итово ск'ол'ко было! Это ве'т он'е д'ума'ют! И м'асо плат'ил'и, и, эт'от... и, ка'г гоор'ица, и молоко, зн'аш, отдава'л'и, и й'аич'к'и отдава' л'и, фс'о, зн'аш. Ф ту по'ру-то в'ед' н'е оч'ен' было, зн'аш, л'ехк'о.

Но ка'г бы н'е было, мы старал'ис'а, ид'ом: гд'е-то сыт'ийе, гд'е-то голод'ны, гд'е-то как'ийе. Но мы старал'ис'а, молод'ош, в'от напро т'ив в'от эт'их ш'ш'ас, в'от эт'их молод'ых. Д'умам: «В'от. Фс'о ран'о в'е т' буд'ет л'уч'шо же». Давал'и тр'и'ста грам офс'анк'и на т'рудод'ен'. Ну шт'о тр'и'ста грам офс'анк'и, в'от сам'и под'ума'йт'е?!

Пот'ом ст'ал'и п'етс'от дав'ат', мы рады ст'ал'и. Доб'ил'ис' пот'ом до к'илограма, к'илограм на т'рудод'ен' ст'ал'и дав'ат', оп'ат' рады ст'а л'и, роб'отал'и.

А пот'ом п'ат' коп'ейек пр'ибав'ил'и, как йа с'еч'ас помн'у. Ну, по п'ат' коп'ейек на т'рудод'ен' – гд'е-то хот'а на к'офту сэконом'ицца за г'од-од дак, хот' к'офту куп'им. Да'к мы уш так нар'адно н'е ход'ил'и, хт'о в'от наше покол'ен'н'е. Так нар'адно н'е ход'ил'и, как от с'еч'ас.

Гд'э-то кúп'им нý вóт йéсл'е плáт'т'е – дáк мý б'ер'ежóм, ид'óм на прáз'н'ик л'и гд'э схóд'им, а дóма-от – какóй! От йá свойевó ш'ш'áс внýка уч'ú: «Дáк тý зач'ém-от ид'óш ф'тáкóм? Гд'э на т'еб'á наб'ер'ó шша?» Ч'áс тóжo фс'ó дóрого стайóт, вóт фс'ó эт', смóтр'йт'е, кáк стайóт дóрого. А гд'э воз'м'óш? Мáт' б'езрóбóтнайá, кáкú-то б'езрóбó т'ицу устрóбил'и и вóт ы попрóбуй

Терминология святочного ряженья в русских говорах Пермского Прикамья*

А.В. Черных

Ряженье являлось одной из составляющих святочной обрядности русских Прикамья и было известно во всех локальных традициях. При всей сложности и многофункциональности феномена ряженья в традиционной культуре, в нашем исследовании мы остановимся на анализе терминологии ряженья, известной в русских говорах Пермского края. Ряженье в Прикамье приурочивалось ко всему святочному периоду. В Пермском крае не было известно разделение святочного периода на «святые» и «страшные» вечера, поэтому комплекс представлений святочного периода, связанный с ряжеными был в локальных традициях единым. Обычно маскироваться начинали с Рождества и продолжали до Крещения. В отдельных традициях были известны и свои сроки, в которые допускалось ряженье. В сам праздник Рождества (7.01) ряженные обычно не ходили: «*Как пройдёт Рождество, на следующий день можно ходить шуликуном*» (Суксунский район, д. Журавли). Известны варианты, когда на Рождественские праздники, отмечавшиеся три дня, накладывались запреты на ряженье: «*На Рождество ряжеными не ходят, только на третий день Рождества*» (Суксунский район, с. Сыра). В других традициях ряжеными начинали ходить только со Старого Нового года (14.01). Последним днем, когда допускалось ряженье, считался Крещенский сочельник (18.01), однако иногда в Крещенский сочельник рядиться уже не разрешалось: «*Наканун Крещения уже ряжеными не ходят...*» (Чернушинский район, д. Богатовка).

Обращает внимание бытование в Пермском Прикамье обширной и разнообразной терминологии ряженья, которая не только служит прекрасным источниковым материалом для раскрытия природы ряженья, но и маркирует различные региональные и локальные

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФНФ № 06-04-82408 а/У.

комплексы обрядности. Наиболее распространенным для Прикамья термином, обозначающих участников ряженья, следует считать название *шуликун* и его варианты: например, *шуликины*, *шуликаны*, *шуликуны* (Соликамский район); *шуликуны*, *шуликины*, *шульганы*, *шульканы*, *ошуликаны* (Куединский район); *шулики*, *шулеконы* (Уинский район, с. Телес); *шеликуны* (Октябрьский район, с. Бияваш); *шулюкины* (Косинский район, с. Новоселово), *шулильканы* (Очерский район, с. Киприно). За редким исключением лишь в некоторых районах Прикамья данный термин неизвестен и для обозначения ряженных используются другие названия. Часто термин *шуликун* для обозначения ряженных бытует и с другими названиями. От слова *шуликун* происходят и глагольные формы, обозначающие само хождение ряженных: *шуликать ходить*, *шуликанить* (Куединский район), *шуличничать* (Красновишерский район, с. В. Язьва). Термин *шуликун* и его варианты, кроме Прикамья, известны преимущественно в севернорусских губерниях, где ими обозначали не только ряженных, но и духов воды, а также нечистую силу, выходящую и гуляющую по земле во время Святков [Зеленин, 1991, 381; Дмитриева, 1988, 25–26; Белицер, 1958, 319]. Распространение севернорусского термина *шуликун* на большей части территории Прикамья также подчеркивает связь региона с севернорусскими районами. Как мы отмечали, в Северном Прикамье слово *шуликун* также используется для обозначения святочных мифологических персонажей. Этнографами, фольклористами и лингвистами неоднократно предпринимались попытки выявить этимологию термина. Известны исследования, выдвигающие предположения об иноэтничном его происхождении, тюркском или тунгусо-маньчжурском [Толстой, 1985, 278-286; Черепанов, 1983; Зеленин, 1930, 2]. Д.К. Зеленин, посвятивший проблеме отдельное исследование, не сомневался в славянском характере и славянской сущности самих *шуликунов*, однако также предполагал иноэтническое происхождение термина [Зеленин, 1930, 2]. Одной из последних, наиболее аргументированных работ, посвященных этимологии слова *шуликун*, следует назвать исследование Н.И. Толстого, по мнению которого, слово связано со старорусским *шуй* - левый, т.е. ритуально нечистый и принадлежащий потустороннему миру, что аргументировано на широком славянском этнолингвистическом материале [Толстой, 1985, 283-286]. Однако и в настоящее время дискуссия об этимологии *шуликуна* не закончена, О.А. Черепанова в частности отмечает, что истоки этого образа уходят в глубины алтайской и китайской древности, а наиболее вероятный источник проникновения в севернорусские традиции – контакты с финно-угорским населением севера России, «совмещение древних славянских мифологических мотивов с заимствованными наслоениями и создает тот сложный и

противоречивый образ» [Мифологические рассказы, 1996, 153]. Название *шуликун*, видимо, первоначально использовавшееся для обозначения святочных мифологических персонажей, и было перенесено на святочных ряженных. Однако в конце XIX – XX вв. термин *шуликун* для обозначения ряженных бытовал более широко, даже в тех районах, где не были известны представления о святочных мифологических персонажах. Такая особенность была характерна и для Прикамья, где лишь в Чердынском, Красновишерском и отчасти Соликамском районе шуликунами называли как святочных мифологических персонажей, так и святочных ряженных.

Со святочными ряженными шуликанами сближаются и такие названия ряженных, как *шиши*, *шишочки*, *шишонки*, известные в северо-западном Прикамье: «*В шिशочки наряжались, сажей намажутся, и не узнашь, кто такие. В избу заскочат, запляшут, на себе шуба вывернута, старьё...*» (Юрлинский район, д. Осинка); «*Парня шишами наряжаются, бегают, девок пугают. Сажей намажутся – шиши и шиши*» (Юрлинский район, д. Лобанова). Название ряженных шишами характерно для тех районов, в которых этими же названиями обозначали и святочных мифологических персонажей [Бахматов, 2003, 255]. Связь названия с потусторонними силами не вызывает сомнения, в то время как проблема этимологии термина также дискуссионна [Мифологические рассказы, 1996, 164].

На севере Прикамья, на Верхней Колве, бытовали такие названия ряженных как *полудник*, *полудница*, *полудники*: «*Оденут чё-нибудь на себя, лицо закроют и пляшут, да в избу заходят прямо, полудники, полудницы*» (Чердынский район, д. Черепаново); «*На Святки обязательно сряжались полудниками...*» (Чердынский район, д. Ньюзим). Термин *полудники*, используемый для обозначения ряженных также, скорее всего, связан с мифологическими персонажами – полудницами, известными в Прикамье. При этом полудницами обозначали в Прикамье не только духов полдня, но и водяных духов: «*После Ильина дня не купаются – полудницы утопят*» (Осинский район), водная ипостась полудниц сближает их с шуликунами, также часто выступающих духами, местом обитания которой после Святков становится водная стихия. Полудницами в Прикамье могли также называть мифологического персонажа – духа огорода «*Бобы или горох хочеться ребятишкам в огороде, чё еще небольшие были, «Не ходите, там полудница поймает вас*» (Очерский район, д. Пахомово), огородное чучело: «*Полудницу вчера в огороде поставила...*» (Очерский район, с. Киприно). Известно и ряженые «полудницей» в летний период, правда, исполнявшееся ситуативно: «*Шубу надела, выворотила, волосы распустила, в борозду легла и ползёт. Напугала их, чтоб дети в огород не ползали, не пакостили*» (Кунгурский район,

с. Калинино). Соотнесенность полудницы и шуликуна раскрывается и на других примерах, в Очерском районе духа огорода, как и пугало могли называть не только *полудницей*, но и *шуликуном*: «*Шуликана поставила в огород, прямо на грядку, чтоб не ходили*» (д. Пахомово); «*Раньше шуликаном пугали, чтоб дети в огород не ходили*» (д. Пахомово). Таким образом, как видно из приведенных примеров, название *полудники* для обозначения ряженных в Северном Прикамье можно поставить в один смысловой ряд с другими названиями ряженных, связанных с мифологическими персонажами.

С выше проанализированными терминами соотносятся и такие названия, бытовавшие в Прикамье, как **фофаны**: «*По смешному срядятся, бегают фофанами парни на Святках*» (Березовский район, д. Пальник) [Подюков, 2001, 79]. В других региональных традициях это слово известно в значении 'черт' [Даль, 1980, 538]. В Куединском районе известны такие термины ряженья, как **буки** («*Буками срядятся*» (с. Бикбарда), **бяки** («*Сряжаются всякими бяками*» (д. Китрюм), **недобры** («*Наряжались люди, как вроде недобры. «О, недобры идут!»*, – *говорили*» (д. Сюрка). С этой же группой терминов следует связывать название ряженных **глушки**, известное в Кунгурском районе: «*В Святки глушки по домам ходили*» (Кунгурский район, с. Ленск) [Словарь, 2001, 119]. Возможно, термин соотносится с таким названием, характерным для святочного периода, как «глухая пора», а также, возможно, с глухотой и немотой как представителей иного мира, так и святочных ряженных. В некоторых районах для обозначения ряженных широко использовался термин **черти**: «*Наряжались, ходили чертями...*» (Юрлинский район, д. Елога). В русских традициях Коми-пермяцкого округа известно название ряженных **калян**: «*Ой, каляны идут!*» (Косинский район, д. Кривцы). Прочтение этого термина также возможно при обращении к соседним коми-пермяцким традициям, где с одной стороны, термин «калян» также использовался для обозначения ряженных, так и нечистой силы. Использование же для обозначения ряженных иноэтнических названий в зонах активных межэтнических контактов известно и в других районах проживания русских. В Удмуртии, например, русские для обозначения ряженных использовали удмуртский термин **вожо** [Стародубцева, 2001, 20-21].

Проанализированные нами названия ряженных составляют особую группу, в которой «без особого труда обнаруживается внутренняя природа крутничества – его связь с миром сверхъестественного, демонического» [Ивлева, 1994, 65]. Подобные представления о связи ряженных с потусторонним миром сохранились не только в терминологии, но и в иных формах народных представлений. К такому можно отнести эпитеты, связываемые с ряженными: «*испугались как чертей*» [ряженных], «*пошли чертей трясти*» [о

ряжены] и т.д. В некоторых народных текстах, связанных со святочным периодом, также раскрывается связь ряженных с нечистой силой, также выходящей в святочный период: *«Опять баушка у нас рассказывала, говорит, шли шуликаны также, эти ряженные с одного конца и смотрят. А с другого конца тоже идут ряженные. Ну, обычно как, встретятся, дак кто кого, друг друга, кто сумеет, кого повалят. Ну и эти также идут, тоже думают. Доходят вместе то, а те, что навстречу шли, и они во двор сразу, и сразу в ограду, во двор забежали. А эти решили, мы всё же их догоним, выперхаем в снегу. Пришли, говорит, никого нигде нету. Они в конюшню, чё мужики, ребята, сильные ведь раньше были, в конюшню. Там, говорит, одно только шипение, никого нигде нету, ни одного не нашли. А видимо, с той стороны черти казались им, что идут там ряженные, а с этой стороны настоящие ряженные»* (Чернушинский район, с. Ореховая Гора).

В южных районах Прикамья в нескольких локальных традициях Куединского и Частинского районов для обозначения ряженных использовали термины **святошни, святошны, святошники, святошные**: *«Святошны бегали, наряжались. Парни не наряжались неженатые, только женатые мужики ходили наряжались, а девки тоже ходили»* (Куединский район, д. Искильда). В Куединском районе отмечено и название ряженных **святки** (д. Лайга, д. Дойная): Термин «святки», по нашим наблюдениям, получил распространение в районе позднее. Скорее всего, его принесли в 1920-х гг. переселившиеся из Поволжья чувашаи), в этом же районе бытовало и название **святिला** (Куединский район, д. Степановка). Происхождение этих названий, несомненно, связано с названием самого периода ряженья – Святки. По наблюдению этнографов, у русских подобные названия встречаются преимущественно в Поволжье [Ивлева, 1994, 58], их распространение в южном Прикамье также напрямую связано с поволжским переселенческим компонентом [Черных, 1998, 39-113].

Особую, значительную группу терминологии ряженья в Прикамье составляют названия, в которых фиксируется или обыгрывается общий принцип обрядового перевоплощения либо конкретные приемы ряженья. Широко распространенным названием ряженных в Прикамье были также термины **маскированные, маскированы, машикарванные, замаскированные** и термин **маскироваться**, используемый для самого ряженья: *«Были маскированы на Святках, Маскированные, говорит. Идут маскироваться»* (Чердынский район, с. Лекмартово). Термин **маскированные**, связанный с одним из атрибутов святочного ряженья – масками, фиксируется в Прикамье повсеместно, однако чаще всего с другими терминами для обозначения ряженных, и лишь в некоторых районах Северного и Среднего Прикамья этот термин является

доминирующим. Для юго-западных районов Пермского края было характерно название ряженных *сряжунчики* и его производные: *снаряжунчики, сряженчики, сряжульчики, снаряжульчики* (Чайковский район), *сряженичики, среженчики, срядные* (Куединский район). Если в юго-западном Прикамье знают только эти названия ряженных, то в других районах Прикамья термины этой группы часто бытовали вместе с другими названиями и кроме перечисленных имели и другие формы: *наряжунчики, наряжены, сряжены, сряженки, посряжунчики, рожунчики, ряжончики, сряжники, среженки, ряженые, наряженые*. Некоторые из терминов этой группы, например *ряженки, ряжёнки*, были известны и в Северном Прикамье (Красновишерском, Чердынском районах).

В Сылвенско-Иренском поречье (Суксунском, Ординском, Уинском, части Кунгурского и Октябрьского районов) ряженных чаще всего называли *горбунцами, горбунчами, горбушками, горбунчиками, горбунками, горбуницами*. Объяснение данного названия заключается в том, что одними из персонажей ряженья были старики «с горбом» [Скалозубов, 1893, 19]. В то же время подчеркивание «горбатости», видимо, связано со стремлением подчеркнуть особую природу ряженья, соотношенную с миром нечеловеческого. В Чердынском районе Пермского края нами зафиксировано название ряженных *старушки*: «*Наряжались, называли их старушками. Как попало волокутся...*» (д. Пантино); «*Назывались старушками. Настоящими старушками надевались. Юбки длинные надевали, если бабушки ешь, всё бабушкино надевали, чтобы на старушку походили*» (с. Редикор). В данном контексте актуализируется не только один из наиболее распространенных персонажей ряженья – стариками и старухами, а также использование старинной, вышедшей из употребления одежды, но и важен сам социальный статус персонажа, связанный с пограничным, маргинальным, переходным состоянием, что характерно и для символики самого ряженья. Особые формы поведения ряженных обусловили, видимо, бытование в Прикамье термина *скоморохи*: «*На Святки шуликаны ходят, Да, шуликаны, или скоморох ещё говорят*» (Очерский район, с. Токари). Наряду с этим в Прикамье отмечен также термин *скомороваться* «ходить ряженым, маскироваться»: «*На Святках скоморовались: кто-ка шубу вывернёт, котора баба мужиком скоморуется*» (Соликамский район, с. Вильва). К этому же смысловому ряду относится также название *чучела*: «*Бабы у нас чучелами сряжаются, шубы выворачивают...*» (Куединский район, д. Ключики).

Пермские говоры знают и другие названия ряженных, например, *мухтари*: «*В святки много мухтарей ходило, пугали девок наших*» (Пермский район, с. Курашим). В Красновишерском районе отмечены

называния ряженных *паньи*: «*То ишию паньи-те старухима изрядятся...*» (Красновишерский район, д. Ратегово) [Альбинский, 180].

В целом региональные названия ряженных, за редким исключением (см. например, *полудники*, *горбунцы*), соотносятся с широко известными в других русских традициях вариантами [Ивлева, 1994, 39-77]. Различные названия ряженных не только отразили сложность и полифункциональность самого феномена ряженья (каждое из них выражает определенный набор признаков, воспринимаемых как наиболее существенные), но и явились отражением сложной этнокультурной истории региона, когда каждая группа поселенцев принесла, сохранила названия, связанные с местами выхода переселенцев, а с другой стороны развила региональные особенности в терминологии.

Список литературы

Альбинский В.А., Шумов К.Э. Святочные игры Камско-Вишерского междуречья // Русский фольклор. Вып. XXVI. Проблемы текстологии фольклора. Л., 1991. – С.171-188.

Бахматов А.А. Юрлинский край: традиционная культура русских / А.А. Бахматов [и др.]. – Кудымкар: Коми-Пермяцкое кн. изд-во, 2003. – 496 с.

Белицер В.Н. Очерки по этнографии народов коми: XIX – начало XX в. / В.Н. Белицер // Труды института этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая. Новая серия. – М., 1958. – Т. 45.

Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. В 4 т. Т. 4 / В.И. Даль. - М.: Русский язык, 1980. – 683 с.

Дмитриева С.И. Фольклор и народное искусство русских Европейского Севера / С.И. Дмитриева. - М.: Наука, 1988. – 239 с.

Зеленин Д.К. Загадочные водяные демоны «шуликуны» у русских // Lud Slowjanski. Krakow, 1930. т.1. cz 2.

Зеленин Д.К. Восточнославянская этнография / Д.К. Зеленин. – М.: Наука, 1991. – 507 с.

Ивлева Л.М. Ряженье в русской традиционной культуре / Л.М. Ивлева. – СПб.: Российский институт истории искусства, 1994. – 233 с.

Мифологические рассказы и легенды Русского севера / сост. О.А. Черепанова. - СПб.: Изд. Спб. ун-та, 1996. – 209 с.

Подюков И.А. Круговорот жизни: народный календарь Прикамья / И.А. Подюков. – Пермь: Изд-во ПОНИЦАА, 2001. – 99 с.

Скалозубов Н.Л. Народный календарь. Праздники, дни святых особо чтимых народом, поверья, приметы о погоде, обычаи и сроки

сельскохозяйственных работ / Н.Л. Скалозубов // Сборник материалов для ознакомления с Пермской губернией. – Пермь, 1893. – Вып. 5. – С. 3-21.

Словарь пермских говоров. – Пермь: Кн. мир, 2000. – Вып. 1: А-Н. – 608 с.

Стародубцева С.В. Русская хороводная традиция Камско-Вятского междуречья / С.В. Стародубцева. – Ижевск: Удмуртский ИИЯЛ УрО РАН, 2001. – 241 с.

Толстой Н.И. Заметки по славянской демонологии. 3. Откуда название шуликун // Восточные славяне: Языки, история, культура. М., «Наука», 1985. С. 278-286.

Черепанова О.А. Мифологическая лексика русского Севера / О.А. Черепанова. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1983. – 169 с.

Черных А.В. Этнический состав населения и особенности расселения в южном Прикамье в XVI – первой четверти XX вв. // Этнические проблемы регионов России: Пермская область. М., 1998. С. 39-113.

Материалы к словарю терминологии ряженья русских говоров Пермского Прикамья

ГЛУШКИ. Мн. Ряженые. *В святки глушки по домам ходили.* (Кунгурский район, Ленск)

ГОРБУНИЦЫ. Мн. Ряженые. *Света как в голбец входить, входила, открыто. А горбуницы-то снаряженные пляшут, путешествуют, у их ведь маска на лице. А она входила, половиком прикрыла – они спадали туда, горбуницы-то, давай ругаться, почто словила* (Уинский район, д. Грибаны).

ГОРБУНКИ. Мн. Ряженые. *Святки были, горбунки ходили, ходили по домам, кто как одевался...* (Ординский район, с. Медянка).

ГОРБУНЦЫ, ГОРБУНЦИ, ГОРБУНЧИ. Мн. Ряженые. *В Святки наряжались горбуньями. Придут – «Горбунцей не надо вам?» Придут. Гармошку поиграют, попляшут* (Суксунский район, д. С.Лог); *В Святки ходили ряженые – горбунцы. Придут, да просят, поют да пляшут, когда пустим, когда нет, а то натопчут* (Ординский район, д. Черемиска); *Горбунцами бегают, лица замаскируют сеткой, узнать их не узнаешь...* (Уинский район, д. Колоба); *В Святках ходили горбунцами-ряжеными* (Суксун, Ключи); *Ряженых горбунцами называли. Женщины в мужика передевались, сряжались с 7 по 19, до Крещения* (Ординский район, с. Медянка)

ГОРБУНЧИКИ. Мн. Ряженые. *Сряжались горбунчиками, и ходили по домам* (Суксунский район, с. Ключи)

ГОРБУШКИ. Мн. Ряженые. *Горбушки – снаряженные в Святките, мужики – юбки, девки штаны наденут. Маски делали, шубы выворачивали* (Суксунский район, с. Сыра).

ЗАМАСКИРОВАННЫЕ. Мн. Ряженые. *На Святки взрослые собирались по два-три человека, шубу выворотим. Сажей толсто намажем рожу, идем: «Пустите замаскированных!»...* (Чернушинский район, д. Сергеевка).

КАЛЯНЫ. Мн. Ряженые. *«Ой, каляны идут!»* (Косинский район, д. Кривцы).

МАСКАРОВАННЫЕ, МАСКИРОВАННЫЕ, МАШКАРОВАННЫЕ. Мн. Ряженые. *Маскарованными ходили, сряжались Кто шубу вывернет, кто совик наденет. Совик – это из оленя, голова есть, а рук нету* (Юсьвинский район, д. Городище); *Пришли маскарованые. Они попляшут, обязательно угощение, какое есть, что есть, то и давали.* (Юсьвинский район, п. Пожва); *Маскарованные лицо марлей закрывали или мазали сажей, да зубы делали из картошки.* (Красновишерский район, д. Н. Бычино); *Ходили, шубы перевёртывают, одежду всякую, машкарованые. Поют, танцуют с гармошкой. В дом пускали. Кто чётто белое, кто как* (Ильинский район, д. Меречата).

МУХТАРЫ. Мн. Ряженые. *В Святки много мухтарей ходило, пугали девок наших* (Пермский район, с. Курашим).

НАРЯЖЕНЫ. Мн. Ряженые. *На Святки наряжены бегали, по избе зерно бросали, чтоб хозяева богато жили* (Куединский район, д. М. Талмаз)

НЕДОБРЫ. Мн. Ряженые. *Наряжались люди, как вроде недобры. «О, недобры идут!», – говорили* (Куединский район, д. Суюрка).

ОШУЛКАНЫ. Мн. Ряженые. *В Святки ошуликаны бегали, девки переодевались в мужиков, песни пели под гармошку* (Ординский район, д. Губаны).

ПОЛУДНИКИ. Мн. Ряженые. *На Святки обязательно сряжались полудниками...* (Чердынский район, д. Нюзим).

ПОЛУДНИЦЫ. Мн. Ряженые. *Оденут чё-нибудь на себя, лицо закроют и пляшут, да в избу заходят прямо, полудники, полудницы* (Чердынский район, д. Черепаново).

ПОРЯЖЕНЫ. Мн. Ряженые. *На Святках поряжены бегают, поряжены называют...* (Чернушинский район, д. О.Гора).

ПОСРЯЖУНЧИКИ. Мн. Ряженые. *Посряжунчики бегают, кто чё наденет. Кто шубу выворотит, сажей вымажут кто под руки попадёт* (Чернушинский район, д. О. Гора).

РОЖУНЧИКИ. Мн. Ряженые. *Рожунчиками бегали, шубы выворчивали, да так намажутся и все...* (Бардымский район, с. Печмень)

РяЖЕННЫЕ. Мн. Участники святочного ряженья. *Ряженые придут, постучатся, их ещё не все пустят. С заслонкой и ухватом ходили, играли. Несколько человек с одной заслонкой ходят. Потом у нас балалайка появилась* (Куединский район, д. Р. Чикаши).

РЯЖОНЧИКИ. Мн. Ряженые. *А в Святки по деревне ряжончики ходили, в каждый дом заходили с песнями.* Рябчата Част.

СВЯТоШНЫ. Мн. Ряженые. *Святошны бегали, наряжались. Парни не наряжались неженатые, только женатые мужики ходили наряжались, а девки тоже ходили* (Куединский район, д. Искильда).

СКОМОРоХИ. Мн. Ряженые. *На Святки шуликаны ходят, Да, шуликаны, или скоморохи еще говорят* (Очерский район, с. Токари).

СРЯЖУЛЬЧИКИ, СРЯЖУНЧИКИ. Мн. Ряженые. *Сряжужликами бегали, цыганками с подругой рядились, я – цыганом. Она – цыганкой, я прошу коням сена: «Давай, хозяйка, хозяйка, коням сена!». Она погадать просит... (Чайковский район, д. К. Ключ). У нас нынче сряжунчики ходили, ворота сняли и утащили, мы сидим, потом смотрим: «А где ворота?»* (Бардымский район, д. Зезелга).

СТАРУШКИ. Мн. Ряженые. *Наряжались, называли их старушками. Как попало волокутся... (Чердынский район, д. Пантино); Назывались старушками. Настоящими старушками надевались. Юбки длинные надевали, если бабушки ешь, всё бабушкино надевали, чтобы на старушку походили* (Чердынский район, с. Редикор).

ФоФАНЫ. Мн. Ряженые. *По смеиному срядятся, бегают фофанами парни на Святках* (Березовский район, д. Пальник).

ЧеРТИ. Мн. Ряженые. *Наряжались, ходили чертями...* (Юрлинский район, д. Елога).

ЧУЧЕЛа. Мн. Ряженые. *Бабы у нас чучелами сряжаются, шубы выворачивают...* (Куединский район, д. Ключики).

ШЕЛиКУНЫ. Мн. Ряженые. *Шеликунами ходят, чё есть срядятся и пойдут* (Октябрьский район, с. Бияваш).

ШИШи. Мн. Ряженые. *Парня шишами наряжаются, бегают, девок пугают. Сажей намажутся – шиши и шиши* (Юрлинский район, д. Лобанова).

ШИШОЧКИ. Мн. Ряженые. *В шишочки наряжались, сажей намажутся, и не узнашь, кто такие. В избу заскочат, запляшут, на себе шуба вывернута, старье...* (Юрлинский район, д. Осинка);

ШУЛьКИНЫ. Мн. Ряженые. *Ряженые бегали, здесь в Опалихиной их горбунчи называют, а в Советной – шуликины* (Суксунский район, д. Опалихино).

О некоторых особенностях синтаксиса живой речи Урала (на материале сказов Павла Бажова)

В.А. Мишланов

Нет никакого сомнения в том, что П.П. Бажов был подлинным знатоком и ценителем живой речи Урала, настоящим мастером слова, владевшим всеми богатствами народного языка. Сказы П. Бажова относятся к такому роду произведений словесного творчества, для которых эстетически значимыми оказываются в первую очередь узуальные языковые формы, а не искусственные риторические фигуры.

Конечно, живая речь горнозаводского Урала XIX века не вполне тождественна современной диалектной речи нашего региона, а тем более современному городскому просторечию. Отличия, однако, почти целиком лежат в области лексики, в синтаксическом же плане в сказах, по-видимому, нет ничего, что мы могли бы расценить как устаревшее, звучащее для современного уральца неестественно.

Многие синтаксические явления, обнаруживаемые в сказах, будучи принадлежностью стиля писателя, отражают в то же время существенные свойства синтаксиса живого русского языка. Нет сомнения поэтому, что подробный и многосторонний анализ богатейшего материала, содержащегося в текстах сказов, осмысление природы, функциональной специфики разнообразных синтаксических конструкций могут быть весьма полезны для развития русистики, для углубления наших знаний о русском синтаксисе.

Специфика текста любого художественного жанра в немалой степени заключается в том, что при его создании автор опирается не только на грамматику, на языковые правила развертывания текста, но и на определенный «индивидуальный план», на свои эстетические представления, на свое чувство «соразмерности и сообразности». Справедливо утверждение, что речь *прагматическая* строится по законам синтаксиса и логики, а речь *поэтическая* – по законам «склада».

И все же синтаксическое своеобразие сказов П. Бажова состоит прежде всего в том, что они построены по законам устной речи, словно они были не написаны, а рассказаны (потому и названы они сказами).

Не имея возможности охарактеризовать здесь все заслуживающие внимания синтаксические особенности, мы остановили выбор на тех явлениях, которые, на наш взгляд, позволяют выявить органическую связь между единицами разных уровней – словосочетанием, предложением (высказыванием) и сверхфразовым единством (СФЕ). Заметим, что изучение таких явлений в русской синтаксической науке сохраняет известную актуальность, а кроме того, как представляется,

именно в этой части грамматики скрыто то, что наиболее привлекательно для филолога, исследующего язык художественного произведения.

1. СЛОВСОЧЕТАНИЕ И ТЕКСТ

Традиционная схема синтаксического описания предполагает движение от словосочетания к предложению, простому и сложному, и – в полном варианте – к СФЕ. Анализируя особенности синтаксиса сказов, мы вполне можем последовать традиции и начать описание со словосочетания, но мотивы выбора такой композиции в данном случае иные. Синтаксическое описание может быть начато со словосочетания вовсе не потому, что оно является минимальной единицей (или, как принято считать, служит строительным материалом для предложения), а по той причине, что по своей языковой природе словосочетание является единицей не только предложения, но и текста (может быть, в большей мере текста, чем предложения), ибо их функционирование диктуется законами построения связного текста.

Словосочетание – это не статическая единица языка, оно не извлекается из словаря и не строится до предложения. Точнее, оно строится до актуального предложения-высказывания из материала, содержащегося в предшествующем контексте – эксплицитном или, чаще, подразумеваемом. Можно сказать, что именно предложение служит строительным материалом для словосочетания (поэтому словосочетание в известном смысле сложнее предложения). Вновь образованное словосочетание включается, конечно, в новое предложение, но как особая – функционально и конструктивно – единица оно существует в жесткой соотносительности с предшествующим текстом и отчасти обуславливает синтаксические особенности следующего высказывания, а потому словосочетание есть единица связного текста [Мишланов, 2002].

Быть может, главная особенность синтаксиса сказов П. Бажова заключается в том, что «классических» атрибутивных словосочетаний (с согласованными или несогласованными определениями) в этих произведениях немного. В описаниях внешности персонажей, пейзажей, жилищ и т.п. преобладают предикативные конструкции (характеризующие предложения структурных схем со связкой, в наст. вр., естественно, опускаемой, или полусвязочным глаголом) и особого рода сочетания, в которых согласованное определение ставится после определяемого имени, что для русского адъективно-субстантивного словосочетания не характерно, а потому такие соединения могут быть интерпретированы как полупредикативные, обладающие признаками и предложения, и словосочетания.

Прежде чем обратиться к разбору примеров, стоит, на наш взгляд, затронуть весьма важную для синтаксиса тему, касающуюся синтаксических оснований классификации текстов. Если жанры речи выделять с точки зрения их синтаксического своеобразия, то в целом их обнаружится немного. Очевидно, в синтаксическом плане наиболее контрастные типы образует речь монологическая и диалогическая. Но и это противопоставление, как показал М.М. Бахтин, не абсолютно. Всякая речь, в какую бы жанровую форму она ни облекалась, принципиально диалогична. Говоря о диалогичности устного монолога, мы имеем в виду не только то, что любой текст всегда соотносится с множеством других текстов о том же предмете [Бахтин, 1979, 274], не только то, что любой текст кому-то адресуется и автор непременно учитывает информативную базу и информативные потребности адресата, но и особую коммуникативную стратегию говорящего, который в условиях непосредственного речевого контакта как бы в большей степени заинтересован в том, чтобы постоянно удерживать внимание собеседника.

Говорящий, имея возможность контролировать процесс коммуникации (то, насколько внимателен слушающий, в какой мере адекватно он воспринимает текст), насыщает текст «фатическими вставками», т.е. выражениями, призванными привлечь внимание собеседника, поддержать речевой контакт. Так, в устном монологическом тексте намного чаще, по нашим наблюдениям, употребляются риторические вопросы, которые выполняют одновременно две функции: фатическую (совмещенную с эмфатической) и метатекстовую. Последняя заключается в том, чтобы ввести в текст высказывание с тривиальным (с точки зрения говорящего) содержанием как уместное в данной коммуникативной ситуации.

Следует отметить, далее, такую черту устного текста, как «изобразительность». Известно деление монологической речи на отдельные типы, называемые повествованием, описанием, рассуждением. Их разграничение проводится с учетом языковых (лексических и грамматических) и коммуникативных критериев, а также специфических закономерностей организации текста (например, текст повествования развивается по принципу тематической прогрессии, когда рема одного высказывания становится темой следующего, в то время как порождение текста описания подчиняется иной закономерности: «нанизыванию» рем на одну и ту же тему).

Однако если сравнить, с одной стороны, повествование в устной речи (или стилизации, данные, например, в сказах П. Бажова или в рассказах В.М. Шукшина), а с другой – повествовательные фрагменты «обычной» художественной прозы (Л.Н. Толстого, А.П. Чехова или

М.А. Булгакова), то обнаруживаются довольно существенные различия, наталкивающие на мысль о новом типологическом противопоставлении (внутри повествовательного типа речи).

Очевидно, всякий повествовательный текст может быть помещен на определенной точке некой шкалы, полюса которой представляют качества, условно названные мной «изобразительность» и «описательность» (см.: [Мишланов, 2004]), или, лучше сказать, «нарративность». Изобразительные тексты строятся с учетом интересов слушающего (читателя), организация же нарративных текстов определяется прагматикой говорящего, который в одних случаях стремится к максимальной объективности, устраняя модусные компоненты, в том числе и выражающие отношение к адресату (например, при изложении событий в научном или официально-деловом тексте), в других заботится в большей мере о самовыражении, чем о том, чтобы быть адекватно понятым.

Следует подчеркнуть, однако, что граница между этими типами вполне проницаема (и иной быть не может) и речь, по-видимому, должна идти об определенном соотношении названных принципов.

Изобразительность есть особое свойство устного рассказа или художественного произведения, обеспечивающее, так сказать, эффект присутствия, дающее возможность слушающему наиболее ярко представить описываемые события. Это свойство, можно думать, возникает не столько за счет использования особых лексических средств, сколько благодаря особой синтаксической организации единиц текста.

В основе разграничения изобразительного и нарративного синтаксиса, очевидно, лежит корреляция «предикативность – атрибутивность». Чем больше в тексте предикативных связей, тем выше степень изобразительности этого текста.

Употребляя атрибутивное словосочетание вместо предикативной конструкции, говорящий как бы свертывает, затеняет самый процесс изображения посредством слова. Предикация («приписывание» признака) подобна наложению мазка. Словосочетание – дезактуализованная предикация, оно воспроизводит то, что было произведено (или что подразумевается говорящим). Словосочетание дает возможность весьма компактно описать некоторую ситуацию, но предикативная структура позволяет слушающему увидеть ее глазами говорящего.

В силу этого в тексте, ориентированном на нарративность, значительная часть компонентов включается в темы высказываний (для чего предикативные выражения подвергаются дезактуализации), в то время как в изобразительном тексте темы максимально

компрессируются (сохраняется минимально необходимое для обеспечения связности и референтной определенности).

Нарративный синтаксис характеризуется стремлением вместить в отдельное предложение-высказывание максимальное число пропозиций, изобразительный синтаксис отражает тенденцию к монопропозитивности отдельного высказывания (последовательности слов от точки до точки или – в устной речи – от каденции до каденции).

Сказанное можно проиллюстрировать едва ли не любым наугад взятым фрагментом, включающим описание каких-либо лиц, предметов или явлений. Вот, к примеру, отрывок из сказа «Медной горы Хозяйка»^{*}:

Один-от молодой парень был, || неженатик, || а уж в глазах зеленью отливать стало. || Другой постарше. || Этот и вовсе изробленный. || В глазах зелено, || и щёки будто зеленью подернулись...

В лесу-то хорошо. || Пташки поют-радуются, || от земли воспарение, дух легкий. || Их, слышь-ко, и разморило. || Дошли до Красногорского рудника. || Там тогда железную руду добывали. || Легли, значит, наши-то на травку под рябиной да сразу и уснули. || Только вдруг молодой, – ровно его кто под бок толкнул, – проснулся. || Глядит, а перед ним на грудке руды у большого камня женщина какая-то сидит. || Спиной к парню, а по косе видать – девка. || Коса ссиза-черная || и не как у наших девок болтается, а ровно прилипла к спине. || На конце ленты не то красные, не то зеленые. || Сквозь светелют и тонко этак позванивают, будто листовая медь. || Дивится парень на косу, а сам дальше примечает. || Девка небольшого росту, из себя ладная || и уж такое крутое колесо – на месте не посидит...

А одежда и верно такая, что другой на свете не найдёшь. || Из шёлкового, слышь-ко, малахиту платье. || Сорт такой бывает. || Камень, а на глаз как шелк, хоть рукой погладить... || Хоть она и тайна сила, а все ж таки девка. || Ну, а он парень – ему, значит, стыдно перед девкой обробеть.

...Он обошел и видит – ящерок тут несчисленно. || И все, слышь-ко, разные. || Одни, например, зелёные, другие голубые, || которые в синь впадают, || а то как глина либо песок с золотыми крапинками. ||

^{*} Двойной чертой обозначены предполагаемые паузы после каденции (понижения тона в конце высказывания); подчеркнуты рематические компоненты высказываний. Очевидно, в расстановке знаков препинания автор ориентируется не столько на традиции пунктуации в литературном языке, сколько на то, как, в его представлении, звучат компоненты текста, поэтому границы между отдельными высказываниями (фразами) не всегда совпадают с точкой.

*Одни, как стекло либо слюда, блестят, а другие, как трава поблёклая,
|| а которые опять узорами изукрашены.*

Как видно, большая часть компонентов текста прямо связана с категорией сказуемого, входит в рему, в ту часть фразы, которая является ее коммуникативной целью. Число тематических компонентов минимально: их ровно столько, сколько нужно для обеспечения связности текста. Особо подчеркнем, что анафорические компоненты (лексические повторы, местоимения) не включают определения (дезактуализованные предикации), как это обычно бывает в связных текстах книжных стилей. В ряде предложений тема вообще эксплицитно не представлена (ср.: *В глазах зелено, и щёки будто зеленью подернулись*).

Особенности изобразительного синтаксиса ярче проявляются в сопоставлении с аналогичным по содержанию текстом, построенным в соответствии с законами «описательного» синтаксиса. Ср.:

Глядит, а перед ним на грудке руды у большого камня женщина какая-то сидит. Спиной к парню, а по косе видать – девка. Коса ссиза-чёрная и не как у наших девок болтается, а ровно прилипла к спине. На конце ленты не то красные, не то зелёные. Сквозь светеют и тонко этак позванивают, будто листовая медь. Дивится парень на косу, а сам дальше примечает. Девка небольшого росту, из себя ладная и уж такое крутое колесо – на месте не посидит... → Глядит, а перед ним на грудке руды у большого камня, повернувшись спиной, сидит ладная из себя, небольшого росту женщина с ссиза-черной косой, не болтающейся, как у наших девок, а ровно прилипшей к спине. На конце косы – не то красные, не то зеленые ленты, светяющие сквозь и тонко этак позванивающие, будто листовая медь.

Аналогичные структуры характерны не только для собственно описательных, но и для повествовательных фрагментов; например:

Настасья – жена-то его – объясняет, что никогда покойник ни про какие такие камешки не говаривал. Шкатулку вот дарил ей, когда ещё женихом был. Большую шкатулку малахитову. Много в ей добренького, а таких камешков нету. Не видывала (ср.: Жена его Настасья объясняет, что никогда покойник ни про какие такие камешки не говаривал, а только вот дарил ей большую малахитовую шкатулку с многим добром, когда еще женихом был...).

Вероятно, именно стремлением к изобразительности объясняется нередкая постпозитивность согласованных определений (*Мать и придумала дать Танюшке ту **шкатулку малахитову**; На спине **котомочка халицовая**, в руке черёмуховый батожок, вроде как странница; Накормила она его **щами хорошими, пирогом рыбным** –*

Мед. г. Хоз.; *Лопочет тот заяц зеленоглазой-то, а она хоть бы бровью повела, будто его вовсе нет* – Мал. шк.).

Как известно, постпозиция согласованного определения в русском синтаксисе является знаком обособления (коммуникативного акцентирования) – независимо от того, есть ли пауза в устном тексте, требуют или не требуют правила пунктуации постановки запятой в письменном тексте. Обособленные определения занимают промежуточную ступень между сказуемым и собственно определением – по происхождению своему они, очевидно, являются «сжатыми» предикативными единицами, внедренными в структуру нового предложения; ср.: *Шкатулку вот дарил ей, когда ещё женихом был. Большую шкатулку малахитову* (← **Шкатулку вот дарил ей, когда еще женихом был. Шкатулка была большая, малахитовая*); *Приходит к ним женщина. Небольшого росту, чернявая, в Настасьиных уж годах, а востроглазая и, по всему видать, шмыгало такое, что только держись* [Мал. шк.].

Полная адъективная форма в собственно предикативном употреблении, напротив, нередко оказывается в препозиции, что отражает характерную для разговорной речи тенденцию коммуникативно важное выносить в начало высказывания. Например: *Изробленный он человек, что его тревожить да в это дело впутывать* [Мед. г. Хоз.]; *Вишь, неласковая она, невесёлая, да и за крепостного где же вольная пойдёт* [Мал. шк.]; *Несчастный тот человек, который каменный цветок увидит* [Кам. цв.]; *Мать-то не раз ревливала хоть бы одна девчонка на погляду. А отец, знай, похохатывает: – Такое, видно, наше с тобой положенье* [Хруп. вет.].

Разумеется, в сказах встречаются и «классические» атрибутивные словосочетания (с препозитивным согласованным определением или постпозитивными несогласованными); ср.: *Стали те камешки из мёртвой Степановой руки доставать, а они и рассыпались в пыль; Волосы, как ночь, а глаза зелёные. И вся-то она изукрашена дорогами камнями, а платье на ней из зелёного бархату с переливом* [...].

II. ПРОСТОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ

2.1. Сказуемое

Изобразительность в повествовательных (событийных) фрагментах достигается за счет интенсивного использования глагольных и именных сказуемых. Их удельный вес, видимо, тем выше, чем динамичней описываемые действия и меняющиеся состояния. Так, в следующем небольшом отрывке почти половина знаменательных слов – это именные и глагольные сказуемые: *Сама тоже на ноги вскочила, прихватилась рукой за камень, подскочила и тоже, как ящерка, побежала по камню-то. Вместо рук-ног – лапы у её зелёные*

стали, хвост высунулся, по хребтине до половины чёрная полоска, а голова человечья. Забежала на вершину, оглянулась и говорит [Мед. г. Хоз.].

Ориентация на изобразительный синтаксис проявляется также в выборе экспрессивных форм сказуемого, которыми весьма богат живой русский язык. Так, значение быстроты и неожиданности действия нередко передается особыми усеченными глагольными формами; например: *Вот что скажу! – И хлоп из одного ствола... в Хозяйку-то!* (Приказчиковы подошвы); *...Вывернул самородку, – фунтов, сказывают, на пять, – и хлоп эту самородку под ноги Дениску* (Жабр. ход.); *В это время и пых в избу этот хитник* [Мал. шк.].

Довольно частотны в сказах так называемые слитные сказуемые (их фонетическое единство обычно передается дефисным написанием), ср.: *В лесу-то хорошо. Пташки поют-радуются, от земли воспарение; Ну, теперь признал меня, Степанушка? – спрашивает малахитница, а сама хохочет-заливается* [Мед. г. Хоз.]; *Просит-молит Настасьют-то: отдай за меня дочь; Испугалась Танюшка, сидит, как замерла, а мужик сойкнул, топор выронил и обеими руками глаза захватил, как обожгло их. Стонет-кричит...; Стоит как дурак, а она сидит-помалкивает, будто её дело не касается* [Мал. шк.].

В ряд экспрессивных сказуемых форм, передающих дополнительные значения интенсивности, следует поставить и разговорные обороты с редупликацией: *Думал-думал, насмелился; Помялся-помялся Степан, да и говорит: Приданое у тебя царям вору; В осенях ушёл так-то да и с концом. Вот его нет, вот его нет... Куда девался?* [Мед. г. Хоз.]; *Поскыркались-поскыркались, набили железной руды, видят – пустое дело, – отстали* [Соч. кам.].

Чрезвычайно распространены в сказах П. Бажова предикативные формы «давай + инфинитив» (их мы насчитали в первом томе сказов не менее сотни), входящие, как правило, в аподозис сложного построения (предложения или СФЕ), например: *Прятели и говорят Турчанинову: – Подбери хоть камни-то! Живо разворуют... Турчанинов и давай хватать те камни. Какой схватит, тот у него и свернётся в капельку; Палач тут и расстервенился, давай полысать со всего плеча, а сам кричит; Тот видит – неладно дело, давай выгораживать Данилушку* [Кам. цв.], а также их компрессированные варианты типа *Барин рядиться* (ср.: *На другую какую работу камнереза поставить тоже не подходит. Ну, и давай рядиться* [Хруп. вет.]).

Словари русского языка форму *давай* в сочетании с инфинитивом толкуют как синоним фазовых глаголов (*начал, стал, принялся*), придающий инфинитиву значение интенсивности, энергичности (см.,

например: Словарь русского языка в 4-х томах. Т. I. М., 1981). Однако значение интенсивности действия обнаруживается не во всех контекстах, и главная особенность подобных форм состоит, на наш взгляд, не столько в этом, сколько в том, что с их помощью передаются определенные смысловые отношения между смежными предикативными конструкциями (ср.: *Данилушко, как услышал про каменный цветок, давай спрашивать старика*, где посредством означенных форм, наряду с другими, синкретично выражается отношение обусловленности между двумя событиями и временном отношении – следование одного действия за другим при минимальном временном промежутке).

Не менее часто употребляются в роли сказуемого формы наст. вр. или императива с частицей **знай**, посредством которой передаются дополнительные значения, уточняющие характер протекания действия, в частности, фазовое значение (продолжения действия) – порой с оттенком уступительности, например: *Танюшка видит – неладно с человеком, стала спрашивать... А тот, **знай**, стонет да глаза свои трёт*; *Ну, Танюшка, – не того слова, – стала надевать, а та, **знай**, похваливает*; *Кто такая? – спрашивает. Паротя, **знай**, похохатывает* [Мал. шк.]; *Народу в избе густенько стало. **Знай**, поворачивайся – за тем догляди, другому подай*; *Стоит мастер, любитесь, а Данилушко, **знай**, посвистывает, спит себе спокойненько* [Кам. цв.] *Люди-то косить собираются, а он, **знай** свое, на руднике колотится* [Соч. кам.] (ср. также вариант с опущенным глаголом: *Прокопъич **знай** свое: Мне что...*).

Особое внимание стоит уделить предложениям с довольно частотным предикативным оборотом «*как есть* + сущ. (прилаг.)»; ср.: *Глаза враскос, уши пенёчками, **как есть заяц***; *Дочьрю люди зовут, – отвечает Настасья. – Самая **как есть наследница** шкатулки-то, кою ты купила* [Мал. шк.]; *У наших змейка, сколь чисто ни выточат, каменная, а тут **как есть живая***; *Низ камня отделал. **Как есть**, слышь-ко, **куст** дурмана* [Кам. цв.]; *Михаило тоже кричит: – Андрюху Солёного видел! **Как есть такой** показался, как до рудника был!* [Две ящерики].

По синтаксической природе – это связочные предложения, передающие суждение отождествления (тождества или подобия), с коммуникативным фокусом на сказуемом. В русском языке коммуникативно выделить сказуемое в подобных предложениях нельзя иначе, как «материализовав» нулевую связку, ср.: *Да ведь это она самая **и есть*** [Мал. шк.]; *Камень – камень **и есть**. Что с ним сделаешь?* [Кам. цв.]; *А сама ревет. – Дура **и есть*** [Две ящерики]; *Я вот **и есть** мастер по малахиту* [Желез. покр.]. Логическое ударение на

подлежащем дает контрастивное предложение (*Я мастер по малахиту [а не кто иной]*), эмфаза именной части сказуемого обычно имеет место в характеризующем предложении (*Я по малахиту мастер*), выделение же сказуемого в предложении тождества реализуется в логическом акценте на связке, усиливаемом частицами *и* или *как*.

2.2. Косвенно-субъектные конструкции

Если монопредикативность и монопропозитивность отдельного высказывания отражает, с одной стороны, стремление к изобразительности, а с другой стороны, генетически связано с особенностями устной коммуникации, то что может стоять за преимущественной ориентацией на те или иные грамматические модели (структурные схемы)?

Русский язык обладает богатой синтаксической синонимией, и было бы весьма интересно выявить мотивы выбора альтернативных конструкций (например, личных, неопределенно-личных или безличных, активных и страдательных).

Соотношение различных типов двусоставных и односоставных конструкций, в частности, прямых и косвенно-субъектных (косвенно-агентивных) предложений в текстах сказов в целом, вероятно, таково же, что и в общерусском языке – как в письменном литературном языке, так и в живой разговорной речи.

Как известно, безличные предложения чаще всего употребляются для описания бессубъектных ситуаций, например, явлений природы или неконтролируемых внутренних состояний человека. Однако давно замечено, что русский язык использует безличные конструкции значительно активней, чем многие другие языки, и не только при описании неконтролируемых состояний (*Его тошнит, Здесь душно, Морозит* и т.п.), но и в иных случаях. Нередко говорящие по-русски изображают в принципе контролируемые процессы так, словно они неподвластны воле говорящего (ср.: *Здесь хорошо работается; Хочется чего-нибудь острого*).

Ярким примером косвенно-агентивной (косвенно-субъектной) модели предложения может служить русская посессивная конструкция с глаголом *быть* (*У меня есть дом*), в которой подлежащим является не субъект обладания (как в прямой посессивной конструкции с глаголами *иметь, обладать*), а объект.

Показательны в этом отношении и русские диалектные конструкции с причастными формами на *-о* (*-но, -то*) в которых те или иные ситуации с реальным агенсом представляются как неагентивные (*У них уже картошку убрано; У меня было взято стирка; У меня ещё не стирано; Малинку посажено; С сельсовету уже уехано у них; У них в сарае обедано; У них встато уж* и т.п.; ср.: *Мы картошку убрали, Они встали уже*) (О подобных причастных

конструкциях см., например: Кузьмина, Немченко 1971; Синтаксис причастных форм в русских говорах. М., 1971; Адливанкин, Потапова 1985). Можно предположить, что структурным (деривационным) образцом для подобных предложений как раз и послужила «косвенно-субъектная» модель посессивного предложения вида «У + род. пад. + быть...».

Общерусские безличные обороты с причастием на -о (с нейтрализованной по роду формой, восходящей к страдательному прич. прош. вр.; ср.: *В комнате прибрано, Сказано – сделано* и т.п.) так же обычны в анализируемых текстах, как и конструкции с «аналитическим пассивом», т.е. с согласуемым причастием прош. времени (*Комната прибрана*). Эти конструкции синонимичны неопределенно-личным предложениям (реальный субъект есть, но он не назван по тем или иным причинам). Например:

И ружьишко у него тут же в сторонке валяется, не стрелено из него [Мед. г. Хоз.]; *Руднишные видели, конечно, – подстроено тут, а молчали* [Две ящерики]; *У бар, известно, заведено было по всяким заграницам таскаться*. [Таюткино зеркальце]; *Ни один завиток-плетешок полной сходственности не имеет, а все-таки подобрано так, что и бестолковому понятно, какие крышки парой приходятся* [Желез. покр.]; *За которое плачено полсотни – за то пятерку, за которое десятка сорвана – за то рубль* [Жабр. ход.].

Гумешевский рудник, где самолучший малахит добывался, в полном забросе стоял, и отвалы там не по одному разу перебраны были [Желез. покр.]; *А кругом золотые штабеля понаторканы, как вот на площади дрова...* [Дорогое имячко]; *Наутро прибежал Дениско к Жабрею и видит – все двери цел хоньки, а в сенках и в избе всё в полном разбросе: кое опрокинуто, кое перевёрнуто, кое в щепы разбито* [Жабр. ход.]. *У царей, известно, положение было: про всякий чих платок наготовлен* [Желез. покр.]; *Сунулся к дверям в сенки, там крестовина набита – никто, значит, не живёт* [Ермаковы лебеди]; *Ну, место хорошо запримечено было, до вершков всё вымерено* [Змеиный след]; *Сходство меж ними в том, что на каждом змее как обручи набиты и блестят те обручи золотыми искрами и камнями переливаются* [Зол. дайки].

При отрицании, а также для выделения количественного аспекта им. пад. объекта (подлежащее), в соответствии с законами русского синтаксиса, заменяется род. пад.; причастие при этом получает окончание нейтрализованной по роду формы (-о); ср.: *Столбов не поставлено и на воде не написано: то ли тут протока, то ли старица подошла, то ли другая река выпала* [Ермаковы лебеди]; *И тут же, не мене угольной кучи, кразелитов насыпано* [Дорогое имячко].

Неопределенно-личное значение оборотов с согласуемым или несогласуемым страд. причастием хорошо выявляется в предложениях, где эти конструкции стоят в однородном ряду предикативными единицами, в которых сказуемое представлено формой 3-го л. мн. ч., например: *Стража понаставлена, людей на строгом счету держат...* [Две ящерки].

Любопытно, что страдательных конструкций с твор. субъекта обнаружить не удалось, что еще раз подтверждает, что эта синтаксическая модель используется как синоним неопределенно-личных или обобщенно-личных предложений. Лишь немногие предложения со страд. причастием соотносятся с пропозицией, включающей агенс, однако он не обозначается в поверхностной структуре, так как ясен из контекста, а если бы потребовалось назвать его, была бы, очевидно, выбрана активная конструкция *Целовальничиха... Жабрею кланяется: дескать, все сделано будет* [ср.: *дескать, сама всё сделаю*], а сама мужу шепчет [Жабр. ход.].

Если субъект назван, то избирается чаще прямая активная конструкция, значительно реже – конструкция с причастной формой на –о (иногда с возвратным глаголом) и субъектным оборотом «у + род. пад.», возникающая, как было сказано, по деривационной модели русских косвенно-субъектных посессивных предложений с глаголом *быть*; например: *Шкурок у них накопилось, козлиного мяса насолили – на ручных санках не увезти* [Серебряное копытце], где косвенно-субъектная конструкция (*у них накопилось*) употреблена в однородном ряду с определенно-личным предложением. Ср. еще: *Кайлы, конечно, у него не было заведено, так он топор-тупицу взял* [Зол. дайки]; *Подивились на убитых, что у них нахватаю у каждого жёлтых камешков через число, как только тащили экую тягость, а того не смекнули, на что им эти камни* [Дорогое имячко]; *Сидят в густой траве, разговаривают, у кого больше набрано да у кого ягода крупнее* [Голубая змейка]; *Старушка, слышь-ко, ласковая да словоохотливая, а трав да корешков, да цветков всяких у ней насушено да навешано по всей избе* [Кам. цв.].

В ряде случаев нелегко бывает определить, является ли оборот «у + род. п.» субъектным по глубинной семантике или он употребляется в функции обстоятельства; ср.: *Это у них тоже хорошо подогнуто было. Кустики за банешкой посажены были, камни кучкой подобраны* [Змеиный след].

Подчеркнем, что в анализируемых конструкциях оборот с предлогом *у* не может считаться синонимом твор. пад. в субъектном или орудийном значении, так же, как не могут считаться полными синонимами, например, конструкции с дат. и им. субъекта (ср.: *Я здесь хорошо работаю – Мне здесь хорошо работается*). Предложение *Там*

у него вода заготовлена [Змеиный след] в действительности соотносится с ситуацией, описываемой с помощью прямой активной или страдательной конструкции (*Там он заготовил воду – Там им вода заготовлена*), но за выбором косвенно-агентивной модели стоит особый взгляд на мир, на человека, на место человека в мире.

Следует, однако, отметить, что в целом предикативные конструкции со страдательным причастием прош. вр. не очень характерны для синтаксиса сказов; в подавляющем большинстве случаев, когда описывается ситуация с конкретным субъектом (агентом), используются структурные схемы с личным глаголом (приведенные выше примеры составляют примерно половину всех таких конструкций, употребленных в 24 сказах, опубликованных в первом томе сочинений П. Бажова).

Тот факт, что косвенно-агентивные модели предложения – пусть относительно редко – встречаются в сказах уральского писателя, возможно, связан определенным образом с особенностями жизни горнозаводских рабочих. С одной стороны, их сознание формируется в условиях активной деятельности и противостояния могучим природным силам, а с другой стороны, они осознают, насколько ничтожны возможности человека в сопоставлении с мощью этих сил, которые и понятны, и мистичны одновременно, и как велика в их жизни роль случая, удачи. Ср. например: *А видит – [малахиту] у Степана поверх урока наворочено, и малахит отбор, сорт-сортom*; прямая агентивная конструкция (*А видит – Степан поверх урока наворотил...*) в этой ситуации также выглядела бы вполне естественно.

Добавим в связи с этим, что и отношения принадлежности у Бажова нередко выражаются с помощью в целом нехарактерной для русского языка «активной» конструкции - с глаголом *иметь* (*поиметь*) в роли сказуемого. Разумеется, глагол *иметь* в качестве предиката посессивного предложения не может конкурировать с глаголом *быть*. Всего в 24 сказах насчитывается не более 35 конструкций с глаголом *иметь* (*поиметь*), при том что значительная часть этих конструкций по семантике вовсе не являются посессивными; например: *Это его дело, кому он душу продал, а нам свою выгоду поиметь надо. То ли она в рассорке с молодым барином была, то ли хитрость поимела.* [Мед. г. Хоз.]; *Давно, – говорит, – об этом мечтанье имела, да сказать – не насмелилась.* [Мал шк.]; *Настасья от мужа слышала, что этот щегарь правильный и в делахмышлёный, даром что к винишку пристрастье поимел; Сама те травы собирала в самое время, когда какая трава полную силу имела* [Кам. цв.]; *Старый малахитчик не потаился, сказал, в чём сумленье поимел.* [Желез. покр.]; *Они, конечно, против скитников зуб имели...* [Зол. дайки]. Ср. собственно посессивные: *Этот Евлаха свою потайную ямку с малахитом имел* [Желез. покр.];

Из бар был, свои деревни имел, да всего решился [Приказчиковы подошвы]; Не даром работу отдаем. Кусок имеем [Мал. шк.].

Говоря о *иметь-* или *быть-*ориентации синтаксиса того или иного языка, принимают во внимание прежде всего выбор глагола для базовой посессивной конструкции. Но в действительности этот выбор отражается на структуре и семантике простого предложения в целом (и, соответственно, деривационно связанного с ним словосочетания).

И бытийные и посессивные предложения становятся деривационным образцом для характеризующих высказываний. Например: *И видит Степан огромную комнату, а в ней постеля, столы, табуреточки – всё из королевской меди. Стены малахитовые с алмазом, а потолок тёмно-красный под чернетью, а на ём цветки медны.* Выделенные части по структуре представляют собой типичное бытийное предложение (т.е. такое, цель которого состоит в том только, чтобы сообщить о существовании в определенном месте определенного объекта), но по смыслу это характеризующее предложение, описывающее «огромную комнату»). Такие предложения обычны во всех жанрах русской речи (ср.: *На нем был черный плащ; На берегу было много отдыхающих* и т.п.; какое-нибудь *На площади были торговые павильоны*, вообще говоря, неоднозначно: оно может соотноситься с вопросами «Что было на площади?» или «Какова была площадь?»; в наст. вр. неоднозначности нет, так как в бытийном предложении глагол *быть* знаменателен, а потому не может опускаться: *На площади есть торговые павильоны*).

Ср. еще: *Рубашонка на нём добрая, штанишки тоже и на ногах сапожнёшки [Кам. цв.]; А у самой слёзы [Мед. г. Хоз.]; Огляделся и видит, – у камня туесочек стоит, а на нём хлеб ломтями нарезанный [Две ящерики]; В прогалы полянку видно, а на ней цветы каменные, и пчёлки золотые, как искорки, над теми цветами [Гор. маст.].*

Чаше, однако, исходное бытийное или посессивное предложение в составе характеризующего претерпевает определенную трансформацию – свертывается в словосочетание (мы называем такое синтаксическое изменение дезактуализацией). Например: *И вся-то она изукрашена дорогими камнями, а платье на ней из зелёного бархату с переливом [Мед. г. Хоз.]* (ср.: *На ней платье из зеленого бархату...*); *А одежда на нём – уму помраченье [Мал. шк.]; Платьишко на ней синее, платок на голове синий и сама вся синёхонька, да такая тощая, что вот подует ветерок – и разнесёт старушонку. Однако глаза у ней молодые, синие да такие большие, будто им тут вовсе и не место [Синюшкин колодец].*

Интересно отметить, что многие словосочетания, выражающие отношение принадлежности, образуются именно по модели посессивной *быть-*конструкции, а не с помощью притяжательных

местоимений или приименного родительного, обычного в литературном письменном языке. Ср.: *И ружьишечко у него тут же в стороне валяется.* (вм. *ружьишечко его*); *Только вот кусок-от у нас сиротский* (вм. *наш кусок*); *И так-то у меня девка мудрёная была, а колдунья эта проходящая вконец её извела; Боятся, поди, как бы у тебя часы потом не изошли и цепка не помедела; Выросла-де у нас в заводе красавица, другую такую не скоро сыщешь* (вм. *в нашем заводе*); *Пуцай мается, а денежки у меня будут* (ср.: *денежки мои будут*); *У Паротиной бабы и глаза забегали.* [Мал. шк.]; *Приданое у тебя царям впору, а я человек рабочий, простой* [Мед. горы Хоз.].

Так же образуются и словосочетания, выражающие косвенно-объектные или обстоятельственные отношения ср.: *Это мне безо внимания, что барин Турчанинов хочет у меня жену увезти* (вм. *мою или от меня*); *Сидит будто над покойником, голову подняла, слёзы у ей так и каплют* (вм. *по ее щекам*); *У кого спереду навешано, у кого сзади нашито, а у кого и со всех сторон; И так это платье шито, как вот у цариц на картинках; Турчанинов и давай хватать те камни. Какой схватит, тот у него и свернётся в капельку* [Мал. шк.].

Ш. ПРЕДЛОЖЕНИЕ И ТЕКСТ

Мы выяснили выше, что авторская программа порождения текста не предполагает появления высказываний с большим числом пропозиций (с определениями, номинализациями, причастными и деепричастными оборотами, обычными в книжных стилях).

Полипропозитивные высказывания образуются, как правило, тогда, когда необходимо обозначить какие-либо смысловые связи (например, каузальные) между описываемыми ситуациями или отношения изъяснительного типа. Второй вид наиболее частотных полипропозитивных высказываний представлен предложениями с однородными членами. Но вывод о том, что простое предложение (часто к тому же компрессированное, с подразумеваемыми компонентами), совершенно господствует, был бы далек от истины. Дело в том, что «графически» простое предложение (от точки до точки) в действительности почти всегда является частью сложного построения, как правило, недифференцированного, «переходящего» из предложения в СФЕ. Это исконный и универсальный принцип синтаксической организации живой устной речи, и художник следует ему осознанно, намеренно.

Синтаксическая организация текстов устной речи во многом подчинена «прагматике слушающего». Как известно, ограниченность объема оперативной памяти человека обуславливает и определенные синтаксические ограничения для устных текстов: не могут быть

значительными длина фразы и глубина ее структуры, рема (коммуникативный центр тяжести) часто помещается в начало. Восприятие облегчается и иными средствами, из которых самым важным, по-видимому, является ритм, повтор в самом широком смысле, прежде всего повтор синтаксический (грамматический параллелизм).

Но то, что для спонтанного устного общения обусловлено прагматическими факторами, становится эстетическим ориентиром и для устного фольклора, и для письменных поэтических текстов. В частности, повтор как универсальный закон порождения устного текста стал художественным принципом, нашедшим отражение уже в древнейших текстах, например, в Библии («...Наши выводы должны строиться на том очевидном факте, что существо поэтической техники состоит в периодических возвратах и это проявляется на каждом уровне языка. Первым среди этих систем периодичности, параллелизма в устройстве текста привлек к себе внимание ученых на Западе библейский *parallelismus membrorum*» [Якобсон, 1987, 99]).

Между прочим, и в Евангелии, и в сказах П. Бажова ритм создается главным образом парцелляцией связного текста на сопоставимые по объему (а иногда и по конструктивным особенностям) единицы. В бажовских сказах между синтаксически связанными компонентами часто ставится точка, являющаяся в этом случае знаком паузы, графическим показателем ритма. Все это делает синтаксические единицы диффузными, недифференцированными (по крайней мере, с точки зрения традиционных грамматик, имеющих дело только с дискретными языковыми единицами): простое предложение в то же время является частью сложного, а значит, сложное предложение одновременно обладает и признаками СФЕ.

В жанрах письменной речи грамматически неполная структура трактуется либо как присоединение, либо как парцеллят. Отделить одно от другого непросто. Парцеллированные и присоединительные конструкции настолько близки друг к другу, что некоторые исследователи приходят к выводу о принадлежности их к одному типу полипредикативных структур (так, Ю.В. Ванников полагает, что присоединительные конструкции представляют собой вид построений с парцеллятами [Ванников, 1969, 22]). Другие ученые подчеркивают, что «парцеллированная синтаксическая единица организована полярно противоположным образом – не присоединением, а расчленением, разъединением» [Ринберг, 1987, 38-39] и поэтому никак не может быть отождествлена с присоединительной конструкцией. Сложность, однако, заключается в том, что далеко не всегда имеется возможность определить, каким именно образом возникает та или иная структура, сопоставимая со сложным предложением и имеющая конечную

интонацию в протазисе, и то, что определяют как преднамеренное присоединение, в действительности вполне может оказаться разединением, отчленением.

Вряд ли, тем не менее, стоит сомневаться в том, что в деривационном механизме устной спонтанной речи для парцелляции места нет. В то же время обычные в сказах конструкции текста, напоминающие парцелированные, нельзя считать и присоединительными, т.е. высказываниями, порожденными «вдогонку». По природе своей подобные текстовые структуры представляют собой рематические цепочки – последовательности интонационно автономных рем (аналогов отдельного высказывания), соотносящихся с одной эксплицитно представленной темой. Определяя синтаксическую и коммуникативную природу таких структур, мы вновь должны обратиться к вопросу об особенностях изобразительного синтаксиса. Если верно, что изобразительность опирается на предикативные связи, на приоритет рем, то, можно думать, в наибольшей степени этим свойством отличаются именно парцелированные (как бы парцелированные) структуры связного текста.

Примеры парцелированных конструкций искать в сказах не требуется – ими может служить произвольно выбранный отрывок. Ср.: *У Настасьи, Степановой-то вдовы, шкатулка малахитова осталась. Со всяким женским прибором. Кольца там, серьги и протча по женскому обряду; Степан хорошее обеспечение семье оставил. Дом справный, лошадь, корова, обзаведенье полное. Настасья – баба работающая, робятишки пословные, не охтимнеченьки живут. Год живут, два живут, три живут. Ну, забеднели все-таки. Где же одной женщине с малолетками хозяйство управить! Тоже ведь и копейку добыть где-то надо. На соль хоть. Тут родня и давай Настасье в уши напевать. – Продай шкатулку-то! На что она тебе? Что впусте добру лежать. Все едино и Танюшка, как вырастет, носить не будет. Вон там штучки какие! Только барам да купцам впору покупать. С нашим-то ремьем не наденешь эко место. А люди деньги бы дали. Разоставок тебе. Однем словом, наговаривают. И покупатель, как ворон на кости, налетел. Из купцов все. Кто сто рублей даёт, кто двести [Мал. шк.]*

Аналогичные текстовые структуры во множестве обнаруживаются, например, в рассказах В.М. Шукшина, в которых авторская речь также напоминает манерой устное повествование (ср. начало рассказа «Срезал»: *К старухе Агафье Журавлевой приехал сын Константин Иванович. С женой и дочерью. Попроведать, отдохнуть. Деревня Новая – небольшая деревня, а Константин Иванович еще на такси подкатил, и они еще всем семейством долго вытаскивали чемоданы из*

багажника... Сразу вся деревня узнала: к Агафье приехал сын с семьей, средний, Костя, богатый, ученый...).

IV. ПОЛИПРЕДИКАТИВНЫЕ СТРУКТУРЫ

Не имея возможности даже кратко описать все заслуживающие внимания типы сложных предложений, остановимся лишь на самых общих характеристиках полипредикативных конструкций, встречающихся в сказах, и на наиболее ярких, с нашей точки зрения, их особенностях.

Практически все рассмотренные выше конструкции простого предложения (и предложения с определительными оборотами, и парцелированные субтексты, и характеризующие высказывания, порожденные по модели бытийных или посессивных) позволяют сделать вывод о том, что одной из ярчайших особенностей синтаксиса живой речи вообще и языка сказов в частности является деривационное взаимодействие разнотипных единиц. Результаты анализа структуры и семантики сложного предложения только подтверждают этот вывод.

Синтаксис сложного предложения (СП) в произведениях П. Бажова во многом определяется влиянием живого разговорного языка, устного фольклора.

Первое, на что следует обратить внимание, анализируя особенности строения СП, – это преобладание бессоюзия, даже в разряде изъяснительных сложных предложений (*Глядит, а перед ним на грудке руды у большого камня жеңицина какая-то сидит; Слышать – лопочет что-то; Посмеяться ладил, а видит – у Степана поверх урока наворочено, и малахит отбор, сорт-сортот* [Мед. г. Хоз.]; *К нему и пристроили, а он рад-радехонек, потому знал – парнишечко смышлѣный и к работе не ленив* [Хруп. вет.]).

Вторая яркая особенность встречающихся в сказах полипредикативных конструкций состоит в значительно большем разнообразии по сравнению с текстами книжных стилей речи недифференцированных конструкций, т.е. таких построений, которые обладают признаками разных структурных классов и семантических разрядов. Показательным в этом отношении является следующий небольшой отрывок из «Малахитовой шкатулки»: [*..Мужа приказчиком в Полевую пошлю*] *Там дело направлено* (1), *пуцай только построже народ держит* (2). *Хватит, поди, на это толку, что хоть и музыкант* (3). *А ты с ним лучше лучшего проживѣшь в Полевой-то* (4). *Первый человек, можно сказать, будешь* (5). Первые две предикативные конструкции оформлены («графически») как бессоюзное предложение, но с точки зрения коммуникативного членения (и, можно думать, в интонационном плане) это скорее

сверхфразовое единство, где (1) – повествовательное высказывание (включенное в контекст мотивационными связями), тогда как (2) – побудительное (или оптативное) предложение. Компоненты (4) и (5), напротив, представляют собой внешне самостоятельные высказывания, которые образуют в действительности конструктивное и смысловое единство, характерное для СП; не исключено при этом, что и в просодическом отношении эти компоненты связаны более тесно, чем смежные автономные высказывания. Особый интерес в анализируемом отрывке представляет третья фраза. Будучи контекстуально неполной, она конструктивно сливается с предшествующими фрагментами текста, кроме того, в ней обнаруживается совмещение двух гипотактических показателей: асемантического союза *что* и уступительного союза *хоть и*. Подобные «химерические» построения – не такая уж редкая вещь в синтаксисе живого русского языка. Причина их появления – взаимодействие деривационных моделей (деривационная аналогия).

Действие деривационной аналогии обнаруживается практически во всех типах и разновидностях СП. Так, следующие конструкции должны быть квалифицированы как переходные между относительными и изъяснительными (представляющие одновременно и относительное подчинение, и «интеррогативное»): *Оглянулся ли другой раз Андрей и куда его штольня вывела, – про то мне старики не сказывали* [Две ящерки]; *Кто и за что им такие прозвания придумал, это сказать не умею; Что делать, об этом они уж сговорились* [Голубая змейка]. В некоторых случаях относительная связь устанавливается между компонентами условного бинома, т.е. конструкция оказывается в одно и то же время сложноподчиненной (относительной) и бессоюзной; например: *Кто её поймает, тому пятьдесят рублей награда* [Приказ. подш.]; *Вот кому из вас случится по тем местам у земельного богатства ходить, вы это и посмекайте* [Травяная западенка]; *В которой жилке турмалин блестит либо зелёная глинка роговицей отликает, там золота не жди* [Зол. дайки]; *Чуть кто заартачится, того с семьёй на дальние прииска сгонят, а то и в солдаты сдадут, либо вовсе с концом в Сибирь упеткают. Ну, а кто не упирается, – тому стакан вина да рублёвка серебра* [Травяная западенка]. Ср. еще более показательный пример, где есть и условный союз, и относительная связь: *Женщина подала половинки ребятам и говорит: – Коли который хорошее другому задумает, у того плиточка золотой станет, коли – пустяк, выйдет бросовый камешок* [Голубая змейка].

Сложноподчиненное предложение представлено в сказах самыми разнообразными структурами, большинство из которых так или иначе противопоставлено предложениям книжного литературного языка. Так, условные конструкции оформляются в подавляющем большинстве

случаев посредством разговорных союзов *коли* (в первом томе сказов предложения с этим союзом встречаются в пять раз чаще, чем конструкции с союзом *если*), *ежели*, *кабы*. Причинные отношения выражаются, как правило, характерным для разговорного языка подчинительным союзом *потому*.

Одной из ярких особенностей сложноподчиненного предложения в сказах П. Бажова является ориентация на абстрактный гипотактический показатель *как* (в тех случаях, когда в литературном языке используется семантический союз – временной, условный, причинный – или союз *что*). Ср.: *А как (= когда) зима прошла, опять в то место набежали* [Соч. кам.]; *Как (= как только) барин приехал в Полеву, приказчик сейчас: – Получите, сделайте милость, подарочек для невесты* [Хруп. вет.]; *Так они и лежали у Фабержея в запасе и долежали до того году, как самое высокое французское начальство к царю в гости приехало* [Желез. покр.]; *Летом-то, понятно, и босиком ладно: своя кожа, не куплена. А Митюньке, как (= так как) он всех жалчее, и сапожнёшки были; Тот объясняет: – Вашей, дескать, барской милостью Данило на оброк отпущен и сколько брать с него – тоже указано, а как платит он исправно, я и думал...* [Хруп. вет.].

Среди конструкций относительного подчинения нередки построения архаического типа – с препозицией придаточного (часто с определяемым именем при относительном местоимении). Вот характерные примеры: *На котором месте стал, под ногами у него земля вдавилась* [Вел. Пол.]; *Какие конфетки подешевле, тех сыплет больше, а которые подороже – тех самую малость, а считает наоборот* [Жабр. ход.]; *Которые люди первые набежали, сказывали, что около покойника ящерку зелёную видели, да такую большую, каких и вовсе в наших местах не бывало* [Мед. г. Хоз.]; *И вот диво! Которые хуже-то всех были, те все мёртвые, а кои хоть маленько стыд имели, те только изувечены* [Приказ. подш.]; *Которые посмелее, те стали около ерофеевой ямы всякие дела себе выискивать* [Зол. дайки]; *Тех мастеров, кои побойчее да поразговорчивее, всех отхлестали, а которые потишае, – тех не задел* [Две ящерки].

В относительных конструкциях с неодушевленным местоимением антецедент (Т-местоимение в главной части), как правило, отсутствует: *Притащил, что подходящее, и давай камень дробить в том самом месте, где золотую дорожку видел* [Змеиный след]; *Другой без отказа даёт, что попросит* [Жабр. ход.]; *Ну-ко, покажи, чему тебя мастер выучил?* [Кам. цв.].

Относительные СП, используемые в литературном языке (с интерпозицией или постпозицией придаточного и контактностью

относительного местоимения и антецедента), в сказах обнаруживаются в случае, когда придаточное входит в тему и имеет собственно определительное значение (определяет существительное по референту); ср., например: *А глыба-та, которую Степан сперва нашёл, и посейчас в нашем городе, говорят* [Мед. г. Хоз.]; *Позовите-ко эту девку, про которую разговор* [Мал. шк.]; *Жених с невестой попереду, а подружки невестины с холостяжником, который на вечеринке был, поотстали маленько* [Кам. цв.]; *Одни кверху, вроде деревьев вьются, другие понизу стелются... Меж теми, что с деревьями вровень, какие-то веревки повешаны* [Зол. дайки]. Впрочем, среди таких конструкций встречаются модификации, отражающие влияние разговорной речи: с отрывом относительного местоимения от антецедента (*Охота было тех камешков доступить, которые в мёртвой степановой руке видели* – [Соч. кам.]; *Выбралась поскорей из ямы, глядит, а это Перфил. Из семерых-то братьев, жена у которого в скиты ушла* [Зол. дайки]) или с относительным словом *который*, вместо *кто*, в приместоименных конструкциях (*Вот и скажи приказчику, как я велела, а теперь иди да тому, который с тобой, ничего, смотри, не говори* [Мед. г. Хоз.]).

Вместе с тем в текстах сказов (как правило, написанных в поздний период) обнаруживаются иногда сложные предложения, живой разговорной речи не свойственные. Ср.: *И то Митюньке далось, что отец смолоду ловко на рожке играл* [Хруп. вет.] (= *И то, что отец смолоду ловко на рожке играл, Митюньке далось*); *Сходство меж ними в том, что на каждом змее как обручи набиты и блестят те обручи золотыми искрами и камнями переливаются; Нашлись такие, что по-другому поняли и начали перешёптываться* [Зол. дайки]; *И то у ребят вровень пришлось, что оба последними в семьях росли* [Голубая змейка].

V. ДИАЛОГ В МОНОЛОГЕ: ФАТИЧЕСКИЕ ВСТАВКИ И РИТОРИЧЕСКИЕ ВОПРОСЫ

Немалую роль в организации текста играют компоненты, которые можно назвать *ф а т и ч е с к и м и в с т а в к а м и*.

Принято разграничивать фатические и информативные компоненты высказываний, относя к первым то, что служит для установления и поддержания связи, речевого контакта между говорящим и слушающим.

В широком смысле фатическими являются такие языковые произведения, цель которых заключается в общении как таковом, в «общении для души» (это прежде всего высказывания речевого этикета, которыми обмениваются люди в различных ситуациях

общения, разговоры о погоде, пейзаже, с информативной точки зрения обычно избыточные, анекдоты и т.п.).

Любопытно, что фатические выражения чаще употребляются не в письменной, а в устной речи (т.е. в ситуации непосредственного общения, когда могут быть использованы и невербальные средства).

Наиболее активно автор сказов использует словечко *слышь-ко*. Ср.: *А Степан и не знает, как отвечать. У него, слышь-ко, невеста была. Хорошая девушка, сиротка одна; Пташки поют-радуются, от земли воспарение, дух легкий. Их, слышь-ко, и разморило; А одежда и верно такая, что другой на свете не найдёшь. Из шёлкового, слышь-ко, малахиту платье; Вот, – говорит, – тебе подарочек для твоей невесты, – и подаёт большую малахитову шкатулку. А там, слышь-ко, всякий женский прибор; Камешки холодные, а рука, слышь-ко, горячая, как есть живая, и трясётся маленько; А он, слышь-ко, на руднике у высокого камня мёртвый лежит, ровно улыбается [Мед. г. Хоз.].*

Как видно из примеров, это выражение не только призвано привлечь внимание адресата речи (т.е. выполняет собственно фатическую функцию), но и служит своего рода модальным словом, выражающим отношение говорящего (обычно удивление, с той или иной оценкой). В этом отношении оно существенно отличается от другого фатического слова – частицы *вишь*, модального значения, как кажется, не имеющей, но получающей в большинстве контекстов дополнительное значение показателя каузальной связи (высказывание с частицей *вишь* в той или иной мере обосновывает то, о чем говорится в предшествующем фрагменте). Ср. например (*вишь* в мотивирующем значении выделено полужирным шрифтом): *От Степана, вишь, осталось трое робятешек-то; Боятся, поди, как бы у тебя часы потом не изошли и цепка не поме-дела. Вишь, без привычки-то как ты их мозолишь; Вздыхнул маленько народ при этом Пароте. Тут, вишь, штука-то в чём. Старый барин к той поре вовсе утлый стал, еле ногами перебирал; Заводские парни о Настасьины окошки глаза обмозолили, а подступить к Танюшке боятся. Вишь, неласковая она, невесёлая, да и за крепостного где же вольная пойдёт. Кому охота петлю надевать? Налупила бы девку, да, вишь, она у нас старательница; Только на порог, а навстречу Танюшка. Она, вишь, куда-то ходила, и вся эта продажа без неё была; Паротя про это как-то узнал, шум-крик поднял [Мал. шк.]; Он, слышь-ко, смелый был, а все ж таки понимал – завод не деревня, большие опаски требует. Народ, вишь, завсегда кучкой, место тесное, да ещё у огня [Приказчиковы подошвы]; За струментышком своим хотел даже человека нарядить. Боялся, вишь [Соч. кам.].*

Надо думать, к фатической функции языка имеют отношение и риторические вопросы, т.е. прямые по форме обращения к слушающему, которые, однако, имеют коммуникативной целью не запрос информации, а некоторое утверждение (отрицание). Риторические вопросы весьма распространены в разговорной речи; они активизируют внимание слушающего, поэтому являются особо экспрессивным средством передачи информации. Риторический вопрос обладает еще одной функцией – из тех, которые теперь принято называть метатекстовыми. Оформляя некоторое утверждение в виде вопросительного суждения, говорящий как бы помечает его как тривиальное по содержанию. Требование не быть тривиальным – одно из основных неписаных правил речевой коммуникации (конвенций общения), а потому в тексте высказывания с общеизвестным, по мнению говорящего, содержанием, обязательно имеют определенные формальные приметы: в книжных стилях в этой роли выступают вводные обороты типа *как известно, не секрет, что...* и т.п., в разговорной же речи в аналогичной функции обычно используется риторический вопрос.

И все же, по-видимому, основная функция риторического вопроса заключается в выделении некоторого фрагмента текста, в привлечении внимания собеседника к описываемому явлению. Вот примеры из сказов: *Изробленный он человек, что его тревожит да в это дело впутывать; Чуть было не забыл – невесте моей тоже вольную пропиши, а то что за порядок – сам буду вольный, а жена в крепости; Ну, конечно, против малахитницы где же ей красотой равняться* [Мед. г. Хоз.]; *Где же одной женщине с малолетками хозяйство управить! Только где им до зеленоглазой! Ни одна в подметки не годится; Вишь, неласковая она, невесёлая, да и за крепостного где же вольная пойдет. Кому охота петлю надевать?* [Мал. шк.].

Риторический вопрос – это один из многих способов своеобразной организации устного текста, которую можно назвать «имитацией диалога». Другим распространенным способом является особого рода цитирование, не оформленное сегментными средствами, т.е. включение в монолог реальной или гипотетической реплики персонажа без вводящих чужую речь оборотов с глаголами говорения, мыслительной деятельности. Ср., например: *Стражники-прислужники подбежали, – никого нет. Куда девался?* [Две ящерики]; *Танюшка тут же распахнула шубейку, лакеи глядят – платье-то! У царицы такого нет! – сразу пустили* [Мал. шк.]; *Тот мастер, который за Катей подглядывал, домой к этому времени выбежал. Поглядел – избушка у Кати заперта. Он и притаился, – посмотрю, что она притащила. Видит - идёт Катя* [Гор. маст.].

Часто чужая речь помечается частицами *мол, дескать, -де*. Ср.: *Вскорости нашёл им Степан глыбу такую. Выволокли её наверх. Гордятся, – вот-де мы какие, а Степану воли не дали* [Мед. г. Хоз.]; *Народ знал, что Никита начистоту гуляет, до последнего рубля и без побору, – живо со всей деревни сбежались. Иные, конечно, с простоты: почему-де не выпить, коли наливают, а больше того с хитрости: про себя думают, не распояшется ли Жабрей, не проговорится ли о местечке, где золотые лапоточки плетут* [Жабр. ход.].

К явлениям такого рода следует отнести и высказывания, в которых прямая или косвенная речь предваряется Т-местоимением (как правило, оборотами *так и так; так, мол, и так*), например: *Тут надзиратель и сметил дело. Побежал к приказчику. Так и так. – Не иначе, – говорит, – Степан душу нечистой силе продал* [Мед. г. Хоз.]; *Через малое время паротина жена получила писёмышко. Так и так, моя любезная, по веешней воде приеду на заводах показаться и тебя увезу, а музыканта твоего куда-нибудь законопатим* [Мал. шк.]; *Барину об этом отписал: „Так и так, объявился у нас новый мастер по малахитному делу – Данилко Недокормыш. Работает хорошо, только по молодости ещё тихо”* [Кам. цв.].

Может показаться, что оборот *так и так* и чужая речь связаны анафорическим отношением, однако, по-видимому, смыслового тождества между анафором и цитируемой речью здесь все же нет. Судя по всему, оборот *так и так* не просто предваряет чужую речь (как, скажем, обобщающее местоимение предваряет однородные члены), но является также знаком ее компрессии, пропуска некоторой ее части, представляющейся говорящему содержательно несущественной. Этот вывод отчасти подтверждается примерами, где Т-слово вообще не связано анафорическим отношением с каким-либо иным фрагментом контекста, т.е. является субститутом с неопределенной референцией; ср.: *Призывает этого Фабержея царь и говорит: так и так, надо царице к такому-то дню приготовить дорогой подарок, чтоб всем на удивленье* [Желез. покр.]; *Ну, и написал. Так, мол, и так, стараньем надзирателя такого-то отрыли в руднике диковинное зеркало. Не иначе самой Хозяйки горы* [Таюткино зеркальце]; *А уроку с тебя будет чистым малахитом столько-то, –и назначил вовсе несообразно* [Мед. г. Хоз.].

* * *

Завершая разбор синтаксиса бажовских сказов, мы хотели бы еще раз обратить внимание читателей на два взаимосвязанных обстоятельства, в наибольшей мере, на наш взгляд, определяющие их грамматические особенности.

Авторская программа развертывания текста ограничивает появление предложений (высказываний) с большим числом пропозиций. Порождаемый текст представляет собой последовательности синтаксически диффузных единиц – рядов слов от точки до точки, которые (точки) в большинстве случаев отражают интонационное членение текста. Эти единицы могут совпадать с автономным предложением, но чаще они настолько тесно связаны – синтаксически и/или семантически – со смежными единицами, что идентифицировать ту или иную последовательность как СП или СФЕ во многих случаях весьма затруднительно, а то и невозможно.

В сопоставлении с письменными текстами иных речевых жанров текстовые структуры сказов выглядят как парцелированные, т.е. намеренно расчлененные (для выделения, подчеркивания), но по коммуникативной сути эти единицы принципиально отличны от парцеллятов. В то же время они не являются и присоединениями, т.е. высказываниями, порожденными «вдогонку». Членение текста на сопоставимые по объему единицы, часто вопреки синтаксическим связям, надо думать, обусловлено стремлением соблюсти интересы адресата. Автор, сознательно подражая в этом отношении рассказчику, как бы дозирует информацию, подает ее равномерными порциями (что в условиях устной коммуникации существенно облегчает восприятие текста).

Список литературы

Адливанкин С.Ю., Потапова Н.П. К вопросу о лексико-грамматическом статусе причастных несогласуемых глагольных форм на *-но, -то* // Живое слово в русской речи Прикамья. Пермь, 1985. С. 105–114.

Бахтин М.М. Проблема речевых жанров // Эстетика словесного творчества. М., 1979.

Ванников Ю.В. Синтаксические особенности русской речи (явление парцелляции). М., 1969.

Кузьмина И.Б., Немченко Е.В. Синтаксис причастных форм в русских говорах. М., 1971.

Мишланов В.А. Еще раз о грамматической природе словосочетания и его месте в синтаксической системе // Форма, значение и функции единиц языка и речи. Материалы Международной научной конференции. Ч. 2. Минск, 2002. С. 35–38.

Мишланов В.А. О синтаксисе изобразительном и описательном // Лингвистические и эстетические аспекты анализа текстов и речи. Сб. ст. Всероссийской (с международным участием) научной конференции. Соликамск, 2004. Т. 2. С. 107–113.

Ринберг В.Л. Конструкции связного текста в современном русском языке. Львов: Вища школа, 1987. С. 38-39.

Якобсон Р.О. Грамматический параллелизм и его русские аспекты // Работы по поэтике. М. Прогресс, 1987.

Принятые сокращения

Гор. маст. – Горный мастер
Жабр. ход. – Жабреев ходок
Желез. покр. – Железковы покрывки
Зол. дайки – Золотые дайки
Кам. цв. – Каменный цветок
Мед. г. Хоз. – Медной горы Хозяйка
Мал. шк. – Малахитовая шкатулка
Соч. кам. – Сочневы камешки
Хруп. вет. – Хрупкая веточка

Пословицы и поговорки в диалектной речи^{*}

Л.А. Грузберг

Предметом нашего рассмотрения являются пословичные выражения (ПВ), бытующие в диалектной речи. Материалом для работы послужили пословицы и поговорки, зафиксированные в речи жителей д. Акчим Красновишерского района Пермского края. Для сопоставления привлекаются ПВ, включенные в труд В.И. Даля «Пословицы русского народа», а также материалы нескольких современных сборников пословиц и поговорок (см. список литературы).

В нашей работе мы придерживаемся следующего понимания пословицы и поговорки (основа его почерпнута из соответствующих дефиниций, приведенных в энциклопедии «Русский язык». М., 1979):

«Пословица – устойчивое в речевом обиходе, ритмически и грамматически организованное изречение, обобщающее – нередко в переносном плане – общественно-исторический опыт народа, его оценку определенных жизненных явлений и представляющее собой самостоятельное суждение» (с. 219).

^{*} Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ № 07-04-82409 а/У, АВЦП «Развитие потенциала высшей школы» (проект РНП.1.3.2.3440).

«Поговорка – устойчивое в речевом обиходе изречение, представляющее собой часть суждения и определяющее какое-либо жизненное явление с точки зрения его эмоционально-экспрессивной оценки» (с. 212).

В нашей статье используется также термин «пословичное выражение» – для обозначения и пословиц, и поговорок в случае неактуальности их дифференцирования.

Пословицы и поговорки, используемые в народно-разговорной речи, отличаются вариативностью. Факт варьирования ПВ в живой естественной речи отмечается многими исследователями, более того – проблеме варьирования ПВ посвящены специальные исследования (см., например, Ройзензон 1973 и Ройзензон 1972).

Положение о том, что ПВ варьируются, отличаются, не совпадают и т.п., предполагает, что имеет место сопоставление ПВ, зафиксированных в живой речи, с неким инвариантом, стандартом. А что же принять за таковой? Рассмотрев несколько возможных представлений о таком «эталонном» варианте (например, «это тот вид ПВ, который знают носители литературного языка»; «это те пословицы и поговорки, которые есть в словарях»; «это ПВ, которые у всех на слуху, например, «не все коту масленица», «без труда не вытащишь и рыбку из пруда» и т.п.), мы решили считать «основными», «эталонными» те их варианты, которые зафиксированы:

– либо в «Словаре пословиц и поговорок» В.П. Жукова [Жуков, 1963];

– либо в толковых и фразеологических словарях современного русского литературного языка;

– либо в нескольких подобных источниках;

– либо стали так называемыми «прецедентными текстами» типа «счастливые часов не наблюдают», «тише едешь – дальше будешь» и т.п.

Сборник В.И. Даля «Пословицы русского народа», к которому мы постоянно обращались с целью получения самых различных сведений, в данном случае не входит в число основных источников, т.к. включает ПВ различных территорий, а не только общерусские.

Л.И. Ройзензон дает развернутую и четкую схему классификации «трансформаций» [Ройзензон, 1973] пословиц и поговорок. По аналогии с этой схемой мы расклассифицировали варианты ПВ, функционирующие в акчимском говоре:

А. Качественные трансформации.

1. Лексемная субституция.

1. Несинонимические замены:

а) Замена существительного: *Щепота (типун) тебе на язык; Под лежащу колоду (камень) вода не течёт; В природе (семье) не без урода;*

б) замена глагола: *Поют (звонят) во все колокола; Считай (суди) не по годам, а по рёбрам; Отработать (прожить) свой век за холщовый; Запрётся в гуж - будь дюж (взялся за гуж – не говори, что не дюж); Поглянется (покажется) сатана (в)место ясного сокола;*

в) замена прилагательного: *С миру по нитке – голому (нищему) рубаха;*

На сердитых (упрямых) воду возят.

2. Синонимические замены:

а) замена существительного: *Тепло (жар) кось не ломит;*

б) замена глагола: *Не черти горшки обваривают (обжигают); Любишь кататься – люби и саночки волочить (возить); Из песни слова не выбросишь (выкинешь); Бабы каются, а девки замуж снаряжаются (собираются);*

в) замена прилагательного или наречия: *Сладкого не досыта, горького не допьяна (не до слёз); Худа-то (дурная) голова ногам покою не даёт;*

г) замена существительного и глагола: *Уйдём куда-ко Макар коров (телят) не пас (не гонял).*

II. Морфологическая субституция: *Не на мать (мать), не на отца, а на прохожего молодца.*

III. Словообразовательные субституции: *Ворон ворону глаз не выклюнет (не выклюет); Десять раз смерть (отмерь) – один раз отрежь; Не жизнь, а масленка (масленица).*

V. Количественные трансформации:

1) добавление именных компонентов: *В большом народе (семье) не без урода;*

2) сокращение именных компонентов: *Кость (живая кость) тело наживёт; С маслом и лапоть сладок (мужик с медом лапоть съел).*

C. Количественно-качественные трансформации.

Такие трансформации, как считает Л.И. Ройзензон, приводят к усилению ритмо-интонационного и рифмового единства оборота (например: бумага без души – чего хочешь напиши – пример Л.И.Ройзензона). В наших материалах встретились следующие случаи количественно-качественных трансформаций:

Далеко к вам в гости – не донесёт и ворон кости; Прошёл огонь и воды, и чёрту в зубы вышел; Крепко ты запела – даже топорище отлетело; Я ли не я, не попова ли семья; До чего народ доходит – самовар в упряжке ходит.

Приведенная классификация, при всех ее достоинствах, не отражает некоторых аспектов проблемы вариативности пословиц и поговорок в живой народной речи. Кроме того, схема, предложенная Л.И. Ройзензоном, направлена на фиксацию трансформаций формального (внешнего) плана, затрагивающих лишь фрагменты ПВ.

Если же смотреть на пословицы как на целое, то возникает желание поделить все ПВ, зафиксированные в акчимском говоре, по степени их своеобразия и вне зависимости от того, какой формальный компонент подвергнется трансформации, – на три группы:

1. Пословицы и поговорки, полностью совпадающие с общерусскими:

Дитя не плачет – мать не разумеет; Соловья баснями не кормят; Подальше положишь – поближе возьмёшь; Невеста без места – жених без ума; Лето запасиха, а зима подбериха; Крута гора, да забывчива; Людям на смех, Богу на грех; Бог не выдаст – свинья не съест; Нашла коса на камень; Ни Богу свечка, ни чёрту кочерга; Чем дальше в лес, тем больше дров.

2. Пословицы и поговорки, отличающиеся от общерусских:

Мастера дело боится; Кто робит, тот и ест; На сердитых воду возят; Чужу-то курочку тереби, да свою подставляй; У коровы в роте молоко; Свои-то сопли всем сованы; Одна копейка, да ребром ходит; Бери пока дают, а бьют – так беги; Одно полешко плохо горит; Любовь не картошка, не выбросишь в окошко; Кость да жила – гольная сила; Мужичок с ноготок, борода с виничок; Где нас нет, там добрая сторона – и т.п.

3. Пословицы и поговорки, не обнаруживающие видимой соотнесенности с общерусскими:

Пьяная добывала куничу, а трезвая-то нет; От семнадцати любить, а тридцати – на дрова изрубить; От костра щепка не далеко летела; Молодой, да от гроба первый; Не гляди-ко на гуньку, а гляди под гуньку; Таракан не поган, а муха святого духа; Как ино Окуля-то сама себя похулит?; Виши воду видали, а блохи-те и не слышали; У готового костра и свинья востра; Не спеши на тот свет, там кабаков нет – и др.

Можно ли считать местными, акчимскими, те пословицы и поговорки, которые не обнаруживают соотнесенности с теми или иными общерусскими единицами?

У нас была возможность сопоставить ПВ, зафиксированные в Акчипе, с пословицами и поговорками, собранными в различных районах Пермской области и включенными в «Материалы для фразеологического словаря» К.Н.Прокошевой. Всего в названном издании встретилось 117 пословиц и поговорок. С акчимскими совпадает (чаще всего не полностью, а лишь частично) лишь 19:

Тем не ускоришь, что жидко растворишь (Акч.: Тем не ускоришь, что мало растворишь); Язык без костей, гнётся, ломится (Акч.: то же), Тепло кость не ломит (Акч.: то же); Не лихота, так не заберёт теснота (Акч.: Лихота не возьмёт, так теснота не возьмёт); Прожить век за холицовый мех (Акч.: то же); Пусть запрягает дровни

да едет по свою ровню (Акч.: *Запрягай дровни да поезжай по свою ровню*); *Дикарей не сеют, не орут – сам родится* (Акч.: *Дураков не сеяно, не пахано – они сами рождаются*), *Щепота тебе на язык* (Акч.: то же); *По нашей юбце не будет купце* (Акч.: *По наши рубцы не придут купцы*); *Наша горница с богом не спорница* (Акч.: то же); *Опять за рыбу деньги* (Акч.: то же); *Жить не река грести* (Акч.: *Век жить не река брести*); *Не сеем, не орём, а хлеба полно жорём* (Акч.: *Не кажной орёт, а кажной хлеб жорёт*); *Один сын у матки – сидит у латки* (Акч.: то же); *Сядем рядок, запоём песни ладок* (Акч.: *Сядем рядком, поговорим ладком*); *Одна мучка, да не одни ручки* (Акч.: *Та же мучка, да не те ручки*); *Не плюй в колодец – причтется воду пить* (Акч.: *Не плюй в колодец – пригодится воды напиться*); *Всяк поп по-своему поёт* (Акч.: то же); *Баба не лапоть – с ноги не пнёшь* (Акч.: *Баба не лапоть – с ноги не сбросишь*).

Факт столь заметного различия между пословицами, зафиксированными в деревне Акчим, и теми, что включены в словарь К.Н. Прокошевой, позволяет предположить, что ПВ относятся к единицам, подверженным очень сильному варьированию. Доказательством этого может служить то обстоятельство, что даже на относительно небольшой территории северного Прикамья наблюдается заметное расхождение между пословицами и поговорками, записанными в Чердынском и Соликамском районах, и ПВ, зафиксированными в Акчиму.

По мнению И.А. Подюкова, широчайшее варьирование пословиц и поговорок обусловлено целым рядом разнородных причин: а) некоторым безразличием «к традиции фразеупотребления»; б) «специфическим для устной речи осознанием словности компонентов фразеологизма»; в) трудностью в определении того, какой из вариантов является базовым, а какой именно вариантом, и некоторыми другими. Факт варьирования пословиц и поговорок «как нельзя более наглядно демонстрирует множественность проявления внутренней структуры языка» [Подюков, 1990, 14–15]. (Мы еще вернемся к разговору о вариативности ПВ – после рассмотрения диалектных элементов в составе пословиц и поговорок).

Обращает на себя внимание тот факт, что в анализируемых нами ПВ встречаются практически все типы диалектизмов. Несколько примеров:

1. Собственно лексические* диалектизмы: *Ночь ночевать – не год годовать*; *Не гляди на гуньку, а гляди под гуньку*; *Зимогорска наша жись: хоть без ужны спать ложись*; *Кака мама, така и кага*;

* За основу берем классификацию, приведенную в работе Т.И. Ерофеевой, Ф.Л. Скитовой «Локализмы в литературной речи горожан» (Пермь, 1992).

Медведю пень да колода, а корове путь да дорога; Один глаз в наволок, другой в потолок; Поглянется сатана (в)место ясного сокола; Щепота тебе на язык! – и т.д.

2. Семантические диалектизмы: *В природе не без уroda; Любишь кататься – люби и саночки волочить; Не черти горшки обваривают* – и т.п.

3. Словообразовательные диалектизмы: *Не жизнь, а масленка; Ворон ворону глаз не выключет; По одежке и растягайте ножки.*

4. Морфологические диалектизмы: *Зимогорска наша жись: хоть без ужны спать ложись.*

5. Фонематические диалектизмы: *Худа-то голова ногам спокую не даёт; Бабы каются, а девки взамуж снаряжаются; На каждой роток не накинёшь платок; Птица мала, а коготь-то востёр* – и т.д.

6. Акцентологические диалектизмы: *Любишь кататься – люби и санОчки волочить; На лечёной кобыле далеко не уедешь.*

Достаточно большое число диалектизмов в пословицах может служить еще одним объяснением причин широкого варьирования ПВ: носители диалекта легко заменяют в пословицах литературные элементы на свои *родные*, диалектные, что и порождает целый ряд новых вариантов пословиц и поговорок.

Пословицы и поговорки отличаются от других фольклорных жанров (песен, былин, частушек и пр.) тем, что они никогда не "исполняются", а существуют в языке и функционируют так же, как и фразеологические обороты. При этом ПВ зачастую вводятся в речь при помощи вводных слов или предложений, указывающих на источник сообщения либо содержащих указание на то, что высказывание основывается на мнении, суждении других людей. В наших материалах встретилось немало ПВ с подобными вводными конструкциями: *Журавля, говорят, баснями не кормят; Невеста, говорит, без места, а жених без ума; Не даром говорится, с миру по нитке – голому рубаха; Как говорится, летом каждый кустик ночевать пустит; Таракан, говорят, не поган, а муха святого духа* – и др. Еще чаще акчимцы употребляют пословицы и поговорки с вводными словами и частицами. Так, МО (помимо основной семантики) обозначает, что свою мысль говорящий уже высказывал и что эта мысль не впервые излагается им: *Ни у краю, мо, ни у берега*. Частица ДЕ также является средством указания на то, что приводятся не собственные речения, и используется обычно для ввода в речь именно пословиц и поговорок: *Дураку, де, закон не писан; С маслом, де, и лапоть хорои; Пьяная, де, добывала куничу, а трезвая то нет; В природе, де, не без уroda; Завернёмся, де, котом да пойдём мышшей ловить* – и др.

Иногда акчимцы перемежают тексты ПВ обычными словами или фразами, что можно считать еще одним аргументом в пользу

положения о том, что материал ПВ используется носителями говора так же, как и языковой материал вообще – как своеобразные «строительные блоки» для суждений, умозаключений, сообщений. Несколько примеров: *С маслом, **поди**, и лапоть хорош; У коровы **ведь** в роте молоко; Ворон ворону **разве** глаз выклюнет?* В ряде случаев получается так, что при добавлении «обычных» слов ПВ трансформируется в «обычную» фразу, например: *Рано встали, да мало напряли мы с тобой сёдня; Пока не уронишь, не вываляшь, дак ничё не съешь; Коса на камень наедут да и шумят; После верёмя-то кричи, кулаками маши; Где нас нет, там добрая сторона – и др.*

При наблюдении над использованием ПВ в живой речи возникают такие вопросы: с какой целью или по какой причине носители диалекта используют ПВ и что это дает речи? Цель введения вряд ли осознается и/или продумывается носителями диалекта. Причина же нам видится двуполярной: с одной стороны, проявляет себя неосознанная тенденция к облегчению конструирования высказывания путем использования своего рода клише (о неосознанной стереотипизации речи говорится во многих работах, особенно в распространенных в последнее время исследованиях жанров речи, в частности, в работах В.А. Салимовского [Салимовский, 2000]).

С другой стороны, тот факт, что используются не какие-нибудь «эрзацы мысли» типа *на сегодняшний день, в текущий момент, дать столько-то литров молока на корову*, а именно пословицы и поговорки, обладающие глубоким, обобщающим, а иногда и философским смыслом, – этот факт позволяет, по нашему мнению, утверждать, что интенция к выразительности тоже является одной из причин ввода в речь пословиц и поговорок. Например, в разговоре о семейной жизни ее преимущества над холостяцкой жизнью убедительно выражены краткой образной пословицей: *Одно полешко плохо горит* (для чего замуж и выходят). При помощи пословицы можно добиться большей убедительности, усилив свое личное суждение: *Нужда заставит. Есть захошь – без перстов робить пойдёшь*. Убедительность ПВ порождается не только экспрессивностью, но и тем, что ПВ являются своего рода апелляцией к мудрости предков. Кроме того, они глубоко укоренены в сознании народа, т.к. имеют давнее и широкое хождение. Все это является причинами действенной силы ПВ. Как справедливо отмечает И.А. Подюков в своей работе «Народная фразеология в зеркале народной культуры», сама обиходно-бытовая сфера, в которой бытуют пословицы и поговорки (по Подюкову – фразеологизмы), «делает запечатленные во фразеологизмах ситуации менее умозрительными», более приближенными к жизни и жизнью же мотивированными» [Подюков, 1990, 17]. Ср.: *У матери-то тоже были какие-то черёмные*

глаза. Свинья-де не родит бобра; Ой, какой худой! Ничё! Кость да жила – гольная сила; Девки говорили: носить не буду (детей)... Крута гора, да забывчива; Ты ведь ходишь задаёшься, задачливый. Одна копейка – и та ребром.

Некоторые пословицы и поговорки бывают включены в речь без конкретной коммуникативной цели, просто для «красного словца»: *Потом, потом... Завернёмся-де котом да пойдём мышшей ловить; Опростали банку, молодцы, девки! Если я не молодец, то свинья не красавица.* Подобное использование ПВ можно рассматривать как проявление языковой игры, совершаемой в рамках разговорной языковой эстетики, о чем также говорит И.А. Подкоков.

Наши наблюдения позволяют утверждать, что ни один другой фольклорный жанр не переплетается так органично с живой речью, ни один другой фольклорный жанр не используется в речи так естественно и охотно, высвечивая, проявляя не только мудрость народа, но и остроумие, оригинальность суждений и оценок, самоиронию и диалектичность мировосприятия человека, отдельной личности (ср. лишь один диалог:

- Чё, перегнала молоко?
- Чё, дурака работа любит !)

Считаем также необходимым хотя бы вкратце коснуться такой особенности ПВ, как наличие в них разных тропов, в частности:

– гиперболы, (включая литоту и иронию, порождаемую гиперболизацией): *Далеко к вам в гости – не донесёт и ворон кости; Много добра – на худой кобыле не увезёшь; Раскрыл рот шире банного окна; Что написано пером – не вырубишь топором; Сделаешь на дрожжах – не удержишь на вожжах; Отъелись в лебедю кость; Сало навела, шею нарастила с тараканью ножку; Я буду одеваться – так в один день оденусь;*

– гротеска: *Мой-от нос семерым рос, одному достался; Пузо на глаза лезет* – и т.п.

– сравнения (включая отрицательное сравнение): *Любовь – солома, сердце – жар, одна минута – и пожар; Любовь не картошка – не выбросишь в окошко; Девушка не травушка, не вырастет без славушки* – и т.п.;

– метафоры: *Смерть-то не за горами, а за плечами; Из-под ремня выйдут пельмяны-то у меня; Виши воду видали, а блохи-то и не слышали* – и т.п.

Большое число ПВ основано на парадоксе (греч. paradoxos – неожиданный, странный). Приведем несколько примеров: *Бабы не пьют, оне за ухо льют; Из кулака в нос кормить; Если я не молодец, то свинья не красавица; Куды тебе с деньгами – свинью ковать что ли?; Курица не тётка, свинья не сестра.*

Необходимо особо сказать о ПВ, построенных на принципе антитезы. Ср.: *Ночь ночевать – не год годовать; Крута гора, да забывчива; Бабы каются, а девки взамуж снаряжаются; Большая фигура, да дура; Трезвый думаешь: как бы не пить, а пьяный – как бы тѣщу избить; С работы не будешь богат, а будешь горбат; Старый что малый; Хоть есть то нечего, да жить-то весело; Поглянется сатана лучше ясного сокола; Сокол с места, ворона на место; Сладкого не досыта, горького не допьяна; Подальше положишь – поближе возьмѣшь; Новинка выживает старинку; Лето запасиха, а зима подбериха* – и т.п.

Обратим внимание на то, что материал пословиц и поговорок дает толчок размышлениям о видах антонимии. В ПВ несомненно антонимичными являются единицы, которые не относятся к традиционно понимаемым антонимам. Здесь антонимичны, например,

один – десять (семь)
сатана – сокол
орать (пахать) – жрать
сокол – ворона
новинка – старинка
запасиха – подбериха – и т.п. ...

Заканчивая статью, мы ставим не точку, а многоточие, ибо пословицы и поговорки позволяют исследователю увидеть в них и через них много научно ценного и эстетически прекрасного. Пусть наша статья будет своеобразным голосованием ЗА составление словаря современных диалектных ПВ.

Список литературы

- Даль В.И.* Пословицы русского народа. М., 1957.
Ерофеева Т.И., Скитова Ф.Л. Локализмы в литературной речи горожан. Пермь, 1992.
Жуков В.П. Словарь пословиц и поговорок. М., 1963.
Зимин В.И. Пословицы и поговорки русского народа. М., 1996.
Мартынова А.Н., Митрофанова В.В. Пословицы. Поговорки. Загадки. М., 1986.
Подюков И.А. Народная фразеология в зеркале народной культуры. Пермь, 1990.
Прокошева К.Н. Материалы для фразеологического словаря. Пермь, 1972.
Ройзензон Л.И. Диалектные варианты общенародной фразеологии. // Вопросы русского и общего языкознания. Ташкентский ун-т, 1973.
Ройзензон Л.И. Интердиалектная фразеология и интердиалектные фразеологические явления. // Актуальные проблемы фразеологии.

Новосибирск, 1972.

Русский язык. Энциклопедия. М., 1979.

Салимовский В.А. К экспликации понятия жанрового стиля (проблема стилистико-речевой системности в отношении к речевым жанрам. // Стереотипность и творчество в тексте. Пермь, 2000.

Фелицына В.П., Прохоров Ю.Е. Русские пословицы, поговорки и крылатые выражения. М., 1979.

К вопросу об изучении фразеологии в живой народной речи (лексико-семантическая группа «Говорение»)*

М.В. Богачева

Мы являемся свидетелями коренных изменений в социуме, когда традиции, духовные богатства русского народа под влиянием экономических преобразований в какой-то своей части исчезают, а в какой-то нивелируются. В условиях, когда «город наступает на деревню» (а, как известно, именно сельские жители всегда выступали хранителями глубинных, исконных духовных ценностей), чрезвычайно важно помнить о том, что позволяет нации не терять свою самобытность, противостоять ассимилирующим веяниям с Запада. Сегодня перед гуманитариями как никогда остро стоит вопрос о фиксации, сохранении, обнародовании различных сведений, касающихся народной культуры.

Полагаем, 50 и даже 20 лет назад этот вопрос не был настолько важным, каким он видится в наши дни. Социальные катаклизмы последнего столетия не просто потрясли, но подвергли культурный фундамент российского общества значительным разрушениям. Следствия же очередной «перестройки» 1991 г. все чаще наводят на мысль о крахе и вызывают ассоциации типа «Подгнило что-то в Датском королевстве...» либо «Все смешалось в доме Облонских». Состояние же русского языка (а «язык есть дух народа, и дух народа есть его язык») навевает на мысль о вавилонском столпотворении: то, что по инерции продолжают воспринимать и изучать как иерархическую систему, в действительности таковой уже не является. Ср., например, тонкое и верное, на наш взгляд, наблюдение современных диалектологов: территориальные диалекты перестают

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФНФ (проекты № 06-04-82406 а/У, № 07-04-82409 а/У), АБЦП «Развитие потенциала высшей школы» (проект РНП.1.3.2.3440).

существовать как таковые, смешиваются с городским просторечием, следствием чего служит их трансформация в особую, новую разновидность бытования национального языка – региолект (см.: Герд, 2001, 23).

В этих условиях, как мы считаем, в лингвистике особую важность приобретает решение разного рода теоретических вопросов. Логично утверждать, что надежные методологические установки, опора на достаточный терминологический аппарат задает четкую направленность поисков, повышает долю объективности (и значит, истинности) интерпретаций, обеспечивает обоснованность, непротиворечивость выводов, в конечном итоге – способствует достоверности результатов научного исследования.

Настоящая статья посвящена теоретическим вопросам изучения фразеологических единиц (далее – ФЕ), фиксируемых в живой народной речи. Рассматривая такие вопросы последовательно, попытаемся соблюсти внутреннюю логику изложения. Частично так будет отражен порядок, в каком они вставали перед нами в процессе анализа собранного материала. Естественно, что степень их важности различна, в настоящем случае она не соотносится с нумерацией.

В качестве фактического материала выступают устойчивые сочетания, зафиксированные в живой (спонтанной) народной речи Пермского края и соотносимые с лексико-семантической группой «Говорение». Источником послужили различные диалектные словари («Фразеологический словарь пермских говоров», «Словарь пермских говоров», «Словарь русских говоров Коми-Пермяцкого округа», «Словарь говора д. Акчим Красновишерского района Пермской области», «Этнолингвистический словарь свадебной терминологии» и др.), материалы подготавливаемых к опубликованию изданий («Словарь чердынских говоров», вып. 1, 2; хрестоматия «Русские говоры севера Пермского края», др.), иных научных трудов. Всего в указанных источниках методом сплошной выборки выявлено более 1000 ФЕ, которые связаны с лексикой говорения и употребление которых ограничено территориально (количество указано с учетом фактов тождественности и фактов дублирования информации в отдельных словарях).

Итак, осветим наиболее существенные вопросы изучения собранного материала.

1. В качестве первого, хотя не самого значимого, рассматриваем вопрос об актуальности исследования в рамках заявленной темы (изучение фразеологического пласта лексики говорения).

Лексико-семантическая группа «Говорение» привлекала внимание множества лингвистов, она изучалась в разнообразных аспектах на различном материале. Обобщим наши наблюдения, сделанные при

ознакомлении с доступными нам источниками.

1) Количество исследований по лексике говорения (далее – ЛГ) достаточно велико. Даже при первом приближении обнаруживаются десятки работ различной степени широты охвата и глубины анализа материала. В целом же к настоящему моменту, полагаем, накоплено колоссальное количество исследований, которые подсчету *не* подлежат, хотя бы в силу отсутствия единой базы данных о всех существующих публикациях.

2) Несмотря на большое количество исследований, фактически все они (даже монографии и диссертации) посвящены частным вопросам изучения ЛГ, в них привлекаются материалы, имеющие какое-либо ограничение (количественное, территориальное, временное и т. п.), нередко весьма узкое. В частности, нередко это проверка уже известных знаний на новом, причем не всегда качественном, материале.

3) Подавляющее большинство исследований посвящено рассмотрению глагольной лексики данной группы. Затрагивались следующие аспекты: историческое развитие таких глаголов; сопоставление с близкими по значению глаголами других лексико-семантических классов; лексическое многообразие в объеме определенного звена внутри группы глаголов говорения; семантико-синтаксические, сочетаемостные особенности; место таких глаголов в структуре предложения, в предложениях с прямой и косвенной речью; употребление глаголов говорения в соотношении с понятием нормы; особенности функционирования глаголов данной группы в языке того или иного писателя. Во многих работах изучению подвергался лишь один глагол *говорить – сказать* (иногда в синонимическом окружении) как ядерный. Иные, тем более периферийные, пласты и явления почти не привлекали внимания лингвистов.

4) Абсолютное большинство выявленных работ имело практическую направленность и до сих пор не решены многие теоретические вопросы принципиального свойства. Например, это вопрос о границах указанной лексико-семантической группы или, как это ни странно, вопрос о понятии «говорение». Требуется уточнения терминологический аппарат в указанной области научных поисков.

5) Исследования проводились с привлечением данных литературного языка (преимущественно это труды крупной формы типа монографий или диссертаций) и местных, в том числе пермских, диалектов (главным образом в небольших статьях, чаще обзорного или описательного характера).

6) В абсолютном большинстве случаев изучение велось в синхроническом аспекте и лишь в единичных – в историко-лексикологическом и этимологическом планах.

7) Практически все работы (за редким исключением) выполнены в

традиционном для лингвистики XX века структурно-семантическом ключе. Поиск новых подходов к материалу намечился в последние несколько лет.

Ученые заговорили о кризисе семантико-семиологического подхода. Язык уже не рассматривается «в себе и для себя», актуальным оказывается глубинное его постижение как антропологического феномена (см.: Вендина, 2002, 3). Переход от структурно-системного описания языка к лингвистике антропоцентрической выразился в развитии направлений, вскрывающих связи языка с одной стороны и мышления, сознания, социума, культуры с другой. Это психо-, социо-, этнолингвистика, лингвистика когнитивная, суггестивная и т. д. (ср., например, в работах Т.Ю. Бахаевой, 2003, А.Д. Черенковой, 2004 а, Ю.А. Бессоновой, 2005, др.).

8) Исследования преимущественно лексикологические, в отдельных работах затрагивались лексико-грамматический (морфологический), синтаксический, функциональный аспекты.

9) До сих пор, несмотря на многочисленность исследований, нет действительно системного, полного, широкого, глубокого анализа лексики говорения.

10) Фразеологический пласт указанной лексико-семантической группы практически не рассматривался. Лишь в отдельных работах обнаруживаем упоминания о них, ср.: «В выделенных пластах находим не только слова, отдельные лексико-семантические варианты, но и фразеологические единицы» [Скитова, 1964, 84]. И выявлена лишь одна статья, которая посвящена непосредственно ФЕ, отражающим речевую деятельность человека (см.: Бахаева, 2003).

Характеристику специфики имеющихся исследований можно было бы продолжать и далее, но в силу технических ограничений мы остановимся. Полагаем, сказанное уже позволяет положительно ответить на поставленный вопрос об актуальности работы в рамках заявленной проблематики.

2. Целесообразно остановиться на вопросе об используемом исследователями терминологическом аппарате.

Изученные работы объединяет апелляция к понятию «говорение» и, соответственно, использование терминов «лексика говорения» и «глаголы говорения». Вероятно, в силу традиции (и это, считаем, показательно) не находят применения термины «существительные говорения», «прилагательные говорения», «фразеологизмы говорения» и т. п.

Вместе с тем встречаем также: «группа слов, связанных с речевыми процессами» [Скитова, 1964, 77], «слова различных частей речи, связанные с речевыми процессами» [Полякова, 1995, 94], «процесс говорения» [Бахтина, 1963; Скитова, 1964; Бессонова, 2005, 8;

Черенкова, 2004 а, 147, 153], «глаголы речи» [Лекомцев, 1962; Бахтина, 1963, 1964; Степанова, 1970; Васильев, 1971 а, б, 1981; Ерофеева, Моринова, 1982; Черенкова, 2004 а], «речевое действие» [Бессонова, 2005, 13], «речемыслительная деятельность» [Черенкова, 2004 а, 146], «речевая деятельность» [Бахаева, 2003, 158, 161; Черенкова, 2004 а, 147], «глаголы речевой деятельности» [Мальшева, 2004], «акт говорения» [Кодухов, 1961], «процессы речи» [Бахтина, 1963], «процессы речевого акта» [Бахтина, 1963], «глаголы речевого взаимодействия» [Черенкова, 2004 б]. Исследователям свойственно ставить знак равенства между понятиями «речь» / «речевая деятельность» / «говорение», «процесс речи» / «речевой процесс» / «процесс говорения» / «говорение», «речевой акт» / «речевое действие» / «акт говорения» / «говорение».

Тем самым, во-первых, за скобками оставляется общеизвестное представление о двух формах реализации речевой деятельности – устной и письменной, последняя игнорируется «по умолчанию». Во-вторых, как следствие первого, безосновательно узко трактуется понятие «речь». Ср.: «Глаголы речи обозначают действие (в широком смысле), совершаемое речевым аппаратом. Это произношение членораздельных звуков – отдельных слов и фраз – в процессе речевого общения. Следовательно, к этой группе относим глаголы, которые как единицы словаря вне контекста обозначают процесс речи. Процесс речи – это общий семантический признак целой группы» [Бахтина 1963, 164]. Есть, однако, работы, которым не свойственно такое понимание речи и такое понимание говорения; впрочем, они единичны. К понятиям «устная» / «письменная речь» апеллирует в классификации глаголов чувства, мысли и речи Л.М. Васильев [Васильев, 1971 а], в кандидатской диссертации «Глаголы говорения (устной речи) в современном русском языке» З.В. Ничман [Ничман, 1980].

Таким образом, в корректировке нуждаются особенности употребления терминов «речь» и «говорение» («глаголы речи», «глаголы говорения»).

На наш взгляд, проблема может быть решена с учетом фактора «разновидность национального языка». Если для анализа привлекаются материалы литературного языка, то логичным оказывается противопоставление лексики говорения и лексики письма (либо – лексики устной и лексики письменной речи), поскольку в этом случае обе формы реализации речевой деятельности одинаково востребованы.

Иначе обстоит дело с территориальными диалектами. Как известно, они существуют преимущественно в устной форме, что со всей наглядностью демонстрируют лексические материалы. Так, соотношение ФЕ, отражающих устную речь, и ФЕ, отражающих письменную речь, расценивается, по грубым подсчетам, как 100:1 (ко

второй группе могут быть отнесены, например, ФЕ *рядная запись* ‘письменное соглашение, договор’ [СПГ, I, 302], *синяя бумага* ‘официальный документ; похоронка’ [СПГ, I, 65], *подать на запись* ‘подать заявление на регистрацию брака’ [СПГ, I, 302], *писать как ворона лапой* ‘писать неразборчиво’ [АС, IV, 46], *писать под* кого ‘регистрируя брак, рождение и т.п., давать фамилию’ [АС, IV, 46], *писаться под* кого ‘брать фамилию кого-л. (мужа, отца и т.п.)’ [АС, IV, 46] и т.п.). При обращении к данным территориальных диалектов целесообразным представляется использование термина «лексика речи», без дополнительной градации ее на лексику говорения и лексику письма.

В соответствии с этим далее в настоящей работе понятия «лексика говорения» и «лексика речи» используются в качестве тождественных.

3. Преодоление проблемы точности используемой терминологии сопрягается с решением весьма важного вопроса о границах фразеологического пласта, входящего в ту или иную лексико-семантическую группу (далее – ЛСГ).

Еще в статье 1964 г. Ф.Л. Скитова отмечала: «Одной из самых нелегких задач, встающих перед исследователем лексико-семантической группы, является определение ее границ, неизбежно связанное с выявлением семантической структуры. И очень часто исследователи вообще обходят эту задачу, хотя многие положения характеристики лексической группы находятся в прямой зависимости от степени приближения к действительности при установлении ее границ и структуры. Не очерчивается круг анализируемой лексики и в известных нам работах по глаголам говорения» [Скитова, 1964, 77]. Высказывание это справедливо во всех отношениях и теперь.

Важность определения границ фразеологического пласта ЛСГ «Говорение» определяется такими факторами: 1) установление рамок при отборе материала для исследования – один из частных аспектов, способствующих формированию надежного методологического фундамента для научных изысканий; 2) до сих пор ФЕ данной ЛСГ (повторимся) фактически не исследовались и, соответственно, данный вопрос не дискутировался и не имеет строго определенного решения.

Дополнительные трудности вызывает, во-первых, то, что многими определялось как семантическая «зыбкость» лексики говорения. Размытость границ обусловлена прежде всего абстрактностью значения слов данной ЛСГ, в силу чего при отборе материала необходимо рассматривать не только слова как единство лексико-семантических вариантов, но учитывать отдельные лексико-семантические варианты слов. Ср., например, *бухать* ‘громко кашлять’ и *бухать* ‘громко говорить’, *брехать* ‘лаять’ и *брехать* ‘лгать’, *молоть* ‘перетирая, измельчать’ и *молоть вздор / чепуху / ерунду* ‘говорить глупости,

пустословить', где только вторые варианты относятся к лексике говорения [см.: Скитова, 1964, 78-79].

Во-вторых, особенности отбора материала определяются спецификой этого материала (ФЕ) как языкового явления, которое само по себе находится на периферии – в промежуточном положении между самостоятельными лексическими и полноценными синтаксическими единицами.

В нашем случае существенными оказываются факторы: а) включение / невключение в лексический состав фразеологизма лексики говорения (формальный аспект), б) обозначение / необозначение понятия, связанного с речевыми процессами (содержательный аспект). С их учетом *все* ФЕ делятся на 4 основные группы: 1) ФЕ, включающие лексику говорения и обозначающие речевые процессы, например: *наслыхи сказывать* 'пересказывать слухи' [ФСПГ, 337], *опевальная песня* 'свадебная песня в чью-л. честь' [ХСПК]; 2) ФЕ, не включающие лексику говорения, но обозначающие речевые процессы, например: *зубы мыть* 'насмехаться над кем-, чем-л.' [ФСПГ, 226], *наводит правоту* 'криливо, вызываяще доказывать правомерность чьих-л. поступков' [АС, IV, 121]; 3) ФЕ, включающие лексику говорения, но не отражающие речевые процессы, например: *мать-та поёт!* 'возглас удивления' [СРГКПО, 147], *молчит да бает* 'продолжает свое дело, не реагируя на замечания' [ФСПГ, 221]; 4) ФЕ, не включающие в свой состав лексику говорения и не отражающие речевые процессы.

Целесообразны сопоставительные изыскания выделяемых объединений, на что указывает значительное количество переходных случаев (в силу естественных языковых процессов вроде развития значения компонентов сочетания). Ср., например, *брякать языком* 'болтать попусту' [СПГ, I, 62]. Полагаем, в данном фразеологизме актуализировано переносное лексическое значения стержневого глагола – 'неосторожно говорить то, чего не следует' [Ожегов, 1978, 59]; реализована синтаксическая модель ФЕ «глагол + существительное в творительном падеже в орудийном значении»). Однако следует допустить, что здесь может быть переосмыслено прямое значение 'производить шум, стук твердым, звенящим предметом' (Там же; ср. также понятие *пустозвон*, ФЕ *как колокол* 'о словоохотливом, разговорчивом человеке' [СПГ, I, 406], *как колоколо* 'о чрезмерно разговорчивом, словоохотливом' [СРГКПО, 124], *как худое колоколо* 'о чрезмерно болтливым человеке' [СПГ, I, 407]). Соответственно, в первом случае фразеологизм *брякать языком* входит в первую группу единиц, включающих лексику говорения и обозначающих речевые процессы, а во втором – во вторую группу ФЕ, не включающую лексику говорения, но обозначающих речевые процессы.

Исследование каждого из четырех объединений специфично и в различной степени перспективно. Так, устойчивые сочетания четвертой группы (основная масса фразеологического фонда народной речи) изначально оказывается за пределами нашего внимания. ФЕ первой группы представляют собой ядро ЛСГ и базу для научных изысканий и каких-либо обобщений. Можно предположить, что такие устойчивые сочетания слов обеспечат выводы, тождественные тем, которые делаются на основе самостоятельных, отдельных лексем говорения, главным образом глагольных. Ср., в частности, количественные показатели. По наблюдениям исследователей, в говоре д. Акчим Красновишерского района Пермской области ядро ЛСГ (68-72%) составляет глагольная лексика [см.: Скитова, 1964, 79; Калиушко, 2006, 15]. По нашим подсчетам, из 100 устойчивых сочетаний (цифра указана приблизительно) ЛСГ «Говорение» в русских говорах Коми-Пермяцкого округа 69 единиц в качестве стержневого слова имеют глагол, через 53 из которых непосредственно передается значение процессуальности (например: *много стелить* ‘много говорить, болтать, обещая’, *деньги выпевать* ‘исполнять величальные песни гостям свадьбы’, *драть хайло* ‘очень громко и много петь или кричать, говорить’, *посадить на горячий пепел* ‘обмануть’, *слёзы доставать* ‘причитать’, *только набелки щёлкают* ‘о болтливом’ и т. п.).

Наиболее перспективно, как мы предполагаем, изучение ФЕ второй и периферийной третьей групп. Считаем, что такие данные, причем главным образом в сопоставительном аспекте, способны обеспечить наиболее существенные результаты научных изысканий в силу их диалектической зависимости. Продуктивными при этом видятся и традиционный (структурно-семантический, лексико-грамматический, синтаксический), и более поздний функциональный, и наиболее современный (так называемый антропоцентрический) подходы.

4. Весьма важен вопрос методологии, в частности о применяемых к столь своеобразному материалу принципах, приемах, методах.

Считаем, что из сказанного выше вытекает: наиболее продуктивным в отношении ФЕ данной ЛСГ оказывается полевый принцип изучения. Устойчивые сочетания, как ничто иное, характеризуются отсутствием четко очерчиваемых границ, что обеспечивается «зыбкостью» (некоторой неопределенностью) и формальной, и содержательной, и даже функциональной. Например, с точки зрения формы это может быть и междометная конструкция (ср.: *батюшко бог, истинный Христос!* ‘уверения в правоте, божба’ [СРГКПО, 46], и словосочетание (ср.: *круговая песня* ‘песня, исполняемая в кругу, хороводе’ [ХСПК]), и полноценная фраза (ср.: *отколет дак только чавкайся* ‘о ком-л., кто не стесняется в

употреблении крепких выражений' [СПГ, II, 57]). В предложении аналогичные в отношении друг к другу конструкции могут передавать разнообразные категориальные значения, например: *только набелки брякают* 'об обилии в речи бранных, нецензурных выражений' [СРГКПО, 154] – значение предметности, *только набелки щёлкают* 'о болтливом' [СРГКПО, 154] – значение признака предмета, *только золь (рёв) стоит* 'о состоянии шума, гвалта где-л.' [СПГ, II, 406] – значение состояния. Ср. также: *целая Библия* 'много (о рассказах, записях)' выступает в качестве обстоятельства: *Он вам наговорит – целу Библию можно написать; Можно целу Библию составить, она многознающая старуха* [СРГКПО, 49]; *целый тусок* 'много' – в качестве безличного сказуемого: *У баушки целый тусок сказок-то* [СРГКПО, 242].

В силу такой «неустойчивости устойчивых выражений» более значимым оказывается выявление ядерных и периферийных, стабильных и нестабильных, закономерных и случайных фактов, явлений, признаков и др. Полевый принцип в связке с традиционными (сопоставительным, количественным, статистическим, компонентным, др.), более современными (социолингвистическим, психолингвистическим, др.) и наиболее «молодыми» (концептуальным, этнолингвистическим и др.) методами анализа, полагаем, будет способствовать проведению исследований, отвечающих общей направленности исследований в языкознании наших дней. Подразумеваем смену парадигмы мышления в современной лингвистике, переход от работ структурно-семиологических, где предметом изучения выступал «язык в себе и для себя», далее – к исследованиям функциональным, где объектом стал язык как *средство коммуникации*, и ныне – к изысканиям антропоцентрическим, где язык рассматривается как «материальный субстрат этнокультурного сознания» (по выражению Т.И. Вендиной, см.: Вендина, 2002).

5. Актуален частный вопрос о достоверности материалов для анализа. В качестве таковых в современных условиях могут выступать: 1) данные, собранные непосредственно исследователем методом опроса, направленной беседы, анкетирования и т. п. (обычно во время диалектологических экспедиционных выездов); 2) данные, полученные аналогичным способом иными исследователями; 3) данные, извлеченные из лексикографических источников. Материалы указанных трех основных групп в разной степени отвечают требованиям точности, надежности, верифицируемости и т. п., они отличны по своим достоинствам и недостаткам. Личные наблюдения показывают: важно остановиться и на этом вопросе, способном превратиться в серьезную исследовательскую проблему и привести к кризису изысканий как научных.

Существен в первую очередь метод сбора материалов. Как

правило, это направленная (тематическая) беседа. Реже прибегают к опросу (например, при сборе данных для Всероссийского научного проекта «Лингвистический атлас русских народных говоров») с использованием прямых и наводящих вопросов. Специфика ФЕ (наслоение различных коннотаций, повышенная экспрессивность, значительная роль ассоциативных связей при употреблении) такова, что делает использование указанных методов малопродуктивным. В конечном итоге приходится ориентироваться на запись живой, неподготовленной, *непосредственной* речи носителей диалекта как таковой. Возникает требование учитывать индивидуальные психологические и речевые особенности информанта.

Не менее важен метод, с помощью которого осуществляется фиксация живой речи. Все чаще отказываются от записи «под карандаш» в силу чрезмерно малой продуктивности и недостаточной достоверности материалов. Однако надежность данных и на магнитной ленте, и даже на цифровых носителях не всегда абсолютна: как известно, обычно условия беседы далеки от идеальных (а это запись от одного информанта на близком расстоянии в закрытом помещении). Помимо этого, требуется специальная подготовка сборщика и расшифровщика, иначе их работа грозит появлением фантомов вроде *девкида* вместо «*дѣвки да...*» или «*восем спорóф-то*» (вместо *снопóф-то*) *ставят*» (из материалов картотеки Акчимского словаря).

И в целом сбор ФЕ в полевых условиях или непосредственно после него оказывается непродуктивным или малопродуктивным, поскольку требует обработки весьма и весьма значительных массивов информации. Основным источником данных являются материалы картотек и лексикографических справочников. Но опыт показывает, что и они не лишены недостатков, а это может отразиться на результатах исследования.

Основные недостатки картотечных фондов следующие: недоступность картотек, их объемность (например, фонды полного «Словаря говора д. Акчим...» насчитывают не менее 2 миллионов карточек), известная доля недостоверности данных из-за недостаточной компетентности непосредственных исполнителей (обычно студентов), привлеченных к их формированию.

Опыт работы со словарями позволяет говорить о следующих особенностях лексикографических материалов. Во-первых, несмотря на обширность сведений, накопленных к настоящему времени, нельзя утверждать, что они полны. Сокровищница народной афористики практически неисчерпаема. Это подтверждает каждый новый диалектный справочник. При этом ни один из них, будь то словарь одной деревни или «Словарь русских народных говоров», не застрахован от появления уже упоминавшихся фантомов. Как пошутил

один из лексикографов, «любой словарь – это прежде всего словарь его картотеки».

Во-вторых, научная ценность лексикографических данных в значительной степени зависит от компетентности лексикографа, его, так сказать, личного отношения к работе, индивидуальных особенностей. Опыт показывает, что нередко уровень подготовленности составителей словарных статей недостаточен и, скажем больше, невысок. Иногда они демонстрируют свою невнимательность, небрежность, субъективность и др. Приведем несколько тому примеров*.

Встречаются фактические несоответствия при описании материала. Например, в качестве заголовка одной из словарных статей подано *сквозь зубы цедить* ‘говорить неприветливо’, в то время как во всех цитатах встречаем *скРозь*.

Наблюдается видовое несоответствие глаголов во фразеологизме и в определении, ср.: *знику не дать (не давать)* ‘не давать покоя постоянными просьбами, требованиями, расспросами’, *ответ отдать* ‘перечить, грубить’, ‘перечить, дерзить’, *переломить косточки* ‘злословить о ком-л.’, *вэсти перенести* ‘1) известия сообщить; 2) сплетничать’.

Обнаруживаются неточные и просто неверные дефиниции: *наговорить неделю с четвергу (с четвергом)* ‘наговорить правду’ (*Наговорю я вам тут неделю с четвергу, а вы всё запишите; Придёт, наговорит неделю с четвергом, верьте ему*), *матька как рябка* ‘много бранных слов’ (*Пасут у нас ноне каки-те бабы, дак у их матька-то как рябка*), *тёплая вода не держится* ‘невозможность сохранить в себе тайны’ (*Ей токо и сказала, а вся деревня знает; дак ведь у её тёпла вода не держится*). Иногда это вызвано следованием за прямым значением или формой входящих в ФЕ компонентов, ср.: *друг-недругу закажешь* ‘запретишь’ (в соответствии с цитатой несколько более точной была бы, например, формулировка ‘больше не захочется’: *Возьми-ко у меня без спроса – так отчихвостю, друг-недругу закажешь*), *на зубы* ‘в спор, в пререкания’ (в контексте это несогласованное сказуемое и, полагаем, вернее было бы дать определение ‘спорить, пререкаться’: *Девок послали работать, а они с начальством на зубы – не будем, говорят, мы вам не подчиняемся*), *рот не раззевается* ‘рот не раскрывается’ (в иллюстративном материале так характеризуются речевые затруднения при говорении, пении: *Я старая, у меня уж рот не раззевается на песни*).

Обнаруживается неполнота дефиниций, ср.: *бары разводит* ‘разговаривать’ (не учтен коннотативный компонент значения),

* По этическим соображениям ссылок на конкретных лингвистов и словари не даем.

закрывать молоко ‘навести порчу на корову’ («порча», как известно, может проявляться по-разному, но внутренняя форма ФЕ подсказывает: в данном случае это определенный ее вид, при котором корова перестает давать молоко), **язык затоптать** ‘не начать вовремя говорить по какой-л. причине’, ‘не начать говорить вовремя’ (вновь чрезмерно расширительные дефиниции; иллюстрации подводят к мысли, что упущено принципиально важное указание на субъекта действия: так говорят исключительно о детях, которые начинают рано ходить; по народным наблюдениям, дети, развитые физически, обычно отстают в развитии речевом). А следующий пример, полагаем, комментарий не требует: **слово слово родит** ‘кто-л. обладает умением говорить’.

Нередко в достоверности, точности, обоснованности лексикографического описания заставляет усомниться иллюстративный материал (цитаты, записи живой народной речи). Не менее часто на размышления наталкивает сопоставительный анализ данных, извлеченных из различных словарей (известно, например, что частично совпадают материалы «Словаря пермских говоров», «Фразеологического словаря пермских говоров» К.Н. Прокошевой, «Словаря русских говоров Коми-Пермяцкого округа»), ср.: **деньги выпевать** ‘исполнять величальные песни гостям свадьбы’ и ‘исполняя свадебные величания, получать от гостей плату’; **держать руки покороче** ‘не вступать в ссору, драку’ и ‘предупреждение тому, кто готов кинуться в драку’; **золотом одарить** ‘отнестись к кому-л. приветливо, доброжелательно’ и ‘расхвалить’; **кранива жалкая** ‘о язвительном человеке’ и ‘язвительный человек’; **от семи собак отъестся** кто-л. ‘о том, кто не дает никому спуску’, **от семи собак отъестся** ‘не дать никому спуску’ и ‘перекричать кого-л., отбиться словами’; **проголосная (продольная) песня** ‘протяжная песня’ и ‘протяжная песня, исполняемая в несколько голосов’; **пялить рот (хайло)** ‘кричать, плакать’ и **пялить хайло** ‘громко кричать, ругаться’; **соколов ломать** ‘петь свадебные песни’ и ‘петь свадебные песни за выкуп’; **страшной бакуль** ‘говорун’ и шуточно ‘об озорном, веселом человеке’; **шубный язык** ‘нев्यразительная речь’ и ‘нев्यразительная, неправильная речь’; **щёлкать набелками** ‘говорить без умолку’ и ‘много и быстро говорить’ (во всех случаях в словарях использованы идентичные иллюстративные материалы) и т. п.

Сказанное подводит к выводу (и даже требованию) с осторожностью обращаться с лексикографическими описаниями, обязательно учитывая фактический (цитатный) материал.

Итак, в крайних случаях считаем возможным корректировать формулировки составителей словарей в соответствии с мнением других специалистов, собственным языковым и лексикографическим чутьем и

(главное) приведенными в качестве иллюстраций фактами живой народной речи.

6. Укажем также на существование частных теоретических проблем изучения ФЕ ЛСГ «Говорение». На них мы не будем останавливаться подробно, поскольку эти вопросы, так сказать, традиционны; они уже неоднократно дискутировались в собственно научной и в учебной литературе и еще требуют своего решения. Перечислим основные из них.

Проблема грамматической формы ФЕ. В частности, следует ли считать самостоятельными единицами сочетания, различающиеся формами числа стержневого слова либо видовыми формами глаголов, типа *бабья мука (бабьи муки)* ‘болезнь, якобы напущенная по наговору’ [ФСПГ, 224], *волю снять (снимать)* ‘разрешить поступать по собственному усмотрению’ [ФСПГ, 345], *дать (давать) слова* ‘сделать заговор от какой-л. болезни’ [ФСПГ, 99], *дать (давать) слово* ‘ответить на чей-л. зов, обращение; сказать что-л. в ответ’ [СПГ, I, 200], *зубом брать (взять)* ‘добиваться своего криком, угрозами’ [СПГ, I, 55; ФСПГ, 30], *зубы подать (подавать)* ‘дерзко отвечать; грубить’ [ФСПГ, 277], *класть (положить) обвет* ‘давать обет’ [СПГ, I, 392], *потерять (терять) язык* ‘утратить способность говорить, спросить’ [СПГ, II, 188].

Проблема синтаксической сложности ФЕ: следует ли считать фразеологизмами только словосочетания или также предложно-падежные сочетания типа *в голос (на́ голос, на голоса́х)* ‘вместе, хором’ [ФСПГ, 86], *в складу́* ‘связно, гладко’ [ФСПГ, 335], *в суверезку* ‘всерьез’ [СРГКПО, 232], *в невняти́е* ‘невнятно, непонятно’ [СПГ, 584], *по головушке* ‘громко, в голос’ [ФСПГ, 85], *на смеху́* ‘шутя, в шутку’ [АС, V, 102], *не к разгово́ру* ‘не к слову’ [СПГ, II, 262], ‘некстати’ [ФСПГ, 311], *с сердца́* ‘сердито, с раздражением’ [ФСПГ, 330], *у слова́* ‘о частой повторяемости какого-л. слова для выражения его значимости и важности’ [ФСПГ, 341], сочетания с частицами типа *ни чертинки* экспрессивно ‘о полном отсутствии известий о ком-, чем-л.’ [ХСПК], сравнительные обороты типа *как абыз* ‘о невежливом, непочтительном человеке’ [СПГ, I, 8], *как барма* ‘болтун, пустомеля’ [СПГ, I, 22; ФСПГ, 17], *как няра (нярганья)* ‘плаксивый’ [ФСПГ, 240], *как чихошня́* ‘болтливый’ [ФСПГ, 418], цельные фразы (в том числе сложные предложения) типа *Эй зовут лошадей* ‘ответная реплика на невежливое обращение’ [СРГКПО, 270], *ходи да не дохаживай, пей да не допивай* ‘пожелание не все рассказывать, договаривать’ [СРГКПО, 254], *баять – язык маять* ‘говорить без пользы’ [СРГКПО, 46], *на тебя дождь не дожджит, ветер не дует, снег не валит* ‘слова, которые говорят при отказе на просьбу о помощи’ [СРГКПО, 88].

Проблема включения / невключения в число ФЕ номенклатурных единиц типа *круговая (кружальная) песня* ‘хороводная песня’ [СПГ, II, 95], *наказу́льная (походячая) песня* ‘короткая песня типа плясовой; частушка’ [ФСПГ, 268], ‘короткая песня; частушка’ [СПГ, II, 95], *нежная песня* ‘песня, под которую молодых усаживали за свадебный стол’ [СРГКПО, 182], *обидная песня* ‘причитание невесты, в котором она высказывает свою обиду родителям’ [ЭССТ, 109], *осённая песня* ‘песня, которую пели на уборочных работах’ [ФСПГ, 268], *отказна́я песня* ‘песня, исполнявшаяся для невесты в честь отказа от родительского очага’ [ЭССТ, 110], *па́рная песня* ‘песня, исполнявшаяся для присутствующих на свадьбе супругов’ [ЭССТ, 109], *пла́чешная песня* ‘причитания по умершему’ [ФСПГ, 268]), *пляскова́я песня* ‘песня, сопровождаемая пляской’ [АС, IV, 40], *походёнешная песня* ‘песня, разыгрываемая на зимних игрищах’ [ФСПГ, 268], *проводная песня* ‘песня, исполняемая на проводах’ [СПГ, II, 95], *проводанные песни* ‘рекрутские песни’ [СРГКПО, 181], *расхожая песня* ‘песня, завершающая свадебный обряд’ [ЭССТ, 109].

Итак, в настоящей статье мы предприняли попытку привлечь внимание к наиболее важным теоретическим проблемам изучения фразеологических единиц одной лексико-семантической группы «Говорение». Эти проблемы разнообразны по степени сложности, важности, глубине, новизне, по широте охвата материала и т. д. Однако в конечном счете все они сводятся к проблеме надежности, объективности, достоверности, обоснованности результатов изысканий в указанной области. Решение рассмотренных вопросов служит главенствующей цели – получению истинно научных знаний.

Список литературы с сокращениями

Васильев Л.М. Семантика русского глагола: глаголы речи, звучания и поведения. Уфа, 1981.

Васильев Л.М. Семантические классы глаголов чувства, мысли, речи // Очерки по семантике русского глагола. Уфа, 1971 а.

Васильев Л.М. Семантические процессы русского глагола (глаголы чувства, мысли, речи, поведения). Л., 1971 б.

Бахаева Т.Ю. О фразеологизмах в русских говорах Красноярского края // Лексический атлас русских народных говоров. Материалы и исследование 2000. СПб.: Наука, 2003. С. 157-162.

Бахтина В.П. К семантической характеристике глаголов речи в русском языке // Материалы по русско-славянскому языкознанию. Воронеж, 1963. С. 143-161.

Бахтина В.П. Сложные словосочетания с глаголами речи // Вопросы лексикологии и синтаксиса. Уфа, 1964. С. 53-58 / Уч. зап. Уфим. ун-та. № 8 (12). Сер. филолог. Т. XVIII.

Бессонова Ю.А. Восприятие процесса речи носителями южных и северных говоров (на примере словообразовательного гнезда с производящим глаголом *говорить* в орловских, вологодских и ярославских говорах) // Проблемы изучения живого русского слова на рубеже тысячелетий: Материалы III Всерос. науч.-практ. конф. Воронеж: ВГПУ, 2005. Ч. III. С. 7-14.

Вендина Т.И. Диалектное слово в парадигме этнолингвистических исследований // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) 1999. СПб.: Изд-во ИЛИ РАН, 2002. С. 3-15.

Герд А.С. Введение в этнолингвистику: Курс лекций и хрестоматия. СПб., 2001.

Ерофеева Т.И., Моринова М.Н. Глаголы говорения в разговорной речи // Живое слово в русской речи Прикамья. Пермь, 1982. С. 48-54.

Калушко Г.В. Тематическая группа «Говорение» в говоре д. Акчим Красновишерского района Пермской области: Дипломная работа. Пермь, 2006.

Кодухов В.И. Из истории глаголов говорения в русском литературном языке XVII-XVIII вв. Казань, 1961.

Лекомцев Ю.К. К вопросу о системности глаголов речи в английском языке // Проблемы структурной лингвистики: Сб. ст. М., 1962.

Мальшичева В.А. Глаголы речевой деятельности в идиолексиконе // Проблемы современной русской диалектологии: Тез. докл. междунар. конф. 23-25 марта 2004 г. М., 2004. 2004

Ничман З.В. Глаголы говорения (устной речи) в современном русском языке: Автореф. дис.... канд. филол. наук. Томск, 1980.

Ожегов С.И. Словарь русского языка. М., 1978.

Подюков И.А., Хоробрых С.В., Антипов Д.А. Этнолингвистический словарь свадебной терминологии Северного Прикамья. Усолье, Соликамск, Березники, Пермь: «Пермское книжное издательство», 2004. (ЭССТ)

Полякова Е.Н. Лексика говорения в пермских прозвищах конца XVI – начала XVIII века // Вопросы региональной лексикологии и ономастики. Вологда, 1995. С. 93-97.

Прокошева К.Н. Фразеологический словарь пермских говоров / Перм. гос. пед. ун-т. Пермь, 2002. (ФСПГ)

Русские говоры севера Пермского края: Хрестоматия. Пермь. (В рукописи.) (ХСПК)

Скитова Ф.Л. Из наблюдений над лексикой говорения в народной речи (опыт определения границ и структуры лексико-семантической группы) // Вопросы фонетики, словообразования, лексики русского языка и методики его преподавания: Тр. 4-й зон. конф. кафедр рус. яз. вузов Урала. Пермь, 1964. Вып. I. С. 77-84.

Словарь говора д. Акчим Красновишерского района Пермской области. Пермь, 1984-2003. Вып. 1-5. (Продолжающееся издание.) (АС).

Словарь пермских говоров: В 2 тт. Пермь: Книжный мир, 2000-2002. (СПГ)

Словарь русских говоров Коми-Пермяцкого округа. Пермь: Изд-во ПОНИЦАА, 2006. (СРГКПО)

Словарь чердынских говоров: Материалы. Пермь. Вып. 1 (А-В). Вып. 2 (Г-З). (СЧГ)

Степанова Г.В. Лексико-семантическая группа глаголов речи в современном русском языке: Автореф. дис.... канд. филол. наук. Москва, 1970.

Черенкова А.Д. Глаголы речи в говорах Воронежской области // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) 2001-2004 / Ин-т лингв. исслед. СПб.: Наука, 2004 а. С. 146-154.

Черенкова А.Д. Синтаксические конструкции с глаголами речевого взаимодействия в говорах Воронежской области // Проблемы современной диалектологии: Тез. докл. междунар. конф. 23-25 марта 2004 б. М., 2004 б.

Этнонимы в пермских говорах

Т.А. Сироткина

Как известно, функционирующие на территории Пермского края русские говоры называют в настоящее время пермскими [Полякова, 1998, 4].

На территории Пермского края проживает более 100 народов, имеющих свой язык, культуру, традиции. Кроме того, каждый народ имеет имя (или имена), которые в лингвистике получили название этнонимов.

Материалом статьи послужили этнонимы, представленные в записях диалектной речи и словарях пермских говоров.

Рассмотрим, каково основное содержание этнонимического тезауруса русских диалектоносителей Прикамья.

Вогулы. Так называли предков современных манси, поселившихся в Прикамье, по наблюдениям историков, не позднее X – XIV вв. «Манси и вогулы – это одно и то же. У нас их вогулами вопиэ зовут», – говорят жители д. Акчим Красновишерского района (записи диалектной речи из картотеки словарного кабинета ПГУ).

Употребительна в пермских говорах собирательная форма данного этнического имени – **вогульё**: «А вот вогульё раньше-то, деды сказывали, джк оне раньше ни соль не знали, ни чё. Мясо берут в зубы, ножом так его р-раз» (д. Акчим).

О том, что на севере Прикамья жили вогулы, помнили даже в XX веке. Жители с. Усть-Улс имели коллективное прозвище **вогулы**, связанное с прежними жителями тех мест: «Вогулы в Усть-Улсе такие, как мы, русские, да вогулы прозвишию у их, а так – какие они вогулы» (д. Акчим).

Этноним **вогулы** получил в речи диалектоносителей оценочный смысл, образуя устойчивое сравнение **как вогулы**: «Живём, как вогулы, ругамся, грешим, переговаривам, вот дождя и нет» (д. Акчим);

Зыряне. Как отмечают историки, «крестьяне Северного Прикамья были осведомлены о коми-зырянском населении» [Оборин, 1990, 59]. Однако об отличиях данного народа от других, заселявших Северное Прикамье, носители говоров не знают: «Вогула живут в юртах, а зыряна-то тоже вогула»; «Вотяки они тоже наверно зыряна, наверно, вотяк и те, и другие»; «Сё равно хоть уж он зырян, а мась-то сё рано у их вогульская»; «У них [вогулов] нации нету, только они сами подразделяются на вогул и зырянов» (д. Акчим).

И все же во многих случаях находится одно из основных отличий данной нации – отличие по языку: «Зырянский у них язык свой. На заводах работали. Санки у них свои были. С русскими по-русски, меж собой по-зырянски говорили» (д. Акчим).

Данный этноним интересен тем, что входит в название старинной народной игры – **играть зыряном**: «Мы раньше ишию зыряном играли, ноне уж так-ту не играют; о святках одного средят, долгуцего, остальные над им галятся» [СПГ, I, 339].

Китайцы. Данный этнос не является коренным в Прикамье, однако яркий национальный образ внешности этого народа служит тому, что этнонаименование является продуктивным в образовании устойчивых сравнений. **Как китаец** – говорят о смуглом или с узкими глазами человеке: «Да вот у нас тут в суседах есть парень. Такой чернуций, как китаец»; «Проспишь до утра. А утром глаза как у китайца станут. Распухнет лицо от комаров» (д. Акчим).

Манси. Данный этнический имя стало официальным лишь в начале XX века. До этого данный народ как в письменной, так и в устной речи именовался вогулами. Поэтому объяснимо незнание референции

данного этноименования носителями говоров: «*Не видал, не знаю ханты, манси*»; «*Не видела хантов, мансей*» (д. Акчим). Лишь в некоторых случаях называется не только данный этноним, но и описываются характерные занятия представителей этой нации: «*Манси раньше наезжали. Унты продавали, туфли тёплые*» (д. Акчим).

Марийцы. Предки марийцев давно освоили Прикамье. «Документы конца XVI – начала XVII века позволяют установить, что в это время на Урале уже существовало марийское население» [Сеппо Лаллука, 1997, 30].

Первое отличие, по которому можно узнать представителя этноса – какие-либо внешние признаки. Национальный образ внешности – это «совокупность исторически сложившихся эстетических представлений в рамках данной национальной культуры и привлекательном облике человека» [Богуславский, 1994, 77].

Именно по внешнему виду и определяют носители говоров принадлежность человека к данному этносу: «*Личность такая мариец. Глаза узкие. С женой был*» (д. Акчим).

Татары. Татарский этнос – один из основных в Прикамье. По данным переписи населения 1989 года в 80 селениях Пермской области было около 30 тысяч татар. Их называют пермскими или сылвенскими татарами.

В сознании русских диалектоносителей можно выделить, наряду с языком и внешним видом, еще два важных этнические маркера, служащих различению «своего» и «чужого» – «материальная культура» и «вера». Отличия в традиционной культуре позволяют оценивать «своего» с позиций идентичности: «*Платок-от у тебя каки-то татарской. Раньше оне фсё такие любили*»; «*Вот ляпа. Обляпалась вся. Штаны как у татарки выпушиэны наверх. Вот чудо морское*» (д. Акчим).

Компонент «вера», имея не такую значительную репрезентированность в текстах, все же важен для носителей определенной культуры: «*В Вёлсе две церкви было. Одна для русских, друга для татар*» (д. Акчим).

Этноним **татары** очень продуктивен в пермской фразеологии: **татара (молотят) в голове** – головокружение, головная боль, тяжесть: «*Сёдни я ничё не скажу, у меня татара молотят в голове*»; **татарам на хмель** – ни на что не годен: «*Баушка, праздник нынче, дай выпить маленько, потом помогу тебе чем-нибудь. – Да кому ты нужен! Тебя только татарам на хмель*»; **татарин родился** – о моменте мгновенной тишины: «*Татарин что ли родился? Почему тогда замолчали? Разговаривайте*» [Прокошева, 2002, 371].

Наряду с этнонимами в состав фразеологизмов входят отэтнонимные прилагательные: **коромысло татарское** – высокий

сутулый человек: *«Спать ложуся, дак только и разгибаюсь, а днём как коромысло татарское – не согнуться, не разогнуться»* [Прокошева, 2002, 177].

Это же прилагательное становится основой для образования ортонима: **татарская ворона** – одна из разновидностей семейства вороньих: *«У нас новая птица появилась – татарская ворона. Похожа на галку, хохолок большущий, под крыльями бело; на сороку находит, а поёт – как маленький ребёнок»* [Прокошева, 2002, 58].

Существует в говорах и фитоним с данным прилагательным: **татарские мыльца** – травянистое лекарственное растение: *«Эта трава от тоски помогает. Вот ведь если не татарские мыльца, то уж не знаю, чё бы со мной было – ведь сколько я тосковала»; «От тоски пили татарские мыльца, у воды растут, цветки красные, а листики-те узкие, длинные»* [Прокошева, 2003, 226].

Как известно, «в процесс фразеомобразования активнее вступают те свободные словосочетания, которые отражают конкретные явления материальной действительности, связанные с жизнью человека» [Золотых, 2006, 194]. Сочетания с этнонимом **татары** – не исключение.

Чудь. Легенды об этом древнем народе еще в XX веке записывались учеными. Таковую легенду приводит А.С. Кривошекова-Гантман в одной из своих работ: *«Раньше здесь жили чуды. Это был славный народ. Чудские девушки были черноволосые и чернобровые и очень изящные. Косы у них свисали до колен, такие длинные были. Но вот услышали чуды, что на них надвигается страшное несчастье. Тогда храбрые и гордые люди решили умереть своей смертью. Они вырыли большие и глубокие ямы. Внутри поставили столбы, поверх настлали плахи и на них наносили землю. Когда подземные срубы были готовы, чуды семьями зашли туда. Затем чудские мужчины столбы свалили, а плахи с земляной насыпью удавили чудов. Так этот маленький народ будто бы живой ушёл под землю. На смену ему пришёл новый народ»* [Кривошекова-Гантман, 1974, 134].

Этноним **чуд** используется в обрядовых текстах: *«Семья выходит на улицу, берёт палки и начинает ходить вокруг дома, своего хозяйства, говоря: «Новый год пришёл, приплод принесёт: овце – ягнёнка, лошади – жеребёнка, корове – телёнка, свинье поросят». Так говорят два раза, а на третий начинают стучать палками по стенам да говорить: «Новый год пришёл, чуд вон пошёл»* (записала студентка коми-пермяцкого отделения филологического факультета ПГПУ Лариса Федосеева в с. Левичи Косинского района).

В пермских говорах этноним **чудь** имеет множество вариантов – **чучки, чучмеки, чучкари**, которые служат основой устойчивых сравнений: *«Раньше чё, книжек не читали, радио не слышали, как*

чучмеки жили»; «Дикие, как чучкари жили, не смели ничего, кроме отца сделать, ничего не знали, не учились дак» [Прокошева, 2002, 420].

Таким образом, этнонимы активно функционируют в речи носителей пермских говоров. Они не только используются в собственно этнонимическом значении, но и являются результатом вторичного семиозиса, образуя нарицательные обозначения и фразеологические сочетания.

Мы назвали далеко не весь набор этнических имен, которые можно встретить в речи носителей пермских говоров. Обработка старых записей и новые экспедиции могут выявить еще множество интересных фактов актуализации этнического компонента языкового сознания диалектоносителей.

Список литературы с сокращениями

Кривошекова-Гантман А.С. К проблеме пермской чуди // Вопросы лингвистического краеведения Прикамья. – Пермь, 1974. – Вып. 1. – С. 132 – 141.

Оборин В.А. Заселение и освоение Урала в конце XI – начале XVII века. – Иркутск, 1990.

Полякова Е.Н. Формирование пермских говоров // Русские говоры Пермского региона. Формирование. Функционирование. Развитие. – Пермь, 1998. – Вып. 1. – С. 4 – 33.

Прокошева К.Н. Фразеологический словарь пермских говоров – Пермь, 2002.

Септо Лаллука. Некоторые наблюдения о сылвенских марийцах Пермской области // Пермский край: прошлое и настоящее. – Пермь, 1997. – С. 29 – 31.

СПГ – Словарь пермских говоров: В 2 вып. – Пермь, 2000 – 2002.

Словообразование отадъективных имен существительных (на материале пермских говоров)*

И.И. Бакланова, И.П. Кудымова

Словообразование диалектных слов относится к числу недостаточно изученных разделов диалектологии, несмотря на то, что

* Работа выполнена при финансовой поддержке АВЦП "Развитие научного потенциала высшей школы" № РНП. 2.1.3.3440; 07-04-82409 а/У «Словарь говора д. Акчим Красновишерского района Пермской области».

его углубленное исследование активно ведется с 50-х годов XX века. В своих работах ученые решают задачи, связанные с определением специфики регионального словообразования, в отличие от литературного языка, и описанием словообразовательных типов, формантов, неизвестных литературному языку. По методике исследования работы диалектологов условно делят на две группы: «1) работы, в которых дается системное изучение словообразовательных моделей в каком-либо одном говоре без дифференциации фактов диалектных и общенародных; 2) работы, в которых диалектные факты рассматриваются дифференцированно от фактов общенародного языка» [Порохова, 1966, 137-138].

Исследованию словообразования имени существительного традиционно уделяется большое внимание, так как существительное «среди частей речи занимает центральное место. Очевидна его роль в системе номинаций...» [Мошева, 1988, 46]. Анализу отдельных суффиксов посвящены работы Г.В. Плотниковой, В.И. Максимова, А.А. Мошевой, А.П. Медведевой и др. Общим проблемам суффиксации отадъективных имен существительных посвящено исследование Л.А. Араевой, Н.И. Шапиловой. Проблему продуктивности словообразовательных моделей как центральную, а также проблему методики исследования словообразовательной модели рассматривает Л.В. Сахарный в кандидатской диссертации «Словообразование имен существительных в русских говорах Среднего Урала».

Целью настоящей работы является исследование особенностей словообразования отадъективных имен существительных.

Осуществление данной цели стало возможным после выхода «Словаря пермских говоров», данные которого позволяют системно рассмотреть материал, составляющий 139 единиц.

Диалектное словообразование является частью общерусского словообразования и поэтому отражает общенациональные процессы словообразования. Вместе с тем теория диалектного словообразования специфична, и это особенно важно, потому что сопоставление фактов диалектной речи и литературного языка показывает особенности развития не только диалектного, но и литературного словообразования. Но здесь необходимо учитывать тот факт, что диалектная речь – это устная форма национального языка, а система литературного языка базируется, прежде всего, на письменных традициях.

В определении понятия «словообразовательный тип» мы придерживаемся теории, разработанной Е.А. Земской, а именно: «Словообразовательный тип – это схема строения производных слов, характеризуемых общностью трех элементов: 1) части речи производящей основы; 2) семантического соотношения между производными и производящими и 3) ... способа словообразования, а

для аффиксальных способов тождественностью аффикса» [Земская, 2005, 190].

Исследуемая система говора включает 55 словообразовательных типов отадективных имен существительных. Субстантивы, структурно и семантически мотивированные именами прилагательными, представляют собой подсистему с присущими только ей характерными особенностями. Отадективные имена существительные объединяют свойства двух частей речи: имени прилагательного, относящегося к классу признаков слов, и имени существительного, обозначающего предмет [Араева, Шапилова, 1992, 97]. Большинство отадективных существительных четко объединяется в определенные группы на основании каких-либо общих признаков. В анализируемом материале семантическому признаку выделяется по 4 лексико-семантические группы (далее ЛСГ):

1) ЛСГ «**лицо**» включает имена существительные со значением лица мужского, женского и общего рода;

2) ЛСГ «**имя натурфакт**» (*natura* – природа) включает имена существительные, обозначающие названия растений, животных, почв, природных явлений и тому подобное, т.е. то, что относится к живой природе;

3) ЛСГ «**имя артефакт**» (*art* – искусство) включает имена существительные, обозначающие продукты деятельности человека;

4) ЛСГ «**отвлеченные понятия**» объединяет имена существительные с абстрактным значением.

Идея деления на данные группы (за исключением последней), а также названия групп были взяты нами из работ кемеровских ученых Л.А. Араевой, Н.И. Шапиловой и др. [Араева, Шапилова, 1992, 11].

Участие суффиксов в образовании имен существительных, мотивированных именами прилагательными, а также распределение имен существительных на ЛСГ можно показать в следующей таблице:

Суффикс	«лицо»	«имя натурфакт»	«имя артефакт»	«отвлеченные понятия»
-ушк(а)	+	+	+	
-ух(а)	+	+	+	
-к(а)	+	+	+	
-иц(а)	+	+	+	
-ак(як)	+	+		
-ин(а)	+			+
-ик	+	+		
-ость			+	+
ядь(есть,		+	+	+

одь)				
нулевой	+			+
-к(о)		+		
-овик		+	+	
-ыш			+	
-ул(я)		+	+	+
-ец		+		
-иг(а)		+		
-отй(э)	+			+
-ень		+		
-авк(а)	+	+		
-ок	+	+		
-ник	+	+		
-уш(а)		+		
-яг(а)	+			
-ёх(а)		+		
-яш		+		
-ян(а)		+		
-ил(а)		+		
-ан	+			
-яшк(а)	+			
-айк(а)	+			
-ежник				
-ениц(а)		+		
-енк(а)		+		
-янк(и)		+		
-в(а)				+

Как видно из таблицы, наиболее продуктивно образуются имена существительные, входящие в ЛСГ «**имя натурфакт**». В эту группу объединились названия растений по цвету (*чернушка, зеленуха, зеленица, зелёнка, зеленец, желтяк, желтик, желтовик, чернига, голубига, голубиха, синявка, бялнки*), по вкусу (*горчушка, киселка, кислица, кисленица, кисленка*), по запаху (*душанка, душеница*), по результату воздействия внешних факторов (*мерзляк* ‘промерзшее сено, солома’; *мерзлядь, сырник*), по другим свойствам (*дикуша, мокруша*), названия и клички животных (*чернуха, чернядь, билька, бель, бялана, пестряк, воронко, рыжко, красуля, рябок, бусёха*), названия почв (*картовница, бялак, красик, серовик*), названия частей тела человека (*белыш*), названия болезней (*мокрец*), названия природных явлений (*слабень* ‘сквозняк’; *мокрень*).

Второй по количеству единиц является ЛСГ со значением «лицо». Она включает названия лиц по возрасту (*молодушка, молодуха, молодица, моладавка, молодайка, молодяшка, молодёжник, малуха, большак*), физиологическому критерию (*кривушка, слепушка, мертвяк, глухотье*), внешнему виду (*белуха, жирнина*), социальному положению (*богатка, богатыня, тупица* ‘человек, находящийся в неопределённом положении, тупик’); *женатик, пьянник*), внутренним свойствам (*беспутка, беспута, беспуток, модник* ‘привередник’; *хитряга, гордан*), роду деятельности (*домашница, домашник*).

ЛСГ «**имя артефакт**» включает слова: названия хозяйственных объектов, орудий (*гнилушка, боковушка, домашность* ‘домашнее хозяйство’; *косуля* ‘разновидность сохи’), названия бытовых предметов (*косушка* ‘папироса-самокрутка’; *пеструшка, пестрядь* ‘пестрая ткань’; *чернядь* ‘холст черного или синего цвета’); названия одежды (*голуха* ‘овчинная шуба, не покрытая тканью’; *синюха* ‘полотняная рубаша’; *плюшка* ‘плюшевое пальто’); названия хозяйственных предметов (*осиновка* ‘лодка’; *круговка* ‘круговая вспашка’; *тупица* ‘тяжелый топор’), названия пищи (*белила* ‘сметана’; *кисленик* ‘пирог с начинкой из шавеля’).

ЛСГ «**отвлеченные понятия**» представлена следующими словами: это *душина, глина, дряхлина, пестрина; зарность* ‘зависть’; *дурность, малость* ‘молодые годы’; *мокредь; кривуля* ‘кривизна формы’; *гнилетье; гнилодь; желтва* ‘желтый цвет’. Как видим, выделение этой группы весьма условно, потому что в нее входят разные по значению слова.

Выделение слов по принципу ЛСГ наглядно показывает, что отадъективные имена существительные обозначают понятия, касающиеся многих сфер человеческой жизни: семьи, социального статуса, работы, домашнего хозяйства, природы. У большинства диалектных слов прозрачна и конкретна внутренняя форма. В качестве мотивирующей основы выступают качественные и относительные имена прилагательные, причем качественные прилагательные в количественном отношении значительно превосходят относительные. Как отмечает Н.И. Шапилова, качественные прилагательные характеризуются высокой степенью абстракции, их значение во многом определяется представлением говорящего о норме, об эталоне, поэтому и субстантивы, в основе которых лежат качественные имена прилагательные, часто субъективны, оценочны [Араева, Шапилова, 1992, 99]. Наши материалы полностью подтверждают это: *гнилетье, глина* ‘гниль, ветхое жилье’: *Вернулась от сына-то, купили эту гнилинку, так и живем в ней; Овершь надо снять, потом сено брать сверху и снизу. Оно гнилетье одно, зачем оно?; слабень* ‘сквозняк’ *Закройте-ка дверь: слабень дует*. Эти имена существительные

относятся к лексике определительного, характеризующего типа. Существительные, мотивированные относительными именами прилагательными, называют лиц по социальному положению (*женатик*); лодку по материалу (*осиновка*); одежду по ткани (*плюшка*) и др. Лексика данного типа носит предметный характер.

Имена существительные, образованные от качественных прилагательных, в говорах имеют свою специфику, а именно: от одной и той же мотивирующей основы с помощью равнозначных формантов может быть образовано несколько однокоренных вариантов-синонимов. Наибольшее число таких образований появляется среди слов, определяющих очень близкие человеку понятия: молодую замужнюю женщину, сноху называют *молодушкой, молодухой, молодницей, молодайкой*; богатого человека – *богаткой* (о женщине), *богатиной*; траву, используемую для окрашивания ниток, – *зеленухой, зеленицей*; щавель – *киселкой, кислицей, кисленицей, кисленкой*; животное с белой шерстью – *билькой, беляной*.

Анализ словообразовательных типов отадъективных существительных показал, что, наряду с общерусскими, в пермских говорах имеются и особые словообразовательные типы, в которых формантами выступают следующие аффиксы: *-ан, -яшк(а), -айк(а), -ежник, -енк(а), -их(а), -в(а), -отй(э)* и др.

Наши результаты перекликаются с выводами Л.В. Сахарного, Н.И. Шапиловой: диалектная речь как устная форма бытования языка располагает большей свободой выбора, она не ограничивается традицией, характерной для литературного языка, поэтому диалектное словообразование данной группы слов отличается вариативностью словообразовательных типов. В пермских говорах в анализируемой группе слов не выявлено ни одного диалектного аффикса, лишь в двух случаях значение суффикса в говорах не соответствует его значению в литературном языке. Например, суффикс *-к(о,а)* в русском языке может образовывать имена существительные, обозначающие названия одежды, обуви, но при этом имя прилагательное является относительным (*кожанка*), а в говорах в качестве мотивирующей основы используется качественное прилагательное (*тяжелко*) [Русская грамматика, 1980, 172]. Суффикс *-ин(а)* в русском языке используется для образования слов-названий веществ, материалов, видов одежды, мест, лиц и др. В говорах этот суффикс образует отвлеченное понятие *душнина, гнилина* [Русская грамматика, 1980, 173].

Итак, отадъективные имена существительные в пермских говорах представляют собой большой пласт лексики характеризующего и предметного характера. Особенность словообразования данных имен существительных заключается в вариативности словообразующих средств, в наличии синонимичных формантов, участвующих в

образовании однокоренных слов-синонимов. Представленные в говорах имена существительные образованы как по моделям литературного языка, так и собственным диалектным типам. Все выявленные в анализируемом материале форманты известны русскому языку, за исключением значений двух суффиксов. Следовательно, специфика диалектного словообразования заключается не столько в наличии диалектных приставок и суффиксов, сколько в сочетаемости мотивирующей основы и словообразовательных формантов.

Список литературы:

Араева Л.А., Белова Б.А., Шатилова Н.И. и др. Словообразовательная система русских говоров Кузбасса. Субстантив. Часть 1. Кемерово, 1992.

Земская Е.А. Современный русский язык. Словообразование. М., 2005.

Максимов В.И. Суффиксальное словообразование имен существительных в русском языке. Л. 1975.

Мошева А.А. Отадъективные имена существительные, обозначающие лицо, в литературном языке и народном говоре // Литературный язык и народная речь. Пермь, 1988. С. 45-57.

Мошева А.А., Медведева А.П. Имена существительные с суффиксом –ость в акчимском говоре // Живое слово в русской речи Прикамья. Пермь, 1978. С. 70-81.

Плотникова Г.В. Суффикс –ух(а) в системе говора сел Галицкого сельсовета Усть-Канского района Горно-Алтайской автономной области // Материалы и исследования по сибирской диалектологии. Красноярск, 1967. С. 34-39.

Порохова О.Г. К истории изучения словообразования в русских народных говорах // Лексика русских народных говоров. М.-Л. 1966. С. 126-149.

Русская грамматика / Под ред. Н.Ю. Шведовой. В 2-х т. Том I. Фонетика. Фонология. Ударение. Интонация. Словообразование. Морфология. М., 1980.

Сахарный Л.В. Словообразование имен существительных в русских говорах Среднего Урала. Автореф. дисс... канд. филол. наук. Пермь. 1965.

Словарь пермских говоров / Под ред. А.Н. Борисовой, К.Н. Прокошевой. В 2-х т. Пермь, 2000-2002.

Тихонов А. Н. Словообразовательный словарь русского языка. В 2-х т. М., 1990.

Сочетания *да чё да (да чё)*, *ли чё ли (ли чё)* и подобные им в пермской диалектной речи *

И.И. Русинова, И.И. Бакланова

Данная статья посвящена весьма интересному, но до сих пор мало изученному явлению севернорусской диалектной речи – сочетаниям *да чё да (да чё)*, *ли чё ли (ли чё)* и подобным им. Эта проблема актуальна и в связи с лексикографированием этих единиц.

Материалом для настоящего исследования послужили данные картотеки «Словаря говора д. Акчим Красновишерского района Пермской области», картотеки «Словаря чердынских говоров», рукописные и магнитофонные записи диалектной речи жителей северных районов Пермского края, сделанные авторами с 1998 по 2007 год.

Различные диалектные словари отражают наличие в говорах соответствующих территорий (северных и с северной основой) сочетаний подобного типа и содержат соответствующие словарные статьи, включающие их толкование. Рассмотрим подробнее сложившиеся в отечественной лексикографии способы подачи этого материала.

Сочетания типа *да чё да* зафиксированы в «Словаре русских народных говоров», «Вершининском словаре», «Архангельском областном словаре», «Словаре говора д. Акчим Красновишерского района Пермской области» и «Словаре пермских говоров». Все названные словари, за исключением СРНГ, подают эти сочетания в словарной статье на союз *да*. Подача данных сочетаний в диалектных словарях следующая.

Устойчивое сочетание *да чё да* в значении ‘да еще что-нибудь’ в 7-м выпуске СРНГ дается в статье на частицу *да*: *Станем разговаривать да чё да*. Употребление сочетаний зафиксировано в Пермской, Свердловской, Челябинской областях [СРНГ 1972, 255]. Примечательно, что в предыдущей статье на союз *да* приведен пример, в котором используется сочетание *да чего да*: *В мешках тут разна миндра: клубки, да заплатки, да чего да*. Но в этой статье не идет речи об устойчивых сочетаниях, здесь указываются оттенки соединительного и присоединительного значения союза *да*, способного

* Работа выполнена при финансовой поддержке гранта РГНФ № 06-04-82406 а/У, гранта РГНФ № 07-04-82409 а/У, АВЦП «Развитие научного потенциала высшей школы» РНП.2.1.3.3440.

употребляться при одном из однородных членов предложения дважды: и перед ним, и после него [СРНГ 1972, 254].

Довольно подробно описаны интересующие нас сочетания в Вершининском словаре. Например, в 3-м томе в статье на союз *да* подаются устойчивые сочетания *да всё*, *да всё да*, *да чё*, *да чё да*, употребляющиеся как заключение со значением исчерпанности информации: *Потом война была да всё*. *Работать было некому; Они преподаватели, учут их, пишут да всё да*; *Так все было по первости-то, это уж потом на пилораме стали плахи распиливать да чё*; *Да вот как ты прожил да чё да*, *друга говорит, не хоцет рассказывать, пойдём* [ВС 1999, 88].

Одно из сочетаний указанной структуры подаёт «Архангельский областной словарь» в статье на частицу *да*: *Ой, эка роботы-то, тут ходили, пололи да всё да* [АОС 1999, 175].

Обращаются к толкованию данных выражений и пермские диалектные словари. В вышедших пяти выпусках «Словаря говора д. Акчим Красновишерского района Пермской области» приведены следующие сочетания: *да как*, *да как да* в значении ‘и по-другому, другим, другими способами’: *Фруктовой же вот, не фамильный чай-от. Нынче не зовут уж фамильным, грузинским да как*; *Раньше кругом да как да играли* [АС 1990, 31]. Сочетание *да где* употребляется в значении ‘в некоторых других местах’: *Лосей красивых видели на болотах да где* [АС 1984, 202]. Сочетание *да куда* завершает перечисление мест, в направлении к которым совершается действие: *Подвезят на солнышко да куда – оно и влянется* [АС 1990, 89].

Другим сочетанием, активно используемым в говорах, является *ли чё ли* и аналогичные ему. В диалектных словарях эти сочетания описаны даже более подробно, чем *да чё да*. В 12-м выпуске СРНГ имеются устойчивые сочетания с наречием *как*: *или как ли*, *ли как ли*, *ли как*, которые употребляются для выражения предположительности, неточности: *Запорно возеро мы перекрывали, рыба запирается в нем или как ли закрываются*; *Продам ли, как ли, все одно, надо подать находить*; *Надо квитанцию нести ли как? Литра три ли как ли будет*. Сочетание *как ли* имеет значение ‘как-нибудь, как-либо’: *Как ли да сделаю* [СРНГ 1977, 327].

В 17-м выпуске СРНГ выражения с *ли*, *ле* подаются как устойчивые: *ли что ли*, *ли чё ли*, *ле чего ле*, их значение состоит в выражении сомнения, неуверенности, предположения: *Он в армии ли что ли*; *Увидели Володьку, не рассмотрели, что хозяин, давай его бить. Володька не отвечал, что я хозяин ли что ли*; *Не знаю, иди ли чё ли*; *От жару ли чё ли голова болит*; *Чё-то глаз повредило ле чего ле*. Сочетание *ли кто ли* показано с оттенками значения а) ‘или еще кто другой’: *Купец ли кто ли он был*; б) ‘что ли, может быть’: *Мать*

его то ли в домработницах **ли кто ли** жила. Отдельно подано сочетание **ли кого ли** в значении ‘или еще что-нибудь’: *Вынесу ему хлеба **ли кого ли***. Другим сочетанием, зафиксированным в этой статье, является **как ли** в значении ‘или как-нибудь иначе’: *Продам **ли, как ли**, все одно надо подать находить*. Аналогично предыдущим сочетаниям подается в словаре **ли нет ли** в значении ‘или нет’: *Не знаю, привезут [жеросин] **ли нет ли***. Особенностью данного сочетания является то, что в роли центрального слова используется не местоимение [СРНГ 1981, 38-39]. Географические пометы свидетельствуют о функционировании данных сочетаний на территории Пермской, Свердловской, Тобольской, Кировской, Томской, Кемеровской областей.

В 3-м томе Вершининского словаря в статье на частицу *ли* тоже приведены подобные устойчивые сочетания. Сочетание *ли как* употребляется для выражения сомнения, неуверенности: *Скажут: с полдня начался [ветер]. После обеда **ли как***. Сочетание *ли кого ли* используется в значении ‘или еще что-нибудь’: *Он на завод поступил...проработал там, музыки **ли кого ли** делал*. Значение ‘или кто другой’ выражается сочетаниями *ли кто (ли)* и *ли там*: *Там, гыт, сидела молодая девушка **ли кто ли**; Как токо выгоню [овец], так съедят. Ну пастухи **ли кто**. Украдут да и съедят; У лошади – жеребёнок. У коровы – телёнок, тёлочка **ли там**, быцёк-телёночек*. Вариативно представлены в словаре сочетания с местоимением *что*: *ли чё, или чё ли, ли чё ли*, по своему значению приравняемые к сочетанию *ли как*: *В кузнице работал, всему учился, там пойду, надо мне винт какой **ли чё**, я сам скую; Я вчера была в магазине, она пришла по хлеб **ли чё**; А таперича мало её стало, или опыляют **или чё ли**; Три года **ли чё ли** ей учиться на медсестру; Чё-то вода кака-та свята **ли что ли***. Сочетание *ли нет (ли)* выражает сомнение, неуверенность: *Сажен сто прошел **ли нет ли**, на камень свернулся, попал и упал; Не знаю, дойдут **ли нет** руки [ВС 2000, 228-229]*.

«Словарь русских старожильческих говоров средней части бассейна реки Оби» в 1-й части Дополнения обращается к толкованию устойчивых сочетаний с *ли*, в числе которых следующие: *ли как, ли как ли*, приравняемые по значению к сочетанию *что ли*: *От трахта просёлошная **ли как?** Три дня **ли как ли** прошло*. Сочетание *ли кто (кто) ли* имеет значение ‘или кто другой’: *Там у их есь кучер – брат **ли хто ли***. Сочетания *ли чего ли, ли что ли, ли чё* представлены как имеющие одинаковое значение ‘что ли’: *Дрова тошишут **ли чего ли**; Год **ли что ли** дали-то ему аресту; Кто это меня кусат? Блоха **ли чё?** [СРСГРО 1975, 245]*.

Представлены данные сочетания и в «Словаре русских говоров Среднего Урала». Во 2-м томе подаются следующие выражения: *ли чего, ли чё ли*, употребляемые в значении ‘что ли’: *Ужинать будем **ли***

щё ли; Слепой ли чё ли, куда идешь? Приходи ли чё ли к нам [СРГСУ 1971, 100].

«Словарь русских говоров Новосибирской области» трактует выражение *ли чё ли* как сложную модальную частицу, выражающую сомнение, неуверенность: *Он чё тебе поддаёт, очки вставляет, чтоб дальше видела ли чё ли? Ишь как глаз подбил* [СРГНО Новосибирск, 276].

«Словарь пермских говоров» подает сочетание *ли чё* как вопросительную частицу *разве*, а *ли чё ли (ле)* как неопределенную частицу *что ли*: *Про сватью она ли чё баёт, не чую я; Корноватки, оне плетеные из корешков: корешки надерут из вереса ли чё ли и сплетут* [СПГ 2000, 479]. Во 2-м выпуске приводится сочетание *да чё да* в значении ‘и еще кое-что’: *Купи сумку ли, чемодан ли: учиться поеду, дак вещи складывать да чё да* [СПГ 2000, 523].

Как видим из приведенного обзора, единого подхода в подаче и толковании данных сочетаний в отечественной лексикографии нет. Эти конструкции подаются то на опорное знаменательное слово, то на служебное. Одними словарями они трактуются как устойчивые сочетания, другими – как частицы. Кроме того, далеко не все существующие в диалектной речи сочетания подобного рода отражаются диалектными словарями. Некоторые словари вообще игнорируют эти выражения, хотя в диалектной речи региона они есть. Так, «Областной словарь вятских говоров» в статье на слово *да* указывает типичную для северных говоров постпозицию соединительного союза *да* (*Мешки выткала да, сшила имям да*. Орл.), но не приводит сочетаний *да чё* и *да чё да* [ОСВГ 2004, 110]. Однако такие сочетания бытуют в вятских говорах, о чем свидетельствуют тексты звучащей хрестоматии Е.Н.Мошкиной «Вятские говоры» [Мошкина 1999]: *Придёт, я, дежурить, не уснёшь там ведь, коровы на привязе, все брякают цепями, да чё да...* (Из текста Дежурство на коровнике, с. 60). Есть в хрестоматии и другие выражения: *или где ли, ли чё ли, ли как, да всё да, ли сколь* [Мошкина 1999, 12–14, 18, 33, 34, 39].

Итак, задача системного описания данных языковых единиц прежде всего с целью разработки способов их семантизации в диалектных словарях до сих пор не решена.

В пермских говорах данные конструкции реализуются с разными служебными словами: *да, и, или, ли (ле)*. Для удобства знакомства с единицами мы приведём их в виде таблиц.

Таблица № 1. Сочетания с *да*.

Сочетание	Процент от общ. кол-ва	Пример
да чё да	18	<i>А туды у меня шундры-мундры</i>

		<i>всякие накладены: обутки рваные да чё да; Сено возили да, на полях жали да чё да; На полати что-нибудь покину: валенки да чё да. Спать-от некому там.</i>
да чё	19	<i>Там, колды посевная идет дак, пашёшь да чё, боронишь да; Поля чистили: осот да чё вырывали; Всё посажено на огороде-то помаленьку: картошка да цё.</i>
да что да да чем да	2,6 0,4	<i>Вилы есь сено да что да метать; В бане сидели вязали да что да; Клопов-то раньше серой горючей выводили, а сейчас дустом да чем да.</i>
да что да чем да с чем да на чём	2,6 0,2 0,1 0,1	<i>Вот тут переселенцы были курганские да что. Чулки они называют сюлки; Пирог да что в Масленицу собирали. Конечно, я закрываю подвал, утыкиваю фуфайками да чем; Вот нынче с бадогоми да с чем бегают; картошку там разводят на молоке да на чём.</i>
да как да	0,9	<i>Раньше вброд да как да ходили; Связываешь, лошадей пять везёшь. Кто за хвосты да как да, всяко.</i>
да как	0,7	<i>Раньше кругом да как играли; Не распускал [пастух] коров. А мы вот по две ночи да как не могли находить.</i>
да кто да да кого да да на кого да	0,6 0,2 0,1	<i>Бабка Аниса ходила за грибами да кто да; Там деревни есь да: Митрофанова да кто да. Вот туды у нас всё кони ходили; А нынче никого не осталось. Редко-редко где-то в лес пойдёшь дак, увидишь рябчика да кого да; На мелочь: на белку да на кого да, на горносталя – плашки ставят.</i>
да кто да кого	0,4 0,4	<i>Это мы песенки у старых токо старух [перенимали], вот до нас ишо были, наши матери да хто</i>

		<i>пели; Сноха да там внучата да хто живёт – в общем, семья; Шили свои обувки, из своей кожи. Ската заколют, поросёнка да кого заколют, кожу сделают и обувки нашьют.</i>
да где да	0,3	<i>Вот ходят по берегу чё-ко робят. А я всё с мужиками на заторе да где да, на воде вот; Рожали дома, во дворе да где да.</i>
да где	1,3	<i>Белоцветка на полях да где растёт; Лосей красивых видели на болотах да где.</i>
да куда да	0,3	<i>Раньше издили в Соликамску да куды да, везде издили; И вот туда куда-то, за границу да куда да везли лес.</i>
да куда	0,5	<i>Иной раз сижу, у меня как какой-то жар пройдёт в крыльча, на сердце да куда; Ходили суды на гору да куда по чепецкой дороге. Там и ягоды, там и грибы.</i>
да какой да	0,1	<i>Украшали берёзку. Цветы да рямки навешают клетчатые да какие да, холиовые.</i>
да какой	0,1	<i>А это таки мухоморы да какие. Ну видать, что сразу погано дак.</i>
да туды да	0,1	<i>Кама-то отсель шла да туды да, на Бондюг да.</i>

Таблица № 2. Сочетания с *и*.

и чё и	1	<i>Там тожно у их гулянка: танцы и чё и; Надо бы косить и чё и.</i>
и чё	1,5	<i>Оне у меня и репетировали, плесали и чё; Всяку муку, крупу, и пиано и иё хоть сколь угодно бери.</i>
и что и	0,2	<i>А потом мы уроки выучим да тоже на прясницу сядем. У всех прясницы были: у ребят и что и.</i>
и что	0,1	<i>А потом я с воскрёсной молитвой напоила и все окна и что перекрестила.</i>
и кого	0,1	<i>Да раньше-то всех держали: и</i>

		<i>корову и кого. А теперь руки не ходят, ноги не ходят дак.</i>
--	--	--

Таблица № 3. Сочетания с *ли (ле)*, *или*, *либо*.

<i>ли (ле) чё ли (ле)</i>	17,3	<i>Галя ле чё ле там приехала; Вот колды стряпашь ли чё ли, толды рукотёром вытирашь; Тамока я принесла масло ли цё ли.</i>
<i>или чё ли</i>	0,3	<i>Раньше охотники делали-то нарту, мясо волокли или чё ли; Принесёт ягод дак, лепёшек напекёт или чё ли постряпают.</i>
<i>или что ли или чем ли</i>	0,3 0,1	<i>Куда-то пошёл, в школу учиться или что ли; Я старше стала или что ли; Ну, он залез на колокольню, там привязал верёвкой или чем ли, на трактор сел и дёрнул.</i>
<i>ли (ле) чё</i>	7	<i>Да какой-то платок ли чё, марлю сделают вот на лицо; А он правил всех людей и животных. Вот, например, лошадь ногу сломат ле чё, привезут – он всё слаживал; Ну айда ли чё по губы.</i>
<i>ли что ли ли чего ли ли чем ли</i>	0,5 0,1 0,1	<i>На кажно: гору ли что ли – всё есь названьё; Через неделю ли что ли старика-то, мужа-то, убили; И не знала, за кого иду [замуж], и не знаю, за кобеля ли что ли; В город хотели, и квартира бы была дак. Может быть, где-то там сейчас проживали ли чего ли; Чем-то чертят, ножом ли чем ли, круг-от по пулу-то.</i>
<i>ли из чего</i>	0,1	<i>Да чё-то я пряду, из конопля ли из чего.</i>
<i>или (але) чё</i>	4,8	<i>Нога опухла, видно, заражение или чё, разнесло; Куфайку или чё кроят, вот и зовут лоскутки, обрезки; Вот сватьяюшка у меня тысячу али чё получила; Когда стирать али чё, говорят, надо окна завешать.</i>

или что или чего или чем	0,4 0,3 0,1	<i>Тут же чё, деревня большая была, Дубравка там деревня была или что; Надо с собой-то чё-то взять, какую-то жердочку или что. Ничё не взял и провалился в болото; Раньше, в те годы, такого не было, чтоб уходить из семьи. Вроде как отца надо или чего; Он у меня бусину из уха доставал чем-то, щипцами или чем-то.</i>
либо чё	0,4	<i>Хоть бы валенки купил либо чё; Говорят, боуа нет, а если скотина заболёт либо чё, боуа просят.</i>
ли (ле) кто ли (ле) ли кого ли	1,1 0,3	<i>Детишки ли кто ли спорят. Гнусина – мышь ле кто ле. Яшиерка – конечно уж, гнусина она; А женихами-невестами играли вот. Тебе загадают жениха, какого парня ли кого ли.</i>
ли (ле) кто	0,6	<i>У её есь сестра, или там брат есь, или там свои, вот племянницы ле хто; Рано утром там бабушка ли кто, мама ли, папа ли это всё достают.</i>
или кто или от кого	0,5 0,1	<i>В Тихоновый день в гости собирались к нам там родня или кто там; Жили там монахи или кто. Прятались от царя или от кого.</i>
ли (ле) как ли (ле)	2,6	<i>Коровенники ли как ле ещё называют бороовой гриб; Порося из-под матери берут, кормят месяц ле как ле.</i>
или как ли	0,8	<i>Возьмут этот солод, там муки добавят сколько-то, одну треть или как ли добавят, потом всё размешают; Была в русле такая дырочка небольшая высверлена. Она раньше называлась сосок или как ли.</i>
или как	1	<i>Вот сильно болит голова. Ну вот это мигрень щас называют или как; Половики, щас они не в моде.</i>

		<i>Щас дорожки, паласы и эти, как они называются, ковры или как.</i>
ли (ле) как	1,9	<i>Вот тожо, говорят, что по ветру садят чертей своих [колдуны] ле как; Раньше кержаки из одной кружки не напьются. Считали таких, мирских как поганьма ли как.</i>
ли куда ли	1,1	<i>Ты эту пушину у меня скупала, её перевозила в Соликамск ли куда ли; Морды называли из виц. Под кус[t] ли куда ли поставят.</i>
ли (ле) куды	0,5	<i>Носят колдуны бисей с собой. Их в сумку ли куда складут; А это вода зашла куда-ко, заводь, вот на луга ли куда залила.</i>
или куда	0,2	<i>С больницы сбегает и бежит куда-то в лес или ещё куда; А на что я буду куда-то в лес или куда идти, я по безработице получу.</i>
ли (ле) где ли (ле)	0,7	<i>Иногда в Егорьев день высевали [капусту] на рассадники ли где ли, на парники ле как; Рожь сушишь, ну, там на пече ли где ли.</i>
ли где	0,1	<i>Это надо [в музее узнавать]. Это там музей у нас ли где-то.</i>
или когда ли	0,1	<i>Ильин день будет в воскресенье или когда ли он будет.</i>
ли (ле) когда	0,1	<i>Вот она колды-ко [вышла]: ночью ле колды, вечером ле, не знаю.</i>
ли (ле) какой ли (ле)	0,3	<i>А он кольцо мне золотое подарил. Ну, золотое ле какое ле, не знаю; До этой ешо была война кака-то мировая ли какая ли.</i>
ли (ле) какой	0,4	<i>Как мох наростёт белый ли там какой; Мужики наденут рубаху белу ле какую, покромкой подвяжутся; В пистидесятом ли каком году было строено, я даже не знаю.</i>
или какой ли	0,1	<i>Мне будет семьдесят шесть лет в августе двадцать третьего или какого ли.</i>

или какой	0,1	<i>Думаете тряпочка была чистая или какая?</i>
ли сколько	0,1	<i>И вот тогда оно [сусло] побежит, примерно два ведра ли сколько.</i>
ли откуда	0,2	<i>Какие-то люди, говорят, приехали из района ли откуда, шут его знат.</i>
ли нет ли	0,25	<i>Народ пойдут косить ли нет ли.</i>

Таблица № 4. Сочетания с разными служебными словами.

да чё дак	1,1	<i>То сенокосишь да чё дак. Придѣшь домой, какоё там куда-нибудь идти; Такая осень худая дак, до снегу убирали овѣс да чё дак.</i>
да что дак	0,1	<i>Ну там сразу поблизости логот от деревни, скажем, большой да что дак, называли по имя деревни.</i>
дак чё дак	0,1	<i>Один похаживат дак чё дак.</i>
дак чё да	0,1	<i>Раньше-то семьи большие были. Да, дак чё да.</i>
да куды ле	0,2	<i>А лес куда-ко-сѣ сплавляли книзу. Всѣ сплавляли куда-ко за границу да куды ле.</i>
да чё ли	0,4	<i>А у меня немного чѣ стирать: запон да чё ли; Юбка да кофта да чё ли.</i>

Как видно из приведенных таблиц, список данных сочетаний велик, но наверняка неполон. Предположительно, в говорах существуют и другие выражения, имеющие подобную структуру: *да откуда да, да такой да, ли когда ли, ли что*. Перечень можно продолжить, подставляя разные местоимения и наречия вместо *что, как* и др. и варьируя структуру (двучленную и трехчленную) конструкций.

На наш взгляд, перед нами устойчивые сочетания. Устойчивость анализируемых единиц проявляется в трёх аспектах. Во-первых, в устойчивости структуры союз + местоимение (наречие) + союз (частица), которая реализуется в речи с разными союзами (частицами) в качестве крайних членов и местоимениями (наречиями) в качестве центральных членов конструкций. Причем, порождать данные сочетания могут только соединительные (*и, да*) и разделительные

союзы (*или (але), ли (ле)*), вопросительные местоимения (*что, чё, кто (хто), какой, кой*) и вопросительные наречия (*как, куда (куды), где, когда (колды), откуда*).

Устойчивость второго плана – это массовая воспроизводимость, особенно для ведущих выражений *да чё да (да чё), ли чё ли (ли чё)*. Их встречаемость в речи на порядок выше, чем встречаемость других сочетаний подобной структуры (смотри таблицы).

Наконец, устойчивым является обобщенное значение изучаемых сочетаний. Многие составители диалектных словарей, дающие толкование этих сочетаний, указывают на их способность стоять в конце перечислительного ряда и обозначать неисчерпанность информации. Об этом же значении изучаемых конструкций пишет Н.Л.Голубева, указывая, что они стоят в конце высказывания и служат для подчеркивания их незаконченности, а также открытости перечислительного ряда или полипредикативной конструкции [Голубева 2006, 47]. Разница в частных значениях определяется характером союза. Если участником сочетания является союз соединительный (*да, и*), то выражения с ним чаще всего употребляются в той речевой ситуации, когда предмет разговора известен всем присутствующим. Речь идёт о хорошо знакомых всем участникам коммуникативной ситуации предметах и действиях, которые не нуждаются в объяснениях и детализации, особенно при бытовой беседе. Обычно первого из ряда однородных членов предложения бывает достаточно для того, чтобы догадаться о том, каковы остальные члены перечислительного ряда. Например: *Носили лопоть всяку: юбку да чё да; В чуланах хранят капусту в бочках, зерно в мешках, одежду да чё да* (смотри другие примеры из таблиц №1, №2). Таким образом, данные сочетания задают смысловой вектор всему высказыванию, делая его, с одной стороны, кратким, с другой – информативно насыщенным. Выражения с соединительными союзами (*да чё да, да чё* и др.) являются важным смысловым акцентом. Если их убрать, то предложение сохранит свою структуру, но будет утерян важный смысловой нюанс: *да чё да* указывает на то, что перечисление не ограничивается названными предметами (действиями), оно означает ‘и так далее’, ‘и тому подобное’, то есть расширяет границы сказанного. Отсутствие же данной конструкции указывает на то, что картина исчерпывается сказанным.

Логично поэтому, на наш взгляд, обратиться к лексикографической трактовке выражений *и так далее, и тому подобное* в современном литературном языке. В «Словаре русского языка» под редакцией А.П.Евгеньевой они подаются в статье на наречие *далее* и прилагательное *подобный* как устойчивые сочетания: *и так далее* (сокращ. и т.д.) употребляется в конце перечисления для

указания на то, что перечисление могло бы быть продолжено [СРЯ 1981, 362]; сочетание *и тому подобное* (сокращ. и т.п.) употребляется в конце перечисления для указания на то, что дальше могут быть перечислены и другие сходные предметы, явления [СРЯ 1984, 204]. Таким образом, «Словарь русского языка» подаёт указанные выражения как устойчивые сочетания, а не как частицы.

Сочетания с разделительным союзом тоже заканчивают перечислительный ряд. Но в данном случае речь идёт не столько об известных говорящим предметах, действиях, сколько о предполагаемых. Перечислительный ряд в предложениях с данными конструкциями, как правило, ограничивается двумя членами (второй из них – изучаемое сочетание), что связано с синтаксическими свойствами разделительного союза: *Можно бросить курить ли чё ли. Страм ведь бабе-от курить; Чё-ко ли-ко-ся, обморосить ли чё ли ладит?; Когда отсель уедите: завтра ле чё ле ?; Девка-та с ума ли чё сошла, в доброй сряде робить ходит?; С родин ле чё она умерла, не знаю.*

Сегодня трудно говорить о том, какие конструкции первичны: трёхчленные (типа *да чё да, ли чё ли*) или двухчленные (типа *да чё, ли чё*). Количественно, по нашим материалам, более представлены в говорах трехчленные сочетания (смотри таблицы).

Закономерным представляется вопрос о появлении подобных образований в речи.

Можно выдвинуть две версии на этот счет. Исследователи русских диалектов, бытующих на территории Коми-Пермяцкого округа [Сергеенко 1968, 308-309; Михеева 1960, 248], единодушно считают постпозицию *да* в предложении с однородными членами предложения или в сложном предложении чертой, заимствованной русскими говорами из коми языка. Грамматическое значение слова *да* определяется так: сочинительный союз, союзная частица. Что касается сочетаний типа *да чё да, да где да*, то их называют синтаксической калькой с коми языка и приводят в качестве сравнения сочетание из языка коми: *да мый да* [Сергеенко 1968, 315].

Причем в коми-пермяцком языке, например, данное сочетание потеряло способность к склонению, то есть превратилось в устойчивое: *Сойес да мый да вёлисö*. (Сестры да что да были). *Куртим, бергöтим да мый да*. (Гребли, переворачивали да что да (о сене)). *Вöрын да мый да быдмö*. (В лесу да что да растёт (о ягодах)). *Пызаннэз да мый да керö*. (Столы да что да делает.).

Сочетание *да мый да* подаёт «Коми-пермяцко-русский словарь» в значении ‘и прочее, и тому подобное’: *Нянь да мый да босьти*. (Купил хлеб и прочее) [КПРС 1985, 260]. Следовательно, можно предположить, что рождение сочетаний *да что да, да чё да* в русской

диалектной речи – следствие влияния синтаксиса коми-пермяцких (шире – финно-угорских) говоров на русский диалектный синтаксис.

Аналогичную версию высказывает и М.С.Михеева по поводу сочетания *рада бы да* [Михеева 1960]. Вероятно, в этих сочетаниях конечное слово *да* не приобрело статуса ни союза, ни даже союзной частицы. Это лишь постпозитивная присловная приместоименная частица.

Именно такую прикрепленность частиц к местоименным словам отмечает К.Е.Майтинская, правда, на материале мордовского языка: «Большинство мордовских частиц часто встречается при косвенно падежных формах и при местоименных наречиях» [Майтинская 1969, 207]. Исследователь отмечает, что для некоторых финно-угорских языков характерно присоединение энклитических усилительных частиц. Так, в мордовском языке усилительные частицы *-*ga/-*ge/-*gak* присоединяются к личным местоимениям: *мон-га (мон-гак)* (и я); *тон-га (тон-гак)* (и ты); *сон-га (сон-гак)* (и он). А в диалектах встречаются и другие варианты энклитических частиц: *мондак* (и я), *тондак* (и ты). (В частице *дак* первый звук, по мнению К.Е.Майтинской, происходит из **g*) [Майтинская 1969, 191-192].

В научной литературе мы не встретили сведений о наличии в коми языке подобного выражения с союзом *ли*, но, по мнению доцента кафедры методики преподавания русского языка и литературы Пермского государственного педагогического университета Алевтины Степановны Лобановой, носителя коми-пермяцкого языка, в коми-пермяцком языке есть такое выражение – *ли (ле) мый ли (ле)*, которое переводится на русский язык как *ли что ли: Иваныс ли мый ли вовлис.* (Иван да кто да приходил); *Пряниккэз ли мый ли вайлин.* (Пряники ли что ли приносила.). Разнообразие сочетаний с другими союзами и местоимениями (наречиями), на наш взгляд, – результат синтаксической аналогии.

Косвенным подтверждением версии иноязычного влияния на формирование изучаемых сочетаний является совпадение функций и позиций союза *да* в русских и коми-пермяцких говорах Пермского края. (Примеры на коми-пермяцком языке взяты нами из «Коми-пермяцкой диалектологии» Р.И.Баталовой [Баталова 1975] и записей современной коми-пермяцкой речи, сделанных студентами Пермского государственного педагогического университета).

Союз *да* выполняет несколько функций: 1) является средством связи в простом предложении: а) связывает два однородных члена: *Нету хороших, пьянчи да разбойники, воруют только; Двое внуков: Лена да Серёжа.* Ср.: *Гавка дыр эиё олма да не öтик нылõс да зонõс быдтõма.* (Гавка долго ещё жил да не одну дочь и сына вырастил); *Мужиклõн чер да гõр, инькалõн ем да чõрс.* (У мужика топор да плуг, у

женщины игла да веретено). б) Соединяет ряд однородных членов, при этом может стоять позади последнего однородного члена: *Всю зиму шила да, строчила да, вязала да*; *Помогаю: печку истоплю да, есть сварю да*. Ср.: *Тиаккез да, ягöддэз да öкта*. (Грибы да, ягоды да собираю); *Кузь лун миськаси да, пеласи да*. (Целый день полы мыла да, стирала да); *Талун да, ашын да, мöлдун да – выходнойез*. (Сегодня да, завтра да, послезавтра да – выходные).

2) Употребляется в конце простого предложения: *Это товарищ детства был да. Умер в семисят два года*; *Все поля пустые лежат да, ничё не стали сеять да*. Ср.: *Брöш гудырті да*. (Квасу намешала я да); *Ми ертатасимö да (Мы поженились да)*.

3) Выступает средством связи частей сложносочиненного предложения: а) союз *да* в соединительном значении: *Маленька избушка, небольшая изба-то. Я осталася со стариками, да золовка у меня осталася, сестра мужа как; Мама посылала меня за медной иконой, да этот свёкр посылал*. Ср.: *Ми мамöкöt мунім гортö, да сойö вонöкöt мунисö*. (Мы с мамой пошли домой, и брат с сестрой пошли.); *Одзöстис менчим деньга, да ме сеті. (Одолжил у меня деньги, и я дала)*.

б) Выполняет функцию противительного союза: *Я вот в лес давеча ходила, больно грибницы захотелося. Давненко не ела, да шибко далече идти; Вторая [внучка] хотела вот приехать, да на работу вышла*. Ср.: *Мунисö мамыскöt куртны, да сё эз локтö*. (Ушли с матерью грести, и всё ещё не вернулись); *Мужик сайö ветліс, да эз удайтчы овны*. (Замужем она была, но жизнь не удалась).

4) Употребляется в конце сложноподчиненного предложения, выполняя функцию подчинительного союза: *Надо коровушку-то оставить, одна жила да; Не знаю, чё вам говорить ещё, всё высказала да*. Ср.: *А пишалсьö шуч съöрас нолйöтліс, вöрын олімö да*. (А ружьё всегда с собой носил, так как жили в лесу); *Жöниквас петі да, умöля ни менö видзисö*. (Когда вышла замуж, плохо со мной обращались).

На вопрос о том, какой язык заимствовал такое употребление из другого языка, нет окончательного ответа. В работах по морфологии пермских языков говорится о довольно лёгком заимствовании союзов в финно-угорские языки из языков, имеющих в тех же ареалах, в том числе из русского [Бубрих 1949, 190; Лыткин 1961, 82]. Б.А.Серебренников считает, что пермские языки заимствовали только сочинительные союзы, а союзы *а* в значении ‘между тем как’, *да* в значении ‘так как’, ‘потому что’, ‘когда’ и другие были исконными. Он отмечает, что «все исконные подчинительные союзы в пермских языках занимают конечное положение в предложении» [Серебренников 1989, 376]. Интересно, что и удмуртскому языку «свойственно

употребление сложноподчинённых предложений, построенных при помощи весьма распространённых союзов *бере, дыръя, шуыса*, которые располагаются в конце придаточного предложения: *Йырыд висе дыръя, больницас ветлы.* (Раз голова болит, сходи ты в больницу) [Основы финно-угорского языкознания 1976, 209]. В предложениях с однородными членами отмечается следующее: «Сочинительные союзы *и, а, да* в коми языке сопровождают то слово, после которого они стоят, то есть употребляются после каждой из сочиняемых единиц» [Бубрих 1949]: *Аски по синтём и, коктём и, ставыс должен локны.* (Завтра-де и слепой и хромой – все должны прийти). Эту же особенность отмечают исследователи коми-пермяцкой диалектной речи, говоря, что в некоторых говорах наблюдается неоднократное употребление союза *и* после однородных членов: *Порсьыслö и, мöсыслö и, куканьыслö и дöс колö* (И свинье, и корове, и телёнку всё надо).

Что касается русских говоров Пермского края, то в них постпозиция сочинительного союза (частицы) тоже представлена. Причём в этой позиции чаще встречается союз *да*, реже – *и, ли (ле)*: *У нас тут всё добром молодяк, старинных людей уж нету. Кругом молодые да, мужики да; Играл мячом да, шаром да; Чё-ко пляшошь да, играшь да, песни сказывашь да; И закроёшь тем да другим: мешками да, фуфайкима да. Преду и, вежу и; Возьмём где-то селёдку. Я на ночь соберу да в соль. Она хорошо будет: не солёна и, невдосоль и. Это ставишь сноп, с боков ешо по снопу. Это от будёт сем ли, восем ли снопов; Если хочешь сослужить панахиду ли, молебны ли, вот и плотишь.*

В русских народных говорах (по крайней мере, северных и с северной основой) синтаксические конструкции, в которых союз повторяется дважды: и до и после однородного члена предложения, довольно частотны. В качестве примеров можно привести статьи из разных диалектных словарей. В СРНГ, в статье на союз *да* приводится следующий оттенок: союз ставится при одном из однородных членов предложения дважды: и перед ним и после него: *Бабушка, ничего я не могу, головушка у меня болит, да болит да.* [СРНГ 1972, 254]. «Вершининский словарь» в статье на союз *да* в качестве 7-го значения приводит похожее толкование: в составе повторяющегося союза *да...да* при соединительном, перечислительном, присоединительном значении может употребляться и перед однородными членами предложения, и после них: *Вот часы потерял да други да* [ВС 1999, 86]. Несколько иначе подобные синтаксические конструкции трактует «Архангельский областной словарь». В статье на союз *да* указывается, что в сочетании с частицей *да* он может употребляться при однородных членах перед каждым из них. Между союзом *да* и предыдущим однородным членом – пауза. После последнего однородного члена

тесно примыкает к нему и заключает предложение или его часть частица *да*: *Шчас по многу не носят (рожают) – по одному да по два да. Они всё больше на свинарниках да на телятниках да* [АОС 1999, 170]. Составители Акчимского словаря находятся на сходных научных позициях. Авторы, к сожалению, не выделяют конструкции *да* + однородный член предложения + *да* в качестве особых и в связи с этим не отмечают, как составители «Архангельского областного словаря», отдельной функции союза *да* в сочетании с частицей *да*, но указывают присоединительную функцию союза *да* и постпозицию частицы *да* и приводят в качестве примеров предложения именно с такими сочетаниями: *Из них и половики делают, брюки да платья да; По-за городом тут деревни: Морчаны, да Романиха, да Талица да* [АС 1984, 223]. Встречаются подобные конструкции и в других пермских говорах, причём не только с союзом *да*, но и с союзами *и, ли*: *А сено-то же не давали косить, там насобирашь ношечку да там ношечку да; Отходы [от конопли] в воду замочат, кудели делают. А семья-то едим да на семена да; После-то уж стали коленокоровы белые [нижние юбки] шить да всякие. И бацае: кружева пришьёшь тоже как следует. Это в празднично време да где-ко на пиру да; В колхозе робили: пашу и, бороню и, молотю и, всё делаю: и кошу и, на молотилках мужсика заменяла; Они по грибы ле куды-то пошли, ле к вам ли пошли; Туды ле, сюды ле, ле улицей ли пошли. Синтаксические конструкции с начальным и конечным *да (и, ли)* являются семантически и интонационно цельными, то есть перед первым *да (и, ли)* есть пауза, второе *да (и, ли)* завершает предложение или перечислительный ряд. Как нам представляется, именно такое положение (возможность присоединения к одному из однородных членов предложения одного и того же союза (частицы) дважды: до и после однородного члена) стала основой для рождения устойчивых сочетаний данной структуры с местоимениями и наречиями.*

Более убедительной нам кажется характеристика служебных слов в данных сочетаниях, представленная в «Архангельском областном словаре» (в отличие от СРНГ, Вершининского словаря) [АОС 1999, 170]. По версии составителей словаря, первое служебное слово в сочетаниях – соединительный и присоединительный союз, а последнее – частица. Эта версия легко объясняет обязательность первого слова и факультативность третьего (в сочетаниях типа *да чё, ли чё* и др.), полное совпадение семантики полной и усеченной конструкций и употребление разных служебных слов в составе сочетаний (*да что дак, да чё ли* и др.). Кроме того, есть и другие подтверждения данной трактовки служебных слов в составе этих сочетаний.

СРНГ в статье на союз *да* отмечает ещё одну позицию соединительного и присоединительного союза *да*. Он ставится как в

начале, так и в конце второго из соединяемых предложений. *А ёны двоима с женой живут, да двое детей да* [СРНГ 1972, 255].

А.Б.Шапиро в своей работе «Очерки по синтаксису русских народных говоров» объясняет это так: «В северно-русских говорах встречается приём повторного употребления союза *да* в конце присоединяемого предложения. Поскольку присоединение второго предложения уже выражено первым союзом *да*, вторичное употребление его, по-видимому, служит для усиления и закрепления той связи, которая установлена союзом, стоящим между предложениями» [Шапиро 1953, 70]. Таким образом, по А.Б.Шапиро, второе *да* близко по своей функции к частице. Высказывание А.Б.Шапиро относится к сложным предложениям. На наш взгляд, и в простом предложении с однородными членами второе *да* больше похоже на частицу, чем на союз, так как ни соединения, ни присоединения в данном случае не происходит.

Существует и альтернативная гипотеза. Высказывается предположение, что русское *да* и *да* в коми языке исторически могли быть связаны между собой, так как слово *да* является ностратическим, первообразным. В работе В.М.Иллича-Свитыча «Опыт сравнения ностратических языков...» указывается несколько значений слова *да*, среди которых *да* – локативная частица и *да* – усилительная и соединительная частица. При этом отмечается, что в обоих случаях в некоторых языках частица *да* находилась в постпозиции к самостоятельным частям речи, употреблялась как энклитическая частица [Иллич-Свитыч 1971, 212-214]. Если принять эту точку зрения, то нужно отметить, что *да* в коми языке, как, впрочем, и в русском, – это исконный союз.

Таким образом, в решении вопроса об «автохтонности» конструкций с конечной скрепой нет однозначного ответа. Мы предполагаем, что данное синтаксическое явление возникло в результате лексико-синтаксического превращения присловного энклитического компонента в постпозитивный (стоящий в конце предикативной единицы) союз (частицу). Независимо от конечного решения проблемы ясно, что сходство синтаксических построений в северно-русских диалектах и пермских языках не случайно и можно говорить о том, что эта синтаксическая конструкция является яркой отличительной особенностью языкового союза, сформировавшегося в результате контактов русских и финно-угорских диалектов.

Можно привести ещё одно (правда, тоже косвенное) подтверждение нашей гипотезы. По мнению В.И.Собинниковой, в северно-русских говорах союз *да* используется чаще, чем в южных, причём его назначение в северно-русских говорах специфично [Собинникова 1958, 17; 1969, 17]. Тексты хрестоматии «Русские

народные говоры. Звучащая хрестоматия. Южнорусское наречие» целиком подтверждают это положение: в 51 тексте мы обнаружили только один случай употребления *да* в конце предложения, причём мы не уверены, что здесь *да* используется в той функции, которую отмечают словари для северных говоров. Скорее, в данном тексте союз *да* является соединительным препозитивным, только второй член из ряда однородных опущен, о чём свидетельствует пауза после союза, обозначенная в хрестоматии многоточием: «Патрем, патрепим йауо, разберем харашо, тадэ на үребинь...үребёнкую. Цэлый день сидиш полно дэ эвтгүэ пыли да...» (Из текста 3. «О конопле») [Русские народные говоры. Звучащая хрестоматия 1999, 23]. В Хрестоматии нет ни одного из приведённых в данной статье сочетаний. Ни одного текста с постпозитивным употреблением союза, частицы *да*, сочетаний типа *да чё да, ли чё ли* нет и в звучащей хрестоматии «Курские говоры» [Волкова, Праведников 1999].

Подводя итог всему вышесказанному, мы хотим подчеркнуть: сочетания типа *да чё да (да чё), ли чё ли (ли чё)* являются неотъемлемой чертой синтаксиса русской пермской диалектной речи (и не только пермской, как показывают словари, но и большого ареала, включающего территории Севера, Урала и Сибири), появление их – результат взаимодействия русских говоров с говорами финно-угорской группы. В составе исследуемых выражений начальный компонент по происхождению сочинительный, разделительный союз, а третий (если конструкция состоит из 3-х компонентов) – частица. Данные конструкции следует назвать устойчивыми. Эта устойчивость проявляется в стабильности структуры союз + вопрос. мест. (вопрос. нар.) + частица (союз), в массовой воспроизводимости и наличии общего значения, которое определяется одинаковой синтаксической позицией – концом предикативной единицы. В диалектных словарях подавать эти выражения лучше на союз (именно 1 и 3 компоненты более частотны: их, по сути, только три *да, и, ли*). В толковании обязательно учитывать обобщенное значение – ‘и (или) тому подобное’. Те конструкции, которые мы рассмотрели в данной работе, нельзя считать частицами, поскольку они, во-первых, выполняют функцию одного из однородных членов предложения, а во-вторых, частично сохраняют возможность к словоизменению: *да что да (Клопов-то раньше серой горючей выводили, а сейчас дустом да чем да; Вот нынче с бадогами да с чем бегают); ли какой (Мужики наденут рубаху белу ле какую, покромкой подвяжутся); или кто (Жили там монахи или кто. Прятались от царя или от кого).*

Список литературы

Архангельский областной словарь. Вып.10 / Под ред. О.Г.Гецовой. М., 1999.

Баталова Р.И. Коми-пермяцкая диалектология. М., 1975.

Бубрих Д.В. Грамматика литературного коми языка. Л., 1949.

Вершининский словарь. Т.2 / Главный ред. О.И.Блинова. Томск, 1999.

Вершининский словарь. Т.3 / Главный ред. О.И.Блинова. Томск, 2000.

Волкова Н.А., Праведников С.П. Курские говоры. Звучащая хрестоматия. Часть 1. Курск-Бохум.

Голубева Н.Л. Некоторые особенности синтаксиса слободских говоров // Актуальные проблемы русской диалектологии: Тезисы докладов Международной конференции 23-25 октября 2006 г. – М.: Институт русского языка им. В.В.Виноградова РАН, 2006. С.46-48.

Иллич-Свитыч В.М. Опыт сравнения ностратических языков. Введение. Сравнительный словарь (В-К). М., 1971.

Коми-пермяцко-русский словарь. М., 1985.

Лыткин В.И. Коми-язьвинский диалект. М., 1961.

Майтинская К.Е. Местоимения в языках разных систем. М., 1969.

Михеева М.С. Русский старожильческий говор с.Серёгова Железнодорожного района Коми АССР. Дис. ... канд. филол. наук. М., 1960.

Мошкина Е.Н. Вятские говоры. Звучащая хрестоматия. Вятка-Бохум, 1999.

Областной словарь вятских говоров: Вып. 3. / Под ред. В.Г.Долгушева и З.В.Сметаниной. Киров, 2004.

Основы финно-угорского языкознания. Марийские, пермские и угорские языки. М., 1976.

Русские народные говоры. Звучащая хрестоматия. Южнорусское наречие. М, 1999.

Сергеенко Э.С. Русский говор посёлка Ньючим Сыктывдинского района Коми АССР. Дис. ... канд. филол. наук. Сыктывкар, 1968.

Серебренников В.А. и др. Финно-волжская языковая общность. М., 1989.

Собинникова В.И. Конструкции с однородными членами, лексическим тождеством и параллелизмом в народных говорах. Воронеж, 1969.

Собинникова В.И. Строение сложного предложения в народных говорах (по материалам говоров Гремячинского района Воронежской области). Воронеж, 1958.

Словарь говора д.Акчим Красновишерского района Пермской области. Вып. 1-2. Пермь, 1984, 1990.

- Словарь пермских говоров. Вып. 1-2. Пермь, 2000, 2002.
Словарь русских говоров Новосибирской области. Новосибирск, 1979.
Словарь русских говоров Среднего Урала. Т.2. Свердловск, 1971.
Словарь русских народных говоров. Вып. 7. Л., 1972.
Словарь русских народных говоров. Вып. 12. Л., 1977.
Словарь русских народных говоров. Вып. 17. Л., 1981.
Словарь русских старожильческих говоров средней части бассейна реки Оби. Томск, 1975.
Словарь русского языка. В 4-х т. Т.1. / Под ред. А.П.Евгеньевой. М., 1981.
Словарь русского языка. В 4-х т. Т.3. / Под ред. А.П.Евгеньевой. М., 1984.
Шатило А.Б. Очерки по синтаксису русских народных говоров. М., 1953.

ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

- АС – Словарь говора д. Акчим Красновишерского района Пермской области
АОС – Архангельский областной словарь
ВС – Вершининский словарь
КПРС – Коми-пермяцко-русский словарь
ОСВГ – Областной словарь вятских говоров.
СПГ – Словарь пермских говоров
СРНГ – Словарь русских народных говоров
СРЯ – Словарь русского языка
СРГНО – Словарь русских говоров Новосибирской области
СРСГРО – Словарь русских старожильческих говоров средней части бассейна реки Оби
СРГСУ – Словарь русских говоров Среднего Урала

Собирательные существительные, называющие детей, в пермских говорах^{}**

Ю.В. Зверева

В пермских говорах представлено большое количество существительных, называющих детей. Это существительные, указывающие на возраст ребенка: *безгодки, малолет, малоросток*; на

^{**} Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ (проекты № 07-04-82409 а/У), АВЦП «Развитие потенциала высшей школы» (проект РНП.1.3.2.3440).

положение в семье: *последыш, осталец, приведенец, приёмыш*; характеризующие поведение детей (эта группа самая большая по количеству): *базлан, балеза, балун, визга, няра, плаксун, слоногуз* и другие; обстоятельства появления на свет: *выблюдок, выпороток, изверодок, мирон, нагуляш, найданыш, пригульш, прижиток, чурка*. В говорах Пермского края также отмечается большое количество собирательных существительных, называющих детей; часть из них зафиксирована в СРНГ, другие встречаются только в пермских говорах. Настоящее исследование основано на данных картотеки «Словаря чердынских говоров» материалах «Словаря русских говоров Коми-Пермяцкого округа», «Словаря говора деревни Акчим Пермской области» и «Словаря пермских говоров».

Большинство собирательных существительных, называющих детей, возникает путем метафорического переноса, например: *гнус, планида, саранча*. Интересно, что слова *гнус, номёр, саранча*, кроме собирательного обозначения маленьких детей, имеют в говорах первое, прямое значение ‘летающие насекомые’.

В картотеке Чердынского словаря (КЧС) слово *гнус* встречается в трех значениях: 1. ‘летающие жалящие насекомые’ (*Гнус – это комары, мухи, которые кусаются*. Редикор, Черд.); 2. ‘обобщающее название мелких животных и насекомых, причиняющих вред человеку и его хозяйству’ (*Мыши, тараканы ли, клоп бегаёт – дак гнус зовёшь*. Камгорт, Черд.); 3. ‘дети до двенадцати лет’ (*Ребят-то расплодилось, какой гнус. Полна изба*. Мартино, Краснов.; *Гнус, сарынь, орда – [дети – Ю.З.] до 12 лет*. Сыпучи, Краснов.). В «Словаре говора д. Акчим» слово *гнус* имеет пять значений, два первых совпадают со значениями, которые есть в КЧС, три последних называют детей: 1. ‘о грязном, неопрятном человеке, обычно ребенке’ (*Гнус – ругают сопливого ребёнка*); 2. ‘бран. обычно применительно к шалящим детям’ (*Гнусами робьят называм – всячески ухаюют дьк*); 3. ‘собр. о детях от двух до шести лет’ (*Круг меня наголо ребята, хватат их, гнуса*) [Акчим, 1, 206-207].

Слово *гнус* существует во всех славянских языках, но в них оно утрачивает первое значение ‘летающие жалящие насекомые’ и приобретает другое, переносное. Это переносное значение существовало и в древнерусском языке: *гнус* ‘мерзость’, а также ‘грязь’, ‘нечистота’ [Черных, 1, 196]. Сохранилось оно и в современном литературном языке в словах *гнусный, гнушаться, гнусность*. Так, в чешском *hnus* ‘отвращение, омерзение’, в польском *gnusny* ‘ленивый, подлый’. В этимологическом словаре П.Я. Черных слово соотносится с др.-исл. *gna* – ‘вредные насекомые, паразиты’. Старшее значение слова ‘нечто растертое’ > ‘размельченное’ > ‘мелкое, маленькое’ [Черных, 1, 196]. Таким образом, в слове *гнус* со значением ‘дети до

двенадцати лет' проявляется исходная семантика 'нечто мелкое, маленькое'. Сходное значение наблюдается в словах *малоросье, мальё, мелочь, мелюзга*, которые также обозначают маленьких детей. Кроме того, в слове *гнус* с этим значением присутствует семантика 'нечто, вызывающее отвращение, неодобрение', поскольку в говорах слово обозначает не только детей определенного возраста, но также неопрятных и шалящих детей.

Для собирательного обозначения детей используется также слово *саранча́* (*Мелочь-то ишо есь – это уж иначе, треттэ назване – саранча*. Пянтег, Черд.). Это значение слова также возникло в результате переноса и распространено не только в пермских говорах, о чем свидетельствуют материалы СРНГ. Первое значение слова *саранча́* 'стадное насекомое, похожее на кузнечика, перелетающее часто огромными массами и уничтожающее растительность и посевы' [Черных, 2, 140]. По данным исследователей, этого слова не было в древнерусском языке, оно появляется только в XVII веке и является заимствованием из тюркских языков. В современных тюркских языках для обозначения этого насекомого используется другое слово, в древнетюркских же диалектах существовало, по-видимому, иносказательное наименование саранчи как желтого или желтоватого насекомого. Ср.: турец. *sarica* (произносится сарыджа) – 'желтоватый', а также 'оса' и 'чижик' (от *sari*, ст.-тюрк. *saryu* – 'желтый, рыжий') [там же].

Значение 'маленькие дети' возникло путем метафорического переноса. В основу сравнения легли такие качества насекомого, как многочисленность и прожорливость. Не исключено также, что появление этого значения связано с созвучием слов *саранча* и *сарынь*, одно из значений последнего в русских говорах также множество детей. В пермских говорах слово *сарынь* имеет значение 'дети семи-двенадцати лет' (*Купишь конфет, так сарынь всё и повытаскает*. Вильва, Солик.; *Сарынь – дети маленькие, ещё в школу не ходят*. Вильва, Солик.; *Сарынь – ребята-то, мелюзга, пакостники, которы к делу не пристанут*. Говорливое, Краснов.; *Гнус, сарынь, орда, до 12 лет*. Сыпучи, Краснов.). Значение слова *сарынь* неясно; по мнению М. Фасмера, слово связано с древнерусским *сара, сар* – 'матрос' [Фасмер, 3, 564].

В русских говорах Соликамского, Чердынского и Юрлинского районов значение 'маленькие дети' есть у слова *но́мырь* (вариант – *но́мор*) из коми-пермяцкого *но́мыр* – 'червь, червяк, черви' (*Номырь полно бегают*. Пож, Юрл.; *Булочек настряпаю на номору, дак они едят, волочат*. Редикор, Черд.). Слово *номырь* заимствовано русским языком в двух значениях: 'скопление мелких насекомых' (*Мухи и пауты называются номор*. Илаб, Солик.) и в переносном значении –

‘выводок, множество детей’ [КПРС, 277]. Первое значение коми-пермяцкого слова *но́мыр* – ‘червь, червяк, черви’ зафиксировано и в коми языке и восходит к общепермскому **nomir* – ‘червь, личинка насекомых’ [КЭСНЯ, 194].

В пермских говорах функционирует слово *но́рос*, которое имеет два значения: 1. ‘лягушечья икра’ (*У налима икра, только у лягушки норос; Лягушечий норос – это икра, где выводятся головастики, потом лягушки.* Акчим, Краснов.); 2. ‘мелочь (о детях)’ (*Вы чего, норос, раздурелись? Чужья, Юрл.; Детей называют ещё норос, норосьё, норосята.* Елога, Юрл. [СРГКПО, 164]). В русском литературном языке существует слово *нерест* – ‘метание икры самками и одновременное оплодотворение ее самцами’. Корень с этим значением встречается в славянских и балтийских языках (укр. *нерест*, блр. *нераст*, словен. *mrest*; лит. *ner̃štas* – ‘нерест’, латыш. *nārsts* – ‘нерест’), и восходит к индоевропейскому **nerst̥*, **norst̥*. В этимологическом словаре П.Я.Черных представлены две точки зрения на исходную семантику слова, в зависимости от определения корня. Если индоевропейским корнем считать **ners*, то может быть сюда относится осетин. *нърсын* – ‘расширяться, разбухать’. Вторая версия происхождения связана с корнем **nert-t-*, с суффиксом *-t-*, добавленным на балтийско-славянской почве, с последующей диссимиляцией *tt > st*. Тогда балтийско-славянское наименование нереста можно было бы возвести к индоевропейской базе **ner(t)* – ‘жизненная сила’ [Черных, 1, 570]. Значение ‘детвора’ возникло у слова *норос* путем семантического расщепления: ‘метание икры’ > ‘потомство’ > ‘дети’.

Значение ‘маленькие дети’ в пермских говорах имеет и слово *плани́да* (*Планида – маленькие ребята, всех маленьких называют. У них, говорит, планиды-то полная изба.* Пянтег, Черд.; *Вот планиды-то скоко! Тресь её побери! Планида-то – когда ребят много.* Дуброва, Солик.). В современном русском литературном языке слово бытует в форме *планета* – ‘небесное тело, вращающееся вокруг Солнца и светящееся отраженным солнечным светом’. Слово заимствовано из греческого языка (*πλανήτης αστήρ* – ‘странствующая (изменяющая место стояния) звезда’) [Черных, 2, 38] и в форме *плани́да* существовало в древнерусском языке, в современном же варианте употребляется с Петровского времени [там же]. В СРНГ у слова *плани́да* фиксируется несколько значений, в том числе и собирательное обозначение детей. В русских говорах слово *плани́да* имеет значения: 1. ‘планета’; 2. ‘комета’; 3. ‘сильный дождь, ветер, гроза и т.п., вызывающее бедствие’; ‘несчастье, бедствие’, 4. ‘многодетная семья’; ‘дети, детвора’ [СРНГ, 27, 80-81]. Можно предположить, что значение ‘маленькие дети’ возникло путем такого семантического

преобразования: 'небесное тело' > 'погодные явления, вызывающие бедствия' > 'несчастья, бедствия' > 'непослушные дети' > 'дети'. В пользу этого предположения говорит и то, что в пермских говорах слово *планида* означает также непослушных детей (*Только это обзывает, вот планида-де, о ребятах*. Пянтег, Черд.; *Планида – орда, ребята мелкие... Окаянные угланки, угланы, планиды – одно и то же*. Пянтег, Черд.).

В пермских говорах, как и в других, для собирательного названия детей используются многозначные слова *орда́* и *руно́*. Слово *орда́* в северных пермских говорах имеет значения: 1. 'большое количество людей' (*У нас ходят народ-от спать, орда какие!* Малые Долды, Черд.; *Екая орда ишо наехала*. Марино, Краснов.); 2. 'детвора' (*Орда. Мелкие наскочут в лодку*. Большие Долды, Черд.; *Гаврики – ну это мелкая орда. Ну это мелкие ребята, их много. Ну побежали мелкая орда, гаврики*. Пянтег, Черд.); 3. 'непослушные дети' (*Будете с ордой грешить. Орда – ребята непослушные [разговор о профессии учителя]*. Редикор, Черд.; *Чё вам надо, орда, бесёнки*. Покча, Черд.; *Иные ругают ребёнка, обменёнок ты, проклятой, некрещёные рожки, орда вы некрещёная, досадят вот орда-то*. Камгорт, Черд.); 4. 'многодетная семья' (*Детей много, говорят: «Орда, вот орда у меня полна изба»*. Сыпучи, Краснов.). Эти значения слова *орда́* фиксируются и в СРНГ, они образованы путем семантического расщепления второго значения слова *орда́* – 'беспорядочная, неорганизованная толпа, скопище людей'. Само слово давно вошло в русский язык (известно с XIII века) в значении 'Золотая орда', это значение сохраняется и в современном языке. Слово заимствовано из тюркских языков, где имеет различные варианты и неодинаковые значения: каракалп. *орда* – 'ханская ставка', 'юрта знатного лица'; казах. *орда* 'ханская ставка', 'центр', 'очаг'; каз.-тат. *урда* – ист. 'орда'; кирг. *ордо* – 'ханская ставка', 'ханский дворец', 'богатая юрта'; турец. *ordu* – 'войско', 'армия'; якут. *орду* – 'становище', 'пристанище' [Черных, 1, 603].

В говорах Пермского края существуют слова-омонимы *руно́*¹ 'льняная нить' (*Изгребн, когда лён-от отреплют, первое руно снимали со льна*. Илаб, Солик.) и многозначное *руно́*², значения которого объединены общей семьей 'множество чего-либо, кого-либо'. Второе слово имеет такие значения: 1. 'стая, косяк (о рыбе)' (*Рыба, она табуном ходит, руном и живёт; скоко икры выидет, вся мелочь вырастет*. Вильва, Солик.); 2. 'рой (о пчелах)' (*Вылетит, дак руно летит их*. Губдор, Краснов.); 3. 'толпа' (*А ходили-то все руном*. Ольховка, Чайк.); 4. 'много детей' (*Надо ведь руно-то этако кормить, угланов-то семеро ведь их, подумать страшно*. Черд.; *У меня людно внуков, дак я руно и зову челядёнки да челядь*. Черд.). Два омонима имеют разные этимологические связи, по мнению М. Фасмера второе

слово родственно латыш. *raĩnas laiks* – ‘время течки (у кошек)’, *rūte* – ‘течка (у собак)’ [Фасмер, 3, 518].

Значение ‘множество кого-либо’ (в том числе детей) передает и зафиксированное в говорах Пермского края слово *шерёда* (*щерёда*). Слово имеет такие значения: 1. ‘множество кого-либо’ (*У меня целая шерёда мальцов-то была*. Сарс, Окт.); 2. собир. ‘молодежь’ (*Откудов шерёда приехала – так мы молодёжь называли*. Ерзовка. Част.); 3. ‘детвора’ (*Шерёда – это мелкие дети, вон сколько у его шерёды-то, дети нетрудоспособные*. Пянтег, Черд.; *Шарёда называют, ну вот много ребят мелких, шарёда ты. Всех вместе*. Вёлгур, Краснов.; *Не дают дозреть-то, всё молочко выносят, угланы, шерёда есь. Они ведь никого не боятся*. Черд.; *Замуж вышла, да и шерёда пошла*. Камгорт, Черд.; *Шерёда у неё всегда голопузая бегала*. Вильгорт, Черд.). Происхождение слова неясно.

Для собирательного обозначения детей используется также слово *челядь* (*У меня людно внуков, да я и зову челядёнки да челедь*. Черд.; *Залетали челядь, тут людно, мелкая угланы-то. Смучилась с челядью-то, мелкота-та бегают да*. Нюзим; Черд.; *Челядь, орда ребят зовём*. Нюзим, Черд.; *Шерёда, у нас бегают углашки мелкие, их называют шерёдой, челядь да*. Черд.). Причем литературное значение ‘прислуга в помещицьем доме’ у слова в говорах отсутствует. Слово существует во всех славянских языках: укр. *челядь*, блр. *чэлядзь*; болг. *челяд* – ‘потомство’, ‘род’, ‘дети’; чеш. *čeled’* – ‘прислуга’, также биол. ‘семейство’, словац. *čel’ad’* – ‘прислуга’, ‘люди’, также ‘семейство’, ‘раса’, ‘молодежь’, польск. *czeladz* – ‘слуги и домочадцы’ [Черных, 2, 378-379]. В общеславянской основе **čeljadь* исследователи выделяют корень **čel-* и суффикс *-jad-ь*, возводя к индоевропейскому корню **kuel* – ‘толпа’, ‘стая’, ‘клан’. В этимологическом словаре П.Я. Черных выдвигается предположение, что исходное значение **čeljadь* – ‘дом’ (в смысле люди, составляющие нечто цельное, единое, ‘семья’). Таким образом, расщепление семантики привело к появлению двух основных значений, существующих в современных славянских языках: 1. ‘прислуга’, 2. ‘дети’ [там же]. Можно предположить, что изначально в древнерусском языке слово *челядь* обозначало не только ‘рабов’, ‘невольников’, ‘слуг’ [Черных, 2, 378-379], но также и детей, и это значение сохранилось в говорах. Интересно, что в этом значении слово из русских говоров было заимствовано в коми-пермяцкий язык: *челядь* – ‘потомство, дети’, ‘детский’; *челядясьны* ‘рожать’, ‘родить’; *челядясьём* – ‘роды’ [КПРС, 530].

Часто для собирательного обозначения детей в говорах используются слова *малоросье* (*Малороссия, ребята в школу не ходят, сколько малоросии стоят*. Покча, Черд.; *Малоросье – малыши, недоростки*. Редикор, Черд.; *Не знаю, сколько поставили, поди*

трудодень-то не запишут, ведь малоросье. Купчик, Черд.), **мальё** (*У нас в деревне много мальья-то, робят-то разных. Бегают весь день.* Ефремы. Солик.), **мёлочь** (*Дожджа колды не было, купались мелочь да и взрослые.* Редикор, Черд.), **мелюзга́** (варианты: **мелгуза́**, **мелкуза**, **мелозга́**) (*Мелгуза – ребята маленькие.* Велгур, Краснов.; *Ходят мелкуза, рвут в огороде, сыронята.* Велгур, Краснов.; *Собралися мелозга семи годов да зажгали на повите; с того дому-то на наш пламё выбросило.* Володино, Солик.), которые объединены общей семей 'нечто маленькое'.

Часть собирательных существительных, обозначающих детей, образуется с помощью суффикса *-j-*: **болбаньё** (*Бабушка, давай поедем на Сосновец. – Куды я поеду от болбанья такого?* Акчим, Краснов.), **малоросье**, **мальё**, **норосьё** (*Детей называют ещё норос, норосьё, норосята.* Елога, Юрл.), **шишковьё** (*Учили нас играть, а мы чё, шишковьё, лет по десять, совсем малы шио были.* Усть-Зула, Юрл.), **угланьё** (*В дом-то этот всё угланьё бегало, робята да девки всё туды бегут.* Ефремы. Солик.). Слова **болбаньё** и **угланьё** образованы соответственно от *болба́н* 'мальчик, который поступает неразумно' (*Болбаном называла она рёбят. Вот де болбан какой [о мальчике].* Пянтег, Черд.) и *угла́н* 1. 'шалящий, проказничающий ребенок' (*А нынче от эте годы-те угланы-те бегают дак. Оне вредят конечно.* Усть-Уролка, Черд.); 2. 'ребенок' (*У меня вот мужика-то взяли. Осталось у меня пятеро угланов.* Бигичи, Черд.). Существительное **шишковьё** можно считать окказиональным словоупотреблением, слово **норосьё** образовано от *норос*, одно из значений которого (как уже было упомянуто) – 'детвора'.

Таким образом, собирательные существительные, обозначающие детей, образованы путем метафорического переноса (*гну́с*, *планида*, *саранча*); расхождения значений (*орда*, *руно*); а также аффиксации (прибавлением суффикса *-j-*: **малоросье**, **мальё**, **норосьё**, **угланьё**). Чаще всего значение 'дети, детвора' может возникнуть у слов, включающих семы: 'множество', 'нечто небольшое, маленькое', 'нечто, приносящее ущерб'. Слова, обозначающие множество детей, нередко обладают отрицательной эмоциональной окраской. В лексике отразилось мировоззрение крестьян, которые жили бедно и трудно, но в то же время имели большие семьи, и маленькие дети, еще неспособные к тяжелому крестьянскому труду, воспринимались как лишние рты.

С точки зрения происхождения, большинство этих слов собственно русские; заимствования из тюркских языков (*орда*, *саранча*) являются достаточно ранними и не ощущаются носителями языка как иноязычные. Одна из особенностей лексики пермских

говоров – наличие заимствований из коми-пермяцкого языка. Материал исследования содержит одно такое слово – *номор*.

Список литературы

Коми-пермяцко-русский словарь/ Сост. Р.М. Баталова, А.С. Кривошекова-Гантман. – М., 1985.

Лыткин В.И., Гуляев Е.С. Краткий этимологический словарь коми языка. М. 1970.

Словарь говора д. Акчим Красновишерского района Пермской области (Акчимский словарь). Пермь, 1984-2003. Вып.1-5.

Словарь пермских говоров: В 2т. Пермь, 2000.

Словарь русских говоров Коми-Пермяцкого округа. Пермь. 2006.

Словарь русских народных говоров. Л., СПб., 1984-2006. Вып. 1-40.

Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: В 4т. М., 1964-1973.

Черных П.Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка: В 2 т. М., 1994

Список сокращений

Акчим. сл. – Словарь говора д. Акчим Красновишерского района Пермской области (Акчимский словарь). Пермь, 1984-2003. Вып.1-5.

КПРС – Коми-пермяцко-русский словарь/ Сост. Р.М. Баталова, А.С. Кривошекова-Гантман. – М., 1985.

Краснов. – Красновишерский район Пермского края.

КЭСКЯ – Лыткин В.И., Гуляев Е.С. Краткий этимологический словарь коми языка. М. 1970.

Окт. – Октябрьский район Пермского края.

СРГКПО – Словарь русских говоров Коми-Пермяцкого округа. Пермь. 2006.

Солик. – Соликамский район Пермского края.

СРНГ – Словарь русских народных говоров. Л., СПб., 1984-2006. Вып. 1-40.

Фасмер – Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: В 4т. М., 1964-1973.

Черд. – Чердынский район Пермского края.

Чайк. – Чайковский район Пермского края.

Част. – Частинский район Пермского края.

Черных – Черных П.Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка: В 2 т. М., 1994

Юрл. – Юрлинский район Пермского края.

Образцы говора п. Керчевский Чердынского района Пермского края*

Л.С. Рассанова, И.И. Русинова

Данные образцы говора были сделаны в 2007 г. в экспедиции по сбору материалов для и «Словаря чердынских говоров» и «Лексического атласа русских народных говоров». Публикуемые фрагменты отражают духовную культуру жителей севера Пермского края и дают представление о языковых чертах данного говора.

Тексты записаны И.И. Русиновой.

Расшифровка записей производилась Л.С. Рассановой, И.И. Русиновой.

Комментарии составлены И.И. Русиновой.

Клавдия Спиридоновна Нижегородова 1922 г.р.

Гадание

1. На ростан'и-т'е ход'ил'и у на́з д'эф'к'и-т'е дак, о-о-ой. Зна́ч'ит, та́г доро́г'и, та́г доро́г'и, в'ез'д'е. На э́т'е доро́г'и посла́л'и ста́рше м'ен'а́ д'эф'к'и, посла́л'и, зна́ч'ит, ко́жу, ко́жу посла́л'и коро́в'и́у, коро́в'и́у ко́жу. Ийо́ опч'ерт'ил'и о́жогом, э́то, кото́рым м'еша́ют п'еч'ку в ба́н'е, о́жогом, а хво́ст-от за́был'и опч'ерт'и́ть-то, хво́ст-от, хво́ст-от за́был'и опч'ерт'и́ть-то. С'ёл'и на э́ту ко́жу, за́крыл'ис'а и с'ид'а́т, гд'е, гд'е, в ко́кой сторо́н'е загада́л'и, в ко́кой сторо́н'е колоко́л'ч'иг за́бр'а́кат, и с'ид'а́т, пожа́луста. А у на́с под го́ру на р'ич'ку-ту, э́то э́д' з'имо́й ко́н'ей гон'а́л'и на р'ич'ку пои́т', доро́га была́, то по во́ду пойё́дуд дл'а́ э́той, дл'а́ колхо́зных тел'а́т. И зна́ч'ит, он'е́ с'ид'а́т-пос'и́жива́ют, жд'у́д, д'е колоко́л'ч'иг за́бр'а́кат, а и́у за хво́ст-от и пот'е́ну́л'и в прору́п на р'ич'ку.

[Кто?] Б'ис'и, да, кто́ там их т'е́ну́л, б'ис'и-т'е пот'е́ну́л'и ко́жу-ту. Он'е́ [девушки] н'е опч'ерт'ил'и хво́ст-от, он'е́ [черти] за хво́с-то их и пот'е́ну́л'и. А ровно́ он'е́ с'ид'а́д, жд'у́т, ко́гда колоко́л'ч'ик'и за́бр'а́кал'и, а мо́жот, та́м фс'а́ко уш ч'ерт'и-т'е каза́л'и, бр'а́кал'и. И фс'о́, их так и уг'е́ну́л'и.

[Их так и утяну́ли в прору́бь?] Йёсл'и бы ту́т н'е исто́пано бы́ло, и́у бы пр'а́мо в прору́п и за́г'е́ну́ли, а то́ ту́то он'е́ пот'е́ну́л'и, а ту́т

* Работа выполнена при финансовой поддержке гранта РГНФ № 06-04-82406 а/У, гранта РГНФ № 07-04-82409 а/У, АВЦП «Развитие научного потенциала высшей школы» РНП.2.1.3.3440

ко́жа-та ос'эла, он'э, он'э и вы́пали из закры́т'ийа-то. Поглед'ил'и, а ту́т прору́п, ой, ка́г заора́л'и да фс'о оста́в'ил'и и уб'ежа́л'и домо́й.

2. В йа́ич'ко, йа́ич'ко в стока́н, в во́ду нал'ива́л'и йа́ич'ко, то́ко, то́ко бело́к, дак во́т та́м выпáдывало. А во́т у м'ен'а мла́тший бра́т с два́цет' вос'мо́ва го́да, с'ид'ил'и он'э на э́том, пото́м с тр'я́цет'я тр'я́т'т'ева ишо́ мла́тший бы́л э́тот ма́л'ч'ик, с'ид'эл'и, ма́ма с'ид'эла, пр'ála.

– Ма́ма, на́м да́й ийч'ко.

– Зач'ём?

– Мы́ поворо́жым, ну-ко.

Она́ гы́т: «Да малы́ ишо́, ч'о ва́м нич'о́ н'е выпáд'ет». Ну он'э, э́то, нал'ил'и в стока́н в э́тот н'е гра́н'о́ный, штобы́ ч'и́стый. На́л'ил'и, зна́ч'ит, йа́ич'ко. «У-у, нич'о́ н'е выпáдыват на́м, одн'э боломо́лоч'к'и та́м как'и́-то», – гр'йт. Да, а Са́шка-т, ма́л'ен'кой-от, гр'йт (Л'о́н'ей э́т' зва́л'и бол'шо́ва-то): «Пойд'о́м, Л'о́н'а, в го́лб'ец, та́м на́м, э́то, ма́ма, нав'ерно́, на́м меша́эт, то и не выпáдыват, ч'э́рт'и-т'е, – гы́т, – бойа́тца ийо́». И ушл'и, ушл'и, и Са́шка-та вы́бежал фпер'от и гр'йт: «Ой, ма́ма, Л'о́н'е-то гро́п вы́пал – мо́г'ила, Л'о́н'е-то, – гы́т, – мо́г'ила вы́пала». И о́н вос'емна́цет'и годо́ф у́м'ер.

[А что́ с ним случи́лось?] А колдуны́, э́тто э́т' колдуны́. И во́т в В'эрхн'ем Ша́кшер'е, та́м в дал'о́кой д'ер'эв'н'е, бы́л колду́н, Ст'опáн зва́л'и иво́. Он на́м ишо́ родна́. Мойа́ с'естр'а́нка, и хр'осна́ она́ мн'э, за им жы́ла, у йе́й н'э было́ ма́т'ер'и-то, за иво́, за колдуна́, вы́дал'и ийо́, он'э ийо́, ийо́ и науч'ил'и, и во́т о́н йему́ в гру́т'. Он'э встр'я́т'ил'ис'а на лоше́д'э. Он [колду́н] на жер'епце́ бы́л, а на́ш Л'о́н'а, Л'о́н'а-та йе́хал на тако́й, на престо́й лоше́д'э, а то́т на жер'епце́ йе́хал. И он'э сцеп'ил'ис'а во́вр'ем'е-то, он вы́скочил, гр'йт: «Ч'о́ не отво́рач'иваш?!» И ткну́л иво́ в гру́т' и закры́л йему́ моч'у. Он не моч'и́тца, не оправл'а́тца не замо́г дв'ена́цет' д'н'ей. Од'ина́цет' д'н'ей прол'ежа́л, на дв'ена́цетый у́м'ер. Он см'ерт'е́л'но поса́д'ил дак, н'ич'о́ н'е з'д'элаш, от ра́к'и-т'е ны́н'ч'е, от э́то ра́к'и и йе́с'. Н'е вы́л'еч'иш по ба́пкам, йе́сл'и см'ерт'е́л'но поса́д'ил, н'ич'о́ не з'д'элаш.

Колдовство

1. З'д'эс' н'иково́, врóд'е, н'е пр'ив'азывал'и. Вот Ст'епа́на-то пр'ив'азывал'и. Хр'осна-то мойа́, э́та с'естр'а́нка-то за им жы́ла в на́шей д'ер'эв'н'е. Он к т'о́бше-то йе́з'д'ил, к ма́т'ер'е-то, в го́с'т'и-т'е к им йе́з'д'ил, то́ко она́ н'е родна́я у и́у была́, ма́т'-то ум'ерла́ у ийо́, хр'осной-то. И во́т то вр'ем'е у на́с стар'и́к в д'ер'эвн'е бы́л, Ко́с'т'а, о́н фс'эх пр'ив'ажот, с'о́ ум'эл. Да о́н иво́ с'о́ вр'ем'е пр'ив'азывал, э́тово Ст'епа́на. Одна́жды пр'и мн'е, во́т уш йа́ зна́йу уш, при́йе́хал э́тот, Ст'о́пан, зна́ч'ит. У на́с ма́ла д'ер'эвн'а была́ дак, како́й пра́з'н'ик, фс'э

вм'ес'т'е соб'ирайутца мужык'и, к томú схóд'ат, г другóму, вот тák. Вóтк'и н'е было нич'о, однó п'иво п'ил'и и ход'ил'и-от. Пр'ишл'и к этой, к т'óтк'е Зóйе, а она н'е в'ёр'ила, хóт' она н'е роднáйа была, э́та хр'óсна йéй, она н'е в'ёр'ила, штó Ст'епáн – колдún. Пр'ишл'и к ййм, знáч'ит, она постáв'ила на стóл, знáч'ит, п'иво пр'ин'есла, посад'ила, мужык'и с'ёл'и, а Кóс'т'а пр'ив'езáл йёвó [Степана]. У скот'ин в д'ер'ёвн'е такаá д'ер'ев'анна кáтца бы́ла, лохán' звáли, э́то вот тудá помóи сл'ивáл'и дл'а скотá. И вóт э́тот Кóс'т'а и говр'ит:

– Зóйа! (Зóйа ийó звáл'и)

– Ч'о?

– Ид'и-ко с'удá.

Она пр'ишла. «Гл'ед'и ты, з'áт'-от, н'е в'ёр'иш дак, з'áт'-от, ид'и да корм'и йёвó, гл'ед'и-ко, в лохán'и глóжот э́тот, край, да у лохán'и, – гр'ит, – край, гл'ед'и, глóжот посад'и йёвó за стóл-от, ты э́т' не в'ёр'иш».

[И что? Он так и сидел у лохани?] Он отв'езáл, Кóс'т'а-то, йёвó отв'езáл. Он соскоч'ил и домóй в д'ер'ёвн'у уб'ежáл ф' своейú – Шáкшор, за д'ес'ет' к'илóм'етроф.

А тóт из д'ер'ёвн'и из другóй к н'йм пр'ишóл мужык, тóжо колдún был. А рáн'ше у ййу д'ёвоч'ка у йёвó была, Тáс'а. Убóрных рáн'ше н'е было в д'ер'ёвн'е, он'э ход'ил'и ф' крыл'цо, ис крыл'цá в úгол туды, в úголóк, закрывáлос'а фс'о. И вóт он йёвó пр'ив'езáл, угадáйт'е, вóт э́то з'имой г' говнó Тáс'ину. Изд'евáлс'а над фс'ем'и, но йёвó н'иктó н'е мóк испóрт'ит, н'иктó н'е мóк.

2. У нáс однá жén'шына бы́ла колдún'яа. Дак она ум'ерлá. Ум'ирáт' стáла и говр'ит: «Йá н'е гр'ешнá н'иковó н'е испóрт'ила, н'иковó н'е нарушы́ла. Вот. Йá, гр'ит, колдún'яа, у м'ен'á ч'ёрт'и йес', бы́л'и, и йá, говр'ит, их рабóтат' заставл'áла». Он'э прóс'ат рабóту, йес'л'е н'е пóрт'иш дак. «Йá, гр'ит, пойду на пос'óлок-от, на К'ёрч'ево пойду з' д'ер'ёвн'и, на с'еновáл пос'т'ел'у тр'áпку, пóлок, рассыпл'у з'ернá м'ешóк и фс'ó. Соб'ер'ит'е. Пр'иду, покá хожу, пр'иду, он'э собрал'и уш' óбрáтно в м'ешóк мн'э з'óрньшко. Им, гр'ит, н'екогда прóс'ит'-го, штóбы пóрт'ила. Йá, – гр'ит, – н'иковó н'е пóрт'ила». Она с'умоч'ку нá руку и пойэхала, пошла, н'иковó н'е зад'ела, н'е испóрт'ила.

[А если не дать чертям работу?] Н'е дáт' ч'ерт'ám рабóту, он'э прóс'ат, прóс'ат пóрт'ит'. [Что за черти?] У ковó как покáжутца. Йá з'д'ес'о жы́ла, пошла по хл'ёп. Пóзно пр'ишла с рабóты, туды-с'уды, покá порос'áт накорм'ила, козу упрáв'ила, пошла погл'ед'ела – хл'ёба-то н'ёт. Мужык с рабóты пр'ид'ót – хл'ёба н'ёт. Поб'ежáла в магаз'ин за хл'ёбом, б'ежу за хл'ёбом-то по тотáрам, у нáс, э́то, тотáры бы́л'и тóжо хорóшы́е. А тóт в концé-то тотáров жы́л колдún з' бáбой, со

старухой, н'е стары ишо шыпко-то был'и. Колдуны был'и он'и. И вот йа подбегайу там, не так дал'око, он от так машот. Ч'о это (Ван'кой звал'и йево) ч'о это Ван'ка-та машот рукам'и-та? Йа это погл'ед'ела, а там у их куст стойал, кус'тик, нев'ид'имо фс'ак'их, фс'ак'их мух: ч'орныйе, красн'ыйе, б'ел'ыйе, з'ел'он'ыйе – фс'ак'ийе мух'и обл'еп'ил'и, а он иу заган'иват домой. Выпускал, видно, их поуулат', ч'ерт'ей-то. Ой, йа испужалас', йа говр'у: «Ой, это Ван'ка ч'ерт'ей заган'иват». Йа обрат'но да на т'е тротуары да б'ежат'. Обрат'но ид'у, уш н'е ч'ерт'ей, н'е Ван'к'и н'ет.

3. Потом у нас тут у колодца жыла тожо колдун'я, М'ил'а Мухар'иха, жыла. Она уйехала, ч'ерт'ей-то остав'ила, в гост'и уйехала в Борюфск г доч'ер'е н'енадолго, ч'ерт'ей-то остав'ила в голпце, надавала, наэрно, им ис' да ч'о и остав'ила и уйехала. А там забол'ела, пошла в бол'н'ицу, йей оп'ерацыйу стал'и д'елат' ч'о-то и зар'езал'и. Ум'ерла, ч'ерт'и-т'е остал'ис', ч'ерт'и-т'е остал'ис'. Потом туд жыла, эдаг жив'от, вот так жив'от, тут, это, Мухар'иха жыла, а тут Марус'а, жыла жен'шына. Она гыт: «Скол'ко йа хл'еп л'и ч'о л'и остав'лу ч'о на стол'е, пр'ид'у – у м'ен'а н'ич'о на стол'е н'ет, ч'исто. Это хт'о у м'ен'а фс'о с'едат?!» А он'е [черти] по голпцу-ту выйдут, да у йейо фс'о жор'ут, ис' захочуд дак. Ладно. Потом гыт: «Йа: ч'о жо д'елат'-то? Это ч'ерт'и, пр'ишла, положыла хл'еба наэрно и сама погл'ежу. Гл'ежу, гыт, так'ийе долгоног'ийе, гыт, ход'ат, жор'ут хл'еб-от, мух'и. Да, мух'и, дак нок-то у мух-то, гыт, н'ет, а то от так'ийе ног'и долг'ийе, ход'ат мух'и. Ой, ч'о д'елат'? Йа, говр'ит, открыла дв'ер'и-т'е да пушке захлопнула скор'ей, штобы н'е услышал н'екто. Зашла, гр'ит, постойала там, зашла – н'иково н'игд'е н'ет. Потом, знач'ит, ч'о д'елат' с'ич'ас? Йа, гыт, вз'ела голб'ец'но окошко открыла у йо на ул'ицу, и он'е выл'ет'ил'и, ул'ет'ил'и, потом н'е стали, гр'ит, у м'ен'а н'е стало, а потом друг'ийе жыт'ел'и тут пос'ел'ил'ис'а и выв'ел'и их, ч'ерт'ей.

[А куда они улетели?] А н'е знайу. Да пр'ийежжала доч'-то ис Сол'икамска, дак, можот, она собрала да ув'езла.

Рассказ о подменном ребенке

Блазн'ило у нас в д'ер'ев'н'е-то, в д'ер'ев'н'е-то. Ч'ас йа т'еб'е расскажу, вот, на в'еч'орк'е-т'е, вот фспомн'ила, в'ид'иш, тожо такой ин'т'ер'есный расказ была. Ой, старуха, забыла. Р'еб'ата собрал'ис', д'эф'к'и, р'еб'ата в бан'е вот собрал'ис'а с'ид'ил'и. Н'е нашо покол'ен'ийе, старше нас, с'естра у мн'а ход'ила туда, с'ид'ел'и фс'е, играл'и. Р'ебы гд'е-ко, сход'ат в йаму к кому-н'ибут', украдут р'ебы, в'едро прин'есут и жор'ут с'ид'ат р'ебу вм'есто йаблок, вот. И заспор'ил'и р'еб'ата. А у нас в д'ер'ев'н'е, на Исаково ит'т'и знач'ит,

пос'л'эд'н'айа бан'а стойала, тут ворота, туд бан'а и туд бан'а, сход'н'и был'и, там огороды был'и, скот ход'ил дак, в'ез'д'е огороды был'и, сход'н'и был'и так'ийе з'д'еланы. Ход'ил'и н'е ч'ер'ез ворота, а по эт'им сход'н'ам. И в эт'ой бан'е блазн'ило, да, пр'ив'ид'ен'ийа с'о вр'ем'е блазн'ил'и. Вот р'еб'ата просп'ор'ил'и, вр'ем'е дв'енацет', вот вр'ем'е дв'енацет', хто пройд'от, хто пройд'от м'имо эт'ой бан'и. Да. Тот гр'ит: «Йа уш н'е пойду, н'е-е-ет», другой гр'ит: «Йа н'е пойду». Од'ин бойкой какой: «Ч'о буд'ет – н'ич'о н'е буэт, йа схожу, п'ер'ейду з'ат-ф'п'ер'от, фс'о». И пошол. Ну, роб'ата см'ейутца: «Ну-ко ч'о буд'ет?» Он прошол туда, туда прошол, знач'ит, н'ич'о. Обратно-то пошол, вышла д'ев'ица ис п'ер'ебан'ка-га. Д'эфка вышла и гр'ит: «Ты куда пошол?» Он г'ит: «Да домой иду, куда йа пошол?!» Испугалс'а. «Ну и знайеш што, вот йес'л'е м'ен'а замуш воз'м'ош, да, жен'ишс'а на мн'е, знач'ит и пойдош, йес'л'е н'е жен'ишс'а, с'ич'ас т'еб'а н'е буд'ет тут, да, н'е буд'ет!» Он: «Ладно». «Ну как?» Он г'ит: «Жен'ус', жен'ус'», – говр'ит. «Н'е думай што-от эта, н'е жен'ишс'а, жен'ишс'а, йа с'о равно потом т'еб'а найду». «Жен'ус', г'ит, жен'ус'». И сказала йему, знач'ит, ф какойе вр'ем'е, это, жен'итца йему, свад'ба буд'ет, свад'ба буд'ет ф какойе вр'ем'е сыграна. Прошол, она ушла, он ушол, отпус'т'ила эво. Он пр'ишол, помалк'иват, с'ел и с'ид'ит.

– Ну што?

– Н'ич'ево.

Он говр'ит: «Н'ичево, прошол, да и фс'о, да». А сам тр'ес'отца.

А потом, ладно, пр'ишло вр'ем'е, пр'ишло вр'ем'е, надо свад'бу ср'ежат'. Мат'ер'е говр'ит:

– Йа жен'итца хоч'у, давай ср'ежат' свад'бу буд'ем. Да.

– Ну давай, буд'ем ср'ежат' свад'бу. Н'е прот'иф.

Ср'ед'или свад'бу.

– Ну, гд'е н'ев'еста-та?

– С'еч'ас пр'ив'еду н'ев'есту, да, с'еч'ас н'ев'есту пр'ив'еду.

Пошол к эт'ой бан'е: «Н'иково мн'е н'е надо, йа нын'че од'ин пошол». Да, пошол к эт'ой бан'е, н'ев'еста вышла, знач'ит, и пошл'и. Пр'ив'ол н'ев'есту:

– Вот мойа н'ев'еста.

– Гд'е-йно? Как'а она?

– Пр'ив'ол н'ев'есту, знач'ит, пр'ив'ол хорошуйю.

Вот отошла свад'ба, фс'о, прожыл'и, фс'о з'д'елал'и. Потом Мас'л'ен'ица, Мас'л'ен'ица-праз'ник, это была у нас тут. Ч'истый пон'ед'ел'н'ик-от, а ф Ч'истой пон'ед'ел'н'ик йез'дат з'ет'ев'йа к т'ошшам. Да, н'ев'еста, знач'ит, в'ез'од домой жен'еха, вот. Ладно, Ч'истой пон'ед'ел'н'ик пр'ишол. «Йа пошол запр'егат' лoшет', запр'егат' лoшет', пойехал'и мы к мат'ер'е», – говр'ит. «Куды-йно пойед'еш?» – «А пойехал'и к т'ошше, к т'ошше, г'ит, пойехал'и». А сам

бойитца: «Вот к ч'ерт'ам-то, гыт, зайёду, нав'ёрно, зайёду». Пойёхал'и, запр'ок лошет', посад'ил н'ев'ёсту и пойёхал'и. Пойёхал'и в другу д'ер'ёв'ну, знач'ит. Пр'ийёхал'и, он гыт:

– Куды'ино пр'ийёхал'и мы?

– Давай ёежжай, йа скажу куды.

Пр'ийёхал'и. «Вот к этому дому подйежжай, подйежжай, гыт, вот к этому дому». Подйёхал'и г дому, пр'ив'езал'и лошет', фстал'и, постав'ил'и. Заход'ат в ызбу, в ызб'е кач'айетца зыпка, у жен'шыны, зыпка кач'айетца. Она [невеста] вз'елá пол'ёно б'ер'озовой, ésta н'ев'ёста вз'елá б'ер'озово пол'ёно, зашла в ызбу: «Открой дв'ёр'и». Открыл жен'иу дв'ёр'и, она зыпку пов'ернула ногам'и во дв'ёр'и, по зыпк'е ковырнула-д'е пол'ёном б'ер'озовым, и ул'ит'ёл этот р'еб'онок, и н'ёт, фс'о. Вот. Она, мат'ер', пр'ишла и гр'ит: «Ч'о'йно эдако над'елала ты?!» – «Вот ты, – говор'ит, – вод'илас'а, м'ен'а род'ила, остав'ила в бан'е, ч'ерт'и п'ер'ем'ен'ил'и, ты с ч'ерт'онком вод'илас'а, а йа у ч'ерт'ёй восп'италас', йа твоя д'оч', вот». И вот, двацет' л'ёт вод'илас'а с ч'ерт'онком, он какой был, такой и йес', н'е рос, такой и был, фс'о. Вот и скас.

Знахарство

1. Н'е было бол'н'иц-то, в бан'е рожал'и, л'ежал'и. Старуха одна какá-ко ход'ила. У нас вот в д'ер'ёв'н'е-то была бабушка, по бан'ам, по бабам, по рож'ен'ицам-то ход'ила. У од'н'иу, знач'ит, одна род'ила жен'шына (Дун'а йейо звал'и) двуу, двойн'у. От она пр'ишла к н'ей, знач'ит, у н'ей побыла в бан'е, ésta старуха. Вышла из бан'и-та, а в бан'е-то окошеч'ка-т'е был'и мал'ен'к'и, в бан'е-то, да н'иско-н'иско. Она вз'елá, вышла из бан'и-та да, вот таг жо погл'ед'ела м'еш нок и в окошко-т'е, туда, в окошко-то, и од'ин, од'ин [ребёнок] ф корыт'е пал'катца, купатца ф корыт'ич'к'е, а другой в'ер'овоч'ку пл'ет'от с'ид'ит – эт'е д'ёт'и-та. Она потóm сказа́ла [матери]. У их колод'ец был в этом, в оград'е, в оград'е свой колод'ец был. Она потóm, он'е подросл'и, она сказа́ла, стал'и уж бол'шен'ки. Она говр'ит: «Б'ер'ег'и д'ет'ёй, у т'еб'а од'ин, д'евоч'ка-то в'ер'овоч'ку пл'елá, а мал'ч'ик-от ф корыт'ич'к'е купалс'а, утón'от, говр'ит, он утón'от, а она задав'итца». Вот. Дак он'е колод'ец заб'ил'и, дак он на колоще ум'ер. [Почему?] Н'е мок утонут', знач'ит, ф колоще, йему суд'ба была в этом колоще утонут', а он'е заб'ил'и, он жо н'ебол'шой был, дак н'е отобйот, и от ум'ер на колоще, а она замужом уш скол'ко прожыла, тогда задав'илас'.

2. Йа бы уш с'ич'ас скол'ко л'ожала бы уш йа в з'емл'е, двацет' годоф, бол'ше, двацет' п'ат' бы уш л'ёт л'ежала в з'емл'е. Надорвалас'а, до то дошло у мн'а уш, и так уш йа н'е смогла дышат',

потом уш йа с кроват'и н'е могла сл'езат'. Мужык сн'им'от с это, сволок'от м'ен'а с кроват'и, сн'им'от, повод'ит по изб'е, у м'ен'а кроф разойд'отца, йа д'ен' хожу. И потом работала ишо йа, н'е замогла. Потом мн'е нач'ал'ник, в ОРС'е роб'ила йа, нач'ал'ник ОРСа говр'ит: «Йежжай, на отпуск т'еб'е, на дв'е н'ед'ил'и йежжай ф' П'ер'м'. М'ен'а, гр'ит, ф' П'ер'м'и (йа шыбоко, говр'ит, тожо хворал) ф' П'ер'м'и токо выл'еч'ил'и, платной, платной проф'есор, врач' платной». И фс'о, йа д'ен'г'и ф карман – и уйехала, уйехала туда. А ф' П'ер'м', ф' П'ер'м' пр'ийехала, фс'о, фс'е анал'изы здала, фс'е анал'изы здала, фс'у м'ен'а просмотр'ел'и, фс'о хорошо, н'ич'ево н'е пр'изнал'и, тол'ко к'ишк'и н'е просмотр'ел'и, этот, живот, сломалс'а апарат. Гр'ит: «Н'ед'ел'у пожив'и, пожалуста, тогда апарат зд'елайут это, и фс'о». Йа гр'у: «У м'ен'а к'ишк'и-то н'е бол'ат, дак ч'о йа пров'ер'атца вам буду и жыт' н'ед'ел'у?» И уйехала, пр'ийехала домой – одно и то жо, с'о равно таг жо. Пошла к нач'ал'нику, говр'у: «Ой, дай мн'е отпуск на в'ес' м'ес'ец, йа, гр'у, с'о равно н'ич'о н'е помогло мн'е, в бол'н'ице з'д'ес' н'е помогат'. Тут сос'етка вод жыла, Тас'а, напрот'иф наискосок-то. Она гыт: «Знаш, штó, Клава, н'е муч'с'а, ид'и ф Тагйашер Малый, на Малый Тагйашер, там дал'око. М'ен'а, гыт, старуха там выл'еч'ила, Тат'яана ийо зовут, ид'и к' йей, можот, она т'еб'е поможет ч'о-н'ибут'. И ч'о же ф так'ийе го́ды ум'ира́т'?!» Ладно, м'ен'а мужык, м'ен'а на н'ижн'ой склат св'ол, там л'ес воз'ил'и с Тагйашера з Бол'шово. Посад'ил к шоб'еру, гр'ит: «Йо спус'т'и, помог'и йей на Н'ижн'ом Тагйашер'е, на Н'ижн'ом Тагйашер'е, она уйд'от по тропч'ке, там тропч'ка, гр'ит, йес'». Он м'ен'а дов'ос, спус'т'ил, йа ушла т'ихон'ко, к' йей пр'ишла в'еч'ером уш. Она гыт: «Да йа н'ич'о т'а н'е знайу, йа старайа уш, от м'ен'а плóхо помогат'. Йа говор'у: «Посмотр'и: н'е поможот – н'е поможот, с'о равно ум'ира́т', так ы так ум'ира́т' буд'ем». Потом разговр'ил'ис', йа гр'у: «Ты, гр'у, ты мн'е ишо родн'а (старуха-та)». Йа: «Ой, ты мн'е ишо родн'а, мойей, мойей мамы с'естры золофка, да». Она гр'ит, йа расказала йей, она: «Ну, ладно».

Она от ч'ерт'ей м'ен'а как л'еч'ила, это, л'еч'ит' хот'ела, от ч'ерт'ей. Истоп'ила бан'у, наброс'ила, м'ин'е слова наговр'ила ч'ер'ез в'ен'ик как-то, и фс'о. Ушл'и, ноч'евал'и, утром слова наговр'ила и говр'ит: «Знаэш штó, ишо ну-ко йа бан'у подброшу, мн'е кажетца, гыт, у т'еб'а н'ету ч'ерт'ей, ты н'е испорч'ена, у т'еб'а другая бол'ес', бол'ес' у т'еб'а другаяйа». Йа говр'у: «Какá другая бол'ес'»? Йа гр'у, ф' П'ер'м' йез'дила, и м'ен'а, гр'у, фс'о пров'ер'ил'и и н'ич'о н'е пр'изнал'и». Ладно, она потом, йа, это, ишо ноч'евала у йейо нóч', нóч' ишо ноч'евала. Утром фстала, с'о равно надо ит'т'и домой. Йа гр'у: «Ой, н'ич'о л'ехч'е н'ету, с'о равно надо ит'т'и домой, н'е знайу, как, – гр'у, – дойд'у. Она говр'ит: «Ну-ко зал'езай на п'еч'. Йа посмотр'у

т'еб'а, зал'езай на п'еч'». Йа на п'еч' зал'езла, зашла, л'егла. Она пр'ишла, воды-ко вз'ела да мыло вз'ела, пр'ишла, мн'е н'е т'орла н'ич'о, вот з'д'ес'а вот так. Ну, помочи'ла, мылом намыли'ла, посмотре'ла, от так смотре'ла, смотре'ла, усмотр'ела жылу. У мн'а с'ерд'еч'наиа жыла отошла, и ийо уж заб'ило с'ерцо, йа уш так-то н'е могла дышат' до эгово. Она мн'е эту жылу пот'т'енула, от с'о вот так т'ан'ет, т'ан'ет, с'о рас'тират' и дорогу до пупа и вот так т'ан'ет, т'ан'ет. Мн'а спрашыват: «Бол'но? Йес'л'е бол'но, говр'и «бол'но», надо жылу н'е порват'». Йа гр'у: «Н'е бол'но». А мн'е бол'но. Она в'ид'ит, што йа моршус'а, мн'е бол'но. Мн'е бол'но, у ийо вот так'ийе нокт'и. Она нокт'ом-то мн'е р'ежот эту, кожу-ту, а йа сама с собой думай: «Ой, пус' кожу разр'ежот, кожа зажив'от, а то йа скажу «бол'но», она отпус'тит – йа оп'ат' буду такайа». И она мн'е пот'т'енула эту жылу и говр'ит: «Пол'ожы, пол'ожы, н'е шев'ел'ис'а, пус' кров'йу, – гр'ит, – это заг'ан'ет дорогу-ту». Йа пол'ежала, она гр'ит: «Спускайс'а т'ихон'ко, н'е йаро, т'ихон'ко, т'ихон'ко, н'е сворот'ис', оп'ет' сворот'иш». Йа спуст'илас'а, от так-от дышу, ой, мн'е хорошо дышат'. Потом вышла, тут полат'и, потом вышла за полат'и-г'е туды, на сер'отку-ту. Ой, да как вздохнула на фс'е л'ок'к'ийе. Йа гр'у: «Ой, йа гр'у, от йа с'еч'ас ожыла!» От она гр'ит: «Это твоя и бол'ес' была, ишо, говр'ит, н'ед'ел'ку, н'е, м'ен'ше ишо, задав'ило бы с'ерцо, ум'ерла бы ты». От она м'ен'а п'ер'евезала платком, штобы н'е стр'еслос', говр'ит: «Н'е сад'ис' (д'ен' бравый был, солн'ешный з'имой), н'екуда н'е на каку машыну, н'е сад'ис' н'и на ч'о. Ид'и, это н'е бол'но дал'око, дорога хороша, лес' воз'ат, ид'и т'ихон'ко, ид'и, ид'и и дойд'ош. Н'е шов'ел'ис', н'игд'е н'е проступайс'а и поб'ер'ег'ис', с' н'ед'ел'ку н'ич'о н'е подн'имай!» Вод до с'их пор живу.

Нина Григорьевна Андрюкова, 1930 г.р.

Колдовство

Н'емало было колдуноф-то. Тожо эт' был'и. И нон'це их до л'ешова. Ц'о, говор'ат, фс'о раг да рак. А это фс'о нав'ерно ц'ерт'и. Дак так'и вот йес' ц'ерт'и, колдуны, си'итайутца он'е колдуны. Он'е н'е кажутца. Он'е кажутца люд'ам-то то к'и-ко, йет'е, жук'и, то к'и-ко мух'и, то хт'о, то угл'ам'и.

Вот в этом, в Л'им'еже, был кой-ко колдун-от дак. Он'е-д'е в этом, в гоппце был'и. Тут, ф корч'аг'е показал'ис' мух'им'и. Токо шум' гот стойит. Там мухов, в этом, ф корч'аг'е-то шум'ат. Дак там н'ихто, в их н'ихто н'е загл'адыват.

[А что делают эти черти?]

А л'ёшой знат, ч'о он'э д'элайут, л'ета́йут. Ч'о-ко л'ета́йут л'этом-то по эт'ем, по д'ер'ев'ям да гд'е да. Он'э говор'ят, им рабо́ту на́до дава́т'. Ц'эрт'и йес' ц'эрт'и.

[Какую работу?]

Ра́н'ше м'ек'ины был'и. Ак он'э россы́пл'ут, гот, м'ек'ину по пов'ит'е. Он'э фс'о́ это до м'ек'ин'инк'и фс'е вобра́тно ф ка́щцу соб'еру́т. Йэто так говор'ил'и. Кто йево́ знат.

[Словами можно вылечить?]

Дак вот йе́т'е, слова́м'и-то йет' и л'ич'ил'и йе́т'е, л'ека́рк'и-т'е. Он'э ц'ита́л'и фс'о мол'и́твы, он'э мол'и́твы фс'о ц'ита́л'и, мол'и́твыма он'э и л'ич'ил'и л'уд'ей, выл'и́чивал'и. Быва́ло [делали] см'ертно́й. См'ертно́й поса́д'ят, и н'е вы́л'ич'иш, хот' л'ич'и, хот' н'е л'ич'и. Вот мо́ч' зап'еру́т, и фс'о́. Ту́т у нас в д'ер'евн'е-то жыл' э́тот... Как Заха́р'иха бы́ла, у йо́ зва́л'и стар'ика́ Заха́р. А колду́н-от то́жо туд был, ста́рый то́жо. «Да́р'яа, у т'еб'а́ Заха́р-от вал'а́тца, э́то, п'я́аной». Ф пра́з'н'ик-от, нав'е́рно, в Ева́ноф д'ен' и́л'и Фроло́ф л'е. Ну, л'этом. «Йа́ йему́ штаны́ нак'ину́л, йа́ штаны́-но йему́ нак'ину́л». Штаны́ наки́нул, он су́тк'и прома́йелса и у́м'ор. Мо́ч'-ту зажа́л. Н'е сса́т', н'е по-бол'шо́му ход'и́т' н'е мо́к. Сса́т' н'е мо́к л'е ч'о́. Ду́ло, ду́ло, и фс'о́. И во́т ц'ер'ес су́тк'и у́м'ор стар'ик. Н'иц'е́м н'е бол'е́л, норма́льной был стар'ик.

Прздники. Обряды.

У нас ма́ма, говор'я́ла, э́то, распра́шывала у попа́, ф как'ийе празн'ика́ мо́жно ро́б'ит', ф как'ийе н'ет. Он йей сказа́л: «Эсл'е ка́ждому уго́д'н'ику пра́зноват', тогда́ и ро́б'ит' н'е пр'ид'о́тца. Их тр'и́ста св'е́т'их уго́д'н'икоф. Эсл'е, гот, ка́ждому пра́зноват', тогда́ и ро́б'ит' н'е пр'ид'о́тца». Ну, то́ко ф са́мийе бол'шыйе празн'ика́ [не надо работать]. Вот, ска́жом, Ил'л'и́н д'ен' бол'шо́й пра́з'н'ик, вот Па́ска, пото́м ишо́ Возн'ес'е́н'н'оф д'ен', Спас, Спас, нав'е́рно, п'е́рвой и́л'и фторо́й.

У нас ма́ма пошла́, ф Спа́соф-от д'ен' жа́л'и, коро́ф-то выпуска́л'и та́м. Она́, э́то, до об'е́да-то прожа́ла, с об'е́да пошла́ коро́ф иска́т'. Пошла́ коро́ф-то иска́т'. А та́к-то у нас на́до спуска́тца под го́рку. Ту́д был огоро́т, ту́т огоро́т, а ту́т в'ер'ес'с'а. И э́тот ей в'ер'ес вот с'уда́ зашо́л. Дак у йейо́ до см'ерт'и вот така́я бы́ла ра́на. От э́то м'есто́ фс'о́ у йейо́ вы́бол'ело. И она́ сказа́ла: «Йа́ в э́тот пра́з'н'ик бол'ше́ н'ико́лды ро́б'ит' н'е бу́ду, хот' хам'ен' на го́лову вал'ис'». Хот' до об'е́да, когда́ об'ид'н'а ид'о́т, кот' тогда́ н'е ро́б'ит'. Вот тако́й: н'и с'т'ира́т', н'ич'о́ гр'азно́ н'е д'элат'.

[Что в Великий четверг обязательно надо было сделать?]

В В'ел'икой ц'етв'е́рк мо́йут, мо́йут, ц'ис'т'ат, бл'ес'т'ат, фс'о́ п'ер'емыва́йут. По́л мы́т' [надо]. Ц'о́, и с'т'ира́л'и, и хл'еп п'екл'и́, д'е́н'г'и с'ц'ита́л'и – фс'о́. А у нас ма́ма говор'и́т: д'е́н'г'и с'ц'ита́т' –

гр'эх, потому что когда, это, Хр'иста расп'и́бывал'и, йевó Ий'уда-та вот про́дал за тр'и́ста с'ер'эбр'ен'икоф. Ико́на йес' в це́ркв'е. Он с'ид'ит вот, хл'еп умоч'и́л в сол' и та́к и д'о́ржит. У н'евó, гóт, на ше́е кошел' в'ис'ит з д'ен'га́ми, тр'и́ста с'ер'эбр'ен'икоф. Дак ма́ма говор'ит: «Вы́ уж д'ен'г'и-т'е н'е с'ц'итайт'е, это гр'эх».

Тут волко́ф гон'ел'и [в Великий четверг], фс'о выд'е́ывал'и. Волко́ф-то ра́н'ше мно́го бы́ло. Тут колды́ выход'и́л'и, гон'ел'ис'. У нас л'у́дно бы́ло, мно́го, это, молод'о́жы-то: д'эф'ки, р'еб'ата. Мы роз'д'ел'и́л'ис'. Нас бы́л кр'е́пкой. Как рас на В'ел'и́кой Ч'етв'е́р'к.

– Ковó гон'аш?

– Волко́ф.

– Гон'и́ их дал'ше!

Мы потóм ушл'и́ од д'ер'евн'и дал'о́ко в л'ес. Та́м пол'а бы́л'и. Ход'и́л'и по пол'ам. У нас р'еб'ата спр'атал'ис'а. Мы н'е зна́м, куды ит'т'и́. Дава́й р'ев'ит'. Он'е́ с'ид'ат под йо́лкой. Потóм захохотáл'и, вы́шл'и. Он'е́ р'а́дом с на́м'и. Мы их н'е в'и́дим. Он'е́ с'ид'ат под йо́лкой. А мы: куды ид'о́м, н'е зна́м, куды ит'т'и́? Боймс'а то́жо, д'е-то во́лки-т'е вы́йдут л'е ктó. Од д'ер'евн'и-то эт' дал'о́ко. Э-эх! Потóм захохотáл'и: «Испугáл'ис'!» У нас мно́го бы́ло шы́пко молод'о́жы.

[Кормили скот четверговой солью] ф ср'еду-ту на ч'етв'е́р'к. В'еч'ором кладут кра́йушку хл'ебушка и сол'. И йе́т'ем жо хл'ебушком, хл'ебушко сол'л'у посол'ат и ко́рм'ат скотá. Йа́ коро́ф пасла́, дак мн'е ма́ма п'екла́ сп'еца́лно. От ка́ждой коро́вы ше́рс' насоб'ира́ю, она́ ч'о-то та́к вот и з'д'елат и ф хл'еб зака́гат. И до со́ннышка ид'о́ш ко́рм'ит' коро́ф, што́ он'е́, это, домо́й ход'и́л'и, зна́л'и до́м. Ну, и та́к, это́ до́ма уш ко́рм'иш одну́ сво́ю скот'и́ну дак, да́ш мал'ен'ко: кусо́ч'ик коро́в'е, кусо́ч'ик ов'е́ц'кам: «Зна́й сво́й до́м, сво́ю хоз'а́йку». Давáт' на́до бы́ло у́тром ф ч'етв'е́р'к ра́но, до со́ннышка. Д'е-ко скот'и́на ц'о-ко забол'е́ют, йе́й [четверговой солью] сол'и́л'и, ф по́йло добавл'áл'и со сло́вám'и. Давáл'и, дава́л'и скоту́ сол'.

Ра́н'ше огоро́ды в'ез'д'е́ бы́л'и, дак [в Великий четверг] ко́л'л'а [ко́ля] св'áзывал'и, што́б ко́ршун их [куриц], это, н'е волоч'и́л, у́тром та́г жо до со́ннышка. Ну, ска́жом, вот сто́ит огоро́т, та́м, это, ко́л'л'а. Тр'áпкой да ч'ем св'áжош, [как будто] ко́ршуну но́г'и св'áзывал'и, кúр'ицам да што́бы в огоро́т н'е ход'и́л'и. Св'áзывал'и ко́л'л'а, бы́т'то кúр'ицам но́г'и и бы́т'то но́г'и ко́ршуну. То́же со сло́вám'и: «Св'áзывай ко́ршуну но́г'и, што́б кúр'иц н'е дав'и́л, св'áзывай ко́р'ицам но́г'и, што́б в огоро́д н'е ход'и́л'и».

У нас у Ор'и́нк'и бы́ло вот ту́т. Клопо́в мно́го шы́пко бы́ло. Она́ [в Великий четверг] вз'елá клопо́ф насоб'ира́ла ф сп'и́ч'еч'ной коро́бок, зав'елá ло́шет' в ы́збу, ло́шед'е́ за хвóс прив'езáла, в ы́зб'е ло́шет' пов'ерну́ла и пов'елá. [Говорит]: «Клопо́ф вывод'и́ла с'о́д'н'е». Ну, над йейó как см'ийе́л'из' дак! «Ты́ йно ка́к ло́шет' зав'елá?» А у йих та́м

н'йско, с по́лу-ту, пр'а́мо с по́лу-ту н'йско у ййх. Вот ка́к у на́с в З'ев'а́х, та́г жо, л'уба́йа ло́шет' зав'ед'и́. А у ййх ло́шет' см'ир'о́на бы́ла, С'е́рко.

– Да́к ч'о́ ино, мо́, вы́шл'и кло́п'ы-т'е?

– Не зна́йу, вы́шл'и, н'е вы́шл'и. Йа́ ино насо́б'ира́ла йх ф' коробо́к, лоше́д'е́ за хво́с пр'ив'еза́ла да и выво́з'и́ла йх фс'е́ на у́л'ич'у.

[Так клопы-то ушли или нет?]

Да́к кто́ ино йх вы́жыв'ет так'йх, м'е́лоч'? Ч'о он'е́ уду́т? Ста́р'инны то́ко пр'ибау́тк'и бы́л'и л'е ч'о́ л'е».

КОММЕНТАРИЙ

Фонетика

Ударный вокализм

1. В позиции между мягкими согласными под ударением фонема /a/ реализуется как [e]: *гон'эл'и, гон'эл'ис', он'эт'.*

2. В соответствии с этимологическим **Ѣ** в говоре произносится [и] между мягкими согласными: *р'ич'ка, б'ис'и, об'ид'н'а, лич'ил'и, погл'ед'ил'и, с'ид'ил'и, дв'е н'ед'ил'и, выл'иц'иват'.* Реже в этой позиции встречается [e]:

3. Иногда на месте /e/ литературного языка произносится [‘o]: *д'оржыт.*

Безударный вокализм

Первый предударный слог

1. Безударный вокализм после твердых согласных характеризуется полным оканьем: *бол'шо́ва, в дал'о́кой, вос'мо́ва, нал'ил'и, отвора́ч'ивал'и, поворо́жсы́м.* Иногда фонема /a/ в этой позиции реализуется в звуке [o]: *кokoй, стока́н, тотáры.*

2. После мягких согласных фонемы /a/, /o/, /e/ совпадают в звуке [e]: *т'ену́л, на жер'епце́, погл'ед'ил'и, тр'ес'отца́, м'ек'и́ны, св'етой́, в'ел'и́кой, с'ер'е́бр'ен'ико́ф.*

3. В говоре существует предударное ёканье: *пол'ожы́, Стёпа́н, л'ожáла.*

Заударный вокализм

1. Отмечается заударное ёканье после мягких согласных, а также после твердых шипящих: *у́м'ор, о́жогом, мо́жот, уто́н'от, в'е́ч'ором, забол'ё́ют, ска́жом.*

Консонантизм

1. Перед гласными непятого ряда, на конце слова и перед твердыми согласными в соответствии с литературным /л/ может выступать [l]: *H'emálo býlo koldunóф; У нас много býlo шы́пко молóд'óжы.*

2. Долгие шипящие произносятся твердо [ш:]; [ж:]: *пр'ийежжáла, подйежжáй, к т'óшиам, жéн'шына, пу́шые, мóршус'а.*

3. Фонемы /ц/ и /ч'/ в говоре могут реализовываться в звуке [ц'], реже – в звуке [ч']: *ц'эрт'и, выл'иц'ива'ли, ц'эр'ес сýтк'и, ц'ó-ко, голбец'но, на ул'ич'у.*

4. Сочетания согласный + j литературного языка в говоре реализуются по-разному: 1) в соответствии с литературным произношением: *колдун'йа, кров'йу, по д'ер'эвйам, з'ет'ев'йа;* 2) как двойные мягкие согласные: *сól'л'у, кóл'л'а, Ил'л'и́н д'ен', Воз'н'эс'ен'н'оф д'ен', тр'эт'т'ева, в'ер'эсс'а.*

5. Отмечается диссимиляция по способу образования: *кто, н'ихтó.*

6. Губные на конце слова отвердевают: *кроф, ф прóруп.*

7. Происходит утрата [д], [т] в группах согласных: *праз'новат', праз'никá.*

8. Происходит утрата [т] на конце слова: *йес', хвос, ис', пус', шерс', нас.*

Морфология

1. В говоре широко распространены стяженные формы а) прилагательных: *д'ер'ев'áнна, стáры, гóлб'ец'но, б'ер'óзово, хорóша;* б) глаголов: *поправл'áцца, отворáч'иваиш, помáлк'иват, загáн'иват.*

2. Фиксируются формы твор. падежа мн. числа на *-ма (-ми)* у существительных и прилагательных: *показáл'ис' мýх'им'и; мол'итвыма л'ич'ил'и.*

3. Существительные 3-го склонения изменяются как существительные 1-го склонения: *на лошед'э, к мáт'ер'е-то, по пов'ит'е.*

4. Широко представлено безударное окончание *-ой* в полных прилагательных: *плáтной, ни́жн'ой, нормáл'ной.*

5. Личные местоимения 3-го лица не имеют в предложно-падежных формах начального н: *у ей, к ей, у йó, над йейó.*

6. Личное местоимение 3-го лица мн.ч. они в имен. падеже имеет форму оне: *он'э н'е опч'ерт'ил'и хвóст-от; он'э и л'ич'ил'и л'уд'эй; он'э говор'át; он'э н'е кáжуцца; он'э с'ид'át под йóлкой.*

7. В формах прошедшего времени возвратных глаголов после гласных наблюдается окончание *-ся*, а не *-сь*, как в литературном языке: *встр'эт'ил'ис'а, сцеп'ил'ис'а, закрывáлос'а, соб'ирáл'ис'а, надорвáлас'а, вод'илас'а, мóршус'а, спр'átал'ис'а.*

Синтаксис

1. В говоре активно употребляются постпозитивные частицы (-от, -то, -та, -те, -ту): *а хвóст-от забыл'и опч'ерт'ить-то; ч'ó это Вáн'ка-та máшот рúкам'и-та?; в бáн'е-то окóшеч'ка-т'е был'и мál'ен'к'и, в бáн'е-то; зат'áн'ет дорóгу-ту.*

2. Частица/союз *дак* употребляется в говоре для передачи различных значений, часто выступает в роли причинного постпозитивного союза: *В йáич'ко, йáич'ко в стока́н, в во́ду нал'ивáл'и йáич'ко, то́ко, то́ко белóк, дак вóт тáм выпáдывало; Ну́, над йейó как см'ийéл'из' дак!; На ростáн'и-т'е ход'ил'и у нáз д'эф'к'и-т'е дак, ó-о-ой; Ну́, и тák, это дóма уи кóрм'иши одну́ сво́ю скот'ину дак, дáш мál'ен'ко: кусóч'ик корóв'е, кусóч'ик ов'ёц'кам; Он см'ерт'ёл'но посад'ил дак, н'ич'ó н'е з'д'éлаш.*

3. Союзы *да, ле* часто употребляется в составе устойчивых сочетаний *да чё, да где да, ле чё, ле кто, ле чё ле*: *йм'ис' да ч'ó и остáв'ила и уйéхала; ч'ó-ко л'етáют л'этом-то по эт'ем, по д'ер'ев'ям да гд'é да; сáат' н'е мók л'е ч'ó; бо́йм'а тóжо, д'э-то во́лки-т'е вьййдут л'е кто; стар'инны то́ко пр'ибаутк'и был'и л'е ч'ó л'е.*

Мифологическая лексика в пермских говорах (слова с корнем *зна-*)*

Ю.А. Шкураток

Каждое слово несет информацию о том времени, когда оно появилось, иногда являясь единственным свидетелем отдаленных эпох, отражением иного образа жизни, мышления, взгляда на мир. Мифологическое мышление, находящееся у современного человека на периферии сознания, в большей степени сохраняется у носителей традиционной культуры и, соответственно, отражается в говорах. В связи с этим представляется возможным проследить на материале словарей и картотек образование мифологических значений у глагола *знать* 'уметь колдовать, ворожить, быть знахарем, колдуном', а также охарактеризовать образованные от корня *зна-* слова со значением 'лекарь, колдун'. Возникновение слов с таким значением связано со свойственным мифологическому мышлению убеждением в существовании двух миров, умении некоторых людей проникать через

* Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского Гуманитарного научного фонда, грант № 06–04–82406 а/У «Этимология и история региональной лексики и ономастики Пермского края».

границу между мирами, тем самым влияя на человека и животных, узнавать будущее.

Глагол *знать* со значением 'уметь колдовать, ворожить, быть знахарем, колдуном' зафиксирован в ряде говоров русского языка – тамбовских, орловских, рязанских, тобольских, томских, якутских и других: *У нас баба через два двора – она знала. Босиком будет ходить, змея нипочем не укусит, она знает от змей; Мужики, которы знали, делали* [СРНГ, 11, 311]. В «Словаре русских народных говоров» фиксируется также устойчивое сочетание *знать сны* 'уметь разгадывать сновидения': *Пошла к одному старичку: он сны знал* (в томских говорах) [Там же]. Интересующее нас значение глагола *знать* встречается и в уральских говорах: в «Словаре русских говоров Среднего Урала. Дополнения» *знать* – 'уметь колдовать, ворожить, быть знахарем': *Мужик тоже был, дак знал; Вот у меня дедушко знал, он рак сердца лечил. Знать на добрѹ* – 'знать слово против колдовства': *Старуха ента знала на добро, почнѣт корова кровью доиться, идут к ей* [СРГСУ-Д, 203]. В «Словаре пермских говоров» и «Фразеологическом словаре пермских говоров» приводится устойчивое сочетание *чертей (окаянного) знать* – 'водиться с нечистой силой, быть колдуном': *А сосед настояще чертей знат, сам бес; Кто окаянного знал, тот беда тяжело умирает* [СПГ, I, 331].

В «Словаре говора д. Акчим Красновишерского района Пермской области» глагол *знать* приводится только в списке слов, бытующих в говоре в общерусских значениях; «особое» значение глагола не вошло в словарь, хотя есть однокоренные слова, обозначающие людей, умеющих общаться с «тем» миром, – *знаткий, знахарница* [приведены в основной части словаря] [Акчим, I, 345], *знахарка* [в списке слов, бытующих в говоре в общерусских значениях] [Акчим, I, 398].

Обобщая приведенные данные, необходимо отметить, что диалектные значения глаголов *знать, знаться*, а также устойчивые сочетания с глаголами *знать, знаться*, существующие в говорах, отражены в диалектных словарях далеко не полностью, о чем свидетельствуют фольклорные записи. К тому же, вызывает недоумение: в словарях нет разграничения между значениями 'быть знахарем, лечить людей травами и заговорами' и 'уметь колдовать, наносить вред людям и животным', это, в свою очередь, порождает закономерный вопрос о том, существует ли такое разграничение в сознании носителей говоров.

На материале картотеки Словаря чердынских говоров И.И. Русинова, описывая магическую лексику, рассматривает большую группу лексических единиц, включающих глаголы *знать* и *знаться*, и тематически делит их на несколько групп: лексические единицы, обозначающие обладание сверхъестественной силой, без

указания его вредоносной или доброносной направленности (*знать, знать слова, знать отговоры*); лексические единицы со значением 'обладать сверхъестественным знанием с целью доброносного воздействия на людей и животных' (*знать добро, знать молитвы*) и лексические единицы со значением 'обладать сверхъестественным знанием с целью вредоносного воздействия на людей и животных' (*знать чертей, знать бесей, знать к худу, знатья с лешим* и пр.) [Русинова, 2007, 71–84].

Чтобы выявить механизм образования диалектных значений глаголов *знать* и *знатья*, безусловно, кроме данных словарей, необходимо обращение к фольклорным записям. В быличках – рассказах о встречах с представителями иного мира – глаголы *знать* и *знатья* имеют значение 'уметь общаться с существами из иного мира' и чаще всего употребляются в сочетании с наименованием мифологического персонажа: беса, черта, сатаны, лешего, окаянного и других: *Один старик бесей знал, знался с имя* [Былички, 91]; *Правда ли, напавда было, был у нас Николай Федорович, мельник. Слух такой шёл, что, дескать, знал он чертей да кого ишию. Казал он кому-то черта, испугал им* [Былички, 198]; *Было у нас, у женицины корова пропала. Пошла она на Григорово ворожить. Там, говорят, одна женицина с дедушком зналася* [Былички, 62]; *А Гавриловна, говорят, она всё умела делать. Так она с окаянным жила, Гавриловна-то. Да, вот на кладбище стоит избушка, она там век прожила, эта старуха. И она с ним жила, с окаянным зналася* [Былички, 164].

В традиционной культуре существует запрет на название, упоминание нечисти, в основе которого лежит признание действенной силы слова: назвать представителя иного мира – значит привлечь его внимание. Этот запрет можно увидеть в пословице «не буди лихо, пока оно тихо». Также не стоит упоминать колдунов, как говорят сами носители говоров: *А про котников, про колдунов-то ничего говорить нельзя, они всё слышат* [Словарь русских говоров Коми-Пермяцкого округа, 2006, 128].

По этой же причине в рассказах о встречах с представителями иного мира их стараются не называть по имени (заменяя его на «безопасное» именование по статусу: *девка, баба, женицина, мужик, дедушко*, либо называют описательно): *Мать рассказывала. Александра Фёдоровна звать, блазило ей. На ветках ёлок девки сидят, песни сказывают, да над ней хохочут* [Былички, 42]; *У нас дедушка ехал через мельницу. Едет – у мельницы сидит баба, волосы чешет. И лошадь не пошла и всё* [Былички, 43]; *Вижу: мужик стоит, рубаха белая, а полы-то пиджака так и вертятся...Не один год его видели, ещё бабушка моя видела. И всё в лесах* [Былички, 51]; *Вот уснуть-то не успела ишию, гляжу, а из-за печки ко мне мужичок выходит,*

махонький такой. Подошёл ко мне и ноги-то так шишупат, шишупат [Былички, 94]; *Глаза закрою – с меня кто-то одеяло тянет. Снова закрою – снова тянет, вдруг чувствую: мохнатый какой-то под бок подкатил* [Былички, 98]; *Садит она хлеба, глядит в окно: в баню востроносые шапки заходят, ноги волосатые. Около молодухи вертятся, всё к ней ладятся* [Былички, 130].

Таким образом, в быличках глаголы **знать** и **знаться** употребляются для обозначения круга значений, связанных с обладанием сверхъестественными способностями, силой, умением общаться с существами из иного мира, колдовать, ворожить, быть знахарем. Это отражает одну из важных черт традиционного мышления, для которого нет сомнений в существовании «того», «иного» мира. С этим миром могут общаться, «знаться» только избранные: даже случайная встреча с другим миром и его представителями для неподготовленного, «незнающего» человека, может иметь серьезные последствия, вызвать болезнь или смерть его самого или кого-то из близких.

Для категории людей, которые умеют общаться с потусторонними силами, «знаются с ними», умеют лечить, существует целый ряд наименований. Они участвовали в отправлении обрядов, накапливали и передавали знания, лечили людей и животных, предсказывали будущее, имело большое значение в традиционном обществе, где зависимость человека от природы, ее непредсказуемость вынуждала обращаться к потусторонним силам за советом, одобрением, покровительством. Со значением ‘лекарь, колдун’ от корня *зна-* в говорах русского языка при помощи различных суффиксов образован целый ряд слов: в брянских говорах **знакўля**, **знакўля**, в якутских **знат** (имя существительное), в смоленских **знатёц** – ‘знахарь, колдун’, в архангельских **знáтка**, во многих говорах Урала и Сибири **знáткий** и **знаткóй**, **знатóк**, **знатли́вый**; в донских и астраханских **знáтник** и **знатни́к**, в курских **знатўн**, в тульских и вятских **знáха**, в тамбовских **знахар** [без указания ударения], в архангельских **знахарі́ца** [СРНГ, 11, 307–314].

В истории русского языка появление такого рода слов можно проследить на примере слова **знахарь** (это единственное слово из всех вышеперечисленных, которое было зафиксировано не только в диалектных, но и в исторических лингвистических словарях). В древнерусском языке **знахарь (знахорь)** имело больше значений, чем в современном литературном языке. *Знахарь* – 1) ‘знающий (местность, дело человек)’: *Посла бо...слугъ своих корабли и корабленици и знахори морския* (1499 г.); 2) ‘тот, кто выступает в качестве свидетеля при земельных спорах’: *И судья въспросилъ Семеновых знахоревъ, Гридки Авд ева и его товарищов: скажите въ правду, что вам в домо?*

(1470 г.); 3) ‘знахарь, лекарь’: 2 места пустых Степанка *знахоря*, да 4 места пусты Степанка кавтанника, да Лашука красильника (1583 г.) [СлРЯ XI–XVII вв., 6, 52]. От второго значения образовано слово *знахарство* со значением ‘свидетельство старожилов’: *И судья въспросил знахореи старцовых... что выше знахарство, чья то земля; на которой стоим?* [Там же, 52]. В современном русском литературном языке сохранилось только одно, последнее значение – ‘знахарь, лекарь’ (человек, лечащий заговорами и травами). В славянских языках слово *знахарь* и его производные существуют в украинском *знахар* (обл. *знахур*), *знахарка* (обл. *знахурка*), *знахарство*, *знахарський*, *знахарювати* [Украинско-русский словарь, 2, 250], белорусском *знахар*, *знахарка*, *знахарства*, *знахарыць* – ‘заниматься знахарством, знахарить’ [Белорусско-русский словарь, 345], болгарском *знахар*, *знахарка*, *знахарство* [Бернштейн, 200]; польском *znachor*, *znachorstwo* [Польско-русский словарь, 799]. В других славянских языках слово *знахарь* отсутствует, болгарские и польские примеры по мнению П. Я. Черных являются заимствованиями из русского языка [Черных, 2, 327].

Несомненно генетическое родство *знать* и *знахарь* (здесь наличествует корень *зна-*), но возможно предположить два пути образования. По данным древнейших письменных памятников, основное значение у глагола *знати* ‘знать кого-либо; иметь сведения, представления о ком-либо, чем-либо; различать, выделять что-либо; быть знакомым с кем-либо; узнавать, опознавать’ [СлДЯ XI–XIV вв., 2, 399–400]. П. Я. Черных считает, что *знахарь* образовано от глагола *знати* при помощи суффиксов: экспрессивного характера *-х-*, ср. *знаха* – ‘знахарка’ [Даль, I, 618], и суффикса – *ар-ь* *znati > zna-x-ъ > зна-х-арь. Форма на *-орь*, если она не является следствием аканья, остаток формы на *-орь*, измененной под влиянием *знахарь*. Значение ‘лекарь, колдун’, по его мнению, более позднее, установившееся, возможно, лишь в 1-й половине XIX века [Черных, 2, 327]. Последнее положение опровергается данными исторических словарей, в частности «Словаря русского языка XI–XVII вв.» [СлРЯ XI–XVII вв., 6, 52].

Н. М. Шанский считает, что слово *знахарь* является суффиксальным производным от *знаха*, которое, в свою очередь, образовано от *знать* [Шанский, 1994, 99].

М. Фасмер предлагает другую версию происхождения: *знахарь* – отглагольное существительное, аналогично *жсїхарь* от *жить* [Фасмер, II, 101]. Описывая модели образования древнерусских отглагольных имен существительных, Ж. Ж. Варбот выделяет в особую модель суффикс – *хар’-*, присоединяемый только к корню, (в этой модели только один случай *знати* > *знахарь*) [Варбот, 1967, 85, 94].

Версия Ж.Ж. Варбот об отглагольном образовании *знахарь* кажется более убедительной по ряду причин. Во-первых, слово *знаха* не зафиксировано в древнерусском языке, во-вторых, Ж.Ж. Варбот использовала только «Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам» И.И. Срезневского, но по этой же модели образуется еще ряд слов, поэтому можно предположить образование *знати* > *знахарь*.

Знахарь служит основой для образования глаголов *знахарить*, *взнахарить* ‘посвятить в таинства знахарства, обучить знанию этому, сделать знахарем’ [Даль, I, 339], *обознахарить* ‘сделать знахарем, передать знахарство’ [Даль, II, 1002], а также прилагательных *знахарев*, *знахаркин*, *знахарский* [Даль, I, 1138–1140] (территориальных помет при этих словах в словаре Даля нет).

Со временем значение ‘знающий’ сохранилось только в говорах, например, *знахарь* – ‘тот, кто много знает’: *Вы к Терентию Николаевичу подите, вот знахорь-то* [СРГСУ, I, 195]; в частности, в пермских говорах *знáхарь* – ‘человек, умеющий читать и писать’ *У нас по то время только один знахарь был – читать умел* [СПГ, I, 331], значение ‘свидетель при земельных спорах’ ушло из языка, современный литературный язык сохраняет только *знахарь* в значении ‘человек, лечащий средствами народной медицины’.

Говоря о других словах с корнем *зна-*, обозначающих деятеля, – *знакúлья*, *знакúля*, *знат*, *знате́ц*, *знáтка*, *знáткий*, *знаткóй*, *знатóк*, *знатли́вый*, *знáтник*, *знатни́к*, *знатúн*, *знáха*, *знахар* [без указания ударения], *знахарйца* – необходимо отметить, что в говорах русского языка они имеют, как правило, ряд значений: ‘знающий человек’, ‘знахарь – человек, лечащий людей и животных травами и заговорами’, ‘колдун – человек, обращающийся к помощи сверхъестественных сил, чтобы вредить людям, животным’. В древнерусском языке (если эти слова попали в тексты) они зафиксированы лишь в первом значении, например, *знатливый* – ‘знающий’: *Бяху люди знатливы и разумни; знатьць: Да тотъ же Арапъ многио знатець* [Срезневский, I, 993]. В «Словаре русского языка XI–XVII вв.» слово *знатець* определяется как ‘знающий человек, знаток’: *И костоправа Ивашка Овдокимова з знающими людми и съ работнники посылали на поле въ иныя м ста, гд бываеть чечюнная трава, и костоправ Ивашко и знатцы въ Казанском у зд въ розныхъ м стахъ собрали чечюнные травы десять пудъ* (1663 г.) [СлРЯ XI–XVII вв., 6, 48–49].

Первое значение до сих пор живет в говорах: *знаткóй* – ‘видный, заметный’, ‘хороший, добротный’, ‘много знающий, опытный’: *Старуха была знаткая, ее долго помнят*, но существует и другое значение – ‘занимающийся колдовством, знахарством’: *Знаткая мать-*

та была у него [СРГСУ, 1, 194] [толкование значения приведено согласно словарной статье].

Мифологическая лексика с корнем *зна-* представлена в «Словаре говоров казаков-некрасовцев» О.К. Сердюковой. Этот донской говор интересен тем, что в течение 250 лет (с 1708 по 1962 год) был в языковой изоляции, в иноязычном окружении, тем самым сохранил архаические черты. Точные даты могут послужить своеобразным временным ориентиром появления мифологической лексики с корнем *зна-* в русском языке. В этом говоре были зафиксировано слово **знатница** – ‘колдунья, волшебница’: *А эта змия была ни прастая – знатница, и чиравница. Знатница паскудить, нагаваривать, а харошая заговаривать, боль утушываитъ; ‘знахарка’: Ента лякарка, знатница, мене ня выбирали знатницаю, жсонах сматреть* [Сердюкова, 2005, 87]. По отношению к представителям мужского пола употребляется существительное **знатник** – ‘волшебник, чародей’: *Турчанин приишол, знатник был, агрاديшиша изделал, итобы к нам ништо не натступил... нявидимую агралу; Он был знатник* [Игнат Некрасов – человек, за которым после неудачного восстания ушли в чужие земли казаки. – Авт.] *такой, путивадитель, туману напустить – ничаво нильзя зделать* [Сердюкова, 2005, 87].

В части словаря, где описывается грамматический строй говора, приводится в качестве примера слово **знахарѣх** [Там же, 16], это означает, что оно было употреблено в общерусском значении ‘лекарь, народный целитель’ и поэтому не было включено в основной состав диалектного словаря.

Таким образом, слова с корнем *зна-* и значением ‘лекарь, колдун’ фиксируются на широкой территории центральных, южных, северных районов европейской части России, а также на Урале и в Сибири.

В пермских говорах у некоторых слов с корнем *зна-* зафиксированы оба значения, например, **знаткий (знаткой)** 1) ‘обладающий достаточными или большими знаниями, знающий’: *Ваня Ивиных знаткой шибко: все знат, где на океане лёд когда станет, когда праздник какой будет; 2) ‘колдун, знахарь’: Знаткой он. Говорит, на защите города будешь. А в доме у вас будет покойник. Так и сделалось; Он, видать, знаткой был, гадал, ворожил дак; Знаткие они – должно колдуны* [СПГ, I, 329]; *Колдуны де много слов знают, знаткой человек* [Аким, 1, 345].

Слово **знаткой** в «Словаре русских говоров Коми-Пермяцкого автономного округа» с пометой «эвфемизм» дается как существительное со значением ‘колдун’: *Мужик тут в деревне недалеко беда знаткой был, мог свадьбу оборотить; Знаткие – они так могут сделать, свадьбу переверотить в волков; Сватовицики пришли, невесту по спине хлопнули, сваха-то знаткая была. Невеста и*

подалась [Словарь русских говоров Коми-Пермяцкого округа, 2006, 108].

В тех же значениях, что и *знаткой*, употребляется слово *знáтный*: 1) 'обладающий достаточными или большими знаниями, знающий': *Парень-то этот был знатный до всего; Старуха знатная была, все сказки да песни разумела; Агроном у нас знатный человек. Все его уважают. Образование-то большое получил. Умный, говорят, на советах-то шибко выступал;* 2) 'колдун, знахарь': *Знатных теперь нет. Раньше были* [СПГ, I, 330] [толкование значения приведено согласно словарной статье].

Другие же слова с корнем *зна-*, например *знатли́вый*, приводятся в словарях только в значении 'колдун, знахарь': *Это старушка знатливая, заболеешь – дак к ей идёшь; Раньше-то боялись знатливых людей, а теперь не верят в них; Мужик-от знатливый был. Он чё-то сделал моего мужика, он и застрелился* [СПГ, I, 329]. *Зна́ющий* трактуется как 'колдун, человек, изводящий порчу': *У него тёща тоже знающая была. Про неё-то говорят, что она знающая. Знающими у нас тех зовут, которые килу напускают или другую порчу* [СПГ, I, 331]. В «Словаре русских говоров Коми-Пермяцкого округа» *зна́ющий* определяется как 'способный к колдовству': *В соседней деревне был один знающий, да старуха одна, пермянка, тоже людям делала. А у нас не было таких-то; Поставят килу, надо идти к знающей бабушке, отговор чтоб прочитала* [Словарь русских говоров Коми-Пермяцкого округа, 2006, 108, 187].

Существительное *знáтка* толкуется как 'знахарка, колдунья': *Сходи к знатке, она всё скажет; Она к знатке сходилa, та ей болезнь заговорила. Суседки послали его к знатке; В деревне-то в нашей знатка живёт* [СПГ, I, 329].

При сопоставлении материалов словарей возник закономерный вопрос: почему одинаково называли не только человека, помогающего людям и животным, лечащего средствами народной медицины, но также такого, кто при помощи колдовства вредит людям; одним словом называют и лекарей, и колдунов. Данных диалектных словарей в данном случае явно недостаточно, поэтому для уточнения семантики слов с корнем *зна-* и выявления специфики их употребления необходимы записи диалектной речи, языковой материал, который могут предоставить картотеки, хранящиеся на кафедре общего и славянского языкознания – картотека Акчимского словаря и картотека Словаря чердынских говоров.

В обеих картотеках обнаружено значительное количество примеров употребления слов *зна́харь*, *знаха́рка* (для обозначения лиц женского пола). Они могут иметь различное смысловое наполнение, употребляться в ряде значений. Условно все примеры употребления

слов с корнем *зна-*, собранные в картотеках, возможно разделить на три группы. В каждую группу входят примеры употребления разных слов с корнем *зна-*, имеющие сходную семантику. Сначала анализируются имена существительные (рассматриваются отдельно от других частей речи, так как это самая большая группа примеров), затем – прочие слова с корнем *зна-*.

Первая группа: слово с корнем *зна-* употребляется для обозначения знающего человека, знатока какого-либо дела: *Ты видно знахэрь, знаёшь, как надо варить суп-от* [Картотека, ЧС]; *Брал знахаря. С тем дедушкой и ездил* [выбирать камень для жернова] [Картотека, ЧС].

Стоит отметить, что *знахэрь* употребляется для обозначения как лиц мужского пола, так и женского. Слово *знахарка* в данном значении в картотеке не зафиксировано.

Вторая группа: слово с корнем *зна-* употребляется для обозначения *знахаря* – человека, лечащего средствами народной медицины, заговорами; умеющего предсказывать будущее, погоду: *У нас тут много знахарей: Алакулиха, Екуниха – они погоду знают, лечат* [Картотека, АС]; *Чем-то напоят, а там живёт внутри, говорит. Она ездила в Кудымкар к знахарям, они там маме что-то помогли* [Картотека, ЧС]; *Здися ись знахарка, ково изурочат, так они лечат, снимают уроки, болезни, ету, сглазы снимают* [Картотека, ЧС]; *Знахарка над стаканом цертит* [Картотека, ЧС]; *Бабушка знахарка. Вот помогают, лечит. У человека можот нарыв какой, снимат. Веденея она и людям помогает, и скотине* [Картотека, АС]; *Знахарка её зовут, дак бабка* [Картотека, АС]; *Раньше за словами к знахаркам обращались. Вот считали, что помогает* [Картотека, АС]; *Раньше знахарка лечила, сам видел, когда маленький был* [Картотека, АС]; *Толды не было больницы-то. Каки-то были знахарки* [Картотека, АС].

Слово *знахарница* в пермских говорах зафиксировано лишь однажды и только вместе со словом *знахарь*: *Всю жизнь знат прошлую. У иё бабушка знахарница хорошая, её бабушка знахарь. Она говорит, её повешали на берёзу – она знат всё, девка-то* [Картотека, АС]. В «Словаре пермских говоров», в картотеке Словаря чердынских говоров, в «Словаре русских говоров Среднего Урала» слово не обнаружено, единичный случай употребления отмечен в «Словаре русских народных говоров» *знахарница* – «знахарка. Шенк. Арх., 1852» [СРНГ, 11, 314].

Третья группа: слово с корнем *зна-* обозначает колдуна: *Человек, который порчу знат, знахарь. Хочет [кто-то] испытать, еретник он или нет – иголку воткнём на двери* [Картотека, АС]; *Колдун, знахарь может человека, скотину испортить* [Картотека, ЧС].

Кроме существительных *знáхáрь*, *знахáрка* и малоупотребительного (возможно устаревшего) *знахарíца* в пермских говорах бытуют прилагательные *знáткий*, *знаткóй*, *знатлívый*, *знáтный*, а также причастие *знáющий* (также в функции существительного).

Примеры употребления слов *знаткóй*, *знáткий*, *знáтный*, *знáющий* можно разделить на те же три группы, что и в случае с существительными *знáхáрь*, *знахáрка*, *знахарíца*.

Первая группа: слово с корнем *зна-* употребляется для обозначения знающего человека либо знатока какого-либо дела: *Знаткий человек, который много знает, он знáющий человек. Знает чё-то, знаткóй или знáющий. Человек будто бы много понимает. Говорит много – вот его знáющим зовут* [Картотека, АС]; *Механик у нас знатной. В машинах толк знаёт* [Картотека, ЧС]; *Человек большого знания называется знáющим* [Картотека, АС]; *Знáющих людей только надо взять с собой, чтоб хороший купить* [Картотека, АС].

Вторая группа: слово с корнем *зна-* употребляется для обозначения знахаря – человека, лечащего средствами народной медицины, заговорами: *Бабу такую знаткóю приволокли, она давай со своими мастерствами подходить, лечить* [Картотека, ЧС]; *Если знаткие, которые знают много. Знахарки* [Картотека, АС]; *Она всё знáтная... её ко скоту, к народу возили* [Картотека, ЧС]; *К знáющим людям обращались, у трёх бабок лечилась. Чтобы порчу вывести, надо обязательно у трёх побывать* [Картотека, ЧС].

Третья группа: здесь помещены примеры, где слова с корнем *зна-* обозначают колдуна: *Еретница-то называют, всех назовут, хоть кого, будто это напортят чё люди-то, знаткие, люди всё знают* [Картотека, АС]; *Колдуны-де. Много слов знают, знаткóй человек, говорят* [Картотека, АС]; *Есть так знáтные люди. Так сделают, что хоть помирай – они всё знают* [Картотека, ЧС]; *Бесистые люди есь, знатные* [Картотека, ЧС]; *Люди бесистые, знатлívые. Они и портят, говорят* [Картотека, ЧС]; *Люди знатлívые, они везде есь, только господа бога держи в уме* [Картотека, ЧС]; *Если я был колдун, то про меня бы сказали, что вот, мол, знáющий человек* [Картотека, АС]; *У нас их много, колдуны, еретники, знáющие их называют* [Картотека, ЧС]; *Сестра... колдунья, шибко знáющая* [Картотека, ЧС].

Следует оговориться, что слова во второй группе обозначают не просто лечащего человека, «знающие» – это особые люди, что отмечают сами носители говора: *Он не знатлívый, а он лекарь, он только лечит* [Картотека, ЧС]. Словами с корнем *зна-* называют не всякого лекаря (например, человека, выправляющего суставы, костоправа, называют «правельщиком»), только того, кто применяет заговоры, то есть обращается к «иному» миру. Об этом же

свидетельствует и другой пример записи диалектной речи: *Всё бы знахárки были на свете – людей не было бы, все знали* [Картотека, АС]. Здесь очевидно противопоставление «знающих» и обычных людей.

К тому же, любопытно толкование слов, данное носителями говоров: *Знаткие, люди всё знают* [Картотека, АС]; *Есть так знатные люди. Так сделают, что хоть помирай – они всё знают* [Картотека, ЧС]. Главное, что отличает этих людей от обычных, – они «все знают», в этих примерах за «безопасными словами» скрывается табуированное – эти люди общаются с другим миром, обладают сверхъестественными способностями, силой.

Таким образом, вторая и третья группа объединяются общим значением – ‘люди, отличные от обычных людей, обладающие сверхъестественными способностями’. При этом нет различия, во благо или во вред применяются эти способности. Следовательно, для всех этих слов можно проследить следующий механизм развития семантики: исходное значение ‘знающий человек, знаток’ (примеры первой группы) в переносном значении употребляется для табуированного обозначения человека, обладающего сверхъестественными способностями («все знает»), умеющего обращаться к другому миру (чтобы помочь человеку, вылечить его, или «испортить», нанести вред, а также умеющего предсказывать погоду, будущее). Для носителей традиционного сознания нет различия – все эти люди обращаются в своей «практике» к иному миру – поэтому и колдуны, и лекари называются общим словом, которое изначально имело семантику ‘знающий’. Подобный механизм выявляется в случае со словами, образованными от корня *вед-* (*ведьма, веций, вежливоц* – колдун на свадьбе), которыми также изначально называли «знающих» людей.

Образование большого количества слов с корнем *зна-* в значении ‘колдун, знахарь’, безусловно, отражает утраченный сегодня пласт традиционного мышления, народной культуры, где не было сомнений в существовании того, «иногo» мира и были люди, знающие и умеющие с ним общаться, тем самым могущие повлиять на «этот» мир: причинить кому-то вред или, пользуясь знаниями, вылечить человека.

Список литературы с сокращениями

Акчим – Словарь говора д. Акчим Красновишерского района Пермской области (Акчимский словарь). Пермь, 1984. Вып. 1.

Белорусско-русский словарь. М., 1962.

Бернштейн – *Бернитейн С.Б.* Болгарско-русский словарь. М., 1975.

Былички и бывальщины: старозаветные рассказы, записанные в Прикамье / Сост. К. Шумов. – Пермь, 1991.

Варбот Ж. Ж. О некоторых характеристиках суффиксального именного отглагольного словообразования в праславянском языке (на материале древнерусского языка) // *Этимология*. 1965. М., 1967. С. 82–122.

Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. М., 2001. Т 1.

Картотека АС – Картотека Словаря говора д. Акчим Красновишерского района Пермской области (Акчимского словаря), хранящаяся на кафедре общего и славянского языкознания Пермского государственного университета.

Картотека ЧС – Картотека Словаря чердынских говоров, хранящаяся на кафедре общего и славянского языкознания Пермского государственного университета.

Русинова И.И. Магическая лексика в картотеке Словаря чердынских говоров / Национально-культурная специфика текста: межвуз. сб. науч. тр. Пермь, 2007. С. 71–82.

Сердюкова О.К. Словарь говора казаков-некрасовцев. Ростов н/Д, 2005.

СлДЯ XI–XIV вв. – Словарь древнерусского языка XI–XIV вв. М., 1989. Вып. 2.

СлРЯ XI–XVII вв. – Словарь русского языка XI–XVII вв. М., 1979. Вып. 6.

СПГ – Словарь пермских говоров: В 2 т., Пермь, 2000–2002. Т 1.

СРГСУ – Словарь русских говоров Среднего Урала: В 7 т. Свердловск, 1962–1988.

СРГСУ-Д – Словарь русских говоров Среднего Урала. Дополнения. Екатеринбург, 1996.

Срезневский И.И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам: В 3 т. М., 1958. Т. 1.

СРНГ – Словарь русских народных говоров. Л., 1976. Вып. 11.

Стыпула Р., Ковалева Г. Польско–русский словарь. Варшава, 1980.

Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: В 4 т. М., 1964–1973. Т. 1.

Черных П.Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка: В 2 т. М., 1994. Т. 1.

Шанский Н.М., Боброва Т.А. Этимологический словарь русского языка. М., 1994.

Названия деревянных и плетеных изделий домашней утвари (на материале картотеки «Словаря чердынских говоров»)

Ю.С. Бушмелева

Данная работа посвящена исследованию особенностей номинации лексических единиц, обозначающих деревянные и плетеные предметы домашней утвари (емкости, сосуды) в картотеке Словаря чердынских говоров. При этом семантическому анализу в настоящей работе подвергается как общерусская, так и собственно диалектная лексика.

Номинация – это образование языковых единиц, характеризующихся номинативной функцией, т.е. служащих для называния и вычисления фрагментов действительности и формирования соответствующих понятий о них в форме слов, сочетаний слов, фразеологизмов и предложений. Этим термином обозначают и результат процесса номинации – значимую языковую единицу [Блинова, 1984, 88].

Исследования, проводимые в области лексикологии, показали, что в диалектной языковой среде тенденция к мотивированности слова проявляется более широко, нежели в среде литературного языка. Поэтому говоры являются богатым лексическим материалом для изучения явлений мотивации. Известно, что в мотивированной лексике закреплены своего рода итоги, этапы познавательной деятельности человека в системе его взаимоотношений с окружающим миром, с другими людьми, и внутренняя форма слова отражает опыт этой деятельности. Внутреннюю форму можно назвать средством реализации мотивированности слова.

Наиболее полно свое выражение процесс мотивации находит во время естественного коммуникативного – речевого акта. Для говорящего, стремящегося к возможно большей функциональности своей речи, главным является то, чтобы найти и задействовать средства, способные активизировать, актуализировать у слушающего представление о смысловом предмете, событии или явлении через известные тому элементы (уже представленные в речевом материале и находящиеся в нем свою реализацию), поэтому он прибегает к использованию мотивированной лексики. При этом говорящий, как правило, избирает в количестве мотивировочных признаков называемых имен такие, которые выступают в качестве ведущих, главенствующих, «бросаются в глаза» [Блинова, 1984, 57].

Анализ мотивированных лексических единиц, называющих деревянные и плетеные изделия домашней утвари, позволил выделить следующие признаки, лежащие в основе номинации предметов:

1. Материал, из которого сделан предмет:

Берѣстеник ‘ковш из бересты’ (*Берѣсто сдерут, согнут и пьют, вот тебе и берестеник*).

Берѣзовица ‘посуда из бересты’ (*Берѣсто делают чумпельком, как чашечка получается, берѣзовица её называют*).

Коренница ‘сплетенная из корней дерева посуда для хранения продуктов’ (*Коренница, она из корней сделана, плетѣная. Ну, можно держать там хоть чѣ, я в ней яички держу*).

Корноватка ‘небольшая чашка, сплетенная из древесных корней, используемая в качестве формы для выпечки хлеба’ (*А ковриги были в корноватках, чашках таких плетѣных*).

2. Способ производства предмета:

Долблѣнка ‘сосуд в форме цилиндра, выдолбленный из дерева’ (*Долблѣнка – это вот как кадца, она тоже долблѣная*).

Плетенуха ‘изделие, сплетенное из корней или бересты, служащее для собирания ягод и грибов’ (*Делаются плетенухи из корней сосны, возьмѣшь ручку, завяжѣшь и потащишь, грибы-то в ней много входят*).

Плетянка ‘сплетенная из древесных корней посуда, предназначенная для хранения продуктов’ (*Плетянку такую из корней сплетут, тут и соль держали, и муку*).

3. Функции, выполняемые предметом:

Валеница ‘продолговатая плоская чашка с ручками, выдолбленная из дерева, используемая при изготовлении хлеба’ (*Валеницей-то мы хлеб валяем, она деревянная такая*).

Засыпка ‘большой деревянный ящик, служащий для хранения зерна’ (*Засыпка – это вот куда зерно засыпают, ящик такой деревянный*).

Кормушка ‘деревянный ящик или корыто, в котором дается корм скотине’ (*Кормушки-то у нас всё в конюшне стояли*).

Наберуха ‘корзинка из березовой коры, предназначенная для сбора ягод и грибов’ (*Наберуха – это по грибы ходить, по ягоды, корзина такая плетѣная; брали корзины-те наберухи на базаре*).

Черпало ‘небольшой деревянный ковш’ (*Козала бы я тебе черпало-то, да сунула куды-ко; это вот ковш такой, я с им по квас хожу да чѣ*).

Щипальница ‘деревянная доска для разделывания теста’ (*Потом хлеб щипали, щипальница называлась доска эта*).

4. Предмет, находящийся в емкости:

Маслѣнка ‘небольшой деревянный сосуд цилиндрической формы с крышкой, в котором хранили масло’ (*В маслѣнке масло дѣржат, в маслобойке – взбивают*).

Опарница ‘сосуд из досок в форме усеченного конуса, в котором приготавливали тесто’ (*Я в опарнице хлеб завожу*).

Порошница ‘деревянная подвесная коробка, предназначенная для хранения пороха’ (*Раньше порошницы такие были, в Чердыни мастер точил*).

Расса́дник ‘ящик, сколоченный из досок, имеющий ножки’ (*Рассада-то у меня все на расса́днике растёт, ящик такой деревянный на ножках*).

Толоко́нник ‘емкость для хранения толокна, сплетенная из корней сосны’ (*Он был из корней сплетён, такой круглый, в нём толокно держали*).

5. Форма изделия:

Кру́г ‘полувогнутая деревянная посуда в форме эллипса с ручкой, на дне которой перпендикулярно друг к другу располагаются две палочки, образуя четыре отверстия’ (*Он кругленький такой, с дырочками: Положишь круг на кадицу, сито – на круг, – тут тожнё брагу и цедишь*).

Носа́тка ‘деревянная посуда с рожком, в которой растапливают масло’ (*Носатка с рожком, да вот в ней масло топим*).

Утка, у́точка ‘деревянная посуда для соли в виде утки’ (*Иногда из дерева сами солонку вырезали: утку вырежут такую, она сверху открывалась; вырезали уточки – солонки с рисунками*).

Уша́т ‘деревянная кадка с двумя расположенными друг против друга удлинениями боковых дощечек с круглыми отверстиями – «ушами» (*Ушат – это кадка с ушами, сверху крышка; я в нём грибы солю, квас делаю да скотине корма даю, когда чё*). Таким образом, по всей видимости, слово *ушат* является субстантивированным прилагательным, образованным от слова *уши* с помощью суффикса *-ат* (то есть из сочетаний, типа: съсудь ушать и т.п.). Старшее значение слова – ‘ушастый’, ‘с ушами’.

6. Продукт + действие, производимое с ним:

Дубото́лка ‘посуда, в которой толкли дубовую кору’ (*В дуботолках дуб толкли, кору высыпеш в неё и толчешь*).

Маслобо́йка ‘деревянный сосуд в форме усечённого конуса, с крышкой и мутовкой, предназначенный для взбивания масла’ (*Сметану накопишь, туда навалишь и там мешашь*).

К немотивированным словам относятся наименования, внутреннюю форму и мотивированность которых можно установить только при обращении к историческим, этимологическим и диалектным словарям.

Приведем некоторые примеры, опираясь на данные «Этимологического словаря русского языка» М. Фасмера, а также «Историко-этимологического словаря современного русского языка» П.Я. Черных:

Бадья ‘деревянная посуда в форме усеченного конуса, служащая для хранения различных продуктов’ (*Бадья: дно у ей из дуба и крышка есь, хорошее дерево, масло не проходит сквозь*). Др.-рус. *бадия* – заимствовано через татарское *badïä*, *badia* из персидского *bādu* ‘сосуд для вина’ [Фасмер, 1986, I, 104].

Баклага ‘деревянный сосуд, с небольшим отверстием, закрываемым пробкой, и рожком, служащий для хранения вина’ (*Баклага, она как бочонок такой деревянный; целу баклагу вина принесли, видно, гостей-то много будет*). Родственно польскому *buklak*, заимствовано из татарского *baklak* ‘сосуд для воды’ [Фасмер, 1986, I, 110].

Зобня ‘плетеный или гнутый из бересты или лыка кузовок’ (*В зобнях крестьяне носили хлеб на поле, это кузов такой берестяной*). Данное слово возникло на базе др.-рус. *зобь*, ж. – ‘корм’ и *зобати* ‘есть’. О.-с. корень **zob-*. И.-е. корень **g'ebh-* – ‘есть’, ‘пожирать’, ‘рот’ [Черных, 1994, I, 328].

Кадь, кадка ‘деревянный сосуд из досок, скрепленных обручами’ (*Кадка, она прямая, деревянная, в ней капусту солим; Кадка у меня под умывальником стоит, деревянная она, как бочка, только края прямые*) – имеют общий корень *-кад*, заимствованный из греческого *kádi(ov)*, уменьшительного от *kádos* ‘кувшин, ведро’ [Фасмер, 1986, II, 157].

Короб ‘небольшая коробка, сплетенная из бересты’ (*У меня коробья-то лубовые; с коробом ходим по ягоды да по грибы*). Родственно лат. *corbis* ‘корзина’, лит. *karbas* ‘короб’, лтш. *karba*. О.-с. **kora*, **korъ*, и.-е. корень **(s)ker* – [:(s) – *kor*] ‘резать [обрезать]’, ‘снимать что-либо’ [Фасмер, 1986, II, 331].

Крошни ‘приспособление для переноски на спине разной поклажи, изготовленное из ивовых прутьев с кожаной прокладкой’ (*Крошни это у меня: дужка загнѣна, в середине переплетѣно, лямки делают из черѣмки и из берѣзы, ношу наложат и идут*). Возникло из и.-е. **krosnïa*. Соотносится с болг. *крошня* ‘корзина’, словен. *krosnja*, диал. *krosna* ‘носилки для груза’ и польск. *krosna* ‘рама для ношения стекла’ [Фасмер, 1986, II, 384].

Лагун ‘деревянный сосуд из досок, стянутых обручами в форме усеченного конуса, с крышкой, имеющей посередине небольшое, закрываемое пробкой отверстие. Предназначен для приготовления пива, браги’ (*Лагун, он деревянный, в нём пиво морят, брагу дѣржат*). Родственно польскому *lagunica* ‘бутылка, сосуд для питья’. Обычно объясняется как заимствованное из греч. *λάγυνος* ‘сосуд’ [Фасмер, 1986, II, 446].

Русло ‘длинное деревянное корыто с небольшим отверстием посередине, используемое при изготовлении пива’ (*Деревянное русло было, оно как корыто, длинное, там в середине такая дырочка есть*).

Вероятно, родственно лит. *rusėti* ‘течь’, *rusnóti* ‘медленно течь’ [Фасмер, 1986, III, 521].

Сту́па ‘высокий, выдолбленный из дерева сосуд в виде цилиндра, предназначенный для измельчения чего-либо, посредством толчения’ (*Ступа-то деревянная была, в ней хоть чё толкли, в ступе-то*). Праслав. **stQpa* заимств. из др.-герм. – ср.-нж.-нем. *stampe* ‘трамбовка’ [Фасмер, 1986, III, 788].

Шай́ка ‘небольшая деревянная посуда с ручкой, похожая на ведро’ (*Шайки были широкие, деревянные, под умывальник их ставили*). Данное слово отсутствует в древних славянских языках, является тюркским по происхождению. Обычно объясняют из тур. *şaika* ‘лодка’, ссылаясь при этом на отношение к сербохорв. *škîŋ* ‘корыто’ и другие наименования [Фасмер, 1986, IV, 395].

Таким образом, исследование особенностей номинации лексики, называющей деревянные и плетеные предметы домашней утвари в картотеке Словаря чердынских говоров, показало, что большая часть наименований являются немотивированными с точки зрения внутренней формы, а мотивированные составляют меньшую часть.

Семантический анализ мотивированных лексических единиц позволил выделить следующие признаки, лежащие в основе номинации предметов: материал, из которого сделан предмет; способ производства предмета; функции, выполняемые предметом; предмет, находящийся в емкости; форма изделия; продукт + действие, производимое с ним.

Выявление признаков, лежащих в основе номинации немотивированных лексических единиц, требует более глубокого исследования и обращения к специальной литературе.

Список литературы

Блинова О.И. Явление мотивации слов (лексикологический аспект) // О.И. Блинова. – Томск, 1984.

Фасмер М. Этимологический словарь русского языка // М. Фасмер. – М., 1986.

Черных П.Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка // П.Я. Черных. – М., 1994.

**Финно-угро-самодийские лексические заимствования
в системе охотничьей терминологии Северного Прикамья**

Р.В. Гайдамашко

Взаимодействие русского и финно-угро-самодийских языков в Северном Прикамье имеет глубокую историю. В период позднего неолита в Прикамье обитали рыболовецкие и охотничьи племена, по быту, культуре и языку родственные племенам, живущим в бассейнах Вычегды и Печоры. По-видимому, среди этих племен были и древние предки современных пермских народов (удмуртов, коми-зырян, коми-пермяков). На рубеже эр они разделяются на удмуртскую общность и коми единство. Когда в Верхнем Прикамье с IX в. н.э. формируется родановская археологическая культура, коми единство разрушается [Оборин, 130-131]. Важным событием для автохтонов Северного Прикамья стала встреча с русскими переселенцами после присоединения Перми Великой к Московскому государству. Эта встреча способствовала не только культурным и духовным, но и языковым контактам коми-пермяков и русских. У древнего населения Северного Прикамья русские перенимали названия неизвестных им рыболовных и охотничьих приспособлений, названия местных животных и рыб, особенностей ландшафта.

Самые обширные группы заимствованной лексики представлены тематическими группами «Рыболовство» и «Ландшафт», по сравнению с которыми лексика охотничьего промысла представляет собой более изолированную терминологическую систему. В Словаре пермских говоров находим следующие охотничьи термины, восходящие к финно-угорским и самодийским языкам: *лузан*, *нодья*, *юкса*, возможно, *кысы* и *лабаз*. В КСЧГ находим еще: *няра*, *шалгач*. В настоящей статье не рассматриваются финно-угорские названия промысловых животных и птиц.

1) Существительное **КЫСЫ** в пермских говорах имеет основное значение ‘охотничьи лыжи, подбитые шкурой, снятой с ног копытных животных’ [СПГ, I, 459]. В Чердынском и Красновишерском районах зафиксировано более конкретное значение ‘охотничьи лыжи, подбитые шкурками с ног лося’ [КСЧГ]. В сходном значении отмечено сочетание **КИСОВЫЕ (КЫСОВЫЕ) ЛЫЖИ** [Прокошева, 204]. Вместе с тем **КЫС**: 1) ‘шерсть на ногах оленя’, 2) ‘кожа на ногах лошади’, 3) (обычно мн. **КЫСЫ**) ‘шкурка с ноги лося, оленя, лошади, используемая для подбивки охотничьих лыж и шитья обуви’: *Как сапоги, даже выше коленей из кысов-то нашьют, в них и ходят* [АС, 2, 97]; **КЫСа**, **КЫСИКИ** ‘шерсть на ногах лося’ [КСЧГ]. Повсеместно в Чердынском районе (Камгорт, Искор, Нырб, Пянтег, Редикор) для обозначения мягкой обуви из шкурок с оленьих или лосиных ног используется лексема **КЫСОВИКи**. Эта же лексема в Красновишерском районе бытует в следующих значениях: 1) ‘= *няра* (*няры*)’, 2) ‘= *кысатики*’. Существительному *няры* посвящена

отдельная часть данного исследования (см. ниже), слово же **КЫСаТИКИ** в «Словаре говора д. Акчим Красновишерского района Пермской области» раскрыто как ‘охотничьи лыжи, подбитые *кысами*’ [АС, 2, 97].

В основном значении слово **КЫСа** дано с пометами сиб. и перм. [Даль, II, 234], тобол. [Опыт, 99]. В томских говорах бытует в формах **КЫС**, **КЫСЬ** ‘шкура с ног лося или лошади для обивки охотничьих лыж’ [Доп. к СРСГО, I, 235]. Данная лексема распространена и в коми-зырянских диалектах [ССКЗД, 189]. При таком ареале распространения уместно говорить о самодийском заимствовании.

2) Существительное **ЛаБАЗ** в интересующем нас значении ‘помост с шалашом на ветвях дерева, на котором охотники подкарауливают медведя’ [СПГ, I, 459] в «Дополнении к Опыту областного великорусского словаря» дано с пометами костр., сиб., урал., в волог. – с ударением на втором слоге [Доп. к Опыту, 97]. Даль отмечает **ЛАБаЗ**, **ЛаВАС** олон., перм., камч. ‘сарай, навес, балаган, амбар для убереженья припасов от зверя’ и **ЛаБОЗИТЬ** ‘поставить полати, лабаз, сторожку и стеречь в ней зверя’ [Даль, II, 234]. В пермских памятниках первая фиксация лексемы **ЛаБАЗ** в значении ‘амбар, склад’ датируется 1684 г. [СПП, III, 27]. В значении ‘помост на ветвях дерева, где охотники ожидают зверя’ оно отмечено в архангельских [Подвысоцкий, 80], томских [СРСГО, II, 122], красноярских [СРГЮК, 104; СРГСК, 151-152] говорах. Любопытно отметить, что в сибирских говорах от данной лексемы возникло устойчивое выражение **ЛАБАЗить МяСО (провизию)** ‘складывать и хранить на лабазе’ [СФС, 97]. В астраханских [Опыт, 99] и прибайкальских [СРГП, 57] говорах слово **ЛаБАЗ** имеет значение ‘помещение на рыбных промыслах, в котором солили и обрабатывали рыбу’. Очевидно, отсюда в камчатских говорах развилось значение ‘стол для чистки рыбы’ [СРКН, 91].

Ряд лексем и значений можно долго продолжать, однако ясно, что слово, имеющее глубокую историю и столь широкий ареал распространения, не может происходить от коми *lobos* ‘хижина, шалаш’, сближаемого с венг. *lomb* ‘листва, ветка’. (Данная точка зрения на этимологию приводится в словаре Фасмера [Фасмер, II, 442] со ссылкой на: J. Kalima. Die ostseefinnischen Lehnwörter im Russischen. Helsinki, 1919, стр. 146; J. Kalima. Die russischen Lehnwörter im Syrjänischen. Helsingfors, 1911, стр. 73). Фасмер придерживается мнения о том, что форма на -б- исконнославянского происхождения [Фасмер, II, 442]. Однако этой гипотезе можно противопоставить теорию о происхождении слова **ЛаБАЗ** от тат.-каз. *лапас* ‘крытая изгородь’ [Горяев, 441]. Авторы «Краткого этимологического словаря русского

языка» также толкуют данную лексему как др.-русск. заимствование из тюркских языков (ср. тат. *лапас* ‘навес’) [КЭСРЯ, 230].

3) Существительное **ЛУЗаН** в пермских говорах имеет два значения: 1) ‘куртка-безрукавка из кожи, мешковины, домотканого полотна, закрывающая грудь и спину’; 2) ‘ягдташ; охотничья сумка для дичи’ [СПГ, II, 492]. В чердынских, гайнских и красновишерских говорах диалектоносители связывают два понятия вместе: ‘охотничья куртка, надеваемая через голову и закрепляемая ремнем на поясе, которая служит для переноски убитой птицы и зверя’: *Как лузан-от полный, так и домой. Это куртка такая для охоты. Дичь в её кладём. Без лузана и не ходим* [КСЧГ]. В Красновишерском районе зафиксирован вариант **ЛЫЗаН** ‘охотничья безрукавая куртка-сумка’: *Охотничье снаряжение. Векош, кунцу туда пехать, ребков, глухарей. Надо – сухари кладёшь на паужин* [АС, 2, 115]. Очевидно, раньше слово **ЛУЗаН** не имело отношения к лексике охотничьего промысла: ср. **ЛУЗаН** перм., сиб. ‘род короткой безрукавой рубахи из войлока, сукна, сукманины, холста, надеваемой лесниками сверх всякой одежды для защиты от холода, мокроты’; ‘(у зырян) род бурки, войлочный плащ’; ‘(у ломовых извозчиков и крючников) безрукавый наплечник; нахребетник’ [Даль, II, 276]; ‘две соединенные парюю помочей и перекидываемые через плечи суконные или холщовые сумки, в которых лесовщики, отправляясь на промысел, держат съестные припасы’ [Подвысоцкий, 84]; ‘короткая безрукавая рубаха из войлока, холста, надеваемая лесниками сверху одежды для защиты от холода и сырости’ [Элиасов, 189].

Слово **ЛУЗаН**, по мнению Калимы, имеет корни в языке коми – *luz* ‘накидка на плечи у охотника за соболями’, *loz* ‘род башлыка из ткани или кожи с карманом впереди для боеприпасов и провианта и карманом сзади для добычи’ [Kalima, 1927, 31-32]. Мнение о том, что коми *luzan* – обратное заимствование из русского языка, подтверждает Л.А. Ивашко, заметившая, что «в русском языке заимствованное слово оформилось по существующим словообразовательным образцам и имеются варианты его с двумя различными суффиксами: **ЛУЗаН** и **ЛУЗеЦ**» [Ивашко, 94-95].

4) Существительное **Нодья** в значении ‘охотничий костер для ночевки в лесу зимой, раскладываемый из двух бревен так, что нижнее горит, а верхнее предохраняет огонь от осадков’ [СПГ, I, 600] имеет широкое распространение на всей территории Русского Севера и в Западной Сибири: в Словаре русских народных говоров лексемы **Нодья**, **Нотья**, **Нодья**, **Нодьё**, **Надьё**, **Нотьё**, **Нотье** даны с пометами сиб., перм., нижегор., урал., арх., сев.-двин., онеж., волог., новосиб., заурал., томск., красноярск., свердл., Киров., олон., костр., влад. [СРНГ, 21, 268]. В красноярских говорах зафиксирована лексема

НОДЬЯ ‘вид костра’ [СРГЮК, 109]. Охотники Северного Приангарья так описывают этот костер: *Мы это уже от тунгусов научились – рубить нодью. Нодья – два кряжа, выбираешь кедровые: кедра не трещит. По бревну прорубаешь пяткой топора щепочки, а между бревен кладёшь сучки. Ставишь две рогули, перекладину, рубите ёлки, сперва длинные сучья, обкладываешь с той стороны, а потом пихтой. Здесь у вас нодья, от неё искры не летят, она вот так стелет огонь. Так дров много надо, а с нодьёй можно ночевать с двумя кряжами, она всю ночь горит* [СРОСА, 62].

Лексема **НОДЬЯ**, вероятно, имеет карельско-вепсскую этимологию, ср. кар. *nuodivo*, фин. *nuotio*, вепс. *nod'g* ‘костер на стоянке’ [Kalima, 1915, 173], вепс. *nod'g*, *nod'j* ‘нодя (охотничий костер)’ [СВЯ, 362]. В качестве подтверждения неширокого ареала распространения данной лексемы на финно-угорской почве С.А. Мызников приводит материалы Suomen kielen etymologinen sanakirja: мар. *nödñä*, манс. *nūtīa* ‘костер’ [Мызников, 2003, 398] и возводит к германским источникам: др.-англосакс. *nōd-fūr*, нем. *Notfeuer*, дат. *nødild*, швед. *nödeld*, *neding*, норв. *naueid*, совр. норв. *nying* ‘костер’ [Мызников, 2004, 326-327].

5) Существительное **НяРЫ** в пермских говорах распространено в Красновишерском районе (Вёлгур, Вишера, Колва, Мартино) в трех значениях: 1) ‘вид зимней обуви, сшитой из шкуры лося’; 2) ‘валеные сапоги из оленьей шкуры с подшитыми подошвами’; 3) ‘зимняя обувь рыбацкая и охотников, делающаяся из войлока’ [КСЧГ]; 4) ‘охотничьи короткие сапоги из оленьего меха с опушкой’. В Красновишерском же районе (д. Акчим) зафиксировано устойчивое выражение **ВаЛЯННЫЕ НяРЫ** ‘невысокие, валянные из овечьей шерсти полусапожки, с оторочкой из ткани и продернутыми в оторочку ремешками-завязками’: *Няры валенные с опушнями. Катали зыряне. Это няр, а это опушень. Тут поески* [АС, 3, 86].

«Толковый словарь живого великорусского языка» Даля и «Опыт...» дают лишь одну помету – перм. [Даль, II, 581; Опыт, 131]. «Словарь русских народных говоров» отмечает **НяРЫ** в значении ‘охотничьи короткие сапоги с опушкой и загнутыми кверху носами из оленьей кожи’ в Пермской и Свердловской областях [СРНГ, 21, 334-335]. Вероятно, данная лексема имеет угорские корни: Фасмер не согласен с гипотезой Калимы о происхождении русского **НяРЫ** от манс. *nāra* ‘обувь’, а предполагает в качестве источника хант. *nara* ‘то же’ [Фасмер, III, 94-95].

6) Существительное **ШАЛГаЧ** в чердынских говорах имеет значение ‘охотничий кисет’ [КСЧГ]. Наряду с представленной формой в русских говорах зафиксированы лексемы **ШАЛГуН**, **ШЕЛГуН**, **ШЕЛГаЧ** в значении ‘дорожный мешок для хлеба и припасов’ [Даль,

IV, 638; Опыт, 262; Подвысоцкий, 192], причем в «Словаре областного архангельского наречия» **ШАЛГаЧ** и **ШАЛГуН** описаны в статье **ЛУЗаН** и связаны с данной лексемой значением ‘две соединенные парюю помочей и перекидываемые через плечи суконные или холщовые сумки, в которых лесовщики, отправляясь на промысел, держат съестные припасы’ [Подвысоцкий, 84].

Предлагается происхождение от кар. *šalkku*, фин. *salkku* ‘сумка с продовольствием, мешок’ [Фасмер, IV, 398] и ливв. *šalgu* ‘мешок’ [Мызников, 2004, 352].

7) Существительное **юКСЫ** имеет значение ‘(ременные) крепления к лыжам’: *Если охотники занимаются капканами, то юкса не такая, не ременная, а из мочала, потому что ременную надо мазать дёгтем, а нельзя – запах* [КСЧГ].

Слово **юКСА** в значении ‘ременная петля у лыж, надеваемая на ногу’ распространено в печорских [СРГНП, 2, 464], забайкальских [Элиасов, 468], камчатских [Даль, IV, 688; Опыт, 272; СРКН, 194], красноярских [СРГСК, 341; СРОСА, 117] говорах. О.В. Востриков возводит данное заимствование к саам. лул. *juksa-* и саам. патс. *juksa* ‘лыжные ремни’ [Востриков, 17].

Конечно, приведенные материалы не исчерпывают данных лексики охотничьего промысла, однако этого достаточно, чтобы проиллюстрировать своеобразие рассматриваемой территории в отношении языковых контактов и лексических заимствований в частности.

Список сокращений языков и диалектов

- англосакс. – англосаксонский
- венг. – венгерский
- вепс. – вепский
- дат. – датский
- др. – древне-
- кар. – карельский
- ливв. – ливвиковский диалект карельского языка
- манс. – мансийский
- мар. – марийский
- нем. – немецкий
- норв. – норвежский
- русск. – русский
- саам. лул. – лульский диалект саамского языка
- саам. патс. – патсойки диалект саамского языка
- тат. – татарский
- тат.-каз. – татарско-казахские

фин. – финский
хант. – хантыйский
швед. – шведский

Список литературы с сокращениями

АС – Словарь говора д. Акчим Красновишерского района Пермской области (Акчимский словарь) / Под ред. *Ф.Л. Скитовой*. – Вып. II-V. – Пермь, 1990-2003.

Востриков – *Востриков О.В.* Финно-угорские лексические элементы в русских говорах Волго-Двинского междуречья // *Этимологические исследования*. Свердловск, 1981. С. 3-45.

Горяев – *Горяев Н.В.* Сравнительный этимологический словарь русского языка. Тифлис, 1896.

Даль – *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка / Тт. I-IV. – М., 1935.

Доп. к Опыту Дополнение к «Опыту областного великорусского словаря». СПб., 1858.

Доп. к СРСГО Словарь русских старожильческих говоров средней части бассейна р. Оби. Дополнение / Под ред. *О.И. Блиновой, В.В. Палагиной*. Ч. 1-2. Томск, 1975.

Ивашко – *Ивашко Л.А.* Заимствованные слова в печорских говорах // *Уч. зап. ЛГУ. Сер. филолог. наук. Вып. 42. № 343*. 1958. С. 84-103.

КСЧГ – Карточка Словаря чердынских говоров, хранящаяся на кафедре общего и славянского языкознания Пермского государственного университета.

КЭСРЯ – Краткий этимологический словарь русского языка. Изд. 2-е, испр. и доп. / Под ред. *С.Г. Бархударова*. М., 1971.

Мызников 2003 – *Мызников С.А.* Русские говоры Обонежья: Ареально-этимологическое исследование лексики прибалтийско-финского происхождения. СПб., 2003.

Мызников 2004 – *Мызников С.А.* Лексика финно-угорского происхождения в русских говорах Северо-Запада: Этимологический и лингвогеографический анализ. СПб., 2004.

Оборин – *Оборин В.А.* Некоторые вопросы этногенеза коми-пермяков // *Вопросы марксистко-ленинской теории наций и национальных отношений*. Пермь, 1972.

Опыт – Опыт областного великорусского словаря, изданный Вторым отделением Академии наук. СПб., 1852.

Подвысоцкий – *Подвысоцкий А.* Словарь областного архангельского наречия в его бытовом и этнографическом применении. СПб., 1885.

Прокошева – Прокошева К.Н. Фразеологический словарь пермских говоров / Пермь, 2002.

СВЯ – Зайцева М.И., Муллонен М.И. Словарь вепсского языка. Л., 1972.

СПГ – Словарь пермских говоров / Под ред. А.Н. Борисовой и К.Н. Прокошевой. Вып. 1-2. Пермь, 2000-2002.

СРГНП – Словарь русских говоров Низовой Печоры / Под ред. А.А. Ивашко. Тт. 1-2. СПб, 2003-2005.

СРГП – Словарь русских говоров Прибайкалья. Иркутск, 1987. Вып. 2. К-Н.

СРГСК – Словарь русских говоров северных районов Красноярского края. Красноярск, 1992.

СРГЮК – Словарь русских говоров южных районов Красноярского края. Красноярск, 1968.

СРКН – Словарь русского камчатского наречия. Хабаровск, 1977.

СРНГ – Словарь русских народных говоров. Тт. 1-36. М., Л., СПб., 1965-2002.

СРОСА – Словарь рыбаков и охотников Северного Приангарья / Сост. В.И. Петроченко. Красноярск, 1994.

СРСГО – Словарь русских старожильческих говоров средней части бассейна р. Оби / Под ред. В.В. Палагиной. Тт. 1-3. Томск, 1964-1967.

СПП – Словарь пермских памятников XVI – начала XVIII в. / Сост. Е.Н. Полякова. Вып. 3. К-О. Пермь, 1996.

ССКЗД – Сравнительный словарь коми-зырянских диалектов. Сыктывкар, 1961.

СФС – Словарь фразеологизмов и иных устойчивых сочетаний русских говоров Сибири / Сост. Н.Т. Бухарева, А.И. Федоров. Под ред. Ф.П. Филина. Новосибирск, 1972.

Фасмер – Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Тт. I-IV. М., 1964-1973.

Элиасов – Элиасов Л.Е. Словарь русских говоров Забайкалья. М., 1980.

Kalima 1915 – Kalima J. Die ostseefinnischen Lehnwörter im Russischen. Helsingfors, 1915.

Kalima 1927 – Kalima J. Syrjänische Lehngut im Russischen // Finnisch-ugrische Forschungen. Helsinki, 1927. XVIII. S. 1-56.

Процессуальная лексика тематической группы «Болезнь» (на материале картотеки Словаря чердынских говоров)*

Л.С. Рассанова

Как известно, в народной речи находит отражение эмоциональная сфера человека. И.А. Подюков пишет: «Обыденное общение сплошь и рядом опирается на ассоциативный характер человеческого мышления. В сфере живой обыденной речи экспрессивный фонд языка активно теснит номинативный» [Подюков, 1990, 24]. При всем несомненном сходстве русских говоров каждый диалект представляет собой уникальный путь освоения окружающей действительности, на базе каждого диалекта формируется особая языковая картина мира. Диалектная языковая картина мира (ДЯКМ), по определению К.И. Демидовой, – это вариант национального образа мира, отраженный в совокупности территориально-социальных коммуникативных средств и в системе ценностных ориентаций. По мнению К.И. Демидовой и Т.А. Злыденной, одним из аспектов изучения ДЯКМ является лингвокультурологический, при котором язык рассматривается как феномен культуры и решаются вопросы о мировосприятии человеком окружающего пространства, о системе его ценностных ориентаций, представленных в единицах языка, культуры [К.И. Демидова, Т.А. Злыденная, 2006, 72-73].

В данной статье рассматривается процессуальная лексика чердынских говоров, имеющая культурную коннотацию. Материалом для нашего исследования послужили только мотивированные слова. Под мотивированностью мы, вслед за О.И. Блиновой, будем понимать структурно-семантическое свойство слова, позволяющее осознать взаимообусловленность его значения и звучания на основе соотносительности с языковой и неязыковой (в том числе и культурной) действительностью; под мотивировочным признаком – выраженный в слове непосредственно или опосредованно номинационный признак обозначаемого [Блинова, 2004, 66].

Как показывает собранный и изученный нами материал, процесс болезни в чердынских говорах наиболее часто представляется как физическое воздействие на организм человека извне, в частности как нарушение целостности, изменение формы, отторжение большого органа и др. В данной статье мы исследуем глагольные единицы, обозначающие процесс болезни, которые своей семантикой и внутренней формой отражают данное представление.

* Работа выполнена при финансовой поддержке гранта РГНФ № 07-04-82409 а/У

Рассмотрим, как реализуется представление о болезни как физическом воздействии на примере глаголов, обозначающих процесс болезни вообще:

Найтí (безл.) – ‘заболеть’ (*На меня корь нашла*) ср. с лит. ‘1. идя, двигаясь, натолкнуться на кого-л., что-л.’; ‘2. двигаясь, закрыть собой’ [СлСРЛЯ, VII, 234-235]. Процесс болезни в рассмотренном случае осмысливается в категории движения, направленного против человека, то есть актуализируется семантика встречного движения, столкновения.

Захвátыватъ (безл.) – ‘подвергнуть болезненному состоянию, остановить на мгновение’ (*Одышка давит, сердце захватывает*) ср. с лит. ‘4. силой овладевать кем-л., чем-л.’ [СлСРЛЯ, IV, 1047]; По данным Историко-этимологического словаря П.Я. Черных, старшее общеславянское значение глагола *chvatati могло быть ‘присваивать, делать своим чужое’ [Черных, II, 335]. Таким образом, значение данной глагольной единицы отражает представление о процессе болезни как насильственном состоянии, сообщенной ему внешним воздействием. Болезнь воспринимается как подчинение человеческого организма враждебной силе, победа этой силы над ним. С другой стороны, через корень *-хват-* реализуется семантика внезапности, быстроты воздействия на организм (ср. с лит. *хватáть* – ‘брать резким, быстрым движением’) [СлСРЛЯ, XVII, 74], то есть значение этого корня указывает на реальную симптоматику болезни.

В рассмотренных случаях мы видим, что процесс болезни в сознании диалектоносителя воспринимается как некая сила, способная к движению, которая направлена против человека и может победить его.

Теперь рассмотрим глаголы с более частным значением, отражающим конкретные проявления процесса болезни.

В семантике следующих глаголов содержится указание на способ воздействия болезни на организм, то есть на характер проявления болевых ощущений и других симптомов. Рассмотрим три случая:

Стрелять (безл.) – ‘резко болеть’ (*Голова болела, даже в крыльце, в лопатку стреляло*). В значении данного глагола содержится метафорическое указание на воздействие извне, причиняющее острую боль.

Ткну́ть (безл.) – ‘резко заболеть’ (*Печень у меня болит, вот сегодня опеть ткнуло в бок*). Как и в предыдущем случае, болезнь воспринимается в сознании диалектоносителя как некая сила, направленная против человека, наносящая ему удар (ср. с лит. *ты́катъ* – ‘1. вонзать что-либо колющее, имеющее заостренный конец’; ‘2. колоть, прокалывать чем-либо острым’) [СлСРЛЯ, XV, 1187-1188]. Значение единичности или периодичности и появления этого болевого ощущения передается суффиксом *-ну-* – показателем однократного

подвида (совершенного вида). Именно в этой форме данный глагол и выступает в большинстве случаев.

Опалить (безл.) – ‘о состоянии высокой температуры’ (*Никак, видно, порча не отпускает, всего меня опалило*). В этом случае состояние человека с высокой температурой тела обозначается через метафорическое указание на процесс обжигания (ср. с лит. *палить* – ‘2. жечь, сжигать’) [СлСРЛЯ, VIII, 63]. Наряду с глаголом *опалить*, в чердынских говорах встречается устойчивое выражение **как огнём опалило**, которое имеет то же самое значение. В этом выражении подчеркивается связь состояния высокой температуры с физическим воздействием огня.

В чердынских говорах также присутствуют глагольные лексемы, обозначающие болезнь как процесс изменения формы больного органа, нарушение его целостности. Рассмотрим следующие случаи:

Кособэнить (безл.) – ‘сводить судорогами’ (*Судорогой кособэнит пальчи*). Мотиватором в данном случае является литературный глагол *косить* – ‘1. придавать чему-либо косою положение, делать кривым, направлять вкось’ [СлСРЛЯ, V, 1498];

Корчить (безл.) – ‘болеть, о сильной боли в суставах’ (*Ногу закорчило, заболела*). По одной из научных версий, это слово восходит к праиндоевропейскому корню **ker* со значением ‘сгибать, искривлять, изгибать, закручивать’ [Черных, I, 433]

Крутить (безл.) – ‘сильно болеть (о сверлящей боли в желудке)’ (*Поешь – крутит, крутит, болит брюхо; руку выкрутило*) ср. с лит. ‘приводить в круговое движение, вращать, вертеть’ [СлСРЛЯ, V, 1740].

Давить (безл.) – ‘болеть’ (*У меня в груди спираёт, давит*) ср. с лит. ‘1. налегать тяжестью; 2. прижимать массой, тяжестью’ [СлСРЛЯ, III, 530].

Ломить (безл.) – ‘болеть’ (Скоро пошла, дак сразу ноги и заломило) ср. с лит. ‘сгибая или ударяя с силой, разделять надвое, на куски, на части’ [СлСРЛЯ, VI, 341].

Загибать (безл.) – ‘проявиться (о боли, ломоте)’ (Меня сегодня загибат) ср. с лит. ‘согнув, завернуть, отклонить в сторону’ [СлСРЛЯ, IV, 340].

Вывёртеть (безл.) – ‘постепенно сделать неполноценным, разрушить болезнью’ (*На место лекарства глазного како-то втирание пустила, у меня его и вывертело глаз-от*) ср. с лит. *вертеть* – ‘приводить в круговое движение’ [СлСРЛЯ, II, 191].

Общим мотивировочным признаком этих глаголов является указание на деформацию больного органа под воздействием внешней силы. Часто указание на изменение формы является метафорой, передающей характер болевых ощущений.

Мотивировочные признаки слов данной группы указывают на действия, направленные на изменение первоначальной правильности формы предмета. Родовое значение процессуальной лексики этой группы можно определить так: 'нарушать форму, целостность'. В результате выявляется оппозиция: деформированное, изогнутое, закрученное, кривое – больное ~ целое, прямое – здоровое.

Процесс болезни как физического воздействия находит отражение не только в семантике рассмотренных глаголов, но и в их грамматической форме. Важно отметить тот факт, что большинство глагольных лексем с подобным значением являются безличными. Безличность передает процесс, протекание которого не зависит от человека: *ногу закорчило; давит в груди; крутит брюхо; всего меня опалило; сердце захватывает; под лопатку стреляло; ткнуло в бок*. Ср. с лит. *болит живот; болит сердце; болит нога*. Мы видим, в говоре подобные словосочетания связаны объектными отношениями, то есть больной орган или весь человеческий организм выступают как объект воздействия, а сам процесс болезни выступает как физическое воздействие некой силы извне (в рус. лит. яз. подобные сочетания выступают как предикативные единицы). С.М. Поздеева считает, что это физическое воздействие носит потусторонний, демонический характер, она пишет: «Непосредственная связь мотивировочных признаков битья, ломания, захвата, давления с идеей применения силы позволяет вывести на их основе культурную ассоциацию, выражающее народное понимание болезни в виде персонифицированной демонической (чаще всего невидимой) силы, имеющей губительный для человека характер» [Поздеева, 102].

Следует отметить, что в говорах виды болезненных состояний представлены очень детально и выражаются гораздо более образно и экспрессивно, чем в литературном языке. Это, на наш взгляд, связано с тенденцией к преимущественному выделению диалектной системой языка отклонения от нормы.

Таким образом, можно сделать вывод, что представление о процессе болезни как физическом воздействии на организм широко распространено. В частности, процесс болезни может восприниматься как движение, захват, причинение острой боли, деформация. Мы видим, что в глагольной лексике находит отражение образное восприятие процесса болезни в народной культуре.

Список литературы с сокращениями

Блинова О.И. Русская мотивология. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2004.

Демидова К.И., Злыденная Т.А. Ценностный аспект русской диалектной языковой картины мира / Лексический атлас русских народных говоров (материалы и исследования 2006). СПб. Наука, 2006.

Подюков И.А. Народная фразеология в зеркале народной культуры. Пермь: Изд-во Перм. гос. пед. ун-та, 1990.

Поздеева С.М. Лингвосомиотические связи в диалектной системе (на материале экзистенциальной лексики пермских говоров): Дис. ... канд. фил. наук. Пермь, 2005.

СлСРЛЯ – Словарь современного русского литературного языка (в 17-ти томах). М.; Л., 1950-1965.

Черных П.Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка. М.: Русский язык, 1994.

**Фразеологические единицы
тематической группы «Народные гадания»
(на материалекартотеки «Словаря чердынских говоров»)***

С.В. Десяткова

В настоящее время обряд гадания забывается, в современных говорах уже не наблюдается того разнообразия гаданий, какое представлено в книге М. Забылина «Русский народ. Его обычаи, обряды, предания, суеверия и поэзия», выпущенной в 1880 году [Забылин, 1989]. Сейчас в народной культуре сохранены и функционируют лишь некоторые виды гадания на Святки. Данная работа представляется нам актуальной, так как в ней рассматривается лексика интереснейшего обряда, который вскоре может быть утрачен в связи с изменением жизни общества.

В исследовании рассмотрены названия гаданий, представленные в картотеке «Словаря чердынских говоров», а также в материалах фольклорных экспедиций, проведенных на территории Чердынского, Соликамского и Красновишерского районов. Предмет исследования – отношения компонентов фразеологических единиц тематической группы (далее – ТГ) «гадания».

За единицу исследования принят факт употребления сочетания. Таким образом, одно сочетание, зафиксированное в разных контекстах, представлено несколькими единицами. Данный подход позволил определить частотность того или иного сочетания, а также выявить

* Работа выполнена при финансовой поддержке гранта РГНФ № 07-04-82409 а/У

полисемантические сочетания и сочетания, имеющие оттенки в своем значении. Объем полученного материала – 157 единиц.

Рассматриваемые единицы имеют следующую структуру: *глагол + предложно-падежная форма имени существительного*, синтаксически независимое слово здесь глагол, тип отношений между компонентами связанного словосочетания – управление.

Под фразеологической единицей (далее – ФЕ) понимается относительно устойчивое, воспроизводимое сочетание лексем, обладающее целостным значением.

Большинство слов, входящих в исследуемые фразеологические сочетания, относится к общерусским. Лишь некоторые являются просторечными (*тягать, садить, ложить*) и диалектными (*имать, наводиться, батог, скать*). Однако даже в том случае, если все компоненты сочетания принадлежат литературному языку, фразеологическая единица приобретает свое значение только в диалекте.

Согласно теории В.В. Виноградова, исследуемые нами ФЕ являются фразеологическими сочетаниями, «в них слово с несвободным значением допускает синонимическую подстановку и замену» [Виноградов, 1977, 159].

Как показало проведенное исследование, в данных ФЕ может варьироваться как план выражения (тогда мы имеем дело с фразеологическими вариантами), так и план содержания (в этом случае мы говорим о полисемантических фразеологических сочетаниях). При незначительном варьировании плана содержания можно говорить об оттенках значения ФЕ.

Таким образом, сложность выделения фразеологизмов связана с возможной вариативностью того или иного компонента сочетания.

Рассмотрим **вариативность существительного**. В большинстве ФЕ именная часть вариативна, элементы могут различаться по разным аспектам:

1) по числу: *смотреть (смотреться, глядеть, наводиться) в зеркало, наводить зеркало и глядеть в зеркала, ставить зеркала* (гадание, цель которого – увидеть будущее): *В зеркало наводились. Не шибко мудрёно, вот тут поставишь стул, взади зеркало большое и этак зеркало (показывает перед собой). Вот дедушко у меня показанец;*

2) по наличию уменьшительных суффиксов: *полоть снег, полоть снежок и пополоть снежочек* (гадание, цель которого – узнать, где живет будущий муж): *А вот ишо бегали снег пололи. «Полю, полю снежок, где мой мил дружок, там собака залай». Собака где залает, туды пойдёшь;*

3) могут являться синонимами: **смотреть на месяц, смотреть месяц по зеркалу и смотреть на луну, наставляя зеркала на луну** (гадание, цель которого – узнать, сколько человек будет в семье гадающего): *На месяц смотрят. В зеркало наставляют месяц вот так и смотрят в зеркало. Если много показывается отражение месяца-то, семья большая будет, в большую семью уйдёшь [замуж], а если отражение месяца один-два, то малая семья будет;*

4) могут относиться к тематически однородной группе лексики: **бросать валенок, лапоть, сапог** (гадание, цель которого – узнать, где живет будущий муж): *Лапоть бросали за ворота. В деревне ограда. И вот лапоть бросят. В какую сторону упадёт лапоть, в ту сторону замуж выйдешь;*

5) могут называть самца или самку животного одного вида: **имать (ловить) овец и имать баранов** (гадание, цель которого – узнать, выйдет гадающая замуж или нет): *Баранов считали ходили имали тут. Имали. Поймашь если барана дак, значит замуж выйдешь, а ягушку – и нет; выпускать, кормить петуха, и выпускать куру (гадание с кучками зерна по числу гадающих, цель которого – узнать, кто из гадающих первым выйдет замуж): *В деревне гадают – петуха выпускают. С зерном наложат, ну, сколько нас человек. Пять – пять кучек наложат в разные стороны. Петушка выпустят. Чью вперед кучку будет клевать, та вперед и замуж выйдет.**

Основной именной компонент ФЕ выявляется нами по различным основаниям. Например:

1) В названии гадания, в процессе которого гадающие смотрят на луну или месяц в зеркало, основным вариантом является слово *луна*. Во-первых, слово *месяц* является многозначным и потому ФЕ, включающая в свой состав этот компонент, может быть неверно истолкована; во-вторых, слово *месяц* в значении ‘небесное тело’ называет луну, находящуюся только в определенной фазе.

2) В названии гадания, где участвует петух или курица, основным вариантом является слово *петух*. Кроме того, что оно чаще используется, оно отражает народное сознание: в гадании, с помощью которого девушки хотят узнать, кто из них выйдет замуж первой или каким будет муж, петух, являясь самцом, символизирует мужчину, делающего выбор. Аналогично в гадании с бараном: гадающие хотят выйти замуж, поэтому стремятся поймать барана, самца, что обещает скорое замужество. Таким образом, в названии гадания с участием овец и баранов основным вариантом является слово *баран*.

3) В названии гадания, в процессе которого гадающие бросают обувь со своей ноги (валенок, лапоть, сапог, башмак), основным вариантом является слово *валенок*. Во-первых, оно употреблено в значительно большем количестве контекстов, чем другие варианты; во-

вторых, это гадание является святочным, а так как Святки зимний праздник, скорее всего, в этом типе гадания использовалась зимняя обувь, то есть валенки. Лексема *сапог* появилась, скорее всего, под влиянием современных жизненных реалий, лексема *валенки*, напротив, выражает стремление говорящего придать объекту повествования архаичность.

Вариативность глагольного компонента. Глагольный компонент во всех тематических группах варьируется. Были выделены следующие типы связи между взаимозаменяемыми компонентами:

1) глагольные компоненты являются формальными вариантами:

– образуют видовые пары: *захватить тын и захватывать тын* (гадание, цель которого – узнать, богатым будет муж или бедным): *Вот тын, вот этак вот захватишь*: «Пуд или сусек, пуд или сусек, пуд или сусек» – *если скажут пуд – ой, бедный, по пудом-от хлеба-то увидит, а если сусек, так от богатой*;

– представлены возвратной и невозвратной формами: *смотреться в зеркало* и *смотреть в зеркало* (гадание, цель которого – увидеть будущее): *В бане не гадывали, в избе. Вот в зерькало так в избе смотришься*.

В следующих пунктах рассмотрены типы лексического варьирования глагольных компонентов:

2) глаголы являются синонимами: *ходить с сочнем* и *идти с сочнем* (гадание, цель которого – узнать имя будущего мужа): *Завтра Сочельник, например. Утром надо идти с сочнем, а кто навстречу попадётся, то и имя будет*; *имать овец (баранов)* и *ловить овец* (гадание, цель которого – узнать, выйдет гадающая замуж или нет): *Овец ловили. А вот барана поймаешь, так замуж выйдешь*;

3) глаголы не являются синонимами, но относятся к тематически однородной группе лексики: *лечь яичко*, *бросать яичко* и *разбивать яичко* (гадание, цель которого – узнать о том, что ждет гадающего в предстоящем году): *Как-то яичко в стакан бросали. Его мешают. Если яичко устоится, кому церковь покажется, кому могила, кому чё. [А если церковь?] Замуж выйдет*;

4) глаголы называют разные этапы одного действия: *скать сочни* и *ходить (идти) с сочнем* (гадание, цель которого – узнать о том, что ждёт гадающего в предстоящем году, по подслушанным звукам): *У нас называются сочни скёшь. Вот бегаешь слушаться*.

Несмотря на то что сочетания, представленные в картотеке только одной единицей, не обладают такой чертой ФЕ, как воспроизводимость, они также рассматривались как ФЕ, так как имеют такую же структуру, как и сочетания, входящие в тематические группы. Например: *дойти солому* (гадание, цель которого – узнать имя будущего мужа): *Солому дошли... Эту длинную солому, вот её*

наложишь так, на солому положат таз, в таз положишь воду. Вот так эту солому берёшь, руки мочишь и доишь. И получается имя какое [звук].

В рамках ФЕ ТГ «Народные гадания» наблюдаются явления имплицитности (тенденция к уменьшению числа компонентов до одной единицы) и эксплицитности (тенденция фразеологизма к увеличению числа компонентов) [Мокиенко, 1980, 76]. Так, ФЕ *слушать(ся) под окном (на росстани)* часто сокращается до одного слова *слушать(ся)*. Эксплицирование происходит по модели: меньшая единица → большая единица. При этом значение ФЕ остается прежним, дополнительные компоненты лишь конкретизируют его. В одних случаях подобная конкретизация является значимой, в других конкретизирующий компонент вытекает из семантики одного из обязательных членов ФЕ и делает эти ФЕ плеонастическими: *закрывать вёдра на замок* (гадание, цель которого – увидеть жениха во сне): *Вёдра на замок закрывали (или умывальник). Если парень во сне приснится, попросит лошадь напоить, за того замуж и пойдёшь.* В большинстве случаев дополнительный компонент распространяет глагол, вступая с ним в обстоятельственные отношения, указывает на место помещения объекта: *садить кошку в решето* (гадание, цель которого – узнать, каким будет муж): *И кошку ещё в решето садили и её раскруживали в нём. А потом она выбегала. Если под стол побежит, то муж будет бедный; наливать воду в ложки* (гадание, цель которого – узнать, будет ли муж пьяницей): *В Крещение наливали в ложки воду. И на улицу выносили. У кого муж пьяница будет – вода не застывала, у кого хороший – застывала; садить таракана в напёрсток* (гадание, цель которого – увидеть во сне, какой будет жизнь в замужестве): *Ещё я таракана в напёрсток садила, за пазуху клала. Вижу во сне – дом высокий, печь высокая, народу много. У нас в деревне таких домов не было. А потом как посватались, приехала я сюда, вижу этот дом и думаю: вот куды меня таракан уволок; ложить хлебушек под подушкой* (гадание, цель которого – увидеть во сне жениха): *И вот под подушкой ложили этот, хлебушек. Обязательно приснится. Если добрый [будет жених], приснится парень добрый, если плохой – то плохой; пускать кольцо в стакан, спускать кольцо в воду* (гадание, цель которого – увидеть будущее): *Только кольцо золотое в воду спускали. Ну, стакан воды. Туда спустишь. Ну, человек покажется какой-ко там, как в кольце; на образ действия, совершаемого над предметами: раскладывать поленья по парам* (гадание, цель которого – узнать, выйдет ли гадающая в этом году замуж): *Из чужой поленицы брали оханку поленьев, потом раскладывали по парам. Если всё по парам, то в этом году выйдешь замуж, а если останется одно полено, то одна останешься; на цель*

действия, выраженного глаголом движения: *ходить с сочнем по воду* (гадание, цель которого – узнать имя будущего мужа): *А чё-то опять с сочнем ходили. В Сочельник, накануне Рождества, когда Сочельник-от. Испекут сочень и идут по воду. Значит, кто попадёт встречу, как зовут, так и будет жениха звать.*

В говорах Чердынского района Пермского края и близкорасположенных Соликамского и Красновишерского районов функционирует значительное количество фразеологических сочетаний, представляющих собой названия народных гаданий. При единстве плана содержания эти ФЕ могут иметь значительные различия в плане выражения, что вызывает трудности при лексикографическом анализе материала.

Рассмотренный материал интересен для изучения как в этнографическом (как часть народной культуры), так и в лингвистическом аспектах (как фразеологические сочетания) и потому должен быть отражен в «Словаре чердынских говоров».

Список литературы

Виноградов В. В. Об основных типах фразеологических единиц в русском языке. // Виноградов В. В. Лексикология и лексикография. Избранные труды. М.: Наука, 1977. – С. 140 – 161.

Забьлин М. Русский народ. Его обычаи, обряды, предания, суеверия и поэзия. Репринтное воспроизведение издания 1880 г. М.: Совместное советско-канадское предприятие «Книга принтшоп», 1989

Ивашко Л. А. Очерки диалектной фразеологии. Ленинград: Издательство Ленинградского университета, 1981.

Коготкова Т. С. Русская диалектная лексикология. М.: Наука, 1979.

Мокиенко В. М. Славянская фразеология: учеб. пособие для филол. специальностей ун-тов. М.: Высшая школа, 1980.

Орел В. М. Полисемия и омонимия фразеологизмов. // Русское слово в языке и речи (сборник статей). Выпуск 2. Кемерово: Издательство Кемеровского университета, 1977. – С. 63 – 72.

Слова с корнем *бел-* в лексике и фразеологии пермских говоров

С.А. Шмаков

Лексика пермских говоров содержит множество слов с корнем *бел-*, который привносит в эти слова различные значения. Опираясь на материалы «Словаря пермских говоров» под ред. *А.Н. Борисовой*,

К.Н. Прокошевой, «Фразеологического словаря пермских говоров»
К.Н. Прокошевой, «Словарь говора деревни Акчим Красновишерского
района Пермской области» под ред. Ф.Л. Скитовой и других, мы
можем представить большой круг единиц, содержащий корень *бел-*.

Существительные с данным корнем, содержащие разные аффиксы,
могут обозначать одинаковые явления действительности. Так, слова
белёк, *беляк*, *белоголовик* означают 'белотелый, крепкий, здоровый
ребенок', а *бёлка*, *беляна*, *белуха* – 'белокурая, светлая женщина'. Это
явление можно объяснить тем, что для названия какого-либо понятия
или лица при выборе суффикса говорящий опирается на необходимость
выразить принадлежность к роду или полу (-ёк, -як, -ячок указывают на
мужской род, -к(а), -ян(а), -ух(а) – на женский).

Встречаются и многозначные слова: *бель* 'белизна', 'лещевая
порода рыбы', *белыш* 'белая часть глазного яблока', 'яичный белок',
'белый хлеб', *беляна* 'название и кличка, даваемые корове белой
масти', 'баржа для перевозки дров', 'сваха невесты'. Основная масса
лексем имеет в своей семантике указание на цвет (*белоробкий* 'с белым
лицом', *белощанник* 'тот, кто ходит в белых штанах'), а в словах
беломбить 'очищать от грязи', *белёсны* 'выстиранное бельё' *бел-*
означает 'чистый'.

Наличие фонетических диалектизмов (*бѣливать*, *бѣлый*) связано с
типичной особенностью пермских говоров: **Ѣ** под ударением после
мягкого переходит в *и*. Появление собственно лексических
диалектизмов (*белогуб* 'заболевание слизистой оболочки, языка,
пищевода у грудных детей', *белкование* 'охота на белку') обусловлено
некоторой уникальностью явлений. Семантические диалектизмы
(*беліла* 'сметана, молоко как приправа к кушанью, питью', *белмо*
плохо соображающем') рождаются, скорее всего, из-за многозначности
корня *бел-*.

Разнообразии суффиксов в представленных выше словах является
следствием экспрессивности, яркой стилистической окрашенности
живой народной речи. Будучи семантическим ядром слова, корень *бел-*
присоединяет к себе суффиксы разных значений, включая
уменьшительно-ласкательные, как в словах *белёшенько*, *белышбк*,
белянушка, *белявочка*, *беленько* и других. Практически повсеместное
наличие у предметов, людей, животных признака цвета (в данном
случае, белого) образует большое пространство для образования новых
слов, для передачи такой важной внешней характеристики.

Прилагательное *белый* стало входить в состав устойчивых
словосочетаний еще в древнерусском языке, и этот процесс
продолжается до сих пор. Из большого числа фразеологизмов
современных пермских говоров можно выделить такие, как *в белой
майке идти* 'пользоваться привилегиями', *белые земли искать*

‘искать легкой жизни’, *на белу улицу выводить* ‘оставлять без крова’, *белые дрова* ‘берёзовые дрова’. В первых двух выражениях у слова *белый* проявляется значение ‘легкий, лучший, благополучный’, которое перекликается со значением этого слова во фразеологизме литературного языка *как белые люди* ‘комфортабельно, благоустроенно’. Во вторых двух фразеологизмах *белый* означает ‘чистый, светлый, цвета снега или мела’ (ср. *белый свет обезжать*).

Другие части речи с корнем *бел-* также представлены во фразеологизмах: *болтаться, как бельё на верёвке* ‘жить без присмотра’, *бель белевá* ‘чрезвычайно чисто’, *белыши выворачивать* ‘работать с большим напряжением’ и др. Круг ситуаций, в которых употребляются эти словосочетания, судя по всему, очень широк, и это объясняется, прежде всего, фундаментальностью значения корня *бел-*.

Список литературы

Большой толковый словарь русского языка / Под ред. С.А. Кузнецова. СПб, 2000. С. 70-71, 411, 652.

Прокошева К.Н. Фразеологический словарь пермских говоров. Пермь, 2002.

Словарь говора деревни Акчим Красновишерского района Пермской области / Под ред. Ф.Л. Скитовой. Пермь, 1984. Вып. 1.

Словарь пермских говоров / Под ред. А.Н. Борисовой, К.Н. Прокошевой. Пермь, 2000. Вып. 1.

Сведения об авторах

1. Бакланова Ирина Ивановна, кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой русского языка Пермского государственного педагогического университета.
2. Богачева Мария Владимировна, кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры методики начального обучения Пермского государственного педагогического университета.
3. Бушмелева Юлиана Сергеевна, студентка 4 курса филологического факультета Пермского государственного университета.
4. Гайдамышко Роман Валентинович, студент 4 курса филологического факультета Пермского государственного университета.
5. Грузберг Людмила Александровна, кандидат филологических наук, доцент кафедры общего и славянского языкознания Пермского государственного университета.
6. Десяткова Светлана Васильевна, студентка 4 курса филологического факультета Пермского государственного университета.
7. Зверева Юлия Владимировна, кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры методики начального обучения Пермского государственного педагогического университета.
8. Кудымова Илона Павловна, учитель русского языка и литературы МОУ СОШ № 115 г. Перми.
9. Курникова Анна Владимировна, выпускница филологического факультета Пермского государственного университета, руководитель диалектологических экспедиций ПГУ 2001-2005.
10. Малышева Вера Артуровна, кандидат филологических наук, доцент кафедры общего и славянского языкознания Пермского государственного университета.
11. Мишланов Валерий Александрович, доктор филологических наук, профессор кафедры речевой коммуникации, профессор кафедры общего и славянского языкознания Пермского государственного университета.
12. Подюков Иван Алексеевич, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой общего языкознания Пермского государственного педагогического университета.
13. Рассанова Лидия Сергеевна, студентка 4 курса филологического факультета Пермского государственного университета.

14. Русинова Ирина Ивановна, кандидат филологических наук, доцент кафедры общего и славянского языкознания Пермского государственного университета.
15. Сироткина Татьяна Александровна, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка Пермского государственного педагогического университета.
16. Черных Александр Васильевич, кандидат филологических наук, доцент кафедры древней и новой истории России Пермского государственного университета, старший научный сотрудник Пермского филиала Института истории и археологии Уральского отделения РАН.
17. Шкураток Юлия Анатольевна, аспирант кафедры общего и славянского языкознания Пермского государственного университета.
18. Шмаков Сергей Александрович, студент 4 курса филологического факультета Пермского государственного университета.

Научное издание

Живая речь Пермского края в синхронии и диахронии: материалы и
исследования

Редактор И.И. Русинова
Технический редактор Г.П. Богатырев

Корректоры И.И. Русинова, Л.С. Рассанова
Компьютерная верстка Л.С. Рассанова, Ю.В. Зверева

Подписано в печать Формат
Усл. печ. л.
Тираж 250 экз. Заказ №

Редакционно-издательский отдел
Пермского государственного университета
614990, г. Пермь, ул. Букирева, 15

Отпечатано с оригинал-макета на ризографе
предпринимателем П.Г.Богатыревым
Свидетельство ВГ № 16396 от 06.08.98,
выданное адм. Свердловского района г. Перми

Адрес: г. Пермь, ул. Пушкина, 110, оф. 122
Тел.: 236-53-43, тел/факс 236-53-53
e-mail: ld36@yandex.ru